

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Актуальная археология 6

Материалы международной научной конференции молодых ученых

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Актуальная археология 6

Материалы международной научной конференции
молодых ученых
Санкт-Петербург, 4–7 апреля 2022 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2022

УДК 902/904
ББК 63.4
Б98

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН

Рецензенты:

к. и. н. О. И. Богуславский (ИИМК РАН), к. и. н. Е. А. Черленок (СПбГУ)

Редакционная коллегия:

М.И. Бажин, А.А. Бессуднов, В.С. Бочкарев, В.С. Бусова,
Ю.А. Виноградов, А.М. Киселева (отв. редактор), А.И. Климушина,
Т.В. Корнева, В.Н. Кузнецова, А.В. Курбатов, А.Р. Лада, В.М. Лурье,
А.И. Мурашкин, Н.Ю. Смирнов, С.Л. Соловьев, К.Н. Степанова,
Е.С. Ткач, О.А. Щеглова

Актуальная археология 6

Материалы международной научной конференции молодых ученых.

Санкт-Петербург, 4–7 апреля 2022 г. – СПб:

ИИМК РАН, 2022. – 350 с. : ил.

Сборник содержит материалы докладов, представленных на международной научной конференции молодых ученых «Актуальная археология 6», прошедшей в Институте истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург) 4–7 апреля 2022 г. Представленные доклады охватывают различные направления исследовательской деятельности молодых специалистов. Сборник разделен на тематические разделы, посвященные актуальным проблемам источниковедения, результатам полевых исследований, междисциплинарным исследованиям, современным подходам к реставрации археологических коллекций и истории археологической науки. Издание предназначено для историков, археологов, студентов и аспирантов археологических специальностей и всех интересующихся историей и археологией.

ISBN 978-5-6047952-1-7

DOI.org/10.31600/978-5-6047952-1-7

© Институт истории материальной культуры РАН, 2022

© Коллектив авторов, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Палеолит и мезолит

Сравнительный анализ сегментов из эпипалеолитических и неолитических комплексов запада Центральной Азии	13
<i>Алишер кызы С., Шнайдер С. В.</i>	
Сравнительный анализ мезолитических комплексов лесостепного и лесного Среднего Поволжья	16
<i>Бурьгин М. А.</i>	
Первичное расщепление каменного сырья в индустрии средней поры верхнего палеолита культурного слоя 3 стоянки Усть-Менза 6 (Западное Забайкалье)	19
<i>Викуллова Н. О.</i>	
Кремневые артефакты из горизонтов водно-ледниковых отложений на территории Беларуси: к постановке проблемы	23
<i>Горшков А. Д.</i>	
Типология скребков мезолитической стоянки Малоокуловская-3 (Нижегородская область)	27
<i>Гусева Д. В.</i>	
Скрепки финальноверхнепалеолитического культурного горизонта поселения Тайлеп-2 (Кузнецкая котловина)	30
<i>Деревнина А. С.</i>	
Техники микропластинчатого производства в финальнопалеолитических слоях местонахождения Верхоленская Гора I (Байкальская Сибирь)	33
<i>Золотарев Д. П.</i>	
К вопросу о среднепалеолитической атрибуции материалов стоянок Коршево I и Коршево II на Верхней Десне	36
<i>Иванов Я. Д.</i>	
Результаты эксперимента по использованию костяной иглы для перфорации кожи тонкой выделки	40
<i>Керик А. Д.</i>	
Результаты археологической разведки на территории Краснолиповского сельского поселения	43
<i>Клименко П. Г.</i>	
Предварительные результаты изучения коллекции каменного инвентаря палеолитической стоянки Ирба 2	47
<i>Корнева Т. В.</i>	

Скребки в инвентаре стоянки Каменная Балка I	50
<i>Кузьмина Ю. В.</i>	
Использование рога в индустрии раннего верхнего палеолита по материалам памятника Костенки 14, слой IVb	53
<i>Куприянова М. Д.</i>	
Галечные орудия индустрии грота Ахцу в контексте позднеплейстоценовых-раннеголоценовых индустрий Кавказа	57
<i>Любимов Н. А., Кулаков С. А.</i>	
Есен-2 – древнейшая специализированная мастерская палеолита Северного Узбекистана	59
<i>Мадреймов Б. Д.</i>	
Естественная сортировка находок в археологических слоях терминального среднего – ранних этапов верхнего палеолита Центральной Монголии	61
<i>Марченко Д. В., Хаценович А. М., Рыбин Е. П.</i>	
К проблеме идентификации отходов бифасиального производства в индустриях верхнего палеолита: опыт экспериментального моделирования на алтайском сырье	66
<i>Михиенко В. А.</i>	
Трехмерное моделирование как инструмент исследования каменных ударно-абразивных орудий эпохи палеолита	69
<i>Селецкий М. В.</i>	
Кремневый инвентарь средневожской культуры (по материалам стоянки Лужки II)	72
<i>Сомов А. В.</i>	
Коллекция обработанной кости стоянки Костенки 11 (слой Ia) в фондах музея-заповедника «Костенки» (из раскопок А. Н. Рогачева)	75
<i>Толстых Д. С.</i>	
Местонахождения каменного века рядом с х. Алтубинал	78
<i>Ферапонтов А. И.</i>	
Украшения верхнего палеолита как объект археологического исследования	83
<i>Федорченко А. Ю.</i>	

Неолит и энеолит

Технико-технологический анализ керамики стоянки Паратское XII	86
<i>Андреева О. В.</i>	

Изучение степени изношенности гребенчатых штампов из дерева при нанесении орнамента на глиняные сосуды	89
<i>Давыдова Т. С.</i>	
О неолитическом периоде в Северном Прикаспии	91
<i>Игнатьев Ю. И., Попов А. С., Дога Н. С.</i>	
Комплексы раннеолитической керамики на Кольском полуострове	94
<i>Киселёва А. М.</i>	
К вопросу о сходстве раннеолитической керамики Марийского Поволжья и Камско-Вятского междуречья	100
<i>Кудашов А. С.</i>	
Итоги исследования керамических комплексов стоянок раннего неолита близ д. Сокольный (Республика Марий Эл)	103
<i>Пантелеева Т. Ю.</i>	
Классификация энеолитических бусин Северного Кавказа (по материалам поселенческих и погребальных памятников)	106
<i>Пономаренко А. С.</i>	
Отпечатки шнура-орнамента на керамике многослойного поселения Сертея II (V–III тыс. до н. э.)	110
<i>Ринейская Т. С.</i>	
Результаты экспериментальной проверки гипотезы по конструированию неолитических сосудов посольского типа	112
<i>Уланов И. В., Уланова А. В.</i>	
Стоянка Инышко 5 в горно-лесном Зауралье	115
<i>Яковлева Е. С.</i>	

Бронзовый век

Проблема определения грунтовых могильников на примере памятников катакомбной общности	118
<i>Александренкова М. Г.</i>	
Амулеты из подъязычной кости алакульской культуры (вопросы атрибуции)	121
<i>Валавин Н. А.</i>	
Стратегии расселения носителей культур бронзового века Верхней и Средней Камы	125
<i>Демаков Д. А.</i>	
Орнаментальные традиции срубной керамики Южного Зауралья по материалам поселения Таналык	127
<i>Ежова Е. В.</i>	

Каменный топор из коллекции фонда музея археологии БашГУ им. Н. А. Мажитова	132
<i>Ишегулов А. Д.</i>	
Оружие из погребений некрополя эпохи поздней бронзы – раннего железа Азизтепе (Азербайджан)	135
<i>Кириченко Д. А., Наджафов Ш. Н.</i>	
Археологические раскопки на поселении Ливенцовское I в 2021 г.	138
<i>Ларенок О. П.</i>	
«Курганы» из Чертковского и Миллеровского районов Ростовской области (по материалам инвентаризации 2019 г.)	141
<i>Ларенок П. А.</i>	
Окуневцы: охотники или скотоводы?	145
<i>Лурье В. М.</i>	
Особенности погребальной практики у носителей одиновской культуры на памятнике Усть-Тартас-2	148
<i>Некраш А. А.</i>	
Хронология металлических топоров с гребнем на обухе эпохи бронзы с территории Казахстана, Средней Азии и Сибири	150
<i>Сычева О. В.</i>	
К вопросу об относительной хронологии памятников срубной культуры Нижнего Подонья	154
<i>Шибанова Д. А.</i>	

Ранний железный век

Опыт применения геоинформационных методов для описания системы расселения в Верхнем Подвинье в середине I тыс. н. э.	156
<i>Бажин М. И.</i>	
Поселение Озьяг V (итоги работ 2019 г.)	160
<i>Белицкая А. Л.</i>	
Об одном типе железных конских налобников у ранних кочевников Южного Урала	164
<i>Вильданова Е. В.</i>	
Золотые бляшки с изображением головы кабана из погребальных памятников Среднего Подонья скифского времени	167
<i>Володин С. А.</i>	

Селище «Зарайск-3» – новый памятник раннего железного века в окрестностях г. Зарайск	170
<i>Галкин Т. О., Сироштан И. И.</i>	
Предварительные результаты археологического исследования поселений Акбауыр раннесакского периода ...	174
<i>Жунисханов А. С.</i>	
Роговые орнаментированные рукояти таштыкских плетей Хакасско-Минусинской котловины: морфологический и технологический анализ	176
<i>Половников И. С.</i>	
Раскопки верхнего слоя стоянки «Кладбищенская балка» (Хотылёво 2) в 2020 г.	179
<i>Рябчевский Н. Г.</i>	
Пластины с двойными лошадьми сяньбэй: от истоков к деталям	183
<i>Трубникова В. Б.</i>	

Античность

Историко-географический обзор Сурхандарьи эллинистического времени (конец IV – конец II вв. до н. э.)	186
<i>Базаров Б. Б.</i>	
Символический язык позднеантичной синагоги в нижнем городе Сепфориса	189
<i>Болотникова М. В.</i>	
Особенности расположения фортификационных сооружений на территории Боспорского царства в римское время	191
<i>Литвинова М. К.</i>	
Вопросы хронологии Маркульского городища в свете новых открытий 2021 г.	194
<i>Юрков В. Г., Клемешова М. Е., Требелева Г. В.</i>	

Средневековье

Редкое глазурованное блюдо XII в. из Пенджикента	197
<i>Аминов Ф. Ш.</i>	
Динамика заселения бассейна р. Моква в IX–XIII вв.	200
<i>Балашов А. А.</i>	
Железные кресты из материалов могильника Гоуст (раскопки В. И. Долбежева 1889 г.)	204
<i>Гончаров С. А.</i>	

О новых находках монет Дерптского епископства в Псковской области	207
<i>Горлов К. В.</i>	
Тайник ювелира из фондов Минусинского музея как свидетельство тюркско-кыргызского культурного взаимодействия	210
<i>Давыдов Р. В.</i>	
Раннесредневековое погребение из некрополя Горгиппии (по материалам раскопок 1954 г.)	214
<i>Евсюков С. В.</i>	
Идентификация оттисков одной матрицы на донцах гончарных сосудов Переяславля Рязанского	218
<i>Киреев П. С.</i>	
Эволюция мордовских топоров в эпоху Золотой Орды	221
<i>Козлов Д. А.</i>	
Находки шиферных пряслиц на территории Пермского Предуралья	225
<i>Кузнецов В. Е.</i>	
Стеклянные браслеты древнерусского города Турова (по результатам исследований 1968 г.)	228
<i>Кухарева Е. А.</i>	
Курганный могильник Камено-1 в свете новых исследований	231
<i>Маковская В. А.</i>	
Берестяные коробочки в погребениях средневековых могильников Пермского Предуралья	234
<i>Моряхина К. В.</i>	
К рассмотрению типов ручек керамических лепных котлов Пенджикента в период V–VIII вв. н. э.	237
<i>Пулотов А. Г.</i>	
Особенности реконструкции средневековых строений хозяйственного назначения (по материалам селища Нижние Шелаболки)	241
<i>Скулкин Д. Р.</i>	
Реконструкция женского ювелирного костюма культуры смоленско-полоцких длинных курганов (по материалам раскопок некрополя Навры II в 2017–2020 гг.)	244
<i>Тарасевич В. Н.</i>	
Средневековое Зауралье в контексте культурных связей (к анализу восточноевропейского импорта)	247
<i>Третьяков Е. А.</i>	

Деревянные предметы из древнекорякских погребений с мысов Братьев и бухты Малой Астрономической (Северное Приохотье) по материалам исследований 2020–2021 гг.	250
<i>Харитонов Р. М., Лебединцев А. И.</i>	

Новое время

Предметы игр из культурного слоя Челябинска XIX – начала XX в.	254
<i>Букачѐва А. О., Яковлева Е. С.</i>	
Новый могильник XVIII–XIX вв. в Удмуртии: характеристика монет	257
<i>Окишев Д. Е.</i>	
Краткий обзор итогов археологического изучения Перми	260
<i>Романова Л. Е.</i>	
Сапоги из погребений Троицкого (Нагорного) кладбища Ижевска (1810–1930-е гг.)	262
<i>Смердова П. А.</i>	
Печное убранство гражданских построек Московского кремля конца XVI – второй XVII в. (по результатам работ 2010–2011 гг. в Грановитой палате)	265
<i>Туганова Д. С.</i>	
Венчик как элемент православного погребального обряда (по материалам кладбища Ново-Тихвинского женского монастыря)	268
<i>Яковлева Е. А.</i>	

Междисциплинарные исследования в археологии

Палеопочвенные исследования на городище «Михайловский кордон» в Воронеже	271
<i>Арсенова Н. Е., Потапова А. В., Каширская Н. Н.</i>	
Возможности применения палинологического анализа для пещерных археологических памятников	275
<i>Алексейцева В. В.</i>	
Современные методы документирования в условиях Крайнего Севера: опыт экспедиции Института археологии по изучению наскальных рисунков на р. Пегтымель (Чукотский автономный округ)	277
<i>Зиганишина А. А.</i>	

Развитие применения методов 3D-моделирования в археологии (библиографический анализ)	280
<i>Пугачева Е. В., Лада А. Р.</i>	
Фосфор на археологических памятниках: формы, количество (на примере поселения катакомбной культуры)	283
<i>Потапова А. В.</i>	
Геоэкология неолитических археологических памятников Карельского перешейка по данным геохимических исследований	286
<i>Стрельцов М. А., Кулькова М. А.</i>	
Элементный состав украшений из могильника Сухой Лог неволинской археологической культуры	289
<i>Черных А. А.</i>	

Современные подходы к реставрации археологических коллекций

Консервация железных изделий, собранных на территории Краскинского городища (Приморский край)	292
<i>Балагурова А. В.</i>	
К вопросу об анализе состояния и сохранении археологической керамики из коллекции Танкеевского могильника (Музей археологии Республики Татарстан)	295
<i>Валеева В. А., Каплан П. Ю.</i>	
Полевая консервация археологических находок из медных сплавов в сочетании с органическими материалами	300
<i>Мурзина С. Р.</i>	
Реставрация свинцовых западноевропейских пломб на материалах раскопа на территории посадской части Свияжска	302
<i>Садриев Н. Р., Федан П. В.</i>	
Височные украшения с Танкеевского могильника. Исследование и реставрация	306
<i>Федан П. В., Садриев Н. Р.</i>	

История археологической науки

«Неолит Казахстана»: неопубликованная монография С. С. Черникова. Краткая характеристика источника	310
<i>Белова А. В.</i>	

История археологического изучения раннесредневековой славянской колонизации Вислянских Жулав (Восточное Поморье)	312
<i>Болонин И. А.</i>	
Работа Императорской Археологической комиссии со случайными археологическими находками из центрального Черноземья (по материалам опубликованных отчетов)	315
<i>Городцова Ю. Н.</i>	
Историко-культурное зонирование территорий в системе охраны объектов археологического наследия: опыт, проблемы и перспективы развития на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югры	318
<i>Девяткина Е. Н., Агафонов Д. Г.</i>	
Влияние центральноазиатских народов на наскальное искусство Северной Индии в эпоху раннего железного века: историографический аспект	321
<i>Денисенко В. Л.</i>	
Русские древности в произведениях отечественных художников второй половины XIX – начала XX в.	323
<i>Дрёмова П. С.</i>	
Вклад С. И. Руденко в изучение керамической посуды из курганов пазырыкской культуры	326
<i>Му Ц.</i>	
Открытие и изучение на Алтае памятников скифо-сакского времени в 1920-е гг.	329
<i>Новожилова Е. Н.</i>	
Проблемы относительной хронологии Кафыркалы Колхозабадской (Таджикистан)	331
<i>Паришито В. А.</i>	
Письма М. П. Грязнову в Музее археологии и этнографии ОмГУ	334
<i>Стяжкина О. В.</i>	
Начальный этап археологического изучения Пенджикента (Таджикистан)	337
<i>Элмуродов Л. Х.</i>	
Список авторов	340
Список сокращений	347

Палеолит и мезолит

Сравнительный анализ сегментов из эпипалеолитических и неолитических комплексов запада Центральной Азии

Алишер кызы С., Шнайдер С.В.

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
Saltanat.alisher.kyzy@gmail.com*

Ключевые слова: *Центральная Азия, эпипалеолит, неолит, микролиты, сегменты*

Геометрические микролиты считаются ярким культурно-хронологическим маркером археологических комплексов каменного века. В центральноазиатском регионе была прослежена следующая хронологическая схема изменчивости формы геометрических микролитов: неравносторонние треугольники – прямоугольники – сегменты – трапеции (Шнайдер и др., 2020). Ранние микролитические формы в виде неравносторонних треугольников фиксируются в комплексах кульбулакской культуры, датированных в пределах 31–21 кал. тыс. л.н. (Kolobova et al., 2019). Геометрические микролиты в форме сегментов характерны для эпипалеолитических комплексов Восточного Прикаспия и горной части Центральной Азии и датируются в пределах 15–9 тыс. л.н. (Алишер кызы и др., 2020; Shnaider et al., 2020). Также сегменты представлены в материалах неолитической джейтунской культуры в хронологическом диапазоне 9–7 тыс. л.н. (Массон, 1971; Коробкова, 1996). Ранее высказывалась точка зрения, согласно которой отличительной чертой комплексов Восточного Прикаспия являются геометрические микролиты крупных пропорций (ок. 40 мм в наибольшем измерении), на основе чего предлагалось относить эти индустрии к триалетской культуре (Kozlowski, 1996).

Настоящая работа посвящена результатам детального анализа сегментов из эпипалеолитических комплексов Центральной Азии и сравнению их с сегментами джейтунской культуры. В исследовании нами были применены следующие типы анализов: технико-типологический, статистический и геометрико-морфометрический.

В результате анализа микролитов из материалов Восточного Прикаспия (грот Дам-Дам-Чешме-2, сл. 5) и Гиссаро-Алая (Оби-Киик и Туткаул, гор. 2а) было установлено, что их технико-типологические характеристики в целом схожи. Сегменты всех трех эпипалеолитических комплексов были изготовлены на медиальных и медиально-дистальных частях

пластинчатых сколов, имеют слабо скрученный и прямой профиль, в качестве вторичной обработки для их оформления использовалась притупляющая ретушь. Среднее значение длины сегментов из Дам-Дам-Чешме-2 составляет 27,54 мм, из Туткаула (горизонт 2а) – 26,80 мм, из Оби-Киик – 22,44 мм, а из Джейтуна – 18,05 (табл. 1).

Таблица 1. Размер сегментов рассматриваемых в работе комплексов

Памятники	Кол-во	Среднее значение, длина (мм)	Стандартное отклонение	Медианное значение, длина (мм)	Коэфф. вариации
Дам-Дам-Чешме-2	14	27,80	8,20	26,50	29,50
Туткаул, горизонт 2а	19	24,10	6,70	23,00	28,05
Оби-Киик	9	22,44	4,40	24,00	19,70
Джейтун	10	18,50	3,60	18,08	19,67

Результаты сопоставления свидетельствуют о том, что размеры сегментов из эпилеполитических комплексов западной части Центральной Азии не имеют статистически значимых различий. При этом сегменты, представленные в джейтунской неолитической культуре, уступают по длине сегментам из эпилеполитических комплексов Восточного Прикаспия (рис. 1). Таким образом, результаты проведенного анализа показывают, что размеры, в частности длина сегментов, могут являться хронологическим маркером.

На основе проведенного геометрико-морфометрического анализа форм сегментов установлено, что сегменты комплексов Восточного Прикаспия и туткаульской линии развития отличаются по форме. В комплексах Восточного Прикаспия представлены преимущественно вытянутые сегменты, тогда как в туткаульских комплексах выделяется больше укороченных изделий с выпуклым ретушированным краем. Что касается сегментов из джейтунской культуры, их форма сильно отличается от эпилеполитических сегментов и характеризуется укороченными массивными пропорциями и слабоизогнутой дугой. Такая варибельность форм сегментов может объясняться для двух эпилеполитических комплексов разными стратегиями

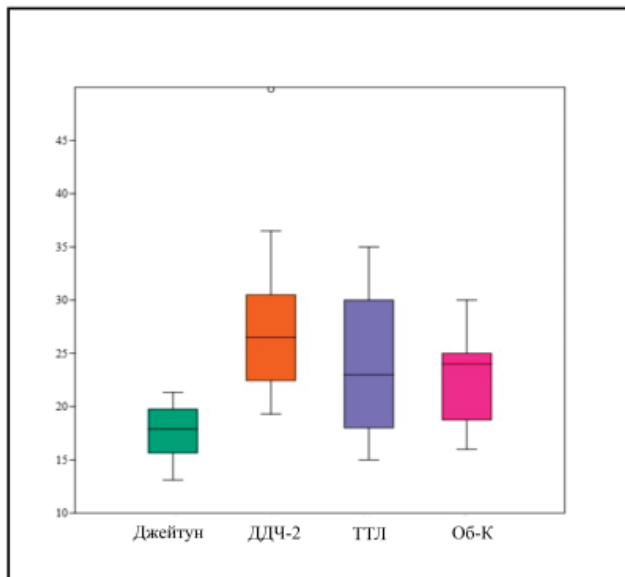

Рис. 1. Диаграмма размаха показателей длины сегментов рассматриваемых в работе комплексов

утилизации сырья. Отличие по форме и метрическим параметрам сегментов из эпипалеолитических и неолитических материалов может быть обусловлено функциональными различиями.

Таким образом, проведенные исследования говорят о том, что метрические характеристики сегментов не являются культуромаркирующим признаком, и крупные размеры сегментов характерны для эпипалеолитических комплексов западной части Центральной Азии в целом, тогда как более миниатюрные изделия характерны для неолитических индустрий.

Работа выполнена в рамках НИР FWZG-2022-0008 «Центральная Азия в древности: археологические культуры каменного века в условиях меняющейся природной среды».

Список литературы

- Алишер кызы С., Шнайдер С.В., Колобова К.А., Кривошапкин А.И., 2020. Новые данные по мезолиту Восточного Прикаспия: каменная индустрия грота Дам-Дам-Чешме-2 (по материалам раскопок А. П. Окладникова) // *Stratum Plus*. № 1. С. 257–278.

- Коробкова Г.Ф., 1996. Средняя Азия и Казахстан // Археология. Неолит Северной Евразии / под ред. С.В. Ошибкиной. М. С. 87–135.
- Массон В.М., 1971. Поселение Джейтун (проблема становления производящей экономики). М.; Л.
- Шнайдер С.В., Алишер кызы С., Марковский Г.И., 2020. Геометрические микролиты как культурный маркер на территории западной части Центральной Азии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. 26. С. 308–316.
- Kolobova, K. A., Krivoshekin, A. I., Shnaider, S. V., 2019. Early geometric microlith technology in Central Asia // Archaeological and Anthropological Sciences. Vol. 14. P. 1407–1419.
- Kozłowski S. K., 1996. The Trialetian ‘Mesolithic’ Industry of the Caucasus, Transcaucasia, Eastern Anatolia, and the Iranian Plateau // Neolithic Chipped Stone Industries of the Fertile Crescent, and their Contemporaries in Adjacent Regions / H. G. Hebel, S. K. Kozłowski (ed.). Berlin. P. 161–170.
- Shnaider S. V., Kolobova K. A., Filimonova T. G., Taylor W., 2020. New insights into the Epipaleolithic of western Central Asia: The Tutkaulian complex // Quaternary International. Vol. 535. P. 139–154.

Сравнительный анализ мезолитических комплексов лесостепного и лесного среднего Поволжья

Бурыгин М. А.

*Самарский государственный социально-педагогический
университет, Самара
burigin.maxim@yandex.ru*

Ключевые слова: мезолит, лесостепное Поволжье, лесное Среднее Поволжье, русско-луговская культура

Опорными мезолитическими стоянками лесостепного Поволжья являются стоянки Старо-Токская (Моргунова, 1983. С. 28), Чекалино II (Королев и др., 1997. С. 3), относящиеся к раннему мезолиту, и Красный Яр I (Ластовский, 1999. С. 4), Кочкари I (Бурыгин, 2020. С. 133), относящиеся к позднему мезолиту. Мезолит лесного Среднего Поволжья представлен памятниками русско-луговской культуры: стоянки Русско-Луговская II, Удельно-Шумецкое X, XII поселения (Никитин, 2018. С. 46–91).

Кремневая индустрия лесостепного Поволжья базируется на использовании местного однородного кремня хорошего качества серого цвета, в то время как в лесном Среднем Поволжье преобладает менее качественный валунный и желвачный кремль коричневого, вишневого и других цветов. На стоянках лесостепной зоны процент отходов производства

составляет не более 55%, лесной – более 80%. В лесостепном Поволжье кремневая индустрия носит выраженный пластинчатый характер (на всех памятниках орудия на пластинах составляют более 70%) с единичными орудиями на отщепах и сколах в позднем мезолите, а для лесного Среднего Поволжья характерен относительный паритет изделий на отщеповой и пластинчатой заготовках при небольшом преобладании пластин (50–60%). Ширина пластин на памятниках обеих групп составляет до 1,5 см. Сближает комплексы данных регионов традиция вторичной обработки изделий на пластинах, которая представлена в основном нерегулярной односторонней ретушью, в редких случаях встречается двусторонняя ретушь.

Нуклеусы в лесостепной зоне представлены торцевыми, конусовидными, призматическими формами, в единичных экземплярах выявлены карандашевидные и аморфные (бессистемного снятия), технология расщепления направлена на получение правильных пластин. В лесном Среднем Поволжье для получения пластин использовались торцевые, конусовидные, призматические ядрища.

Типологический набор орудий в обоих регионах достаточно ограничен. Однако большее его разнообразие характерно для памятников лесного Среднего Поволжья. Скребки в лесостепной зоне в подавляющем большинстве представлены изделиями на пластинах с прямым и округлым рабочим краем, иногда дублированными формами, редко выполнены на продольных сколах и отщепах. Для русско-луговской культуры лесного Среднего Поволжья характерно преобладание скребков на отщеповой заготовке или осколке кремня, которые по оформлению рабочего лезвия могут быть отнесены к концевым, конце-боковым, с лезвием на 3/4 периметра или к другим формам; на долю концевых скребков на пластинах в среднем приходится около 30%. Резцы обоих регионов в основном были выполнены на углу сломанной пластины. В лесном Среднем Поволжье изредка встречаются срединные и ретушные резцы, не характерные для лесостепной зоны. В лесостепном Поволжье ножи выполнены на достаточно узких пластинах, в то время как в лесном Среднем Поволжье заготовками для них зачастую выступали крупные плоские отщепы и массивные пластины, обработанные односторонней ретушью. Для обоих регионов характерны близкие типы перфораторов (сверла, остря, проколки) и скобелей, представленные изделиями на пластинах и продольных сколах. Отличительной чертой кремневой индустрии русско-луговской культуры лесного Среднего Поволжья является широкое использование рубящих орудий разнообразной формы и размеров с частичной или полной шлифовкой поверхности (топоры, тесла, долота), большинство из них изготовлены из сланца, доломита,

песчаника и известняка. При этом в лесостепной зоне рубящие орудия появляются лишь в конце мезолитической эпохи и выполнены исключительно на кремневых заготовках, а шлифованное изделие найдено только в одном экземпляре.

Наконечники, которые использовало населения лесного Среднего Поволжья, весьма разнообразны, основная их часть изготовлена на пластинах и имеет листовидную или ланцетовидную форму, при этом в мезолите лесостепного Поволжья были выявлены только единичные изделия постсвидерского типа. Наконец, во многих мезолитических комплексах лесной части Среднего Поволжья выделяются каменные изделия, видимо, связанные с появлением групп степного населения: трапеции, сегменты, прямоугольники, скошенные острия (Вискалин, 2011. С. 117), которые не представлены в лесостепной зоне.

Таким образом, мезолитические комплексы лесного и лесостепного Среднего Поволжья обнаруживают ограниченное количество точек соприкосновения. Сходство проявляется в общих показателях: ширине пластин, типах нуклеусов и наличии концевых скребков на пластинах, видов перфораторов. При этом отличий между мезолитическими комплексами гораздо больше: для лесостепного Среднего Поволжья характерно широкое использование отщепа в качестве заготовки для орудий; преобладание скребков на отщепах и осколках; массовое применение рубящих орудий с частичной или полной шлифовкой; бытование листовидных и ланцетовидных наконечников стрел; наличие в коллекциях геометрических микролитов и скошенных ретушью или резцовым сколом острий.

Подводя итог, стоит отметить, что кремневые индустрии лесостепного и лесного Среднего Поволжья имеют существенные отличия, а отдельные близкие признаки могут быть следствием конвергентного развития. По всей видимости, существенного взаимодействия между регионами на протяжении среднего каменного века не происходило. Ограниченные нерегулярные контакты, возможно, имели место в позднем мезолите и привели к распространению в лесостепном регионе рубящих орудий. Однако предположение о контактах мезолитического населения регионов требует дальнейшей проверки.

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10001) «Этно-культурное взаимодействие населения Среднего Поволжья в каменном веке (мезолит-энеолит)».

Список литературы

- Бурыгин М.А., 2020. Стоянка Кочкари I – новый памятник эпохи мезолита в лесостепном Поволжье (итоги исследований 2017–2019 годов) // Актуальная археология 5. Материалы международной научной конференции молодых ученых. СПб. С. 133–135.

- Вискалин А. В., 2011. Территория и периодизация русско-луговой позднемезолитической культуры Среднего Поволжья // Филология и культура. № 4. С. 114–120.
- Королев А. И., Ластовский А. А., Мамонов А. Е., 1998. Мезолитический комплекс стоянки Чекалино II // Историко-археологические изыскания: Сборник трудов молодых ученых. Самара. С. 3–13.
- Ластовский А. А., 1999. Каменный инвентарь красноярской мезолитической стоянки // Охрана и изучение памятников истории и культуры Самарской области. Вып. I / под ред. О. В. Зубова, А. Ф. Кочкина, Д. А. Стошенкова, Н. А. Хлебниковой, В. А. Цыбина. Самара. С. 4–24.
- Моргунова Н. Л., 1983. Старо-Гокская мезолитическая стоянка // Древние памятники на территории Восточной Европы. Воронеж. С. 28–40.
- Никитин В. В., 2018. Мезолит Марийского поleshья // Труды Марийской археологической экспедиции. Том X. Йошкар-Ола.

Первичное расщепление каменного сырья в индустрии средней поры верхнего палеолита культурного слоя 3 стоянки Усть-Менза 6 (Западное Забайкалье)

Викулова Н. О.

*Институт археологии РАН, Москва
natasha_vikulova@mail.ru*

Ключевые слова: *Усть-Менза 6, средняя пора верхнего палеолита, первичное расщепление, Западное Забайкалье*

Многослойная стоянка Усть-Менза 6 была открыта в 1992 г. во время разведки на высоких террасовых уровнях Усть-Мензинского урочища (бассейн реки Чикой, Западное Забайкалье), проводившейся под руководством Л. В. Семиной (Семина, 1993). Стационарные исследования памятника осуществлялись Чикойской археологической экспедицией при участии автора в 2012–2014, 2019–2020 гг. Памятник связан с притыловой частью четвертой надпойменной террасы реки Менза и является одним из опорных объектов Усть-Мензинского археологического комплекса (Рыжов и др., 2015; Викулова, 2021). При изучении многослойного памятника Усть-Менза 6 (далее УМ-6) в делювиальной части разреза было выявлено 7 последовательно залегающих ненарушенных культурных слоев (Викулова, 2021). Верхние культурные слои (1–4) были изучены на площади 100 кв. м, нижние (5–7) – на площади 24–30 кв. м. Наиболее представительный материал зафиксирован в культурных слоях 3 и 4. Мощность культурных слоев составляла 20–30 см. Это позволяет характеризовать их как участок многократного появления людей со следами нескольких трудно расчленимых поверхностей обитания.

Культурный слой 3 УМ-6 изучен на площади в 100 кв. м, вскрытая площадь позволяет сделать предварительные наблюдения о пространственной организации находок. Возраст культурного слоя 3, согласно результатам абсолютного датирования методом оптически-стимулированной люминесценции, составил $19,0 \pm 1,3$ тыс. л. н. (Рыжов и др., 2015). На изученной площади культурный слой был представлен рассеянными находками и одним большим скоплением, которое получило название «рабочая площадка». В рамках скопления размерами 220×180 см было зафиксировано более 700 каменных артефактов, среди которых преобладали отходы производства – дебитаж, технические сколы оформления фронта и ударной площадки нуклеусов. Также в скоплении была выявлена серия нуклеусов.

Данная работа посвящена исследованию стратегии первичного расщепления, характерного для культурного слоя 3 стоянки УМ-6. В результате изучения материала удалось выявить ряд особенностей первичного расщепления данной индустрии, что позволило выделить ее в отдельную генерацию, отличную от материалов «мальгинского облика», традиционно относимых к средней поре верхнего палеолита Забайкалья (Константинов, 1994; Константинов и др., 2016; Мороз, 2002; Мещерин, 2009; Мещерин, 2010). При реконструкции технологии утилизации каменного сырья мы опирались на технологический и сравнительно-типологический методы.

В индустрии выявлены два основных типа расщепления (рис. 1). Первый направлен на плоскостное расщепление и получение нерегулярных мелких пластинок, второй представлен торцовыми подпризматическими формами нуклеусов и направлен на регулярное мелкопластинчатое и ситуационное микропластинчатое расщепление. Полученные данные свидетельствуют о смене основных параметров каменной индустрии в рамках средней поры верхнего палеолита ок. 19 тыс. л. н. и переориентации их на более качественное сырье, утилизацию небольших, до 3 см, плитчатых отделинностей кремневой породы.

В коллекции нуклеусов и нуклевидных изделий представлены предметы, находящиеся на разных стадиях утилизации (табл. 1), опробованные отдельные преформы, нуклеусы, находившиеся в процессе расщепления и на крайней стадии утилизации (до 60% предметов переформлены из истощенного нуклеуса в орудие). Нуклеусы были представлены многоплощадочными многофронтальными, двуплощадочными и двуфронтальными и одноплощадочными торцовыми формами. В единственном экземпляре был встречен радиальный нуклеус, изготовленный на гальке песчаника. Для большинства нуклеусов было характерно смещение в процессе расщепления фронта скалывания на латераль и удлиненные пропорции негативов сколов.

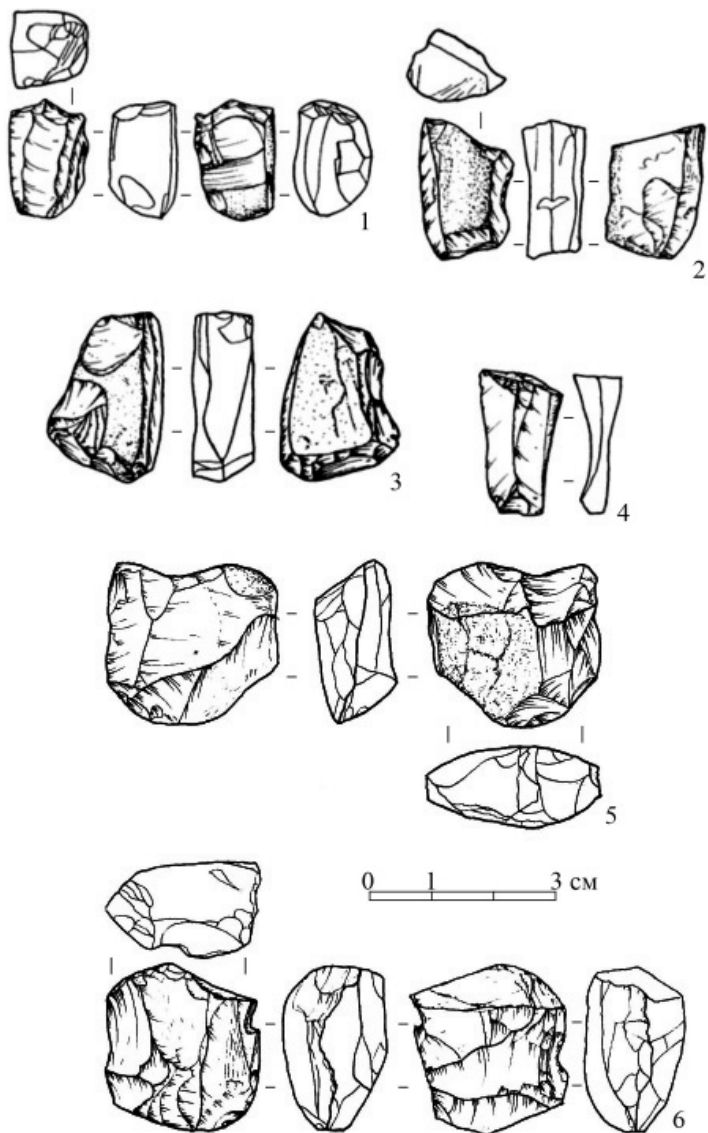

Рис. 1. Нуклеусы к. сл 3, стоянки Усть-Менза 6: 1–4 – одноплощадочные торцовые нуклеусы; 5–6 – плоскостные нуклеусы

Таблица 1. Нуклевидные формы в коллекции культурного слоя 3 стоянки Усть-Менза 6

	Морфотип	Фаза утилизации			Кол-во
		Стартовая	Основная («рабочая»)	Финальная	
Нуклеусы	Радиальный		1		1
	Подпризматический		2	2	4
	Двухфронтальный, двуплощадочный встречного скальвания	1	1	2	4
	Одноплощадочный, однофронтальный (торцовые снятия)		3	2	5
	Фрагмент фронта нуклеуса			5	5
	Нуклевидный обломок				11
Всего			30		

Большое количество сколов декортикации (до 10%), а также высокая доля дебитажа (до 80%), свидетельствует о том, что на данной поверхности обитания производилась полная цепочка расщепления каменного сырья от опробования плитчатых отдельностей и подготовки их к утилизации до переоформления нуклевидных форм на крайней стадии утилизации в разные варианты орудий (скребки, долотовидные орудия и т.д.).

Важно отметить, что в коллекции не выявлено отбойников. Опираясь на характер индустрии, можно предполагать использование мягкого органического отбойника, однако в отложениях изучаемого региона плохо сохраняются органические материалы.

Выявленный археологический материал культурного слоя 3 УМ-6 по характеристике орудий обнаруживает сходство со стоянками Куналей (слой 2), Мельничное 1 (слой 2), Читкан (слой 2), однако сходства в первичном расщеплении пока не прослеживаются.

Список литературы

Виколова Н. О., 2021. Многослойный памятник Усть-Менза 6 (Груздевая): предварительные результаты изучения культурных слоев 3 и 4 // Гуманитарный вектор. Т. 16. № 3. С. 128–140.

- Константинов М. В., 1994. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ-Чита.
- Константинов М. В., Васильев С. Г., Филатов Е. А., Викулова Н. О., Маслодудо С. В., 2018. Древняя история Забайкальского края в свете новых археологических открытий // Известия Лаборатории древних технологий. Т. 14. № 1. С. 9–19.
- Мещерин М. Н., 2009. Палеолитическое поселение Мастеров Ключ // Древнее Забайкалье: Культура и природа / под ред. А. В. Константинова, М. В. Константинова, И. И. Разгильдеевой. Чита. С. 79–99.
- Мещерин М. Н., 2010. Средняя пора верхнего палеолита в Забайкальской региональной схеме периодизации (состояние изучения) // Проблемы периодизации забайкальского верхнего палеолита в связи с общесибирской проблематикой // Российская археология. № 3. С. 5–12.
- Мороз П. В., 2002. Особенности каменных индустрий средней поры верхнего палеолита Западного Забайкалья (на примере стоянок Мельничная-2 и Мастеров Ключ) // Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока: мат. XLII РАЭСК / отв. ред. Е. Ю. Смирнова. Омск. С. 170–172.
- Рыжов Ю. В., Кобылкин Д. В., Голубцов В. А., Константинов М. В., Викулова Н. О., 2015. История формирования высоких террас р. Чикой в позднем неоплейстоцене по данным исследований в Усть-Мензинском геоархеологическом районе // Марковские чтения 2015 «Актуальные проблемы палеогеографии и стратиграфии плейстоцена»: мат. Всерос. науч. конф. с межд. уч. М. С. 174–176.
- Семина Л. В., 1993. Научный отчет о полевых исследованиях (Песчаная тропа, Крапивный мыс, Кабаний ключ, Звериная тропа, Усть-Менза б) // Архив лаборатории палеоэкологии ЗабГУ.

Кремневые артефакты из горизонтов водно-ледниковых отложений на территории Беларуси: к постановке проблемы

Горишков А. Д.

Гродненский государственный университет им. Янки Купалы,

Гродно, Беларусь

ales.harshkou.arch@gmail.com

Ключевые слова: палеолит, кремневые артефакты, стратиграфия, оледенения, водно-ледниковые отложения

В последние пять лет активизировалось изучение эпохи палеолита на территории Беларуси. Пересмотр старых коллекций и открытие новых местонахождений кремневых артефактов, связанных с этой

эпохой, указывают на необходимость проведения систематических полевых исследований. В первую очередь это связано с отсутствием стратиграфической привязки большинства материалов, что, безусловно, усложняет их датирование (Тимофеев и др., 2019; Seliazniou et al., 2018; Vashanau et al., 2018).

В процессе разведок и раскопок в водно-ледниковых отложениях (песчано-гравийных горизонтах), вскрытых карьерами либо шурфами, исследователями фиксируются кремневые материалы, которые имеют довольно архаичный облик. Однако их культурно-хронологическая интерпретация зачастую бывает затруднительной.

На данный момент на территории Беларуси зафиксированы пять местонахождений кремневых артефактов в песчано-гравийных отложениях (Гродно «М6», Гродно «Аульс», Рось, Черешля «Аржаная гора», Ковальцы 1) (рис. 1). Из них только один памятник подвергался раскопкам (Ковальцы 1)¹. Эти местонахождения расположены на территории Гродненской, Волковысской и Новогрудской возвышенностей, которые сформировались во время сожского горизонта Припятского оледенения (220–110 тыс. л. н.) (согласно российской стратиграфической схеме – Московское оледенение) (Матвеев и др., 1988. С. 118–119, 151–152, 162–163; Махнач, 2014. С. 80).

Стратиграфия местонахождений Гродно «М6», Гродно «Аульс» и Рось похожа и состоит из пахотного слоя (до 0,3 м), песчаных среднезернистых отложений желто-белесого цвета (0,8–1,2 м) и песчано-гравийных, субгоризонтальных отложений (вскрыты до 0,4 м).

Немного отличаются отложения, зафиксированные в бортах карьера Черешля «Аржаная гора», где под пахотным (культурным слоем эпохи Средневековья(?)) пластом (до 0,3 м) идет среднезернистый субгоризонтальный песок с валунами и желваками кремня (до 4–5 м) и песчано-гравийные, субгоризонтальные отложения (вскрыты до 0,5 м).

На памятнике Ковальцы 1, где автором проводились полевые исследования в 2020 и 2021 гг., зафиксирована следующая стратиграфия: пахотный слой (0,20–0,35 м) (культурный горизонт 1), песок желтого цвета, который просекается мерзлотными клиньями (до 1 м), красно-бурая супесь со следами размыва (до 0,3 м) и песчано-гравийные, субгоризонтальные отложения (культурный горизонт 2) (вскрыты до 0,4 м) (Гаршкоў, 2021. С. 7–12).

¹ В данной статье не рассматриваются памятники Огово 1 (Брестская область) и Кошевики (Гродненская область), так как данные материалы находятся у исследователей (в первую очередь – у научного сотрудника Отдела истории первобытного общества Института истории НАН Беларуси, магистра исторических наук Вашанова А.Н.) на стадии обработки и публикации.

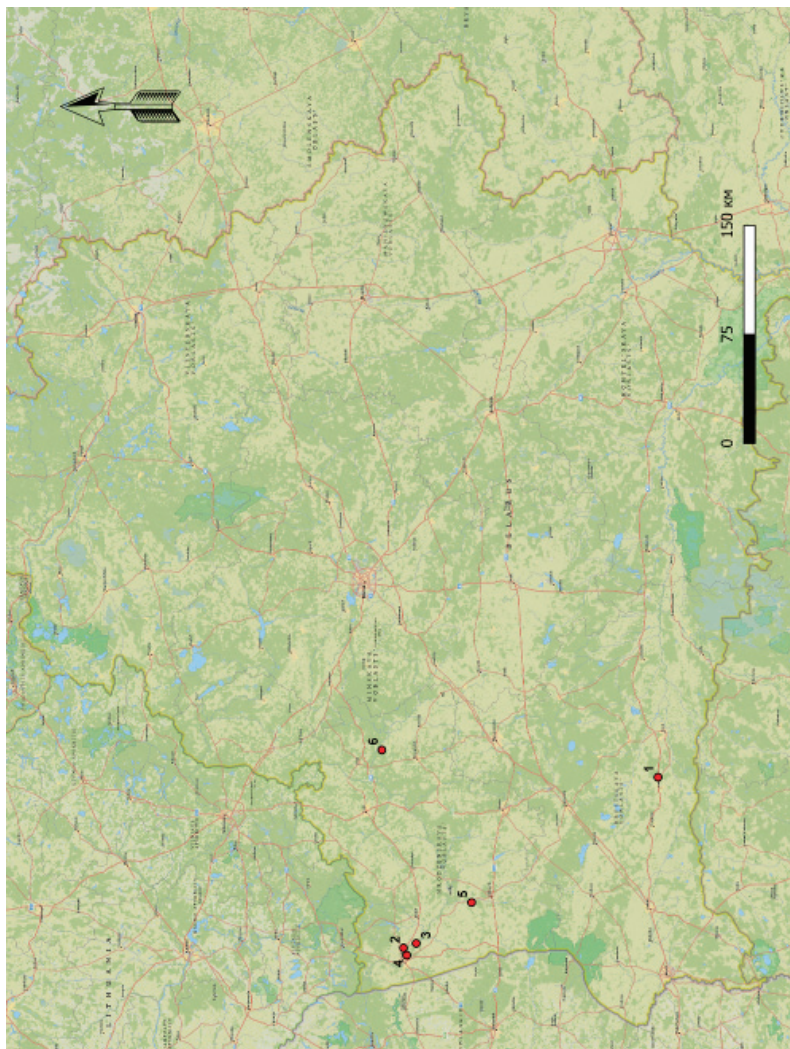

Рис. 1. Карта памятников с кремневыми артефактами из водно-ледниковых отложений: 1 – Агово; 2 – Гродно «Аульс», Гродно «М6»; 3 – Ковальцы 1; 4 – Ковальцы 2; 5 – Рось; 6 – Черешля «Аржаная гора»

Глубина залегания материалов на памятниках Гродно «Мб», Гродно «Аульс», Рось и Ковальцы 1 зафиксирована от 1,8 до 2,0 м. В карьере, на месте средневекового памятника Черешля «Аржаная гора», глубина составляет около 5–6 м.

Основным кремневым инвентарем, полученным на памятниках, являются чешуйки и мелкие отщепы. Массивные отщепы и аналогичные отщепы со вторичной обработкой зафиксированы только в Черешле и Роси. Формальные орудия труда присутствуют в коллекции культурного горизонта 2 на памятнике Ковальцы 1. Все артефакты сделаны из кремня темно-серого или почти черного цвета, прозрачного на просвет. Цвет желвачной корки близок к цвету сырья, иногда присутствуют остаточные следы мела. На изделиях присутствуют следы окатанности и забитости, люстража. Пatina встречается редко.

К сожалению, технико-морфологический анализ материалов не позволяет датировать их из-за малой выборки и невыразительности форм. Применение абсолютных методов датирования на данный момент не представляется возможным в связи с отсутствием органических остатков (C14) и финансовых возможностей (OSL). Исходя из этого, единственным вариантом получить данные о хронологии материалов остается стратиграфия.

Как было сказано выше, все упомянутые местонахождения кремневых материалов связаны с возвышенностями, которые являются конечно-моренными образованиями сожского горизонта Припятского оледенения. Исходя из стратиграфической позиции артефактов (песчано-гравийные субгоризонтальные отложения), можно допустить, что предметы попали туда не позднее 110 лет назад. При этом на памятнике Ковальцы 1, в отложениях песка желтого цвета фиксируются следы криогенных процессов, что может говорить о степени сохранности нижележащих слоев.

Несмотря на относительно скудные данные и отсутствие культурно-хронологической привязки материалов, вышеуказанные местонахождения, заслуживают внимания для проведения дальнейших исследований. В связи с устоявшимся тезисом о заселении в среднем – позднем палеолите только южных районов территории Беларуси, данные артефакты, в совокупности с уже имеющейся информацией, являются сигналом для пересмотра этой гипотезы и проведения систематических полевых исследований (Кухаренко, 1965. С. 8; Калечиц, 2010. С. 37–38).

Список литературы

- Гаршкоў А. Д., 2021. Справаздача аб археалагічных даследаваннях на тэрыторыі Гродзенскага і Ваўкавыскага раёнаў Гродзенскай вобласці ў 2020 годзе // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1.

- Калечиц Е.Г., 2010. Палеолит Беларуси в свете новых данных // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 18. С. 37–44.
- Кухаренко Ю.В., 1965. Древнее Полесье: (По материалам археологических исследований): Автореферат дис. ... докт. ист. наук. М.
- Матвеев А.В., Гурский Б.Н., Левицкая Р.И., 1988. Рельеф Белоруссии. Минск.
- Махнач А.А., 2014. Краткий очерк геологии Беларуси и смежных территорий. Минск.
- Тимофеев А.Г., Вашанов А.Н., Горшков А.Д., 2019. Предварительные итоги исследования палеолитического местонахождения у д. Новоселки в низовьях реки Сож. (ЮВ Беларусь) // Культурная география палеолита Восточно-Европейской равнины: от микока до эпиграветта. Международная конференция – полевой семинар (10–16 сентября 2019 г., Брянск): Тезисы докладов. М. С. 129–131.
- Vashanau A., Kolasau A., Asheichyk V., Charniauski M., Harshkou A., Stepanova K., Othervednoy A., 2018. Middle Palaeolithic flint artefacts from the territory of Belarus // Crossing the Borders. Interregional and Cross-Cultural Interactions in the Context of Lithic Studies: Abstract book of 15th SKAM Lithic workshop (17–19 October 2018, Minsk). P. 45–46.
- Seliazniou Y., Motuzka A., Tsykunou E., Asheichyk V., Kolasau A., Vashanau A., Stepanova K., Otchervednoy A., 2018. Ahova 1. A new Palaeolithic site in SW Belarus // Crossing the Borders. Interregional and Cross-Cultural Interactions in the Context of Lithic Studies: Abstract book of 15th SKAM Lithic workshop (17–19 October 2018, Minsk). P. 12–14.

**Типология скребков мезолитической стоянки
Малоокуловская 3 (Нижегородская область)**

Гусева Д.В.

Санкт-Петербургский государственный университет,

Санкт-Петербург

darya.guse92@gmail.com

Ключевые слова: мезолит, Волго-Окское междуречье, бутовская археологическая культура, типология, скребки

Памятник Малоокуловская 3 (Навашинский район Нижегородской области), исследованный раскопками ИА РАН в мае – августе 2021 г. на площади 4314 кв. м, представляет палимпсест культурных отложений различных эпох от мезолита до Средневековья. Общая численность коллекции памятника (без учета микродебитажа) составляет несколько десятков тысяч предметов. В качестве материала исследования выступил орудийный комплекс из датированных эпохой мезолита крупных углубленных объектов № 5, 12, 13,

в заполнении которых отсутствуют фрагменты керамики. Как полузакрытые комплексы они могут считаться гомогенными по сравнению с остальной частью коллекции каменного инвентаря. Мезолитический комплекс стоянки предварительно интерпретирован как относящийся к бутовской культуре на основании высокого индекса пластинчатости каменного инвентаря как в углубленных объектах, так и в горизонтально залегающем культурном слое, содержащем культурные отложения нескольких археологических эпох, а также на основании обнаружения в последнем серии постевидерских наконечников, черешковых и иволистных (Еськова, устное сообщение).

Задача данной работы – типологическая классификация скребков как наиболее представительной с количественной точки зрения и морфологически выраженной категории орудий.

Для построения классификации скребков были последовательно использованы следующие признаки, описанные для бутовской культуры (Жилин, 2004; Кольцов, 1989; Лозовский, Гиря, Кравцов, 2009; Сорокин, 1990):

- тип заготовки: пластинчатые сколы/отщепы и осколки¹;
- количество лезвий: одинарные/двойные скребки;
- расположение лезвия на одинарных скребках: концевые/боковые/скошенные; угловые/округлые скребки с лезвием на $\frac{3}{4}$ периметра;
- тип ретуши, оформляющей лезвие: дорсальная/вентральная;
- размер и ширина лезвия: скребки с лезвием шире 1 см и микро-скребки с лезвием не шире 1 см;
- форма лезвия: сильновыпуклое/слабовыпуклое/дугообразное с выемкой/лезвие «с плечиком».

Помимо перечисленных признаков скребки бутовской культуры также характеризуются с точки зрения степени выпуклости лезвия (скребки с дугообразным, с прямым и вогнутым лезвием), по степени изменения контура заготовки (скребки) с параллельными краями, расширяющимся лезвием (веерообразные), сужающимся лезвием (стрельчатые, с выступом, с боковой выемкой).

Из объекта № 5 происходят 10 скребков (15,6% от общего количества орудий комплекса), из объекта № 12 – 74 скребка (13%), из объекта № 13 – 16 скребков (13,2%). В классификацию вошли только целые формы скребков, оформленных ретушью, угол которой превышает 60° (рис. 1).

Скребки объекта № 12. Весь массив скребков (86 экз.) разделяется на скребки, заготовкой для которых служили пластинчатые сколы (пластины и пластинки), и скребки, оформленные на отщепах и осколках. Лезвие скребков в обеих группах во всех случаях оформлено крутой и полукрутой ретушью.

Среди скребков на пластинчатых сколах (12 экз.) встречаются одинарные скребки с расположенным на конце лезвием (концевые) (10 экз.),

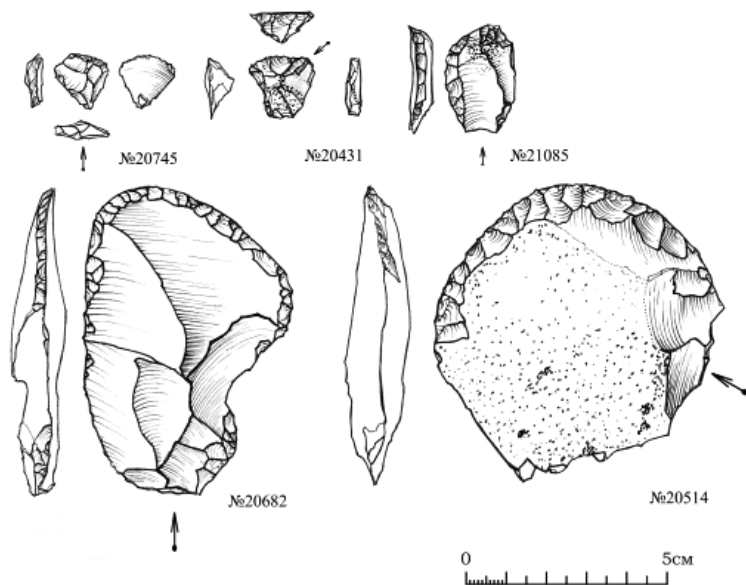

Рис. 1. Скрепки стоянки Малоокуловская 3, происходящие из углубленных объектов

скребков с выступом, оформленным двумя выемками («с плечиком») (1 экз.), и комбинированное орудие (1 экз.) – концевой скребков-резец на массивной первичной пластине.

В числе скребков на отщепах и осколках (74 экз.) встречаются как одинарные (69 экз.), так и двойные (5 экз.) скребки. По расположению лезвия одинарные скребки подразделяются на концевые (38 экз.), боковые (17 экз.), скошенные (угловые) (2 экз.), округлые (2 экз.), скребки с лезвием на $\frac{3}{4}$ периметра (8 экз.) и микроскрепки с лезвием шириной менее 1 см (2 экз.).

У концевых скребков форма лезвия дугообразная (35 экз.), но также встречаются скребки со слабовыпуклым подпрямоугольным лезвием (3 экз.). Вариант с дорсальным оформлением лезвия (36 экз.) преобладает над вентральным (2 экз.).

Среди боковых скребков (17 экз.) в ряде случаев лезвие скребка сформировано вентральной ретушью (4 экз.).

Скрепки с лезвием шириной менее 1 см (2 экз.) невозможно четко отнести ни к концевым, ни к боковым в силу их небольшого размера и характера заготовки (осколок).

Внутри подгруппы двойных скребков концевое-боковое расположение лезвия (3 экз.) преобладает над вариантом с противоположащими лезвиями (2 экз.).

Скребки объекта № 13. В качестве заготовки для всех скребков (16 экз.) служили отщепы и осколки. Среди одинарных встречаются концевые (8 экз.), из которых два оформлено вентральной ретушью, боковые (5 экз.), с лезвием на $\frac{3}{4}$ периметра (1 экз.). Из двойных скребков (2 экз.) 1 имеет боковые противоположащие лезвия, второй – боковое-концевое оформление.

Скребки объекта № 5. Из 10 скребков заготовкой в подавляющем большинстве (9 экз.) служили отщепы и осколки. Из них большая часть (5 экз.) – концевые, встречаются боковые скребки (3 экз.) и скребки с лезвием на $\frac{3}{4}$ периметра (1 экз.). Один скребок предположительно оформлен на дистальном фрагменте широкой пластины. Лезвие во всех случаях оформлено дорсальной ретушью.

Таким образом, на стоянке Малоокуловская 3 на основании предложенной классификационной схемы все углубленные объекты (стоит учитывать, что объемы выборки скребков из объектов в количественном отношении различаются) характеризуются однотипным набором скребков. Выделенные типы вполне согласуются с предложенными в общих работах, посвященных бутовской культуре (Жилин, 2004; Кольцов, 1989; Лозовский, Гиря, Кравцов, 2009; Сорокин, 1990). Из специфических черт можно выделить тип скребков с лезвием, оформленным вентральной ретушью.

Список литературы

- Жилин М. Г., 2004. Мезолит Волго-Окского междуречья: некоторые итоги изучения за последние годы // Проблемы каменного века русской равнины / отв. ред. Х. А. Амирханов. М. С. 92–139.
- Кольцов Л. В., 1989. Мезолит Волго-Окского междуречья // Археология СССР. Мезолит СССР. М. С. 67–86.
- Лозовский В. М., Гиря Е. Ю., Кравцов А. Е., 2009. Мезолит Волго-Окского междуречья: технологический подход // Актуальные проблемы первобытной археологии Восточной Европы. № 20. С. 269–288.
- Сорокин А. Н., 1990. Бутовская мезолитическая культура. М: ИА РАН.

Скребки финальнопалеолитического культурного горизонта поселения Тайлеп-2 (Кузнецкая котловина)

Деревнина А. С.

*Новосибирский государственный университет, Новосибирск
a.derevnina@g.nsu.ru*

Ключевые слова: *финальный верхний палеолит, каменная индустрия, скребки, Кузнецкая котловина, Тайлеп-2*

Начало изучения палеолита на территории Кузнецкой котловины было положено во второй половине XX века академиком А.П.Окладниковым. Первые памятники на данной территории (Кузедеево-1, 2 и Старокузнецкое-1) были обнаружены и изучены им в 1962 г. у поселка Аил (село Кузедеево), на левом берегу р. Кондома и у Старокузнецка (г. Новокузнецк) (Окладников, 1968).

Более 30 местонахождений в долинах рек Томь, Кондома и Мрассу было открыто С.В. Маркиным, с 1975 г. начавшим планомерные исследования палеолитических памятников региона. На основе анализа каменных индустрий наиболее изученных памятников (Бедарево-2, Ильинка-2 и др.) была выделена бедаревская культура, отнесенная исследователем к финальнопалеолитическому времени (Маркин, 1986).

На данный момент в регионе выявлено более 50 местонахождений эпохи палеолита (Маркин, 1986; Барышников и др., 2005).

Поселение Тайлеп-2 было открыто в 2003 г. Ю.В. Шириным (Барышников и др., 2005). В 2020 г. на объекте были проведены спасательные археологические работы, в результате которых выявлено три культурных горизонта: 1) ранний железный век – этнографическая современность; 2) мезолит – ранний неолит; 3) финальный верхний палеолит (Тимошенко и др., 2020а). Местонахождение расположено в юго-западной оконечности Кузнецкой котловины, на месте схождения границ Салаирского кряжа, Горной Шории и Кузнецкого Алатау, на полого-наклонной поверхности I надпойменной террасы р. Кондома (Тимошенко и др., 2020б).

В настоящей работе представлены предварительные результаты изучения коллекции скребков культурного горизонта 3 поселения Тайлеп-2.

Сырьевой базой каменного производства комплекса служил местный галечник из руслового аллювия, в основном представленный кремнистыми породами (90% артефактов). Галечное сырье по большей части негабаритное, трещиноватое, что затрудняло получение удлиненных сколов-заготовок (Тимошенко и др., 2020а).

Коллекция каменных артефактов культурного горизонта 3 насчитывает 10755 экз., в том числе 114 нуклеусов и их преформ, 3620 сколов (технических сколов, отщепов, пластин, пластинок и микропластин), 705 орудий и 6316 экз. отходов каменного производства.

Орудийная коллекция комплекса достаточно многочисленна, в долевым выражении достигает 16% без отходов производства, представлена скребками, долотовидными и ножевидными изделиями, скреблами, ретушированными отщепами, пластинами, пластинками, микропластинками и фрагментами орудий. Наиболее массовая категория орудий – скребки различных модификаций, 396 экз. (56%) (табл. 1).

Таблица 1. Типы скребков культурного горизонта 3 поселения Тайлеп-2

Категория скребков	Кол-во, экз.	%
Концевые	110	33,1
С обработкой на $\frac{3}{4}$ периметра	80	24,1
С обработкой на $\frac{1}{2}$ периметра	63	19
Боковые	60	18,1
Альтернативные	9	2,7
С рабочим лезвием по периметру	6	1,8
Двойные концевые	2	0,6
Двойные боковые	2	0,6
Итого без фрагментов	332	100
Фрагменты	64	16,1
Итого	396	100

Абсолютное большинство скребков изготовлено на отщепах, только для девяти экземпляров заготовками послужили пластины. На дорсальных поверхностях 43,6% скребков зафиксировано наличие остатков галечной корки. При этом доля орудий с галечной коркой уменьшается по мере увеличения протяженности рабочего края. Так, среди боковых скребков галечная корка присутствует на 56,7% экз., в то время как для скребков с рабочим лезвием по периметру данный показатель составляет 33,3%.

Анализ линейных параметров скребков показал отсутствие корреляции между их размерами и категориями. Размеры скребков варьируют от 11 до 51 мм в длину, от 8 до 64 мм в ширину и от 3 до 17 мм в толщину. Основная масса скребков находится в диапазоне длины 20–27 мм, ширины – 17–23 мм, толщины – 7–11 мм.

Доминирование в коллекции скребков, имеющих отщеповые пропорции, может иметь две причины: 1) направленность первичного расщепления на производство отщепов; 2) высокая интенсивность обработки загото-

вок. Наличие остатков галечной корки на значительной части скребковых орудий свидетельствует о том, что для получения заготовок не применялась практика полного разжелвачивания галек, а для изготовления орудий использовались первичные и полупервичные сколы, что, в свою очередь, было вызвано малогабаритностью исходного сырья. Малый разброс в линейных размерах скребков указывает на схожий сценарий утилизации орудий различных категорий.

Характерные признаки комплекса поселения Тайлеп-2 (высокий процент орудий и доминирование среди них скребков) вкуче с данными анализа первичного расщепления и планиграфии способствует выявлению функциональной направленности стоянки и определению места индустрии в верхнем палеолите региона.

Список литературы

- Барышников Г. Я., Кунгуров А. Л., Маркин М. М., Семibrатов В. П., 2005. Палеолит Горной Шории. Барнаул.
- Маркин С. В., 1986. Палеолитические памятники бассейна реки Томи. Новосибирск.
- Окладников А. П., 1968. Страница из жизни палеолитического мастера: клад каменных изделий у поселка Аил (село Кузедеево) // Из истории Сибири и Алтая. Барнаул. С. 57–70.
- Тимошенко А. А., Бычков Д. А., Ахметов В. В., Когай С. А., Павленок Г. Д., Белан О. В., 2020а. Материалы финального верхнего палеолита стоянки Тайлеп-2 (по результатам спасательных работ 2020 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. 26. С. 932–936.
- Тимошенко А. А., Бычков Д. А., Ахметов В. В., Павленок Г. Д., Когай С. А., Белан О. В., Дудко А. А., Веретенников А. В., 2020б. Результаты спасательных археологических работ на поселениях Тайлеп-1 и Тайлеп-2 в Новокузнецком районе Кемеровской области – Кузбасса в 2020 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. 26. С. 937–943.

Техники микропластинчатого производства в финальнопалеолитических слоях местонахождения Верхоленская Гора I (Байкальская Сибирь)

Золотарев Д. П.

*Иркутский государственный университет, Иркутск
dmitryzolotarev2012@yandex.ru*

Ключевые слова: Байкальская Сибирь, МИС 2 – начало МИС 1, финальный палеолит, «гобийский» нуклеус, юбецу, ошорокко, сайкаи

Заключительная (финальная) стадия позднего палеолита Байкальской Сибири характеризуется бытованием различных техник микрорасщепления и их вариаций, которые являются важнейшими культуроразличительными признаками. Их выделение позволит построить хронометрическую последовательность возникновения и развития видового разнообразия внутри микропластинчатого расщепления. В беллинг-аллередовском интервале (14,7–12,8 кал. тыс. л. н.) особое внимание заслуживают комплексы финала палеолита местонахождения Верхоленская Гора I, содержащие своеобразные, с технологической точки зрения, материалы микрорасщепления.

Памятник расположен на правом берегу р. Ангара в 3 км к северу от центра Иркутска на южном склоне одноименной горы, в правой приустьевой части пади Жарниковой. Местонахождение было открыто в 1893 г. М.П. Овчинниковым и А.С. Еленевым и исследовано Б.Э. Петри (1919–1924, 1927 гг.), М.М. Герасимовым (1937 г.), И.В. Арембовским (1947 г.), Г.И. Медведевым (1959 г.), М.П. Аксеновым и Г.И. Медведевым (1963–1968 гг.), И.Л. Леженко и В.А. Лыншей (1977 г.), В.В. Белоненко (1990 г.), С.А. Когаем (2001 г.) (Аксенов, 1969; Когай, 2007).

На местонахождении выявлено три основных уровня залегания находок (I–III культурные горизонты) и два уровня их переотложения (IIa, IIIa культурные горизонты). В рамках данной работы коллекции рассматриваются в совокупности в силу неоднозначной стратиграфической позиции археологических комплексов. Исключение составляет I культурный горизонт, материалы которого имеют явно смешанный характер. Возраст культурных комплексов надежно определялся для слоев III и IIIa по их стратиграфическому положению и радиоуглеродным датировкам: 12570±180 л. н. (МО-441) или 15412–14111 кал. л. н., 12110±120 л. н. (СОАН-6115) или 14440–13625 кал. л. н., 12050±120 л. н. (СОАН-6115) или 14205–13579 кал. л. н. (Когай, 2007).

Долгое время номенклатурное обозначение терминально-краевого расщепления не могло обойтись без термина «гобийский», который объединял в широкий пласт разнообразные в технологическом плане клиновидные нуклеусы (Аксенов, 1969. С. 80–83). Попытка решения этой проблемы предпринята в данной работе. Исследование направлено на идентификацию материалов микрорасщепления, выявление основных технико-типологических характеристик и соотнесение их с техниками/методами, существующими в японской археологии (Morlan, 1967).

Группа 1 представлена клиновидными нуклеусами, изготовленными на аргиллитовых плитках и сколах различной модификации, общей морфологической чертой которых следует считать превосходящую длину килевой части более чем в 2 раза по отношению к высоте фронта. Такие

нуклеусы, по определению М. П. Аксенова, следует считать «гобийскими» или «ладьевидными». В одном случае ударная площадка нуклеуса представляет естественную поверхность плитки, лишь рабочий сегмент подготовлен фронтальным сколом (Аксенов, 1969. С. 80–83). Другой вариант демонстрирует оформление площадки узким продольным снятием, а рабочий сегмент дополнен мелкими сколами. Технология изготовления этого нуклеуса имеет некоторое сходство с техникой тогешита (Togeshita) (Gomez Coutouly, 2011. Р. 118–121).

«Классические» юбецоидные нуклеусы и их вариации, а также технические сколы (реберчатые и лыжевидные) составляют группу 2 (Yoshizaki, 1961). Заготовками для них выступали бифасы, ножи-скребла из аргиллита и лидита. Ударные площадки подживлялись продольными лыжевидными сколами. У некоторых экземпляров контрфронт замещен поверхностью (диагональной) скошенной площадки. Продукты микропластинчатого производства (реберчатые сколы) содержатся также и в коллекциях раскопок Б. Э. Петри, интерпретированные им как резцы (Петри, 1923. С. 40–41).

Другие нуклеусы изготовлены в близкой к технике юбецу манере и, вероятно, соотносятся с вариантом ошорокко (Oshorokko) (Gomez Coutouly, 2011. Р. 107–108). Технологической особенностью этого варианта является асимметричная ориентация бифаса на момент начала эксплуатации. Такие нуклеусы имеют неглубокую ударную площадку, оформленную коротким фронтальным сколом, которая переходит в бифасиально обработанный гребень или остатки галечной корки (Morlan, 1967. Р. 187–188).

Группа 3 состоит из клиновидных нуклеусов с латерально подготовленной ударной площадкой. Иногда рабочий сегмент площадки дополнялся коротким сколом с фронта. В качестве заготовок использовались бифасиальные заготовки, мелкие гальки, плитки аргиллита, сколы. Эти нуклеусы можно соотнести с техникой сайкай (Saikai) (Sugihara, Tozawa, 1961).

Таким образом, удалось определить основные технико-типологические характеристики материалов микрорасщепления из финально-палеолитических комплексов местонахождения Верхоленская Гора I и соотнести их с техниками/методами: 1) «гобийские» или «ладьевидные» нуклеусы; 2) нуклеусы в технике юбецу и ее вариация ошорокко; 3) нуклеусы в технике сайкай.

Работа выполнена при финансовой поддержке ИГУ в рамках темы № 091-21-325.

Список литературы

Аксенов М.П., 1969. Верхоленская гора – памятник каменного века Сибири. Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск.

- Когай С. А., 2007. О возрасте, стратиграфии и планиграфии техноморфологического ансамбля Верхоленской Горы // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология: Материалы Всероссийской конференции с международным участием, посвященной 100-летию М. М. Герасимова. Иркутск. Т. 1. С. 290–296.
- Петри Б. Э., 1923. Сибирский палеолит. Иркутск.
- Gomez Coutouly Y. A., 2011. Lithic Industries with Pressure Microblade Components of the North Pacific Region in the Terminal Pleistocene and Early Holocene: from the Diffusion of a Technique in the Asian Far East to the Initial Peopling of the New World. Ph.D. Dissertation. Paris.
- Morlan R. E., 1967. The preceramic period of Hokkaido: An outline // Arctic Anthropology. Vol. 4. P. 164–220.
- Sugihara S., Tozawa M., 1961. Pre-Ceramik Age in Japan // Acta Asiatica. Tokyo. T. I. P. 1–28.
- Yoshizaki M., 1961. The Shirataki sites and the preceramic culture in Hokkaido // Minzokugaku Kenkyu. Tokio. Vol. 26. P. 13–23.

К вопросу о среднепалеолитической атрибуции материалов стоянок Коршево I и Коршево II на Верхней Десне

Иванов Я. Д.

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург
yadivanov66@gmail.com*

Ключевые слова: *Русская равнина, средний палеолит, бассейн Десны, Коршево I, Коршево II*

Многослойные памятники Коршево I и Коршево II находятся в 50 м друг от друга на соседних мысах балки, по которой протекает р. Коршовка, на западной окраине пос. Бетово Брянского района Брянской области. Обе стоянки были открыты в 1973 г. Л. М. Тарасовым и исследовались им же с 1974 по 1981 гг. Памятники продемонстрировали в целом схожую стратиграфию и последовательное залегание трех культурных слоев, относимых автором раскопок к эпохам неолита, верхнего палеолита и среднего палеолита.

Первый культурный слой Коршево I связан с низами голоценовой почвы. Второй – с компактно залегающим горизонтом мощностью около 10 см в желтовато-буром слое лессовидной супеси. Третий культурный слой приурочен к прослойке гумусированного суглинка в основании лессовидной толщи, лежащей на прослойке мела, подстилаемой сеноманским песком. Культурные горизонты разделены мощными (0,9 и 1,0 м) стерильными отложениями. В Коршево II первый культурный

слой встречается в низах современной почвы, второй также залегает в лессовидной супеси, но выше, чем на Коршево I, третий связан с гумусированным суглинком. Стерильные прослойки здесь имеют мощность 0,3 и 1,4 м (Тарасов, 1991. С. 101–104, С. 147–151).

Материалы вторых культурных слоев Коршево I и Коршево II были оценены Л.М. Тарасовым как позднепалеолитические, а третьи культурные слои этих памятников включались в контекст среднего палеолита Верхней Десны, где на основании стратиграфических данных и технико-типологической характеристики инвентаря была составлена общая периодизация. Древнейшими считались местонахождения Неготино и Неготино на Руднянке (оба – в 15 км от пос. Бетово) и комплекс Хотылёво I, следующий этап представляли стоянки Коршево I и Коршево II, а к самым поздним и развитым в рамках среднего палеолита относились стоянка Бетово и местонахождение Лебедевка (Тарасов, 1989).

В связи с возобновлением исследований среднего палеолита на Верхней Десне необходим пересмотр устоявшихся концепций периодизации внутри этой эпохи в регионе (Очередной, 2008). В том числе встает вопрос о справедливости отнесения материалов третьих культурных слоев Коршево I и Коршево II к среднему палеолиту с точки зрения техники расщепления и типов орудий.

Кремневый инвентарь третьего культурного слоя Коршево I представлен несколькими изделиями со вторичной обработкой, единичными нуклеусами и большим количеством технических сколов.

Единственное целое изделие со вторичной обработкой – скребло на десквамационном осколке с многорядной чешуйчатой ретушью (рис. 1: 1). Ряд категорий третьих слоев Коршево I и Коршево II, таких как зубчато-выемчатые формы, скребки, резцы и т.д., следует относить к псевдоорудиям.

Нуклевидные предметы коллекции представляют собой осколки плиток с единичными негативами сколов, которые могут быть отнесены к «пробным» (Нехорошев, 1999. С. 60), и один плоскостной нуклеус параллельного способа скалывания с одной подготовленной мелкими сколами ударной площадкой (рис. 1: 2).

Среди продуктов расщепления нет сколов, чьи характеристики позволили бы говорить о них как о заготовках. В основном это отщепы продольного и поперечного оформления торцевой части нуклеуса – приема, использовавшегося как в среднем, так и в верхнем палеолите (Нехоровшев, 1999. С. 69–72). При верхнепалеолитической технике расщепления эти сколы производятся для подготовки бифасиальной преформы нуклеуса. Такие преформы встречаются в материалах вторых культурных слоев Коршево I и Коршево II (Тарасов, 1991. С. 107–119) и на других памятниках бассейна

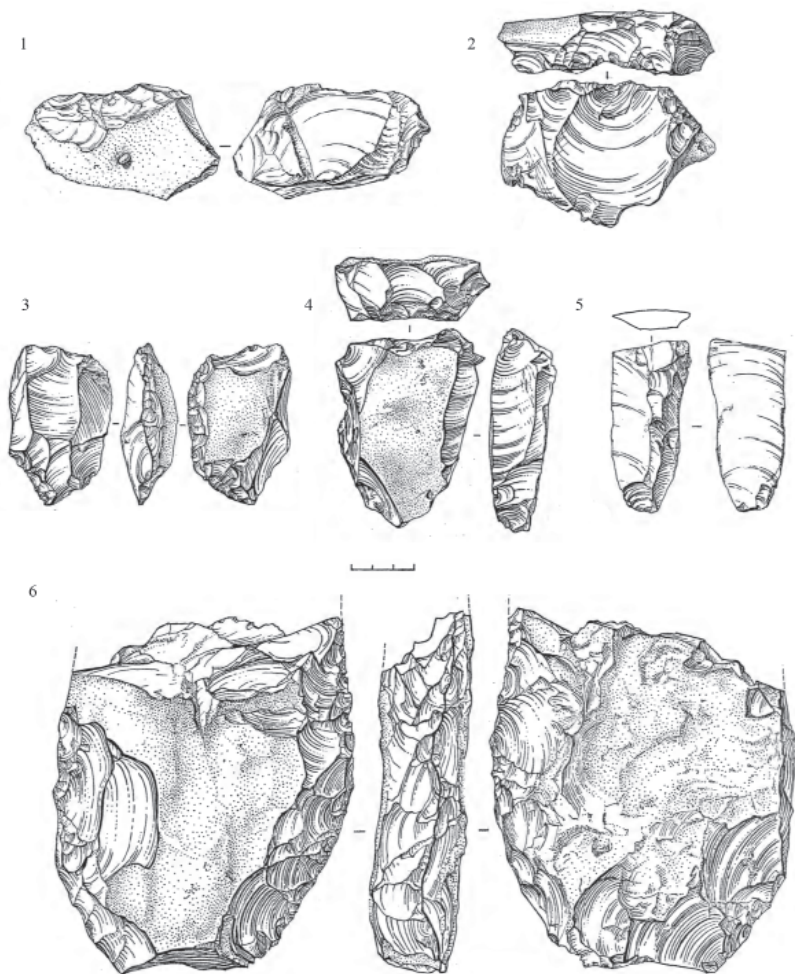

Рис. 1. Кремневый инвентарь третьих культурных слоев Коршево I и Коршево II: 1 – скребло, Коршево I; 2 – плоскостной нуклеус, Коршево I; 3 – плоскостной нуклеус, Коршево II; 4 – торцовый нуклеус, Коршево II; 5 – пластина, Коршево II; 6 – бифасиальная преформа нуклеуса, Коршево II

Верхней Десны (Селезнёв, 1998). Однако, в материалах третьего слоя Коршево I нет признаков торцового расщепления: пластинчатые сколы единичны и не имеют параллельной огранки.

Кремневый инвентарь третьего культурного слоя Коршево II отличается по некоторым характеристикам от третьего культурного слоя Коршево I.

Все изделия с вторичной обработкой – это отщепы и десквамационные осколки с ретушированным краем. Они не создают устойчивых серий и могут интерпретироваться как ситуационные орудия. Как и в третьем слое Коршево I, отмечены псевдоорудия, ранее описанные Л.М. Тарасовым как изделия.

Нуклевидные изделия представлены двумя плоскостными ядрищами с фасетированными площадками, в том числе одним, переоформленным вторичной обработкой (рис. 1: 3), двумя нуклеусами с единичными негативами торцового расщепления (рис. 1: 4) и серией двусторонне оббитых плиток, обработанный край которых схож по характеристикам с ребром бифасиальной преформы нуклеуса для пластин (рис. 1: 6). Двусторонне оббитые плитки коллекции отличаются от верхнепалеолитических преформ отсутствием негативов торцовых пластинчатых сколов. Типичная для среднего палеолита последовательность расщепления, включающая в себя скальвания с выпуклого фронта, на этих предметах также не фиксируется.

Среди продуктов расщепления коллекции Коршево II выделяются две крупные пластины с редуцированными площадками. На обеих пластинах есть негативы параллельных снятий и подготовки ребра (рис. 1: 5). Остальные продукты расщепления, как и в Коршево I, представляют собой отщепы продольного и поперечного оформления торца нуклеуса.

Таким образом, имеющиеся данные не позволяют с уверенностью отнести материалы третьих культурных слоев Коршево I и Коршево II к среднему палеолиту, в коллекциях нет характерных для этого периода типов орудий, а разные предметы расщепления несут признаки как среднепалеолитической, так верхнепалеолитической техники скальвания. Стратиграфическое положение материалов также не может выступать однозначным аргументом в пользу принадлежности нижних слоев к одной из эпох. Вероятно, к решению этого вопроса поможет прийти возобновление полевых исследований на памятниках.

Список литературы

- Нехорошев П. Е., 1999. Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. СПб.
- Очередной А.К., 2008. Проблемы корреляции памятников среднего палеолита Верхней Десны // Хронология, периодизация и кросскультурные связи в каменном веке: Зямятнинский сборник. Вып. 1 / отв. ред. Г.А. Хлопачев. СПб. С. 36–41.
- Селезнёв А.Б., 1998. Технология расщепления кремня на стоянке Хотылёво 2 // Восточный граветт / отв. ред. Х.А. Амирханов. М. С. 214–226.

Тарасов Л. М., 1989. Периодизация палеолита бассейна Верхней Десны // Четвертичный период. Палеонтология и археология. К XXVIII Международному геологическому конгрессу. Кишинёв. С. 166–175.

Тарасов Л. М., 1991. Палеолит бассейна Десны. Дис. ... докт. ист. наук. Л.

Результаты эксперимента по использованию костяной иглы для перфорации кожи тонкой выделки

Керик А. Д.

*Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского,
Омск*

a-kerik@mail.ru

Ключевые слова: *экспериментальная археология, иглы, бивень мамонта, перфорация кожи тонкой выделки, следы утилизации на инструменте*

Одно из направлений в экспериментальной археологии, которая берет начало в XVIII в. (Coles, 1979. Р. 4), представляет собой изучение орудий из бивня мамонта и следов износа на них (Семенов, 1957; Хлопачев, Гиря, 2010). Отдельная категория изделий – инструменты, напоминающие современные иглы. Исследования, посвященные данной группе артефактов, сосредоточены на характеристике их географического распространения, датирования, типологии по морфологическим признакам (см., напр.: Федорченко, Белоусова, 2021). Приемы работы и следы износа редко становятся целью научного анализа. Любая работа в этом направлении вызывает интерес археологического сообщества, поскольку способствует прояснению отдельных аспектов древней культуры повседневности.

Интересный и важный вопрос в этой области – выявление закономерностей формирования специфических следов износа при сочетании разных приемов работы иглами и разным обрабатываемым материалом. Одна из рабочих гипотез представленного исследования состоит в том, что обрабатываемый материал определяет приемы перфорации, включающие кинематику иглы, а также следы износа на ее поверхности. Прокалывание грубой сухой кожи требует движений инструмента, близких к просверливанию, и формирует на острие линейные следы износа, перпендикулярные длинной оси изделия. Формирование отверстий в мягкой пластичной коже реализуется прямым проникающим движением иглы с небольшим проворотом, образующим на острие инструмента заполированную поверхность. Частично данная гипотеза проверена в эксперименте Е. Ковальченко с использованием грубой сухой кожи (Ковальченко, 2020). Цель данного исследования – выявление

*Рис. 1. Игла после завершения эксперимента: А – дистальная зона;
Б – проксимальная зона*

закономерностей образования следов износа при перфорации мягкой пластичной кожи иглой из бивня мамонта (рис. 1).

Состояние поверхности орудия фиксировалось камерой Canon EOS 850D с макрообъективом Canon EF-S 100 mm f/2.8 Macro USM (с использованием увеличительных колец). Для наблюдений следов износа применялся микроскоп МБС-10. Для повышения четкости фиксации изделие напылялось магнием.

Модель иглы выбрана случайным образом, без ссылок на конкретные прототипы, и формально близка изделию из Денисовой пещеры (Деревянко и др., 2016. С. 73). При формировании ушка¹ использован

¹ Выбор приёма оформления ушка иглы продиктован целями параллельного эксперимента – изучение следов износа на поверхностях каменных перфораторов, используемых в разных приёмах получения отверстий.

прием двустороннего прорезания с развертыванием, заимствованный из образцов костяных и бивневых изделий памятников Костенковско-Борщевского района (см., напр.: Верхний палеолит, 2016. С. 158).

Для изготовления иглы использован продольный отщеп дентина бивня хорошей сохранности (без трещин и признаков расслоения), обнаруженного на Новосибирских островах. Перед обработкой он выдержан в воде в течение двух дней. После кремневым отщепом путем остругивания сформирована заготовка иглы. Для финальной обработки поверхности предмета (в зоне острия) использована наждачная бумага. В готовом варианте размеры изделия составили $10,8 \times 0,6 \times 0,4$ мм. Сечение в проксимальной зоне – подчетырехугольное с закругленными углами, в медиальной – эллипсовидное, в дистальной – округлое. Параметры сквозного отверстия: $1,1 \times 0,3 \times 0,5$ мм с одной стороны и $0,6 \times 0,2 \times 0,5$ мм с другой.

В качестве перфорируемого материала использовано полотно мягкой пластичной кожи толщиной 1,0–1,2 мм, по общим характеристикам близкое к плотной замше.

В процессе перфорации острие изделия было ориентировано перпендикулярно поверхности. Орудие насквозь проходило материал, расширяя при этом изначальный диаметр отверстия. В ходе эксперимента вектор перфорации нередко менялся от перпендикулярно направленного до углового. Общая кинематика движения предусматривала легкий разворот острия для облегчения вхождения иглы в кожу. При протаскивании происходило трение поверхности орудия по всей его длине о перфорируемую кожу, что способствовало постепенному формированию следов износа – заполированности – на всей поверхности иглы.

Результатами эксперимента стало появление первых признаков заполировки поверхности на 10-й перфорации, которые стали видны невооруженным глазом после 26–27 перфорации. После выполнения 100 отверстий орудие сохранило свою целостность. Заполировка образовалась на всей поверхности изделия. «Технологический рельеф», сформированный инструментами при изготовлении иглы, полностью сnivelирован в зоне острия и частично в медиальной зоне. Выделены две зоны интенсивного формирования заполированности: острие изделия (1,0–1,5 см от кончика жала) и проксимальный обушок иглы (торцовая часть изделия в зоне ушка). Ширина изделия изменилась на 1 мм в самой широкой проксимальной части.

Мы пришли к заключению, что перфорация кожи тонкой выделки возможна без обращения к вспомогательным орудиям (проколкам, шильям), либо сложным техникам перфорации. В ходе данной практики формируется заполировка по всей поверхности изделия, но с разной степенью интенсивности в различных зонах, что является результатом трения инструмента о материал и соприкосновения инструмента с паль-

цами швеи. Наблюдается уменьшение ширины изделия, особо фиксируемое в проксимальной зоне; острие истончается и скругляется. Несмотря на то, что кинематика движений допускала «ввинчивание» и проворот иглы, следы утилизации выражены исключительно в формировании заполированности ее поверхности.

Список литературы

- Верхний палеолит: образы, символы, знаки. Каталог предметов искусства малых форм и уникальных находок верхнего палеолита из археологического собрания МАЭ РАН / отв. ред. Г.А. Хлопачев. СПб. 2016.
- Деревяно А. П., Шуньков М. В., Козликин М. Б., Федорченко А. Ю., Павленок Г. Д., Белоусова Н. Е., 2016 Костяная игла начала верхнего палеолита из центрального зала Денисовой пещеры (по материалам раскопок в 2016 году) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. 22. С. 72–75.
- Ковальченко Е. А., 2020. Практика шитья в палеолите – эксперименты и предварительные результаты // Молодежь третьего тысячелетия: Сб. статей. Омск. С. 72–77.
- Семенов С. А., 1957. Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы) // МИА № 54. М.; Л.
- Федорченко А. Ю., Белоусова Н. Е., 2021. Хронология и культурная атрибуция древнейших костяных игл верхнего палеолита Сибири // *Stratum plus*. № 1. С. 217–371.
- Хлопачев Г. А., Гиря Е. Ю., 2010. Секреты древних косторезов Восточной Европы и Сибири: приемы обработки бивня мамонта и рога северного оленя в каменном веке (по археологическим и экспериментальным данным). СПб: Наука.
- Coles J., 1979. *Experimental Archaeology*. London: Academic Press.

Результаты археологической разведки на территории Краснолиповского сельского поселения

Клименко П. Г.

*ГБУ «ВОИПЦ по охране памятников истории и культуры»,
Волгоград
serbia_1914@mail.ru*

Ключевые слова: археологические разведки, Волгоградская область, Фроловский район, мезолит, неолит, стоянка

В 2021 году отделом археологии ГБУ «ВОИПЦ по охране памятников истории и культуры» совместно с сотрудниками музея-заповедника «Старая

Сарепта» были проведены археологические разведки на территории Краснолиповского сельского поселения Фроловского района. Разведки проводились в районе ранее выявленной «стоянки Зимовской» (рис. 1).

Район исследований находится в пойменной части левого берега реки Дон, в низовьях балки Паницкой, на юго-восточной окраине хутора Зимовский, на целинном участке местности, имеющем песчаные донные наносы, на северном берегу озера Чеканное и северо-восточном берегу ерика Тонучка. Памятники располагаются в зоне распространения эоловых Арчедино-Донских песков, перекрывающих поверхность аллювиальных отложений в пойме реки Дон. Эти пески образованы отложениями древнего Дона и его притоков и движением ледников в ледниковые периоды Днепровского и Московского оледенения (Природные условия и ресурсы, 1996. С. 69–71, 87–89).

В районе исследования ранее уже находили памятники, относящиеся к эпохе камня. В верховьях балки Паницкой располагается палеолитическая стоянка Шлях, которая исследовалась в 1990–1991 гг. и 1998–2001 гг. Среднедонской палеолитической экспедицией ИИМК РАН под руководством П.Е. Нехорошева (Нехорошев, 1999 С. 48–83). В этой же балке расположено мезолитическое местонахождение Фроловское, открытое в 1980-х гг. краеведом Е.Н. Хюппененом и исследованное в 2000 г. археологом

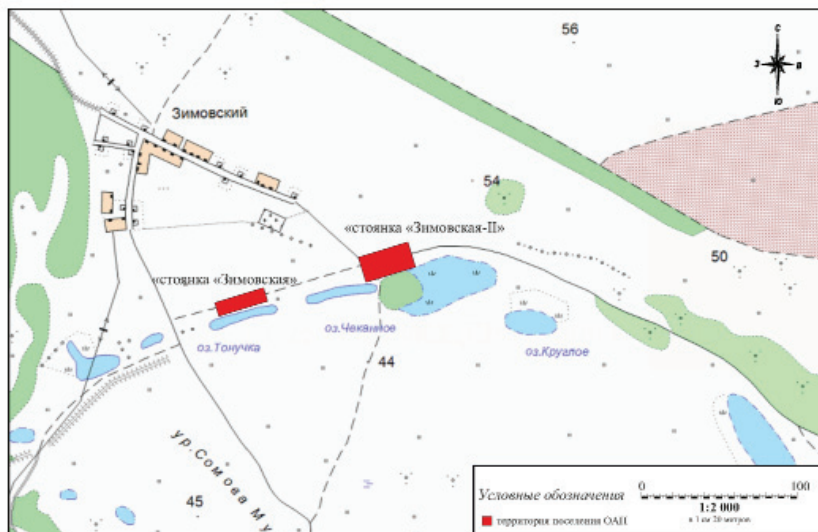

Рис. 1. Расположение памятников «Стоянка Зимовская» и «Стоянка Зимовская-II»

С.О. Ремизовым. На правом берегу реки Дон, возле станицы Кременской, находится мезолитическое местонахождение Селезневское, обнаруженное в 1990 г. Среднедонской палеолитической экспедицией ЛОИА АН СССР (Археология Нижнего Поволжья, 2006. С. 27–145, 174–178).

Памятник «Стоянка Зимовская» был обнаружен в 2014 г. местным краеведом Е.Н. Хюппененом и выявлен в 2020 г. археологом А.В. Ситниковым. В 2021 г. автором на территории памятника был заложен один шурф для выявления культурного слоя и определения стратиграфии памятника. В шурфе были найдены 20 кремневых артефактов, залежавших на глубине 40 см от дневной поверхности. Все предметы фиксировались в слое серо-коричневой гумусированной супеси, подверженной аллювиально-делювиальным процессам, культурный материал вероятно переотложен. Других следов бытования человека и артефактов не обнаружено, поэтому вопрос о наличии культурного слоя остается открытым. Возле границ памятника «Стоянка Зимовская» были проведены шурфовочные работы для определения границ памятника, так как установленные границы А.В. Ситниковым определялись по подъемному материалу. Культурный материал в шурфах отсутствовал. Стратиграфически памятник сложен элювиально-делювиальными четвертичными образованиями, состоящими из нескольких перекрывающихся слоев. Верхний слой светло-коричневого гумусированного песка, подверженный выветриванию, перекрывает аллювиальные горизонты. По зачисткам и шурфам на памятнике была получена следующая последовательность слоев:

1. Серо-коричневый гумусированный песок – современная почва подверженная выветриванию.
2. Коричневая гумусированная супесь – аллювиальные образования.
3. Серо-желтый песок, частично ожелезненный.
4. Серо-желтый суглинок с образованием карбонатов (белоглазка). Относится к материнской породе для современных почв, относящихся к голоцену.
5. Светло-желтый песок.

Подъемный материал находится на выветриваемых участках памятника и на участках, разрушаемых в результате антропогенного воздействия. Находки концентрируются ближе к берегу ерика, на разрушаемом участке, площадью около 100 кв. м. На остальной площади памятника фиксируются единичные находки.

В 200 м на северо-восток от стоянки Зимовской была обнаружена стоянка Зимовская-II. Через памятник проходят грунтовые дороги, которые выносят археологический материал на поверхность. Был собран кремневый и керамический материал, основная концентрация которого находится в центральной и южной части памятника. Единичные находки кремневых артефактов встречаются на всей площади памятника. Кремневый материал культурно и хронологически не определен, но является

аналогичным материалу памятника «Стоянка Зимовская». Керамический материал относится к XIII–XIX вв. – времени существования на это месте казачьего хутора. Памятник является многослойным, вероятно более поздняя деятельность человека нарушает нижележащие слои.

Анализ каменного материала с целью определения возраста стоянок на данный момент является предварительным. Кремневое сырье, используемое на стоянках, представляет собой хорошо окатанные галечные конкреции с плотной известковой коркой, плотной структурой без трещиноватостей и каверн, с включениями фауны мшанок и брахиопод. В цветовых оттенках кремня преобладают серые, желтые, коричневые и красные тона, что отличает его от известных сырьевых месторождений на территории Волгоградской области. Единичные изделия представлены светло-серым желвачным кремнем, относятся к местной сырьевой базе, расположенной возле стоянки Шлях (Нехорошев, 2002. С. 3–5). Каменные изделия имеют сходство по технике изготовления и материалу. По найденному материалу не проводился технолого-типологический анализ для соотношения его с известными памятниками, однако для определения примерных границ возраста местонахождения будут полезны следующие моменты:

- наличие микропластин;
 - наличие микроорудий (концевые скребки, скребла);
 - наличие фрагмента заготовки двусторонне обработанного орудия (наконечника?);
 - использование при расщеплении приема «подправки карниза» на сколах.
- Эти признаки позволяют предварительно определить временные границы не древнее мезолита–неолита.

Список литературы

- Археология Нижнего Поволжья: В 4 т. // Т. 1. Каменный век. / под общ. ред. А.С. Скрипкина. Волгоград. 2006.
- Природные условия и ресурсы Волгоградской области / под ред. В.А. Брылева. Волгоград. 1996.
- Нехорошев П.Е., 1999. Технологический метод изучения первичного расщепления камня Среднего Палеолита. СПб.
- Нехорошев П.Е., 2002. Отчет о полевых исследованиях Среднедонской палеолитической экспедиции в 2001 году // Архив ВОНПЦ.

Предварительные результаты изучения коллекции каменного инвентаря палеолитической стоянки Ирба 2

Корнева Т.В.

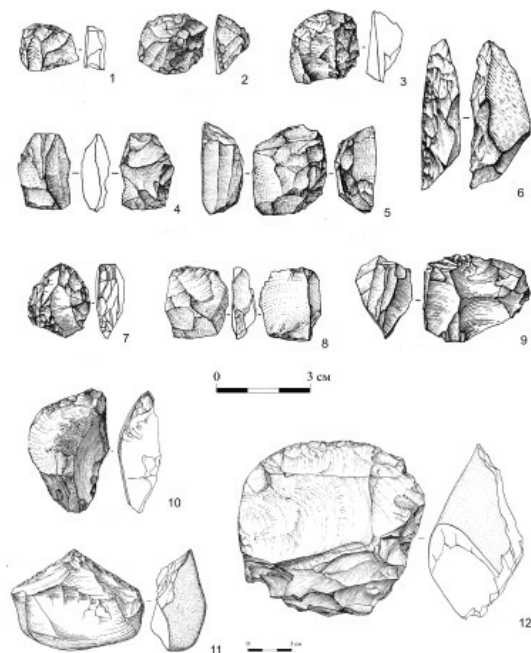
*Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
kortania22@gmail.com*

Ключевые слова: *афонтовская культура, палеолит Сибири, палеолит Енисея, расщепление камня, типология каменных орудий*

Позднепалеолитическая стоянка Ирба 2 была обнаружена в 2012 г. Саянской экспедицией ИИМК РАН в ходе разведывательных работ к юго-востоку от поселка Курагино в Красноярском крае (Поляков и др., 2018). За два сезона раскопок 2012 и 2015 гг. на площади 7375 кв. м была собрана коллекция каменного инвентаря, насчитывающая 3786 предметов, из них 96 нуклеусов и микронуклеусов и 325 орудий. Культурные остатки эпохи палеолита были зафиксированы преимущественно в восточной части раскопа. Палеолитический слой датируется финальноплейстоценовым временем (Поляков и др., 2018. С. 406).

Почти в каждой категории каменных изделий преобладают предметы из серых, серо-зеленых и черных кварцитов – они составляют от 30 до 50%. Широко использовались серо-зеленые кремнистые сланцы, а также кремень и крупнозернистое сырье. На долю орудий среди изделий из кварцитов, микрокварцитов и кремнистых сланцев приходится от 10 до 14% предметов: вероятно, эти породы приносились на стоянку в виде целых галек и проходили полный технологический цикл. Низкий процент орудий (7%) и большое количество крупных обломков включает в себя группа предметов, изготовленных из крупнозернистых пород и гранитов, их чаще выбрасывали на ранних стадиях обработки. Изделия из яшмы и молочно-белого кварца, напротив, могли попадать на стоянку в готовом виде или в виде небольших заготовок. На это указывает, с одной стороны, отсутствие нуклеусов и крупных фрагментов, а также очень малое количество находок из этих пород в общем составе коллекции, а с другой стороны – высокая доля орудий от общего количества изделий из этих видов сырья (27 и 17%). Кремень и прозрачный кварцит также приносились в виде небольших заготовок: в коллекции представлены нуклеусы и микронуклеусы, а 23 и 18% изделий из этих пород составляют орудия.

Технология расщепления камня на стоянке Ирба 2 демонстрирует сходство с технологией, подробно описанной для Майнинской стоянки (Васильев, 1996. С. 191–192). Количество целых и брошенных в начале раскалывания галек указывает на то, что древние обитатели приносили на стоянку крупные гальки разных пород, в том числе непригодных для получения качественных

*Рис. 1. Каменные орудия стоянки Ирба 2: 1–3, 7 – скребки;
4, 8 – долотовидные орудия; 5 – клиновидный нуклеус; 6, 10, 11 – скребла;
9 – торцовый микронуклеус; 12 – чоппер*

заготовок, и выбрасывали их на разных стадиях использования. Основные приемы, которые использовались при обработке нуклеусов – плоскостное параллельное и перпендикулярное расщепление, раскалывание по торцу и попеременные снятия. В качестве площадок для нанесения сколов выступали покрытые коркой участки гальки и сформированные одним ударом гладкие площадки. Скалывание чередовалось с подправкой площадок или их переменной. Жителям стоянки были знакомы леваллуазские приемы обработки ядрищ. В коллекции присутствуют призматические, клиновидные и торцовые нуклеусы (рис. 1: 5). Отбойниками служили целые гальки, галечные орудия и крупные ядрища.

В качестве основных заготовок для микронуклеусов использовались крупные отщепы и небольшие гальки. В коллекции представлены торцовые, клиновидные, призматические микронуклеусы, встречаются одно- и двуплощадочные экземпляры (рис. 1: 9). Площадки создавались одним или несколькими сколами, нанесенными от рабочего торца, или ретушью.

Преобладающей формой заготовки являлись отщепы, снятые под тупым углом, с гладкими, сформированными одним сколом или покрытыми коркой площадками. Более 70% орудий изготовлено на отщепах. Рабочие края орудий обработаны преимущественно крутой чешуйчатой дорсальной ретушью.

Наиболее распространенной категорией изделий являются скребки – они составляют 29,5% от всех орудий на стоянке (рис. 1: 1–3, 7). Длина большинства предметов не превышает 4 см, распространены миниатюрные изделия размерами менее 2×2 см. Скребки очень разнообразны: преобладают концевые короткие и укороченные экземпляры, в том числе обработанные ретушью по всему периметру; рабочие лезвия некоторых изделий выделены анкошами.

Скребла составляют 24,9% всех орудий (рис. 1: 6, 10, 11). Наиболее распространены продольные скребла с выпуклыми, реже – вогнутыми и прямыми лезвиями; встречаются поперечные, двойные, конвергентные, угловатые скребла.

Третьей по величине является группа галечных орудий (9,5%), среди которых преобладают чопперы и грубые рубящие орудия (рис: 1: 12). Представляет интерес серия пиковидных бифасиальных изделий.

Категория долотовидных орудий (8,9%) включает предметы с одним и двумя противоположными поперечными рабочими краями, в единичных случаях встречаются изделия с тремя лезвиями или с подправкой продольного края (рис. 1: 4, 8). Распространены микроорудия размерами менее 2×2 см.

Около 4,9% орудий приходится на отщепы с ретушью, такое же количество составляют пластинки и пластинчатые отщепы с ретушью. Коллекция Ирбы 2 включает 10 ножей (3,1%) на отщепах и пластинах с естественными обушками и обушками-обломами, семь выемчатых и два зубчатых орудия (2,8%), и девять острий (2,8%), среди которых встречаются атипичные, угловые и пиковидные экземпляры. Из шести комбинированных орудий три являются скребками-резцами; остальные изделия представлены сочетаниями резца и острия, резца и ножа, долотовидного орудия и скребла. Обнаружены две двойные и одна срединная проколка, а также три клювовидных орудия. Резцы немногочисленны (1,8%), но разнообразны, и включают в себя четыре угловых, один диагональный и один срединный экземпляр.

Коллекция каменного инвентаря Ирбы 2 соответствует основным признакам, выделенным З. А. Абрамовой для стоянок афонтовской культуры (Абрамова, 1976. С. 177–178). К этим признакам относится преобладание отщепов в качестве заготовок, большое количество скребков, в том числе миниатюрных, и скребел, изготовленных на отщепах, а также долотовидных орудий. Как и на большинстве афонтовских памятников

Енисей, галечные орудия в основном представлены чопперами, а резцы, острия и проколки встречаются в единичных экземплярах. Обращают на себя внимание находки листовидных бифасов: подобные изделия были обнаружены при раскопках Афонтовой Горы I–III (Астахов, 1999. Табл. I, 9, IX, 1, XVI, 4).

Работа выполнена в рамках государственного задания № FMZF-2022-0017 по теме «Развитие методики учета, хранения, научного описания и актуализация археологических коллекций, находящихся на хранении в ИИМК РАН».

Список литературы

- Абрамова З. А., 1979. Палеолит Енисей. Афонтовская культура. Новосибирск.
- Астахов С. Н., 1999. Палеолит Енисей. Палеолитические стоянки на Афонтовой Горе в г. Красноярске. СПб.
- Васильев С. А., 1996. Поздний палеолит Верхнего Енисей (по материалам многослойных стоянок района Майны). СПб.
- Поляков А. В., Васильев С. А., Амзараков П. Б., и др., 2018. Стоянка финального палеолита Ирба 2 в предгорьях Саян (предварительные итоги исследований) // *Stratum Plus. Археология и культурная антропология.* № 1. С. 383–401.

Скребки в инвентаре стоянки Каменная Балка I

Кузьминова Ю. В.

*Музей Москвы, Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва
juliakuzminovamos@gmail.com*

Ключевые слова: *верхний палеолит, каменнобалковская культура, скребки, планиграфия, типология*

Стоянка Каменная Балка I расположена на правом борту урочища Каменная Балка на берегу р. Мертвый Донец в хуторе Недвиговка Ростовской области. Памятник относится к периоду верхнего палеолита, а его возраст составляет $16\ 038 \pm 382$ кал. л. н. (Леонова, 2015). Работы на стоянке проводились в 1957–1959 гг. и в 1980–1992 гг. За все время исследований единой площадью было вскрыто 545,5 кв. м, что предположительно соответствует почти всей площади стоянки. Каменная Балка I считается однослойным памятником. На раскопанной площади культурный слой залегал *in situ*, однако на небольшой части его площади он был затронут склоновыми процессами.

По предположению Н. Б. Леоновой на стоянке было два жилых объекта – на северо-западном (объект № 2) и юго-восточном (объект № 1)

участках. Однако ввиду отсутствия на юго-восточном участке памятника скоплений костей или крупных очагов рассуждать о характере скоплений кремня в этой части стоянки затруднительно.

Вопросы планиграфического распределения, трасологического анализа и типологии скребков каменнобалковской культуры неоднократно привлекали внимание исследователей (Гвоздовер, Диопик, 1984; Виноградова, 1996; Александрова, 2012; Хайкунова, Виноградова, 2020). Также небольшая выборка целых предметов была рассмотрена при сравнении с памятниками Каменная Балка II и Третий Мыс (Гвоздовер, Диопик, 1984). В этой работе, посвященной типологии скребков основного слоя стоянки Каменная Балка II, М.Д. Гвоздовер вводит подробнейшую систему описания этой категории орудий по качественным и количественным характеристикам. Особенности характера заготовок скребков были частично освещены в работе М.Д. Гвоздовер 1964 г. в рамках общего обзора памятника (Гвоздовер, 1964. С. 39). На основании проведенной классификации скребков, авторы полагают более ранний возраст памятника Каменная Балка I в сравнении с основным слоем Каменная Балка II (17 100–17 300 кал. л.н.), что не подтвердилось впоследствии полученными датами (Леонова, 2009). Несмотря на пристальное внимание, оказывавшееся исследователями, комплексный анализ скребков Каменной Балки I как отдельной категории каменного инвентаря пока не проводился.

Скребки составляют 8,82% (118 шт.) от всех орудий на стоянке Каменная Балка I, эта категория орудий занимает третье по численности место после МППК и резцов (Кузьминова, 2021). Скребки были равномерно распределены по площади стоянки и встречались в основном за пределами очагов (рис. 1). Максимальная концентрация скребков составила 4 пр. / кв.м. (кв. В-9). Обращает на себя внимание, что среди скребков со второго объекта нет полностью патинизированных экземпляров – они либо не покрыты патиной, либо покрыты ею частично (с одной стороны орудия / на небольшом участке). Скорее всего, это связано с условиями залегания – первый объект находится ближе к краю мыса.

Длина скребков составляет от 68,6 до 11,3 мм; ширина от 40,5 до 15,0 мм; толщина лезвия от 12,1 до 2,1 мм. Скребки на пластинах составляют 57,8%, на отщепах – 37,8% от общего числа скребков, остальные предметы изготовлены на технологических сколах и составляют около 5%. Довольно часто (10%) встречаются скребки с резцовым сколом на противоположном лезвию крае – являются ли эти орудия комбинированными или резцовый скол выполнял функцию сужения основания скребка, например для дальнейшего помещения в рукоять, остается непонятным, по крайней мере, до проведения трасологического анализа.

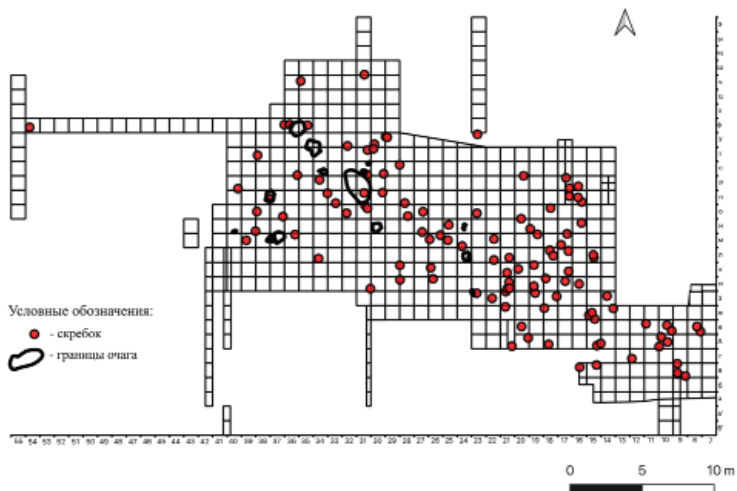

Рис. 1. Сводный план распределения скребков на стоянке Каменная Балка I

Скребки стоянки Каменная Балка I имеют довольно большой разброс по форме, тем не менее выделяются несколько устойчивых морфологических групп (по характеру оформления скребкового лезвия): 1) скребки с дугообразным лезвием; 2) скребки со спрямленными участками лезвия; 3) скребки с круговым ретушированием краев; 4) скребки с выемкой на лезвии; 5) скребки с «шипом», имеющие на лезвии две скошенные грани (Гвоздовер, Деопик, 1984; Александрова, 2012). В коллекции также присутствуют единичные случайные формы скребков, изготовленные на нерегулярных отщепах, неправильных пластинах и сколах с площадки нуклеуса без интенсивной серьезной модификации формы заготовки (Гвоздовер, Деопик, 1984. С. 118).

Очевидно, что часть скребков либо так и осталась неиспользованной, либо их лезвие было подновлено. Однако на некоторых экземплярах невооруженным взглядом видны следы работы. Для восстановления характера и расположения различных хозяйственных зон на стоянке планируются дальнейшие трасологические исследования этих следов.

Список литературы

- Виноградова Е. А., 1996. Скребки юго-западного участка стоянки Каменная Балка II (Ростовская обл., Россия) // Археологический альманах. Вып. 5. С. 185–191.
- Гвоздовер М. Д., Деопик Д. В., 1984. Опыт классификации каменных орудий (на материале верхнепалеолитических скребков) // Типология основ-

- ных элементов традиционной культуры / отв. ред. М. В. Крюков, А. С. Кузнецов. М. С. 115–200.
- Кузьмина Ю. В., 2021. Опыт планиграфического анализа стоянки Каменная Балка I // Рогачевские чтения: труды музея-заповедника «Костенки». Вып. 1. Воронеж. С. 163–173.
- Леонова Н. Б., 2009. Жилые площадки каменнобалковской культуры // С. Н. Бибииков и первобытная археология / отв. ред. С. А. Васильев, Л. В. Кулаковская. СПб. С. 195–201.
- Леонова Н. Б., 2015. Каменнобалковская культура – один из опорных комплексов верхнего палеолита Северного Причерноморья // Древние культуры Восточной Европы: эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований (Замятнинский сборник. Вып. 4) / отв. ред. Г. А. Хлопачев. СПб. С. 150–161.
- Хайкунова Н. А., Виноградова Е. А., 2020. Каменная индустрия каменнобалковской культуры – современное состояние исследования (по материалам 2-го культурного слоя стоянок Каменная Балка II и Третий Мыс) // Исторический журнал: научные исследования. № 5. С. 66–84.

Использование рога в индустрии раннего верхнего палеолита Костенки 14/IVb

Куприянова М. Д.

Санкт-Петербургский государственный университет,

Санкт-Петербург

st072078@student.spbu.ru

Ключевые слова: *ранний верхний палеолит, расщепление рога, индустрии из твердых органических материалов, технология, Костенки*

Предметы из твердых органических материалов (кости, рога, бивня) широко представлены орудиями и дебитажем в индустрии стоянки Костенки 14/IVb. Их изучение позволяет больше узнать о функциональной принадлежности стоянки, экономике использования сырья, способах обработки и использования орудий древним человеком. Датировка этого слоя на уровне 41,0–41,5 кал. тыс. л. н. (Dinnis et al., 2019) делает его одним из самых древних для территории Костенковско-Борщевского палеолитического района. Представленная работа посвящена описанию особенностей обработки рога (технологии расщепления и вторичной обработке) в индустрии Костенок 14/IVb.

В коллекции культурного слоя IVb Костенок 14 представлены орудия из рога бизона, благородного и, возможно, северного оленя (Бурова, 2021). Причем к сугубо фаунистическим остаткам, то есть к предметам из рога без следов обработки, пожалуй, нельзя отнести ни один из предметов.

Методика исследования включает в себя морфологическое описание и технологический анализ, дополненные трасологическими наблюдениями. Морфология изделий описывается с учетом анатомической части рога, из которой оно изготовлено. Технологический анализ, помимо морфологии, учитывает макроследы, возникающие при производстве и использовании предметов, что позволяет выявить техники, применяемые на разных этапах обработки. Предположения о способах фрагментации и приемов вторичной обработки заготовок проверяются экспериментально.

Материалы культурного слоя IVb отличаются сочетанием протоориньякских и ориньякских признаков в каменном инвентаре (Синицын, 2016). Первичное расщепление рога, описанное в литературе для ориньякских индустрий (Tartar, 2018), находит аналогии в индустрии рассматриваемой стоянки. В публикациях описывается и проверяется экспериментально изготовление заготовки путем расщепления «мокрого» (свежего) или сухого рога с использованием посредника (Tejero et al., 2012; Baumann et al., 2013. Fig. 3. a, b) (рис. 1: a, b). Вывод о применении подобной техники можно сделать по форме готовых предметов коллекции, отсутствию следов надпилов и пазов и по виду поверхностей без вторичной обработки.

Основным типом изделий из рога в Костенках 14/IVb являются мотыжки (Синицын, 2016). При общем подобии они имеют несколько разную форму лезвия, размеры, угол в абрисе (рис. 1: 1–4). Размеры предметов варьируют от $61,4 \times 25,8 \times 9,8$ мм до $137,8 \times 53,0 \times 20,2$ мм. На 4 из 12 предметов можно отметить неравномерное изнашивание края (фаски), что отражает кинематику работы. На некоторых из артефактов на рабочей кромке при увеличении до 200 крат можно отметить сохранившиеся участки заполировок. По характеру поверхностей, локализации заполировок можно предположить работу по обработке кожи, копанье земли. Подобные следы сформировались на экспериментальном предмете при работе по мездрению шкурки кролика. На основании этих данных можно говорить о разном функциональном назначении изделий этой категории.

Кроме вышеописанных мотыжек, в коллекции можно выделить пластины, отличающиеся по длине и ширине, углу граней (рис. 1: 6–7). Однако из-за отсутствия целых предметов этой категории, их причисление к какому-либо типу затруднено. Их размеры варьируют в пределах от $150,1 \times 21,0 \times 8,0$ мм до $89,1 \times 21,3 \times 8,0$ мм. Орудия этой категории более плоские, практически у всех не сохранился рабочий край, однако ребра предметов имеют следы шлифовки.

Также присутствуют кончики отростков рогов с негативами сколов, видимо образовавшиеся при разделении целого рога (рис. 1: 8). Их можно принять за дебитаж, однако на некоторых из них можно отметить разные

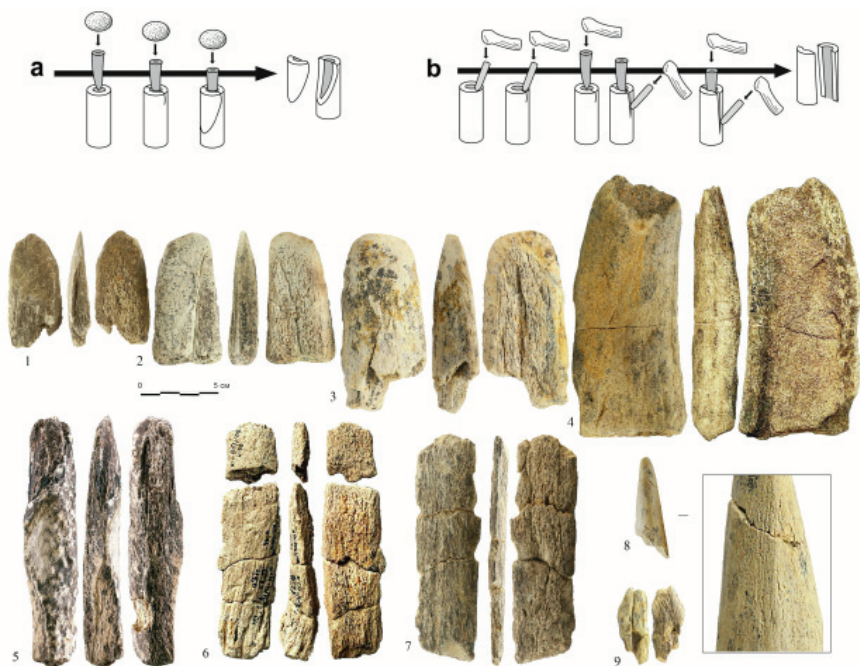

Рис. 1. Способы расщепления рога в индустрии Костенок 14/IVb: a – расщепление рога северного оленя; b – расщепление рога благородного оленя, толщиной кортикальной ткани 0,5 см (Tejero et al., 2012; Baumann, Maury, 2013). Изделия: 1–4 – мотыжки; 5 – долото; 6–7 – пластинки; 8 – кончик отростка рога; линейные технологические следы с увеличением в три раза; 9 – дебитаж

следы антропогенного воздействия в виде линейных следов подшлифовки на одном предмете, сколы и залощенность всей поверхности на втором, и удаление губки в третьем случае.

Единичными находками представлены: долото, изготовленное из стержневидной заготовки, его лезвие образовано негативом предыдущего скола, аккомодационная часть также сформирована сколами (рис. 1: 5); фрагмент шила или наконечника (размеры $20,7 \times 8,0 \times 3,5$ мм), следов от процесса производства на нем не сохранилось, но общая форма говорит о том, что это именно часть изделия; фрагмент соединения ствола рога и отростка, разделенный продольно и имеющий следы заполировки на кончике; полый отросток рога, который мог быть рукоятью, судя по следам сколов по краю обоих концов и удаленной губке.

Можно сделать вывод об использовании рога в виде пластинчатых заготовок со вторичной обработкой для разного рода хозяйственной деятельности. Рог по всей видимости приносился на стоянку в виде заготовок, так как не обнаружено его крупных отдельностей. Также небольшое количество фрагментов можно отнести к дебитажу, что, в свою очередь, говорит либо об изготовлении предметов за пределами стоянки, либо об утрате фрагментов рога без обработки. Самой выразительной с точки зрения морфологии группой предметов являются мотыжки. Подобных предметов из кости или бивня в коллекции значительно меньше – возможно, рог был выбран для их изготовления как более крепкий материал.

В контексте данной индустрии, изучение рога позволяет больше узнать о роде занятий и экономике древних жителей стоянки. В продолжение исследования важно провести функциональное исследование, эксперименты по копанью земли, мездрению шкуры, обработке дерева, проверить предположения об использовании рогов в качестве рукоятей.

Список литературы

- Бурова Н. Д., 2021. Зооархеологический анализ слоя IVb верхнепалеолитического памятника Костенки 14 // Международная научная конференция «Верхний палеолит Европы: Время культурных новаций»: Тез. докл. СПб. С. 45–47.
- Синицын А. А., 2016. Искусство, украшения и проблема эстетики раннего верхнего палеолита Восточной Европы // Верхний палеолит: образы, символы, знаки. Каталог предметов искусства малых форм и уникальных находок верхнего палеолита из археологического собрания МАЭ РАН / отв. ред. Г. А. Хлопачев. СПб. С. 320–337.
- Baumann M., Maury S., 2013. Ideas no longer written in antler // Journal of Archaeological Science. Vol. 40. P. 601–614.
- Dinnis R., Bessudnov A., Reynolds N., Deviese T., Pate A., Sablin M., Sinitsyn A., Higham T., 2019. New data for the Early Upper Paleolithic of Kostenki (Russia) // Journal of Human Evolution. Vol. 127. P. 21–40.
- Tartar E., 2018. La fracturation du bois de renne à l'Aurignacien Mise en évidence d'une nouvelle modalité d'exploitation impliquant la percussion directe // «À coup d'éclats!» La fracturation des matières osseuses en Préhistoire: discussion autour d'une modalité d'exploitation en apparence simple et pourtant mal connue. Actes de la séance de la Société préhistorique française de Paris / dir. C. Manen. Paris. P. 119–138.
- Tejero, J.-M., Christensen, M., Bodu, P., 2012. Red deer antler technology and early modern humans in Southeast Europe: an experimental study // Journal of Archaeological Science. Vol. 39. № 2. P. 332–346.

**Галечный компонент индустрии грота Ахцу в контексте
позднеплейстоценовых-раннеголоценовых индустрий Кавказа**

Любимов Н. А.

Санкт-Петербургский государственный университет,

Санкт-Петербург

m.lubimov01@yandex.ru

Кулаков С. А.

Институт истории материальной культуры РАН,

Санкт-Петербург

kazvolg@yandex.ru

Ключевые слова: *финальный палеолит, мезолит, галечные орудия, Кавказ, Закавказье*

Грот Ахцу расположен на правом берегу р. Мзымты в 500 м к юго-западу от п. Монастырь. Памятник был открыт в 2014 г. А. С. Кизиловым. В июне 2015 г. в гроте были проведены разведочные раскопки (заложен шурф площадью 2×3 м). Стратиграфическая колонка памятника включает в себя 13 литологических подразделений, из которых 6 содержали культурные остатки. На сегодняшний день можно выделить по меньшей мере две пачки культуросодержащих слоев (слои 1–2 и слои 4–6), границей между которыми служит известняковая брекчия – слой 3 (Кулаков и др., 2017. С. 64). Для памятника были получены радиоуглеродные даты: 8852 ± 300 и 11300 ± 150 тыс. л. н. для слоя 6 и 8280 ± 200 и 8279 ± 100 тыс. л. н. для слоя 5/3. Разница дат более чем в 2000 лет для слоя 6 может объясняться неоднородностью материалов этого слоя (Кулаков и др., 2017. С. 65). На основании общего облика каменной индустрии (сочетание микролитов трапеций и сегментов) мы считаем, что памятник имеет достаточно поздний возраст и относится к эпохе позднего мезолита Кавказа.

Несмотря на малый объем проведенных работ на памятнике, была собрана весьма выразительная коллекция каменных артефактов, типичная для памятников эпохи среднего-позднего мезолита Северного Причерноморья. Отличительной чертой индустрии грота Ахцу являются галечные орудия, изготовленные из местного сырья из р. Мзымта. Они встречаются во всех слоях памятника, но большая их часть была обнаружена в слое 5 (18 из 64 экз.). Аналогии подобной индустрии встречаются преимущественно южнее Большого Кавказского хребта на памятниках моложе максимума последнего оледенения (Бадер, 1984. С. 286; Соловьев, 1987. С. 47; Кулаков, Дятлов, 2018. С. 100). Вопросы появления и генезиса подобных индустрий на Кавказе остаются не проясненными. Техничко-

типологическое описание коллекции галечных орудий проводилось по общепринятым разработкам (Гирия, 1997. С. 39–79).

Расщепление галечного сырья осуществлялось в плоскостной технике. Всего было выделено 5 ядрищ. Они представляют собой массивные отдельности сырья весом от 177 до 803 г. Сработанность большинства из них средняя. Снятия носили однонаправленный характер (4 экз.) и в одном случае радиальный. Большинство нуклеусов одноплощадочные (3 экз.). Сырьем служил мелкозернистый сланец серого и коричневого цветов.

Целевой заготовкой являлся отщеп (48 из 64 экз.) длиной 60–120 мм. Ширина заготовки, как правило, превосходит длину в 2–3 раза. Также встречаются пластинчатые отщепы (4 экз.) и неопределимые сколы (10 экз.). Огранка спинки определялась в соответствии с классификацией, предложенной В.Н. Гладилиным для среднепалеолитических материалов, поскольку эта классификация наилучшим образом отражает особенности некремневых галечных форм (Гладилин, 1976. С. 36–48). Помимо преобладающих естественных и бессистемных огранок отмечены продольная (10 экз.) и конвергентная (6 экз.) огранки. Преобладающим типом ударной площадки является гладкая прямая (32 экз.). Коническое и неконическое начало скальвающей встречается в равной степени (21 и 21 экз.) (Гирия, 1997). Окончание скальвающей в основном перообразное (37 экз.). Следы термического воздействия отмечены на 8 находках из 64. Изредка встречается ожелезнение.

Орудия составляют малую часть коллекции (8 из 77 экз.). Большая часть – это отщепы с ретушью по продольным краям. Использовались достаточно массивные заготовки весом от 130 до 483 г. Единственный целый нож в коллекции изготовлен из массивного отщепа длиной 90 мм и имеет ретушированный обушок. Наиболее выразительной формой является топорообразное орудие из слоя 5/3. Оно изготовлено на отдельности сырья весом 465 г и имеет длину 145 мм при протяженности лезвийной кромки 76 мм. Лезвие перпендикулярно длинной оси орудия и оформлено тремя однонаправленными сколами, нанесенными с одной стороны. Аккомодационная часть – естественная поверхность. На ней есть следы забитости.

К сложно интерпретируемым формам относятся плитки со сколами и мотыжка. Она имеет овальную форму, изготовлена на отдельности сырья массой 145 г и длиной 120 мм. Лезвие сформировано двумя сколами, нанесенными с двух сторон. Аккомодационная часть – естественная поверхность.

На основании анализа коллекции можно сделать несколько выводов:

1. После максимума последнего оледенения в некоторых индустриях Кавказа отмечается присутствие галечных орудий и расколотых галек.

В гроте Ахцу некремневый каменный компонент является выразительной частью индустрии.

2. В гроте Ахцу галечные орудия в основном представлены крупными рубящими формами (топор, массивные ретушированные отщепы), количество которых сравнительно невелико.

3. Галечное сырье использовалось как наиболее доступный ресурс для получения массивных заготовок, которые могли использоваться как ножи или скребла, что можно рассматривать как адаптацию к местным условиям.

4. Часть орудий из коллекции Ахцу (плитки с двумя-тремя сколами), скорее всего, являются примером ситуационного расщепления.

Список литературы

- Бадер Н.О., 1984. Поздний палеолит Кавказа // Палеолит СССР. М. С. 272–301.
- Гиря Е.Ю., 1997. Технологический анализ каменных индустрий. Методика макро-микроанализа древних орудий труда. Ч. 2. СПб.
- Гладилин В.Н., 1976. Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. Киев.
- Кулаков С.А., Дятлов А.С., Казарницкий А.А., 2017. Открытие нового памятника каменного века на Северо-Западном Кавказе // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе / отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул. Т. 1. С. 62–67.
- Кулаков С.А., Дятлов А.С., 2018. Некоторые данные по каменной индустрии грота Ахцу на Северо-Западном Кавказе // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX Крупновские чтения. Мат. междунауч. конф. (Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г.). Карачаевск. С. 100–102.
- Соловьев Л.Н., 1987. Памятники каменного века Абхазии. Тбилиси.

Есен-2 – древнейшая специализированная мастерская палеолита Северного Узбекистана

Мадреймов Б.Д.

Каракалпакский государственный университет им. Бердаха,

Нукус, Узбекистан

bmadreymov@inbox.ru

Ключевые слова: *палеолит, специализированные камнеобрабатывающие мастерские, Устюрт, Узбекистан*

Изучение палеолитических камнеобрабатывающих мастерских позволяет расширить наши знания о жизненных условиях, быте и хозяйстве древнейших предков, а также об уровне палеоэкономических, технических, минералогических знаний и других важных аспектах жизни древнего общества.

На территории Узбекистана обнаружено большое количество камнеобрабатывающих мастерских эпохи палеолита: Капчигай (Ферганская долина), Учтут, Иджонт, Вауш (долина Зарафшана), Кызылалма 1–4, Джарсай, Гыштсай (долина Ахангарана), Есен-2, Каракудук, Шахпакты (Устюрт) и стоянка-мастерская Кызылкыр (Кызылкумы) (Касымов, 1965. С. 30–39).

Устюрт – один из регионов, богатых памятниками разных этапов каменного века. Существовавшие здесь палеоэкологические условия способствовали возникновению различных культур, начиная с раннего палеолита. Этот регион представляет собой обширное аридно-денудационное плато. Характерным элементом равнинного рельефа Устюрта являются бессточные впадины, к которым приурочено большинство известных палеолитических местонахождений (Вишняцкий, 1996. С. 32).

Одним из самых известных памятников в Устюрте является Есен-2 (Бижанов, 1979. С. 68–72). Памятник был открыт Е. Б. Бижановым и А.В. Виноградовым в 1977 г. (Виноградов, Бижанов, 1978. С. 522). Он расположен на ровной поверхности невысокого холма площадью 90 × 40 кв. м. Выразительную часть коллекции Есен-2 составляют бифасы-наконечники. Установлено, что эта мастерская была предназначена именно для их производства (Бижанов, 1979. С. 48; Виноградов, 1981. С. 55–56).

На основании сравнения с материалами Центрального Казахстана находки из Есен-2 изначально были условно отнесены к периоду позднего палеолита (Виноградов, Бижанов, 1978. С. 522). В более поздних статьях Е.Б. Бижанов на основании приведенных выше сравнительных данных датировал материалы Есен-2 концом раннего палеолита или началом среднего палеолита (Бижанов, 1979. С. 68–72).

А.В. Виноградов провел большую работу по изучению материалов Есен-2 и сравнению их с материалами других памятников Южного Казахстана (стоянок Бориказган, Танирказган и др.). Его исследование показало, что различий между материалами вышеупомянутых памятников больше, чем сходств и что это может быть связано с большим разнообразием культурных и технических традиций в палеолите Южного Казахстана, во многих из которых бифасы не играли значительной роли (Виноградов, 1981. С. 57). В материалах А.А. Алпысбаева присутствует только один раннепалеолитический артефакт, обнаруженный в районе Акколя, который можно сравнить с бифасом из Есен-2. Другие находки из Южного Казахстана типологически ближе к чопперам. Резюмируя вышеизложенное, А.В. Виноградов предлагает относить материалы Есен-2 не к ашелю или ашело-мустье, а к концу среднего палеолита или началу позднего палеолита (Виноградов, 1981. С. 57).

Единственная имеющаяся в литературе классификационная схема развития камнеобрабатывающих мастерских Средней Азии предложена

М.Р. Касымовым и Л.Я. Крижевской (Касымов, Крижевская, 1969. С. 265–268). Согласно этой схеме Есен-2 можно отнести к категории «специализированных мастерских». Таким образом, отнесение памятника Есен-2 к среднему палеолиту позволяет подтвердить идею В.П. Любина, выдвинутую им на основе изучения палеолитических материалов Кавказа, о появлении специализированных мастерских в эту эпоху (Любин, 1965. С. 11–56).

Список литературы

- Бижанов Е.Б., 1979. Находки памятников палеолита на юго-восточном Устюрте // Вестник КФАН УзбССР. № 3. С. 68–72.
- Виноградов А.В., Бижанов Е.Б., 1978. Первые палеолитические находки с юго-восточного Устюрта // Археологические открытия 1977 года. Москва. С. 522.
- Виноградов А.В., 1981. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья // Тр. ХАЭЭ. XIII. М.
- Вишняцкий Л.Б., 1996. Палеолит Средней Азии и Казахстана. СПб.
- Касымов М.Р. 1965. Новые данные о Каратауских кремнеобрабатывающих мастерских каменного века в Бухарской области // ИМКУ. Вып. 6. Ташкент. С. 30–39.
- Касымов М.Р., Крижевская Л.Я., 1969. О классификации кремнеобрабатывающих мастерских. Москва // Советская Археология. № 1. С. 265–268.
- Любин В.П., 1965. К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий // Материалы и исследования по археологии СССР. № 131. С. 11–56.

Естественная сортировка находок в археологических слоях терминального среднего – ранних этапов верхнего палеолита Центральной Монголии

Марченко Д.В., Хаценович А.Р., Рыбин Е.П.

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
dasha-smychagina@yandex.ru*

Ключевые слова: *Центральная Монголия, естественная сортировка, анализ направлений, средний палеолит, верхний палеолит*

Формирование и погребение археологических горизонтов памятников Орхон-7 и Мойлтын ам в Центральной Монголии, опорных для хроностратиграфии региона, происходило в условиях постоянного колебания температуры и влажности (Деревянко и др., 1992). Таким образом, условия формирования содержащих культурные остатки слоев указывают на необходимость проверки переотложения находок на этих памятниках.

Стоянки находятся на р. Орхон в 6 км друг от друга. Оба памятника изучены в ходе нескольких циклов исследований (Окладников, 1981;

Деревянко и др., 2010; Хаценович и др., 2021). На стоянке Орхон-7 при раскопках 1980-х гг. горизонт 3 терминального среднего палеолита мощностью до 0.8 м был вскрыт пятью условными горизонтами (УГ). Сведения о длине, ширине и толщине находок использованы для сравнения размеров находок между УГ.

Сезонное промерзание зачастую ведет к вертикальному перемещению каменных артефактов в культурном слое (Беляева, 2014). Наиболее подвержены такому движению объекты с большей эффективной высотой (т. е. расстоянием от нижней до верхней точки) (Wood, Johnson, 1978). Чтобы определить, какие артефакты могли иметь наибольшую эффективную высоту, мы посчитали коэффициенты длина/ширина, также в анализе учитывались толщина и вес артефактов (табл. 1, 2). Сравнение

Таблица 1. Результаты сравнения коэффициентов длины/ширины, толщины, веса изделий между слоями стоянки Мойлтын ам¹

Коэффициенты длина/ширина						
	Слой 1	Слой 1.2	Слой 2	Слой 3	Слой 4	Слой 5
Слой 1		0,96	0,72	0,90	0,57	0,94
Слой 1.2	0,96		0,77	0,93	0,43	0,93
Слой 2	0,72	0,77		0,67	0,45	0,84
Слой 3	0,90	0,93	0,67		0,26	0,99
Слой 4	0,57	0,43	0,45	0,26		0,64
Слой 5	0,94	0,93	0,84	0,99	0,64	
Толщина						
	Слой 1	Слой 1.2	Слой 2	Слой 3	Слой 4	Слой 5
Слой 1		1,0	0,01	0,01	0,59	1,0

¹ Жирным шрифтом выделены $p < 0,05$, показывающие, что средние значения между группами значительно отличаются.

Слой 1.2	1,0		0,02	0,02	1,0	1,0
Слой 2	0,01	0,02		1,00	0,01	0,14
Слой 3	0,01	0,02	1,0		0,00	0,07
Слой 4	0,59	1,00	0,01	0,00		1,00
Слой 5	1,0	1,0	0,14	0,07	1,0	
Вес						
	Слой 1	Слой 1.2	Слой 2	Слой 3	Слой 4	Слой 5
Слой 1		1,0	0,09	0,07	1,0	1,0
Слой 1.2	1,0		0,02	0,08	1,0	1,0
Слой 2	0,09	0,02		1,0	0,0	0,13
Слой 3	0,07	0,08	1,0		0,0	0,23
Слой 4	1,0	1,0	0,0	0,0		1,0
Слой 5	1,0	1,0	0,13	0,23	1,0	

Таблица 2. Результаты сравнения коэффициентов длины/ширины, толщины изделий между УГ арх. слоя 3 стоянки Орхон-7²

Коэффициенты длина/ширина					
	УГ1	УГ2	УГ3	УГ4	УГ5
УГ1		1,0	1,0	1,0	1,0
УГ2	1,0		1,0	1,0	1,0

² Жирным шрифтом выделены $p < 0,05$, показывающие, что средние значения между группами значительно отличаются.

Коэффициенты длина/ширина					
УГ3	1,0	1,0		1,0	1,0
УГ4	1,0	1,0	1,0		0,87
УГ5	1,0	1,0	1,0	0,87	
Толщина					
	УГ1	УГ2	УГ3	УГ4	УГ5
УГ1		0,01	0,06	0,52	0,04
УГ2	0,01		1,0	1,0	1,0
УГ3	0,06	1,0		1,0	1,0
УГ4	0,52	1,0	1,0		1,0
УГ5	0,04	1,0	1,0	1,0	

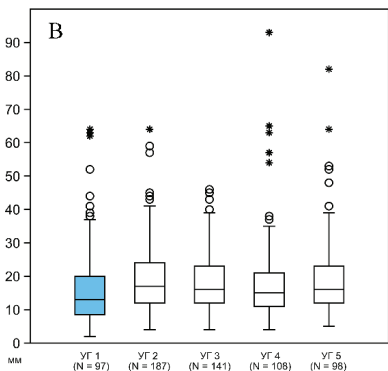
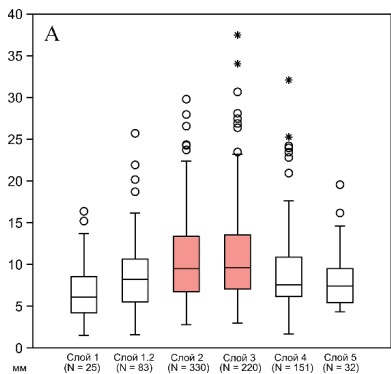

Рис. 1. Сравнение толщины изделий: А – между слоями стоянки Мойлтын ам (слои, где толщина значимо больше, выделены красным); В – между УГ археологического слоя 3 стоянки Орхон-7 (УГ, где толщина значительно меньше, выделен голубым)

коэффициентов длины/ширины для обоих памятников показало, что статистически значимых различий в пропорциях артефактов нет (парный тест Манна–Уитни, значения p с поправкой Бонферрони). На этом основании можно заключить, что разница в размере и форме артефактов обоих стоянок не должны оказать влияние на результат исследования.

В результате было выявлено, что залежавшие в средней части разреза Мойлтын ам (слои 2 и 3) артефакты были значительно тяжелее и толще, чем артефакты в ниже- и вышележащих слоях (табл. 1, рис. 1: А). Анализ направлений (McPherron, 2018) показал, что все культурные горизонты стоянки являются нарушенными. Слои нижней пачки (4–6) с культурными остатками начального верхнего палеолита несут следы солифлюкции, результата перенасыщения грунта влагой. Слои средней пачки (2 и 3) со смешанным культурным материалом различных стадий верхнего палеолита образованы в сухих условиях, вероятно, в ходе двух эпизодов гравитационного переотложения находок с участков выше по склону – наиболее крупный материал в ходе осыпей скапливается в нижних частях склонов (Воскресенский, 1978). Патина и карбонатная корка на обеих сторонах изделий из слоя 2 и низкая сохранность кости в слоях 2 и 3 (в отличие от нижележащих слоев) подкрепляет это предположение.

На стоянке Орхон-7 в верхней части археологического горизонта 3 выявлена прослойка находок меньшего размера (УГ1, табл. 2, рис. 1: В). Она ассоциирована с гравийным прослоем и, вероятно, образована переотложением части того же горизонта, залежавшего выше по склону. Мелкие объекты наиболее подвержены перемещению, особенно в холодных и влажных условиях, реконструируемых для времени формирования горизонта (Хаценович и др., 2021).

Естественная сортировка в результате различных процессов может быть признаком как полного (Мойлтын ам), так и частичного переотложения, не смешивающего разновременные артефакты (Орхон-7).

Список литературы

- Беляева В. И., 2014. Несколько заметок к биографии культурного слоя // Проблемы археологии эпохи камня / под ред. Д. Г. Савинова, А. И. Мурашкина, Е. В. Дорониной. СПб. С. 225–233.
- Воскресенский С. С., 1971. Динамическая геоморфология. Формирование склонов. М.
- Деревянко А. П., Николаев С. В., Петрин В. Т., 1992. Геология, стратиграфия, палеогеография палеолита Южного Хангая. Новосибирск.
- Деревянко А. П., Кандыба А. Г., Петрин В. Т., 2010. Палеолит Орхона. Новосибирск.
- Окладников А. П., 1981. Палеолит Центральной Азии. Мойлтын ам (Монголия). Новосибирск.

- Хаценович А. М., Вишневецкая И. А., Базаргур Д., Вольвах А. О., Клементьев А. М., Ге Дж., Жилич С. В., Марченко Д. В., Окунева Т. Г., Когай С. А., Гунчинсурэн Б., Рыбин Е. П., Олсен Дж. У., Деревянко А. П., 2021. Природная среда и эпизоды заселения Центральной Монголии в позднем плейстоцене: по материалам памятников в долине реки Орхон // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 49. № 2. С. 3–22.
- McPherron S. J. P., 2018. Additional statistical and graphical methods for analyzing site formation processes using artifact orientations // PLoS ONE. Vol. 13 № 1. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0190195>
- Wood W. R., Johnson D. L., 1978. A Survey of Disturbance Processes in Archaeological Site Formation // Advances in Archaeological Method and Theory. Vol. 1. P. 315–381.

К проблеме идентификации отходов бифасиального производства в индустриях верхнего палеолита: опыт экспериментального моделирования на алтайском сырье

Михиенко В. А.

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
volnavvv@mail.ru*

Ключевые слова: Горный Алтай, верхний палеолит, экспериментальное моделирование, бифасиальное расщепление, листовидные бифасы, отходы производства, сколы утончения бифасов

Технология производства бифасиальных изделий на Алтае появляется в эпоху среднего палеолита и достигает своего расцвета в верхнем палеолите. Вариабельность изделий с двусторонней обработкой при недостаточной проработке источниковой базы на сегодняшний день не позволяет однозначно судить о тенденциях в развитии бифасиальных технологий на Алтае. В то же время в литературе неоднократно предпринимались попытки обсуждения места индустрий с бифасами в культурной последовательности региона (Деревянко, Шуньков, 2002; Rybin, 2014).

Одним из значимых аспектов изучения производств двусторонних орудий выступает проблема вычленения в археологических коллекциях специфических отходов производства – сколов (отщепов) утончения. В научной литературе характеристика бифасиальных технологий, за редким исключением (Колобова и др., 2019; Белоусова и др., 2021), базируется на исследовании только немногочисленных конечных форм. Расширение источниковой базы за счет идентификации и исследования отходов производства позволило бы дополнить представления о про-

странственно-временных аспектах бифасиального производства, связанных с ним сырьевых и охотничьих стратегиях обитателей стоянок, а также их мобильности.

Цель данной работы заключается в определении морфометрического облика сколов утончения бифасов для выявления отходов производства в археологических комплексах региона. В трудах по данной тематике приводятся характеристики для дебитаж, полученного в результате применения мягкого минерального и органического отбойника (Колобова и др., 2019; Whittaker, 1994). В рамках исследования были проанализированы целые отщепы, полученные с четырех бифасиальных преформ из сырья осадочного и вулканогенного происхождения в результате вторичного утончения каменным и роговым отбойниками (табл. 1).

В результате исследования было установлено, что более массивные сколы утончения бифасов получаются в результате применения каменного отбойника. Форма отщепов скорее зависит от сырья, нежели от используемого инструментария. Все отщепы утончения, вне зависимости от отбойника, имеют укороченные или короткие пропорции, что подтверждается и в ходе экспериментальных наблюдений (Белоусова и др., 2022). Во время операции из-за характерных особенностей местного сырья сколы редко доходят до середины отдельности, в отличие от тех, что характерны при расщеплении кремня. Самым ярким маркирующим признаком является бинаправленная/биконвергентная огранка дорсальной поверхности с плоскими негативами утончения. Сколы с такой морфологией иногда фиксируются в скоплениях на стоянках Алтая и позволяют идентифицировать акты бифасиального производства. Экспериментальное моделирование позволило установить, что большинство отходов бифасиального производства визуально неотлично от дебитаж другого происхождения, встречающегося на археологических стоянках, так как не сохраняет специфических признаков. Полученные экспериментальные эталоны отходов бифасиального производства позволили обратиться к археологическим материалам верхнего палеолита Алтая для идентификации сколов утончения бифасов на стоянках. В результате ревизии каменных индустрий подобные отходы производства были выявлены в коллекциях стоянок открытого типа Кара-Бом, Усть-Каракол-1, Ануй-3 и Тюмечин-4. В редких случаях дебитаж включал фрагментированные орудия и залегал в виде технологических скоплений, ассоциированных с этапом вторичного бифасиального утончения или переоформления. Единичные сколы утончения бифасов были также обнаружены в коллекциях предвходовой площадки и центрального зала Денисовой пещеры; при этом отходы производства не обнаруживают связи с известными находками готовых орудий.

Таблица 1. Морфометрические характеристики экспериментальных эталонов сколов утончения бифасов

№	Сырье	Тип отбойника	Кол-во анализируемых сколов	Форма	Пропорции	Индекс массивности	Ширина остаточных ударных площадок (мм)	Глубина остаточных ударных площадок (мм)
1	Осадочное (алевролит)	Камень	74	Линзовидная форма (38,1%), реже подтреугольная (15,9%) и сегментовидная (11,1%)	Укороченные либо короткие пропорции (по 41,3%)	От 2,2 до 13,3 (ср. знач. = 7,2)	От 3,8 до 26,6 (ср. знач. = 12,2)	От 1,1 до 12,9 (ср. знач. = 3,5)
2	Вулканогенное (туф)	Камень	50	Преимущественно угловатая форма (подтрапещевидная (42,6%) или подтреугольная (27,7%))	Укороченные (66%), реже короткие (25,5%) пропорции	От 2,3 до 12,0 (ср. знач. = 5,6)	От 5,1 до 49,7 (ср. знач. = 20,4)	От 0,7 до 16,2 (ср. знач. = 6,3)
3	Осадочное (алевролит)	Рог	49	Подокруглая форма (подовальная (16,3%) и линзовидная (10,2%))	Короткие пропорции (58,3%)	От 0,8 до 15,0 (ср. знач. = 7,5);	От 4,6 до 32,4 (ср. знач. = 15,3)	От 1,4 до 11,5 (ср. знач. = 3,8)
4	Вулканогенное (туф)	Рог	73	Многогранная (30,9%), реже подтрапещевидная (25,5%)	Короткие (47,3%), реже укороченные пропорции (38,2%)	От 5,3 до 22,6 (ср. знач. = 10,1)	От 2,3 до 29,9 (ср. знач. = 10,1)	От 0,8 до 6,4 (ср. знач. = 2,5)

Работа выполнена при поддержке фонда РФФ №20-78-10125 «Динамика культурного развития и освоения человеком Алтая в начале верхнего палеолита: стратегии жизнеобеспечения, палеотехнологии, мобильность».

Список литературы

- Деревянко А.П., Шуньков М.В., 2002. Индустрии с листовидными бифасами в среднем палеолите Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. № 1. С. 16–42.
- Белоусова Н.Е., Родионов А.М., Вишневский А.В., Федорченко А.Ю., Михиенко В.А., Селецкий М.В., 2022. «Тонкие» листовидные бифасы начала верхнего палеолита Алтая: технология, формообразование и каменное сырье // *Stratum plus*. № 1. С. 1–25.
- Белоусова Н.Е., Михиенко В.А., Козликин М.Б., Вишневский А.В., Шуньков М.В., 2021. Верхнепалеолитические бифасиальные наконечники Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. 27. С. 51–56.
- Колобова К.А., Шалагина А.В., Маркин С.В., Кривошапкин А.И., 2019. Определение бифасиального компонента в среднепалеолитических комплексах (по материалам памятника Чагырская пещера) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 18. № 7. С. 98–111.
- Рыбин Е.П., 2014. Хронология и географическое распространение культурно значимых артефактов в начальном верхнем палеолите Северной Азии и восточной части Центральной Азии // Известия АГУ. № 4. С. 188–198.
- Whittaker J. C., 1994. Flintknapping: Making and Understanding Stone Tools. Texas.

Трехмерное моделирование как инструмент исследования каменных ударно-абразивных орудий эпохи палеолита

Селецкий М.В.

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
archmax95@gmail.com*

Ключевые слова: *каменные ударно-абразивные орудия, трехмерное моделирование, функциональный анализ, эпоха палеолита*

Каменные ударно-абразивные орудия являются разнообразной по своему облику категорией артефактов, используемой для совершения трудовых операций по расщеплению, шлифованию, дроблению, измельчению или перетиранию минерального и органического сырья (Ваупе, 1989; Кучугура, 2003; Степанова, 2015).

В качестве заготовок для представленных орудий выступают гальки и плитки преимущественно овальной, яйцевидной и подпрямоугольной

форм, реже сколы. Это обстоятельство связано с возникновением проблем для исследования изучаемых инструментов.

При определении метрических параметров исследователь в большинстве случаев использует линейку, штангенциркуль и др. инструменты, измеряя длину, ширину и толщину артефактов и следов утилизации согласно своему видению расположения осей x , y и z . В данном случае при изучении орудий, которые имеют крупные размеры и несимметричную овальную форму, легко допустить ошибку на несколько мм и повредить рабочую поверхность, что создаст затруднения для проведения функционального анализа.

Следующей проблемой является контрастность большинства ударно-абразивных орудий, которая появляется в виде блестящих зерен, вкраплений, трещин и пр. свойствах исходного сырья. Этот фактор, во-первых, усложняет изучение макроследов, находящихся на инструментах, во-вторых, их визуализация трудна из-за множества цветов и оттенков на фотографии.

Настоящая работа посвящена выявлению основных проблем изучения каменных ударно-абразивных орудий, решаемых с помощью методов 3D-визуализации.

В рамках исследования были проведены эксперименты по расщеплению, дроблению, шлифованию таких типов сырья, как камень, кость и орехи.

Все ударно-абразивные орудия были подвергнуты 3D-моделированию посредством сканера структурированного подсвета RangeVision Pro 5m (Колобова и др., 2019). Построение моделей, фиксация метрических характеристик, построение карт кривизны сетки и выявление рабочих зон инструментов происходило в программах: ScanCentre, RangeVision ScanMerge (все – trial version; рис. 1).

На современном этапе исследований существуют примеры применения методов 3D-моделирования для визуализации и анализа каменных ударно-абразивных орудий эпохи палеолита на территории Италии и Германии, заимствованные из работ по орудиям, которые имеют большую значимость при анализе археологических коллекций. Исследователи в данном случае смогли выявить рельеф и метрические характеристики рабочих зон, следов утилизации и инструментов в целом (Grosman, Smikt, Slimansky, 2008; Porter et al., 2016; Benito-Calvo et al., 2018; Pop et al., 2018).

Основной из перспектив применения 3D-визуализации в исследованиях каменных ударно-абразивных орудий является проведение корреляций как следов утилизации, визуализируемых с помощью 3D-моделей и фотографий, так и метрических характеристик, потому что программы измеряют их в рамках одного алгоритма, то есть одинаково вне зависимости от формы и размеров инструмента.

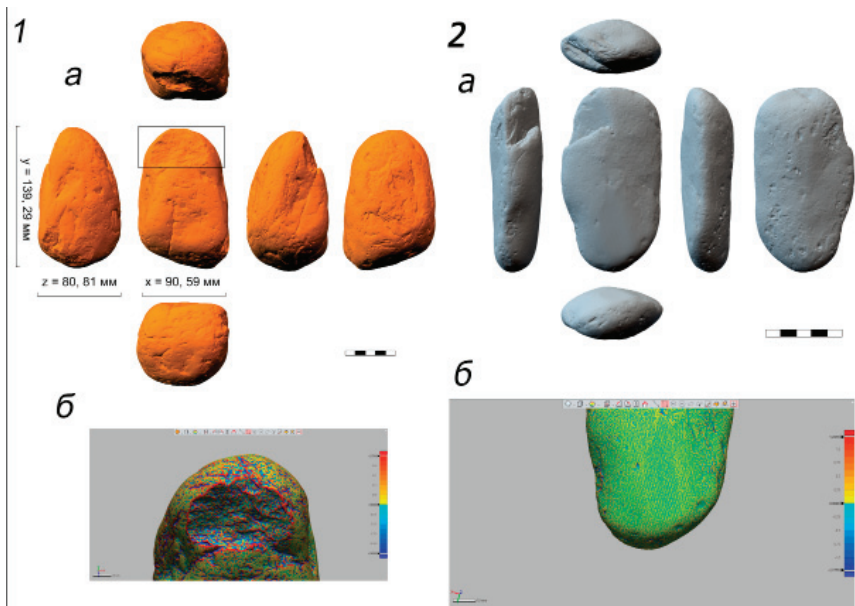

Рис. 1. Визуализация экспериментальных эталонов (а – отбойник; б – орудие для шлифовки каменного сырья): 1 – 3D-визуализация проекций инструмента; 2 – карта высот

В ходе нашего исследования было установлено, что при создании коллажей 6 проекций ударно-абразивных орудий 3D-визуализация позволяет отразить форму, размеры и рельеф артефактов и эталонов в полной мере, по сравнению с использованием фотографий. Однако для демонстрации рабочих зон и следов утилизации этих инструментов лучше использовать оба способа в совокупности.

В результате проведения эксперимента по измерениям метрических характеристик экспериментальных эталонов учеными и компьютером нам удалось выявить, что люди фиксируют длину и ширину с погрешностью, которая доходит до 2 см. Это сказывается на реализации как статистического анализа изучаемых инструментов, так и на представлении их размеров читателем работ.

По итогам исследования были установлены основные преимущества использования 3D-моделирования при изучении каменных ударно-абразивных орудий: удобная визуализация без цвета и контраста; точные измерения метрических характеристик, при определении которых

используется одинаковый алгоритм выявления осей, определяющих длины, ширину и толщину инструментов.

Исследование ударно-абразивных орудий проведено при поддержке гранта РФФ №20-78-10125.

Список литературы

- Кучугура Л.И., 2003. К вопросу о типологии изделий из неизоморфных пород в верхнем палеолите // Археологический Альманах. № 13. С. 308–314.
- Степанова К.Н., 2015. Классификации ударно-абразивных орудий верхнего палеолита // Записки Института истории материальной культуры. № 11. С. 7–21.
- Benito-Calvo A., Crittenden A.N., Livengood S.V., Sánchez-Romero L., Martínez-Fernández A., de la Torre I., Pante M., 2018. 3D 360° surface morphometric analysis of pounding stone tools used by Hadza foragers of Tanzania: A new methodological approach for studying percussive stone artefacts // Journal of Archeological Science: Reports. Vol. 20. P. 611–621.
- de Beaune S.A., 1989. Essai d'une classification typologique des galets et plaquettes utilisés au Paléolithique // Gallia Préhistoire. Vol. 31. P. 27–64.
- Grosman L., Smikt O., Slimansky U., 2008. On the application of 3-D scanning technology for the documentation and typology of lithic artifacts // Journal of Archeological Science. Vol. 35. № 12. P. 3101–3110.
- Pop E., Charalampopoulos D., Arps C.S., Verbaas A., Roebroeks W., Gaudzinski-Windheuser S., Langejans G., 2018. Middle Palaeolithic Percussive Tools from the Last Interglacial Site Neumark-Nord 2/2 (Germany) and the Visibility of Such Tools in the Archaeological Record // Journal of Paleolithic Archaeology. Vol. 1. P. 81–106.
- Porter S.T., Huber N., Hoyer C., Floss H., 2016. Portable and low-cost solutions to the imaging of Paleolithic art objects: A comparison of photogrammetry and reflectance transformation imaging // Journal of Archeological Science: Reports. Vol. 10. P. 859–863.

Кремневый инвентарь средневожской культуры (по материалам стоянки Лужки II)

Сомов А.В.

*Самарский государственный социально-педагогический
университет, Самара
somov.anatoly@gmail.com*

Ключевые слова: *неолит, лесостепное Поволжье, средневожская культура, каменный инвентарь*

Одним из приоритетных направлений в изучении каменного века лесостепного Поволжья является анализ комплексов средневожской неолити-

ческой культуры (Выборнов, 2000; 2008). Стоит отметить, что внимание исследователей при их изучении в первую очередь сосредоточено на керамике, в то время как кремневая индустрия занимает второстепенные позиции. Это обусловлено тем, что большинство выявленных памятников многослойные и содержат материалы других культур и эпох, что затрудняет представление характеристики кремневой индустрии. Однако ситуация изменилась с исследованием неолитической стоянки Лужки II.

Памятник Лужки II выявлен автором в ходе разведок в 2019 г. и располагается в 400 м к ЮЗ от южной окраины с. Лужки Красноярского района Самарской области, на вытянутой по линии ССВ–ЮЮЗ гриве, ограниченной старицами реки Сок (Сомов, Андреев, 2021). В 2020–2021 гг. археологической экспедицией СГСПУ был заложен раскоп общей площадью 192 кв. м, давший чистый неолитический комплекс. Керамическую коллекцию стоянки можно разделить на три основные типологические группы (неорнаментированная, накольчатая, гребенчатая), соответствующих этапам развития средневожжского населения.

Кремневый инвентарь в общей сложности насчитывает 706 единиц (табл. 1). В качестве сырья использовался цветной галечный кремль плохого качества различных оттенков, в меньшем количестве представлен

*Таблица 1. Кремневый инвентарь стоянки Лужки II
(по материалам раскопок 2020–2021 гг.)*

Отходы производства (499)				Нуклеусы (7)			
Отщепы (135)	Сколы (18)	Осколки (237)	Чешуйки (59)	Торцевые (4)		Аморфные (3)	
Пластины (113) / Пластины с ретушью (34)				Скребки (35)			
				Концевые (11)	Конце- боковые (9)	Боковые (6)	Угловые (5)
Целые (7)	Проксим (36)	Медиаль (46)	Дисталь (24)	Округлы й	Скребок- нож (9)	Скребок-ложкарь (2)	
Ножи (7)				Перфораторы (10)			
Прямолезвийные (6)		Саблевидный (1)		Следы нерегулярной ретуши или сработанности (41)			
Наконечники стрел (21)				Отщепы (2)		Осколки (39)	
Листовидные (6)		Черешковые (9)		Орудия труда из не кремневых пород			
Ромбический		Обломки (4)		Пешня	«Утюжок»	Плитка со следами шлифования	
Наконечник дротика или копия							

темно- или светло-серый желвачный кремль хорошего качества. На памятнике обнаружено 7 нуклеусов и нуклевидных кусков (4 торцевых и 3 аморфных). Отмечается высокий процент отходов производства – 449 единиц (63,6% от комплекса). Они представлены отщепами (135 ед.), продольными и поперечными техническими сколами (18 ед.), осколками и аморфными кусками (237 ед.), чешуйками (59 ед.).

На стоянке Лужки II выявлен выразительный комплекс пластин, который насчитывает 113 экземпляров (7 целых, 36 проксимальных, 46 медиальных, 24 дистальных частей), что составляет 16% от всех изделий из кремня. Пластины изготавливались преимущественно из светло- и темно-серого кремня, среди них 34 пластины имеют следы вторичной обработки. Стоит отметить, что две пластины имеют пильчатую ретушь по одной грани, две пластины были изготовлены на кварците, который является нехарактерным сырьем для рассматриваемого региона, также обнаружены пластины (4 ед.), имеющие далеко заходящую на спинку струйчатую ретушь.

Орудия и нуклеусы выявлены в 46 экземплярах, что составляет около 6,5% от всех изделий из кремня. Скребки представлены следующими типами: концевые (11 ед.); конце-боковые (9 ед.); боковые (6 ед.) и угловые (5 ед.). Из специфических типов орудий можно выделить: многолезвийное продольное скребло с прямыми рабочими краями; округлый скребок на сколе; угловой скребок с округлым рабочим краем на сколе с регулярной ретушью по двум сторонам (скребок-нож); и два концевых скребка на пластинах с округлым рабочим краем и с регулярной ретушью по одной из граней (скребок/нож-ложкарь). Ножи в основном имеют прямолезвийное оформление рабочего края (6 ед.), в единичном случае найден саблевидный нож. На памятнике обнаружена выразительная коллекция перфораторов (10 ед.). Также встречены и деревообрабатывающие орудия, к которым можно отнести один топор, изготовленный в технике двусторонней обивки, а также две лезвийные части рубящих орудий.

Достаточно выразительную категорию орудий составляют наконечники стрел (21 экз.): 6 треугольных частично ретушированных листовидных наконечников; 9 треугольных черешковых наконечников с заостренным черешком и резко выраженными симметричными или асимметричными шипами; 1 ромбический наконечник (?) с усеченным основанием; также выявлены 4 обломка наконечников, которые не позволяют реконструировать их форму. К данной категории относится достаточно крупный обломок бифасиального наконечника, предположительно дротика или копья. Кроме этого, были выявлены отщепы (2 ед.) и осколки (39 ед.) с нерегулярной ретушью или со следами сработанности.

Наконец, в культурном слое найдены три каменных предмета из не кремневых пород – «утюжок» подтреугольной формы с одним желобком;

обломок массивного куска камня овального в сечении с зауженным основанием и сработанным (забитым) концом – пешня; обломок плитки подпрямоугольной формы с возможными следами шлифования.

Подводя итог, можно отметить, что в кремневой коллекции стоянки Лужки II преобладают отходы производства; нуклеусы представлены торцовыми и аморфными формами; весьма выразительна и многочисленна категория скребков; для стоянки характерны изготовленные в основном на пластинах ножи и выполненные на сколах проколки. В отличие от материалов других памятников средневолжской культуры лесостепного Поволжья на рассматриваемой стоянке выявлен наиболее выразительный комплекс наконечников стрел двух основных типов: треугольно черешковых и треугольно листовидных. Таким образом, рассматриваемые материалы могут являться одним из эталонных комплексов средневолжской неолитической культуры и в будущем лягут в основу характеристики кремневой индустрии лесостепного Поволжья в эпоху неолита.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 19-78-10001 «Этно-культурное взаимодействие населения Среднего Поволжья в каменном веке (мезолит-энеолит)».

Список литературы

- Выборнов А. А., 2000. Средневолжская культура // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век / под ред. А. А. Выборнова, Ю. И. Колева, А. Е. Мамонова. Самара. С. 177–215.
- Выборнов А. А., 2008. Неолит Волго-Камья. Самара.
- Сомов А. В., Андреев К. М., 2021. Предварительные итоги изучения неолитической стоянки Лужки II // Археологические открытия в Самарской области 2020 года / отв. ред. Д. А. Сташенков. Самара. С. 8–9.

Коллекция обработанной кости стоянки Костенки 11 (слой Ia) в фондах музея-заповедника «Костенки» (из раскопок А. Н. Рогачева)

Толстых Д. С.

*ГБУК ВО «Государственный археологический музей-заповедник «Костенки», Воронеж; Институт археологии РАН, Москва
tolstyh1796@mail.ru*

Ключевые слова: *верхний палеолит, Костенки II, костно-земляная конструкция, костяная и бивневая индустрия*

Отдельные предметы костяной индустрии музеефицированного (первого) костно-земляного комплекса стоянки Костенки 11 уже не раз при-

влекали к себе внимание (Родионов, 2015; Ахметгалеева, Дудин, 2017), но коллекция, хранящаяся в фондах музея-заповедника «Костенки», еще не рассматривалась полностью. Целью данного исследования является технико-типологический анализ и сопоставление материалов из кости и бивня мамонта, происходящих из первого и третьего комплексов верхнего культурного слоя Костенок 11.

Стоянка Костенки 11 (Аносовка 2) является многослойным памятником, получившим наибольшую известность благодаря (Ia) культурному слою с костно-земляными комплексами аносовско-мезинского типа (Рогачев, Аникович, 1984. С. 189). Первое «жилище» изучалось А.Н. Рогачевым в 1950–60-е гг., а затем было музеефицировано. Вторая округлая структура из костей мамонта была раскопана частично в 1970-х гг. и законсервирована (Праслов, Рогачев, 1982. С. 123–124). Третий костно-земляной комплекс был обнаружен в 2014 г. и изучается в настоящее время.

В музейной коллекции «первого комплекса» стоянки оказались предметы из разных культурных слоев и памятников. На основании сохранившихся полевых шифров была предпринята попытка разделить материалы по слоям и раскопам/шурфам. В результате были определены 12 предметов из верхнего (Ia) и 6 находок из II культурного слоя Костенок 11, один – со стоянки Костенки 19 и еще один не удалось паспортизировать. В процессе работы с коллекцией выяснилось, что предмет с гравировкой (МЗК 374/2), который ранее сравнивался с обработанной костью третьего комплекса Костенок 11 (Ахметгалеева, Дудин, 2017. С. 39), происходит не из первого, а из второго культурного слоя. Это обстоятельство открывает возможности для дальнейшего сопоставления индустрий этих слоев.

Обработанная кость Ia слоя Костенок 11 из раскопок А.Н. Рогачева, хранящаяся в фондах музея-заповедника «Костенки», представлена следующими предметами: лопаточкой из расщепленного ребра мамонта (Родионов, 2015. С. 113, рис. 1, а; С. 114), тремя костяными остриями (наконечниками?) на разных стадиях изготовления, костяным стержнем и дистальным концом бивня мамонта, вероятно, использовавшимся в качестве отбойника. На общем фоне выделяются цемент бивня мамонта с гравировкой (Ахметгалеева, Дудин, 2017. С. 39; С. 54, рис. 15) и фрагмент ребра мамонта с прорезанным волнообразным рисунком. Свидетельства перелома по предварительному надпилу были обнаружены на двух фрагментах ребер (Родионов, 2015. С. 113; С. 114, рис. 2, а, в) и в двух случаях выявлены следы членения бивня.

На основании пересмотра коллекции, кроме выделенных ранее приемов обработки кости и бивня (уплощение, пиление, скобление, прорезание/гравирование), были выявлены использовавшееся при изготовлении костяных острий строгание, а также расщепление бивня (Толстых, 2020. С. 9–10).

При сравнении материалов первого и третьего комплексов выявлены признаки единства. Костяные острия, имеющие форму усеченного и уплощенного конуса, обнаруженные в первом «жилище», аналогичны бивневым остриям с овальным сечением из третьего комплекса, которые также были оформлены строганием. Прямые сходства усматриваются в технологии изготовления и размерности костяных стержней сопоставляемых коллекций. Гравировки с изогнутыми линиями, встречающиеся на предметах костяной индустрии третьего комплекса (Дудин, Ахметгалеева, 2020. С. 22, рис. 2, 1,3), были обнаружены на фрагменте ребра из музейного объекта (МЗК 374/6). На нем присутствуют три линии: сохранившаяся частично длинная кривая, прорезанная параллельно продольному слому ребра, а также две более коротких целых линии, расположенные друг над другом и ближе к одному из поперечных сломов. Первая из них представляет собой «волну» и повторяет изгиб вышеописанной, а вторая – прямую линию, параллельную краевому продольному слому. Гравировка на фрагменте цемента бивня (МЗК 374/15) из музейного комплекса идентична так называемой «вульве» на бивневой мотыге (МЗК 412/2) из третьего комплекса (Дудин, Ахметгалеева, 2020. С. 24, рис. 3, 7).

Кроме того, предметы костяной индустрии встречались и в «третьем пункте» поселения Ia слоя Костенок 11: «Крупный, приостренный с одного конца, уплощенный стержень, изготовленный из ребра крупного животного (16,5 × 2,3 × 0,6 см)» (Рогачев, 1975. С. 7). Судя по приведенному описанию, данное изделие является характерным для коллекции верхнего культурного слоя, и его аналогии встречались как в материалах музейного (Толстых, 2020. С. 8–9, рис. 1, 1), так и третьего (Ахметгалеева и др., 2017. С. 119, рис. 5) комплексов.

Таким образом, правомерно согласиться с выводами предыдущих исследований (Ахметгалеева, Дудин, 2017. С. 39) и подтвердить ранее высказанное мнение (Толстых, 2020. С. 10) об идентичности как техники изготовления, так и орнаментации костяных изделий Ia слоя стоянки Костенки 11.

Автор выражает благодарность главному хранителю музея-заповедника «Костенки» А.Е. Дудину за предоставленные материалы.

Список литературы

- Ахметгалеева Н.Б., Дудин А.Е., 2017. Новые произведения искусства с верхнепалеолитической стоянки Костенки 11, 1А культурный слой: технологический анализ и предварительные трасологические наблюдения // Археология Евразийских степей. № 2. С. 26–45.
- Ахметгалеева Н.Б., Дудин А.Е., Федюнин И.В., Петрова Е.А., 2017. Предварительные данные об особенностях обработки кости на стоянке Костенки 11, 1а культурный слой // Естественнонаучные методы

- в изучении и сохранении памятников Костенковско-Борщевского археологического района. Мат. межд. научн.-практ. конф. Воронеж. С. 108–123.
- Дудин А.Е., Ахметгалеева Н.Б., 2020. Знаки и геометрические изображения на предметах обработанной кости из третьего жилого объекта стоянки Костенки 11, Ia слой: контекст, техника и стилистика // КСИА. № 261. С. 18–32.
- Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону (1879–1979), 1982. Некоторые итоги полевых исследований / под ред. Н.Д. Праслова, А.Н. Рогачева. Л. Рогачев А.Н., 1975. Отчет о работе Костенковской палеолитической экспедиции в 1975 г. // НА РО ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 2064.
- Рогачев А.Н., Аникович М.В., 1984. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Археология СССР. М. С. 162–271.
- Родионов А.М., 2015. Индустрия обработки кости на стоянке Костенки 11 (слой Ia) // Вестник ВГУ. Серия: история, политология, социология. № 3. С. 111–115.
- Толстых Д.С., 2020. Предварительная характеристика костяной индустрии музейного комплекса стоянки Костенки 11 // Новик / под ред. Ю.В. Селезнева, Е.Ю. Захаровой. Вып. 21. Воронеж. С. 8–11.

Местонахождения каменного века рядом с х. Алтубинал
Ферапонтов А.И.

Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва
ferapontov00@inbox.ru

Ключевые слова: *каменный век, подъемный материал, Северо-Западный Кавказ, каменный инвентарь*

Северо-Западный Кавказ – один из ключевых регионов для поиска путей миграций и контактов древнего населения Восточной Европы, Кавказа и Азии в каменном веке. Но известных памятников для периода конца плейстоцена – начала голоцена известно мало, а раскопанных памятников – единицы. Поэтому в настоящее время информация о каждом пункте обнаружения подъемного материала имеет значение при формировании общей картины.

Небольшая коллекция подъемного материала, собранного у х. Алтубинал в 1987 г., была обнаружена в фондах ИИМК РАН в процессе поиска материалов В.П. Любина и передана Е.В. Леоновой. Сейчас коллекция хранится в фондах ИА РАН. История происхождения коллекции неясна: в публикациях и в архиве ИА РАН сведений о проведенных сборах в Туапсинском районе в конце 1980-х гг. нет.

Хутор Алтубинал расположен на р. Пшиш в Туапсинском районе Краснодарского края. Ближайшими памятниками каменного века являются Медовые пещеры (рис. 1: А), которые исследовались В.П. Любиным

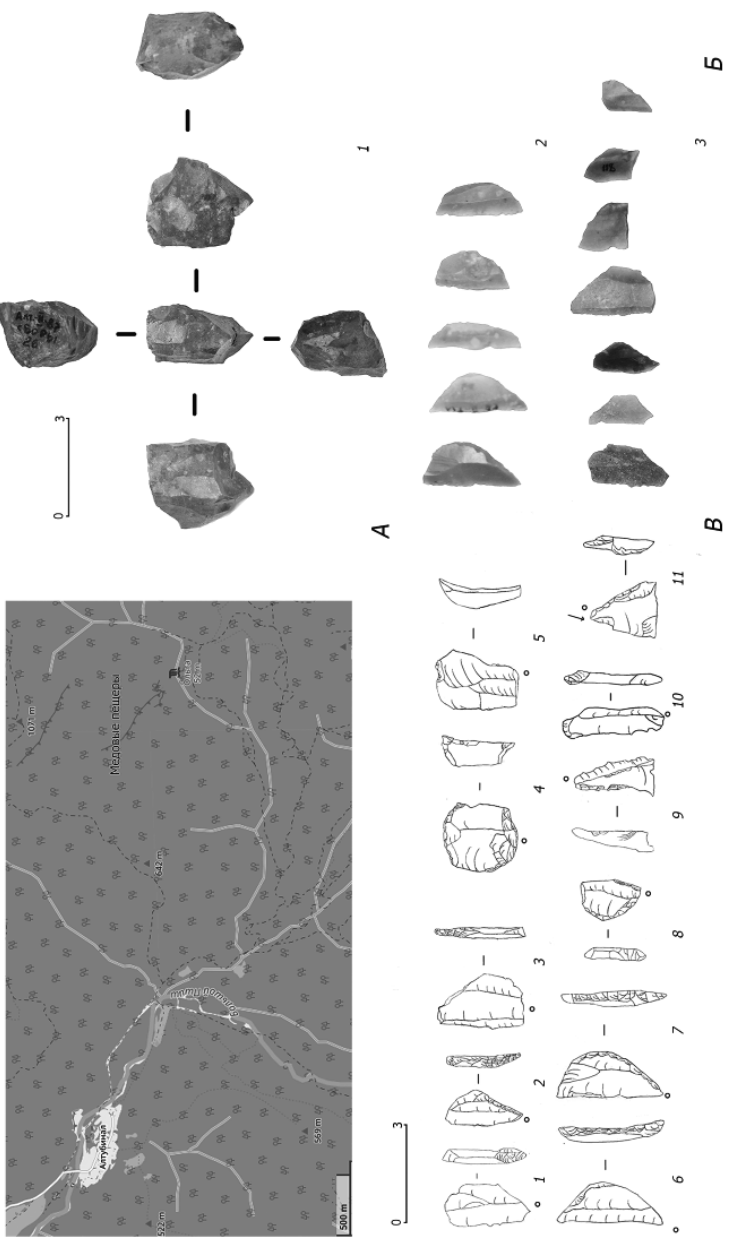

Рис. 1. А – Хутор Алтубинал и Медовые пещеры; Б – фото кремневого инвентаря: 1 – нуклеус; 2 – сегменты; 3 – трапеции; В – прорисовки кремневого инвентаря; 1–3 – трапеции; 4, 5 – скребки; 6–8 – сегменты; 9 – фрагмент проколки; 10 – острие; 11 – резец

Таблица 1. Керамика и каменный инвентарь, собранный на местонахождениях Алтубинал 1–3

Наименование	Алтубинал 1	Алтубинал 2	Алтубинал 3
Керамика	5	–	–
Нуклеусы	–	2	–
Ребристые сколы	–	1	–
Отщепы	–	21	7
Осколки	–	23	2
Пластины	–	20	–
Пластинки	1	29	5
Микропластинки	–	6	–
Отщепы с ретушью	–	1	–
Скребки	–	5	–
Резцы	–	–	1
Сегменты	–	5	–
Трапеции	–	7	–
Треугольники	–	1	–
Острия	–	3	1
Пластины с ретушью	1	1	3
Тронке	–	–	3

Наименование	Алтубинал 1	Алтубинал 2	Алтубинал 3
Проколки	–	1	–
Обломки орудий	–	5	2
Микрорезцы	–	2+1(?)	–
Всего	7	134	24

(1963 г.). Несмотря на то, что обнаруженный подъемный материал не имеет топографической привязки и стратиграфического контекста, слабая степень патинизации, отмеченная лишь на единичных предметах; отсутствие следов окатанности, а также значительной выкрошенности тонких краев заготовок указывают на то, что материал не был подвержен перемещению и экспонировался на поверхности на протяжении длительного времени. Однородность сырья и типологическое сходство материала в рамках скоплений позволяют считать их гомогенными.

Материалы зашифрованы и соответствуют сборам с трех местонахождений: Алтубинал 1, Алтубинал 2, Алтубинал 3. Из сборов происходит 160 расщепленных кремней и 5 фрагментов керамики (табл. 1). По характеру сырья материалы местонахождений не различаются: использовался разноцветный камень серо-желтых и коричнево-серых оттенков, часть кремней имеет следы пребывания в огне. На нескольких предметах есть белесая патина. Один предмет из Алтубинала 3 окатан. О полноте сборов с поверхности можно судить по наличию чешуек и фрагментов микропластинок. Исходя из этого, можно сделать вывод, что собирался весь найденный материал.

Самая представительная коллекция относится к местонахождению Алтубинал 2 – 134 предмета (табл. 1). Отсюда происходят два нуклеуса: первый – фрагмент одноплощадочного нуклеуса для пластинок со следами пребывания в огне (рис. 1: Б: 1); второй – в конечной функции использовался в качестве отбойника, восстановить его начальную форму затруднительно. Пластинчатость всего комплекса составляет 75,9%, а орудийного – 91,6%.

Среди орудий преобладают геометрические микролиты – 13 экз. Все изделия этой категории выполнены на пластинах и пластинках и оформлены крутой ретушью по спинке. Из 13 микролитов 5 предметов относятся к низким симметричным сегментам (рис. 1: Б: 2, В: 6–7); 7 экз. – к высоким трапециям и их фрагментам (рис. 1: Б: 3, В: 1–3), одно изделие представляет собой высокий симметричный треугольник, близкий по пропорциям к трапеции (рис. 1: В: 8).

Скребки представлены пятью предметами. Один – целый концевой, дублированный с выемкой на краю на отщепе, оформлен крутой ретушью по спинке. Еще 4 концевых скребка оформлены на пластинах (2 экз.) и отщепях (2 экз.) (рис. 1: В: 4–5). Острий – 3 экз., среди них – одно целое из пластинки, оформлено крутой краевой ретушью по спинке по обоим краям, в основании изделия выделена выемка (рис. 1: В: 10). Также представлен один фрагмент проколки из пластинки (рис. 1: В: 9), жало выделено крутой ретушью по спинке по одному краю.

В коллекции, собранной на местонахождении Алтубинал 3, всего 24 изделия из кремня. К морфологически выраженным орудиям относятся обломок косоретушного резца (рис. 1: В: 11); обломок острия из пластинки с косоусеченным крутой ретушью по спинке проксимальным концом; 3 тронк и 3 фрагмента пластинок с мелкой крутой краевой ретушью по спинке.

Наименьшее количество материала дало местонахождение Алтубинал 1. Всего здесь было обнаружено 7 предметов, из которых – 5 фрагментов керамики, одна пластинка и одна пластинка с ретушью.

Полученный в ходе сборов материал местонахождений Алтубинал 2 и Алтубинал 3 обнаруживает ряд сходств. Техника расщепления обоих местонахождений была направлена на получение пластинок и пластин, на обоих пунктах были встречены геометрические микролиты и острия на пластинах с крутой притупляющей ретушью, зафиксировано применение микрорезцовой техники.

По этим признакам коллекции находят аналогии в материалах памятников Северо-Западного и Центрального Кавказа рубежа конца плейстоцена – начала голоцена: пещеры Мезмайская, Двойная, навесы Чыгай, грот Сосуруко (Бадер, Церетели, 1989; Голованова, Дороничев, 2012; Леонова, Александрова, 2012; Леонова, 2015). В пещере Двойная также встречаются низкие сегменты с плавной ретушированной дугой, сходные с сегментами из Алтубинала 2.

Подъемный материал всегда сложно атрибутировать, но на основании типологического анализа орудий, характеристики заготовок и поиска аналогий в материалах других памятников, коллекции, собранные у х. Алтубинал, удалось отнести к эпохе мезолита или раннего неолита. Эти местонахождения и пещеры Медовые пока являются самыми западными известными стоянками с геометрическими микролитами в предгорьях Северного Кавказа. Наличие сразу нескольких памятников в ущелье р. Пшиш указывает на перспективность будущих исследований в этом районе.

Список литературы

Бадер Н. О., Церетели Л. Д., 1989. Мезолит Кавказа // Мезолит СССР. Археология СССР. М. С. 93–105.

- Голованова Л. В., Дороничев В. Б., 2012. Имеретинская культура в верхнем палеолите Кавказа: прошлое и настоящее // Первобытные древности Евразии: Сборник к 60-летию А. Н. Сорокина / отв. ред. С. В. Ошибкина. М. С. 59–103.
- Леонова Е. В., Александрова О. И., 2012. К характеристике мезолита Северо-Западного Кавказа (По материалам пещеры Двойная) // КСИА. № 227. С. 207–215.
- Леонова Е. В., Стулова Д. И., 2020. Пещеры Медовые (коллекции каменного инвентаря из разведок В. П. Любина 1963 г.) // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI Крупновские чтения. Мат. межд. науч. конф. (Махачкала 20–25 апреля, 2020 г.). Махачкала. С. 54–58.
- Леонова Е. В., 2015. К проблеме хронологии и культурной вариабельности каменных индустрий конца верхнего палеолита и мезолита Северо-Западного Кавказа (по материалам навеса Чыгай и пещеры Двойная) // Традиции и инновации в истории и культуре / отв. ред. А. П. Деревянко, В. А. Тишков. М. С. 77–88.
- Любин В. П., 1963. Отчет о работе палеолитического отряда Северо-Кавказской экспедиции Института археологии Академии наук СССР в 1963 году // Архив ИА. Р-1, № 2976.

Украшения верхнего палеолита как объект археологического исследования

Федорченко А. Ю.

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
winteralex2008@gmail.com*

Ключевые слова: *верхний палеолит, персональные украшения, технологический анализ, функциональный анализ, культурные нормы в формировании*

Украшения из минерального и органического сырья образуют наиболее представительную категорию предметов неутилитарного назначения в верхнем палеолите Евразии. Согласно современным представлениям, разнообразные формы персональной орнаментации играли в первобытных сообществах не только эстетическую роль, но и являлись частью информационной системы, транслируя данные о социальном статусе, возрастной и гендерной принадлежности, родовой или племенной идентичности своего носителя (Kuhn, Stiner, 2007). Функции палеолитических украшений напрямую регламентировались культурными нормами и канонами, не представленными в археологических источниках как данность. Это создает известные трудности при анализе подобных изделий в сравнении с иными категориями артефактов. В данной работе обсуждаются некоторые методологические проблемы комплексного изуче-

ния украшений верхнего палеолита, связанные с установлением технологических условий производства, функционального назначения и культурных норм, которые определяли облик изделий и их роль в жизни палеолитического человека.

Чтобы раскрыть информационный потенциал украшений, как и любых других искусственно созданных или преобразованных человеком объектов («артефактов»), необходимо осуществить анализ всей совокупности факторов их формообразования – реально существовавших конкретных причинно-следственных связей, которые определяли облик этих изделий в древности: технологической и функциональной необходимостей, культурных или стилистических норм (Гиря, 1997). Функциональная необходимость отражает взаимозависимость между формой и способом использования украшений, технологическая необходимость – взаимосвязь между формой изготавливаемого предмета, техникой обработки и последовательностью его производства. Под «культурными» или «стилистическими» нормами в формообразовании мы понимаем представления относительно облика, способа изготовления и использования любого законченного артефакта, принятые за традиционные, нормальные, соответствующие канонам каждой культуры.

Ключевым звеном, связывающим технологическую и культурную стороны формообразования украшений, является функциональное назначение. Именно через раскрытие функции – конкретной цели, ради которой изделие задумывалось, создавалось и использовалось, – происходит определение его места в цепи той или иной технологической последовательности, индустрии или культуре. Законченные формы украшений обычно имеют признаки намеренного формообразования, связанные с необходимостью их использования в контексте древней культуры; в первую очередь, речь идет о приспособлениях для крепления – отверстия, зарубки, нарезки или насечки. Как любой объект материальной культуры, который активно взаимодействовал с человеком в древности, предметы персональной орнаментации несут следы износа, выступающие следствием контакта материала артефакта с кожей, волосами, одеждой, ремешком, нитью и т. д. Большинство украшений создавалось как объекты серийные и использовались в составе композиций. Поскольку подобные находки довольно редко образуют в рамках конкретного археологического контекста серии или устойчивые сочетания, при анализе варибельности способов орнаментации палеолитического человека целесообразно привлекать материалы из скоплений, погребений и кладов, а также данные по изображениям украшений на антропоморфных статуэтках.

Выявление культурных норм, регламентирующих облик предметов неутилитарного назначения, представляет сложную задачу. Главная труд-

ность в познании культурного пласта информации, скрытого в морфологии таких изделий, заключается в необходимости преодоления феномена «двойного разрыва» – хронологического и культурного (Клейн, 2004). Приступая к интерпретации культурного содержания, археолог располагает лишь двумя объективно данными ему источниками информации: обликом изучаемого предмета и его сопроводительным контекстом. Для выявления культурных норм – то есть всего «неутилитарного» в морфологии, любое украшение должно быть предварительно изучено с точки зрения технологии его производства и «утилитарного» использования. Все особенности морфологии и сырья, которые невозможно рационально объяснить ни особенностями его использования, ни технологией производства, вероятно, могут быть признаны в качестве культурных. В качестве таковых могут рассматриваться эстетические свойства применявшегося поделочного материала, форма контура и профиля, размер и пропорции, присутствие симметрии или объема, преднамеренно выделенных деталей фигуры, эффекта стилизации или орнамента. На наш взгляд, интерпретация символов, поиск и «прочтение» знаковых «записей» в формах палеолитических украшений и сопутствующих им орнаментов не могут являться задачами комплексного археологического анализа, в виду отсутствия у исследователя объективно проверяемой информации относительно мотивации создателей этих «посланий», равно как и данных о языке и «шифре», а также сохранности самого «текста» и его связи с окружающим археологическим контекстом.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ №22-28-02036 «Траектории культурного развития в верхнем палеолите Камчатки».

Список литературы

- Клейн Л.С., 2004. Теоретическая археология. Кн. 1: Метаархеология. СПб.
- Гиря Е.Ю., 1997. Технологический анализ каменных индустрий. Методика микро-макроанализа древних орудий труда. Ч. 2. СПб.
- Kuhn S.L., Stiner M.C., 2007. Body ornamentation as information technology: Towards an Understanding of the Significance of Early Beads // Body ornamentation as information technology: Towards an Understanding of the Significance of Early Beads / P. Mellars, K. Boyle, O. Bar-Yosef, C. Stringer (eds.). Cambridge. P. 45–54.

Неолит и энеолит

Технико-технологический анализ керамики стоянки Паратское XII

Андреева О.В.

*Самарский государственный социально-педагогический
университет, Самара
olgayer@mail.ru*

Ключевые слова: *лесное Среднее Поволжье, энеолит, керамика, волосовская культура, технико-технологический анализ*

Поселение Паратское XII было выявлено в акватории Чебоксарского водохранилища в 1989 году А.И. Шадриным (Никитин, 2017. С. 71). Экспедицией Самарского государственного педагогического университета под руководством А.И. Королева и А.А. Выборнова в 1995 г. были проведены раскопки участка памятника, в ходе которых было собрано 685 каменных предметов (70 со следами вторичной обработки) и 560 фрагментов керамики, от порядка 35 сосудов (Выборнов, Глущенко, Королев, 2000. С. 301). Сосуды баночной формы, вероятно с округлым днищем, венчики прямые и приоткрытые (Никитин, 2017. С. 72). Основные элементы орнамента, используемые для украшения посуды: зубчатый и гладкий штампы, оттиск веревочки и прочерки. Орнаментальные мотивы: диагональные и горизонтальные ряды, косая сетка, елочка, разнонаправленные и пересекающиеся линии (Никитин, 2017. С. 72). Материалы стоянки хронологически относятся к раннему этапу волосовской культуры, даты, полученные по керамике, имеют следующие значения: 5080 ± 70 (Ki-16294), 4970 ± 80 (Ki-16295), 4930 ± 70 , (Ki-16296), 4820 ± 70 (Ki-16297) (Королев, Шалапинин, 2010. С. 257).

Изучение гончарной технологии волосовской керамики со стоянки Паратское XII осуществлялось в рамках историко-культурного подхода, разработанного А.А. Бобринским (Актуальные проблемы изучения, 1999; Бобринский, 1978). Каждый исследованный под биноклем сосуд рассматривается как результат определенных навыков труда мастера. Суммирование результатов изучения всех образцов в виде статистической таблицы представляет общую информацию о составе гончарных традиций населения, бытовавшего на данном памятнике. Выделение информации о технологии изготовления каждого отдельного сосуда производилось в соответствии со структурой гончарного производства состоящей из 10 обязательных ступеней, которые представляют собой последовательные этапы деятельности по изготовлению сосуда

(Актуальные проблемы изучения, 1999. С. 9–11). В связи с сильной фрагментированностью материала основное внимание уделено двум элементам гончарной технологии: представление об исходном пластичном сырье и традициям составления формовочных масс. Представление о сырье включает традицию отбора исходного пластичного сырья на видовом уровне: илы, илестые глины, глины (Бобринский, Васильева, 1998. С. 200; Васильева, 2015. С. 18). Важно, что представление о пластичном сырье относятся к наиболее устойчивым элементам гончарной технологии, к группе субстратных навыков, которые способны сохраняться неизменными длительное время даже в условиях смешения разных групп населения (Васильева, 2015. С. 21). Для того чтобы придать определенные свойства исходному пластичному сырью к нему добавляют искусственные примеси (Бобринский, 1978. С. 84–113). В качестве искусственных добавок в изученных образцах керамики выделены органический раствор, дробленая раковина, пух и перо птицы.

Технико-технологическому анализу изготовления волоховской керамики со стоянки Паратское XII было подвергнуто 19 фрагментов (венчики и орнаментированные стенки) от условно разных сосудов (табл. 1).

Для изготовления посуды на поселении гончары использовали в качестве исходного пластичного сырья исключительно илестую глину, при этом отдавая предпочтение пластичному (не запесоченному) сырью 74% – 14 сосудов. Сырье для лепки сосудов использовали только в естественно-увлажненном состоянии. Важно отметить, что илестая глина для изготовления большей части посуды (58% – 11 сосудов) вероятно, добывалась из одного источника, так как в каждом из этих образцов фиксируется содержание бурого железняка, естественная примесь для месторождений илестой глины.

По составу формовочной массы на стоянке выделено три рецепта: илестая глина + органический раствор + пух-перо птицы – 85% (16 сосудов), илестая глина + органический раствор + пух-перо птицы + дробленая раковина – 10% (2 сосуда) и илестая глина + органический раствор – 5% (1 сосуд).

Таблица 1. Исходное пластичное сырье и формовочные массы

Формовочная масса	Исходное пластичное сырье (илестая глина)		Всего
	Не запесоченное	Запесоченное	
ОР+ПП	11	5	16 (85%)
ОР+ПП+ДР	2	-	2 (10%)
ОР	1	-	1 (5%)
<i>Всего</i>	<i>14 (74%)</i>	<i>5 (26%)</i>	<i>19 (100%)</i>

Обобщая полученную информацию, важно отметить устойчивость традиции при отборе исходного пластичного сырья, и способа его подготовки (не зафиксировано применение дробления сухого сырья). Представления о составлении формовочной массе, вероятно, можно характеризовать как сформированные, абсолютное большинство проанализированной посуды изготовлено по рецепту – илистая глина + органический раствор + пух-перо птицы. Обозначенная технологическая традиция является характерной чертой ранневолосовского гончарства Среднего Поволжья и находит аналогии в материалах стоянок Майданская I и IV, Удельно Шумецкая III (Шалапинин, Андреева, 2021. С. 401–405).

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10001) «Этно-культурное взаимодействие населения Среднего Поволжья в каменном веке (мезолит-энеолит)».

Список литературы

- Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: коллективная монография / науч. ред. А. А. Бобринский. Самара, 1999. С. 2–27.
- Бобринский А. А., 1978. Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. М.: Наука.
- Бобринский А. А., Васильева И. Н., 1998. О некоторых особенностях пластичного сырья в истории гончарства // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара: СамГПУ. С. 193–214.
- Васильева И. Н., 2015. О выделении видов исходного пластичного сырья древнейшей керамики и их ареалах в эпоху неолита (по материалам Поволжья) // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии. Международный симпозиум (29–31 октября 2013 г., Москва). М. С. 16–23.
- Выборнов А. А., Глущенко С. А., Королев А. И., 2000. Поселение волосовской культуры Парат XII в Марийском Поволжье // Исторические исследования: сб. науч. тр. Самара. С. 299–312.
- Королев А. И., Шалапинин А. А., 2010. Радиоуглеродное датирование ранних материалов волосовской культуры Среднего Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 12. № 2. С. 256–259.
- Никитин В. В., 2017. На грани эпохи камня и металла. Средневожский вариант волосовской культурно-исторической общности. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т.
- Шалапинин А. А., Андреева О. В., 2021. Типологическая и технико-технологическая характеристика ранней волосовской керамики Марийского Поволжья // КСИА. Вып. 263. С. 294–408.

Изучение степени изношенности гребенчатых штампов из дерева при нанесении орнамента на глиняные сосуды

Давыдова Т. С.

МБУК «Музей-заповедник «Горнозаводской Урал»,

Нижний Тагил

tatianadavydova95@yandex.ru

Ключевые слова: *керамика, гребенчатый штамп, штамп, неолит, орнаментир, дерево*

На территории Среднего Зауралья в неолите и энеолите нанесение орнамента на керамические сосуды производилось в основном четырьмя способами – накалывание, прочерчивание, отступление и «шагание». Для орнаментирования сосудов использовались зубчатые (гребенчатые) штампы. В археологических фондах музея-заповедника Нижнего Тагила хранятся 29 зубчатых штампов из камня и глины (Дубовцева, 2017. С 6–7). Происходят они в основном из энеолитических комплексов памятников Шайтанское озеро I, II, Береговая I, III, VI стоянки Горбуновского торфяника, Усть-Вагильский холм, Юрьино IV (Сериков, 2020. С. 227–228).

Поскольку каменных и глиняных зубчатых штампов найдено очень мало, а костяных еще меньше, было выдвинуто предположение, что большая их часть могла изготавливаться из дерева (Сидоров, 2011. С. 204). Н. Ю. Петрова одной из первых нашла отпечатки следов древесины в гребенчатых оттисках на сосудах, что предполагает использование для орнаментации деревянных штампов (Петрова, 2012. С. 53).

В этой связи была предпринята попытка изучения изношенности деревянных гребенчатых штампов экспериментальным путем. В качестве материалов для штампов были выбраны самые распространенные в лесной зоне Среднего Зауралья породы дерева – береза и сосна. Исходное сырье (щепа) 3 недели сушилось при 20 °С. Заготовки шлифовались на мелкозернистой шлифовальной плите из гранодиорита. Предполагалось, что это улучшит плотность рабочей кромки и предотвратит расщепление заготовки вдоль древесных волокон.

Общее время на изготовление трех сосновых штампов – 39 мин., березовых – 34 мин. В среднем на получение одного штампа ушло 12–14 мин. Для проведения эксперимента было изготовлено шесть зубчатых штампов, по два на каждый способ орнаментирования: по три из сосны и березы. Зубцы прорезались свежесколотым отщепом из кремнистой породы.

В качестве материала для штампования использовалась формовочная пастообразная масса, изготовленная из фрагментов древней керамики. Для

этого брались депаспортизированные неорнаментированные фрагменты керамики из учебной коллекции музея.

Сформированная из массы пластина подпрямоугольной формы размером 20 × 15 × 0,6 см помещалась на гигроскопичную бумагу. На открытую сторону наносился орнамент. При полном заполнении открытой части орнаментом пластина переворачивалась, работа продолжалась на поверхности без орнамента. При заполнении обеих сторон орнаментом поверхность пластины выравнивалась и нанесенный орнамент убирался. Операция повторялась дважды. Всего каждым штампом была обработана поверхность в 900 кв. см. В ходе эксперимента орнаментирование происходило тремя способами: «шаганием», «прочерчиванием» и печатанием.

При работе было отмечено, что зубцы штампов размокают, теряется четкость оттиска, участки между зубцами забиваются глиной, требуют дополнительной прочистки. Для изучения влияния влаги в тесте на отпечатки поверхность высушивалась. Выявлено, что «обезвоженное» тесто не дает сделать глубокие отпечатки, меняется вязкость глины, целостность поверхности вокруг оттиска нарушается. Установлено, что в течение 25 мин. штамп давал четкие и глубокие отпечатки, тогда как в последующие 15 мин. качество отпечатков ухудшалось.

При высыхании пластины происходило и усыхание отпечатков штампа. Связь «штамп – конкретный отпечаток» оказалась утрачена: высохшие отпечатки имеют другие морфологические и метрические показатели. Сработанность штампов фиксировалась электронным штангенциркулем путем замера ширины и высоты зубцов до и после работы (40 мин).

Результаты эксперимента показали, что использование деревянных зубчатых штампов приводит к быстрому истиранию зубцов. В практическом отношении деревянные штампы абсолютно уступают каменным и глиняным орнаментирам. Полученные результаты заставляют сомневаться в широком использовании деревянных штампов в древности. К важным результатам эксперимента нужно отнести установленный факт усыхания отпечатков штампа на глине, что практически не позволяет соотнести определенный отпечаток с конкретным штампом.

Список литературы

- Дубовцева Е. Н., 2017. Эволюция орудий для орнаментации керамики Урала и Западной Сибири в неолите и бронзовом веке // Археология и история Северо-Западной Сибири: Сб. статей / отв. ред. А. Я. Труфанов. Нефтеюганск – Екатеринбург. С. 4-19.
- Петрова Н. Ю., 2012. Реконструкция волосовских гребенчатых и рамчатых орнаментиров (по материалам поселения Великодворье I) // Образы времени: Из истории древнего искусства. Вып. 189. М. С. 51–56.

Сериков Ю. Б., 2020. Изделия с зубчатым краем: некоторые аспекты использования // Тверской археологический сборник. Вып. 12. 2019 год. Тверь. С. 227–243.

Сидоров В. В., 2011. Орнаменты и орнаменты льяловской керамики // Тверской археологический сборник. Вып. 8. Т. I. 2011 год. Тверь. С. 202–208.

О неолитическом периоде в Северном Прикаспии

Игнатъев Ю. И.

Самарский государственный социально-педагогический

университет, Самара

ignatev.yura.97@mail.ru

Попов А. С.

ООО «Гефест»

asya.samara@gmail.com

Дога Н. С.

Самарский государственный социально-педагогический

университет, Самара

natalidoga@yandex.ru

Ключевые слова: *Северный Прикаспий, тентексорский тип, прикаспийская культура, хвалынская культура, неолитический период*

Под неолитическим периодом исследователи понимают время существования на определенном этапе населения эпохи неолита и энеолита. Для территории Северного Прикаспия этот вопрос был впервые поднят еще в 80-е годы XX века (Васильев, Выборнов, 1988. С. 45). Исследователи обращали внимание на булавку с позднеолитической стоянки Тентексор, характерную для культур раннеэнеолитической мариупольской историко-культурной области. Специалисты допускали, что неолитические комплексы могли сосуществовать и с хвалынскими древностями (Барынкин, Козин, 1998. С. 76). Они основывались на радиоуглеродной дате, полученной со стоянки Комбак-гэ – 6000 ± 150 ВР, которую относили к хвалынской культуре и 5600 ± 150 ВР со стоянки Тентексор. Кроме этого, авторы, опираясь на результаты спорово-пыльцевого метода, относили эти комплексы к одному плювиалу. В то же время они отмечали, что источники не содержат прямых данных об их сосуществовании (табл. 1).

Новые радиоуглеродные даты позволили выдвинуть гипотезу о частичном сосуществовании тентексорских и прикаспийских комплексов во второй – третьей четверти V тыс. до н.э. Хвалынскую культуру (стоянки Кара-Худук, Каир-Шак VI) автор считал более поздней (Выборнов, 2008. С. 64).

Таблица 1. Радиоуглеродные значения для памятников Северного Прикаспия

№	Памятник	Лабораторный индекс	BP	cal BC	Материал
1	Комбак-тэ	ГИН-6226	6000±45	5008- 4746	Кость
2	Тентексор	ГИН-6777	5600±150	4204-4161	Кость
3	Тентексор	SPb-315a	6540±100	5640–5310	Кость
4	Кара-Худук	SPb-2365	5900±100	5029–4529	Кость КРС
5	Курпеже-Молла	Ki-14831	6050±80	5150-4770	Керамика
6	Буровая 40	SPb_3557	6560±110	5671-5312	Керамика
7	Курпеже-Молла	SPb_3558	6100±100	5226-4786	Керамика
8	Кызыл-Хак	Ki-14443	5905±100	5050-4500	Керамика

Ряд аспектов по данному вопросу оставался открытым. Например, хронологическое соотношение тентексорских и хвалынских комплексов. Новые даты позволили отнести стоянку Тентексор к 6540±100 BP, а Кара-Худук к 5900±100 BP. Что касается прикаспийской культуры, то по стоянке Курпеже-Молла получена дата 6050±80 BP. Это свидетельствует о том, что они относятся к разным периодам: первый – 6800–6500 BP, а второй – 6000–5500 BP. находка булавы не является доказательством синхронности тентексорских и прикаспийских древностей. Так, в неолитическом слое стоянки Алгай обнаружена аналогичная булава. Это доказывает появление подобных артефактов раньше бытования прикаспийской культуры (Выборнов и др., 2020. С. 123). На стоянке Же-калган исследователями выделен сосуд, который сочетает в себе признаки тентексорского типа и прикаспийской культуры (Барынкин, Васильев, 1985. С. 68, рис. 5: 1).

При повторном анализе материалов стоянки Кара-Худук (Барынкин, Васильев, 1988. С. 123–139) выявлены три сосуда сочетающие энеолитические формы венчиков и неолитическую накольчатую орнаментацию. «Воротничковый» венчик одного сосуда украшен линиями отступающих наколов. Другой сосуд имеет утолщенный отогнутый наружу венчик

с рядами отступающих наколов под ним. Еще один экземпляр украшен плотными рядами отступающих наколов. Отнесение этих сосудов к синкретичной группе (тентексорско-хвалынской) весьма проблематично, так как спорадически накольчатый орнамент встречается на протяжении эпохи неолита – бронзы (Барынкин, Васильев, 1988. С. 140–141).

Еще одним хвалынским памятником, где представлена гибридная посуда, является Каир-Шак VI (Бырынкин, 1989. С. 111, рис. 5, 7). Уместно напомнить мнение Е. В. Козина о том, что небольшая синкретическая группа сосудов свидетельствует о синхронности тентексорских и хвалынских древностей (Козин, 2002. С. 13, 14, 25). Надо отметить, что стоянки Кара-Худук и Каир-Шак VI содержат находки не только хвалынской культуры. Вполне вероятно принадлежность синкретической посуды не к хвалынским, а к более ранним прикаспийским древностям. Кроме этого, на стоянке Кадыр-Гали-Стау обнаружен «воротничковый» сосуд, орнаментированный рядами наколов.

Таким образом, имеется больше данных в пользу сосуществования самых поздних тентексорских и наиболее ранних прикаспийских комплексов, чем аргументов в пользу сосуществования тентексорских и хвалынских древностей. Об этом свидетельствуют и новые радиоуглеродные даты. Так, по «воротничковому» сосуду стоянки Буровая 41 получена дата 6560 ± 110 ВР, что хорошо соотносится с датой самого Тентексора и определяет нижнюю границу прикаспийской культуры. Для «воротничкового» сосуда со стоянки Курпеже-Молла получена дата 6100 ± 100 ВР. Эти две даты определяют хронологические границы прикаспийской культуры в Северном Прикаспии.

Подводя итог, можно констатировать, что сосуществованию тентексорского, прикаспийского и хвалынского населения противоречат даты по поздненеолитическим памятникам (6600 – 6400 ВР). Однако не следует забывать о дате со стоянки Кызыл-Хак – 5905 ± 100 ВР. Если ее считать валидной, то тогда объясняются археологические признаки сосуществования в виде гибридных типов керамики не только тентексорско-прикаспийского, но и тентексорско-хвалынского типов. Но последний тезис требует дополнительной аргументации.

Список литературы

- Барынкин П. П., Васильев И. Б., 1985. Новые энеолитические памятники Северного Прикаспия // Археологические памятники на европейской территории СССР / отв. ред. А. Т. Синюк. Воронеж: Воронежский гос. пед. ин-т. С. 58–73.
- Барынкин П. П., Васильев И. Б., 1988. Стоянка хвалынской энеолитической культуры Кара-Худук в Северном Прикаспии // Археологические культуры Северного Прикаспия / отв. ред. Н. Я. Мерперт. Куйбышев. С. 123–139.

- Барынкин П. П., 1989. Энеолитический памятник Каир-Шак VI из южной части Волго-Уральского междуречья // Неолит и энеолит Северного Прикаспия / отв. ред. Н. Я. Мерперт. Куйбышев. С. 106–118.
- Барынки П. П., Козин Е. В., 1998. Природно-климатические и культурно-демографические процессы в Северном Прикаспии в раннем и среднем голоцене // Проблемы древней истории Северного Прикаспия / отв. ред. И. Б. Васильев. Самара. С. 66–83.
- Васильев И. Б., Выборнов А. А., 1988. Неолит Поволжья. Самара: КГПИ.
- Выборнов А. А., 2008. Неолит Волго-Камья. Самара: СГПУ.
- Выборнов А. А., Васильева И. Н., Барацков А. В., Гилязов Ф. Ф., Косинцев П. А., Кулькова М. А., Курбатова Л. А., Рослякова Н. В., Юдин А. И., 2020. Итоги исследования стоянки Алгай в 2019 году // Самарский научный вестник. Т. 9 № 1 (30). С. 118–131.
- Козин Е. В., 2002. Неолит Северного Прикаспия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск.

Комплексы раннеолитической керамики на Кольском полуострове

Киселёва А. М.

*Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург
aliakiseleva@mail.ru*

Ключевые слова: *неолит, керамика, Северная Фенноскандия, Кольский полуостров*

В современной литературе керамику раннего неолита Кольского полуострова большинство авторов рассматривает как принадлежащую к типу Сярайсниemi 1 (Сяр 1). Территория его распространения охватывает Северо-восточную Норвегию, Северную Финляндию, Мурманскую область и Северную Карелию, а радиоуглеродные даты относят его появление к концу VI тыс. до н.э. (Nordqvist, Mökkönen, 2017).

Сосуды типа Сяр 1 имеют минеральную примесь в тесте (дресва, песок, редко шамот), орнамент, который покрывает всю внешнюю поверхность, округлое, коническое или плоское дно и прямосрезанные или скошенные внутрь венчики. Основными элементами орнамента являются ямки, оттиски гребенчатых штампов, костей животных и «веревочки на палочке». Отечественные авторы отмечали сходство посуды Кольского полуострова с типом Сяр 1, но напрямую ее с ним не связывали. А. М. Скандфер предлагала пересмотреть существующую типологию керамики всего региона (Skandfer, 2005). Однако в данной работе в качестве раннеолитических рассматриваются сосуды, которые по основным характеристикам соотносятся с типом Сяр 1.

Впервые подобная керамика в Мурманской области была обнаружена Г.И. Горецким в 1935 г. в районе г. Кандалакша и на Пинозере (Горцкий, 1937). Основная масса керамических материалов была получена в 1970–1980-е гг., когда одновременно работали Кольская археологическая экспедиция ЛОИА АН СССР под руководством Н.Н. Гуриной и Мурманская археологическая экспедиция ИЯЛИ Карельского филиала АН СССР под руководством А.В. Анпилогова. Работы карельских археологов были сосредоточены в центральной и южной частях полуострова. Представительные коллекции неолитической посуды были получены в результате раскопок на оз. Ловозеро, р. Колвица и р. Нива (Песонен, 1980; Анпилогов, 1981).

Кольская археологическая экспедиция обследовала побережья полуострова, некоторые крупные озера и бассейн р. Поной. Многочисленные неолитические поселения были открыты в Дроздовской губе Баренцева моря; коллекции некоторых раскопанных здесь памятников насчитывают десятки неолитических сосудов. Самая многочисленная в Мурманской области коллекция неолитической керамики происходит с поселения Чаваньга 1, исследованного в 1975–1976 гг. на побережье Белого моря (Гурина, 1997. С. 32–72).

В середине 1980-х гг., когда Кольскую экспедицию возглавил В.Я. Шумкин, коллекции ранне-неолитической керамики пополнились в результате раскопок поселений Кривун, Цага 1 и Северная Салма 1. После 1986 г. раскопок памятников этого периода не проводилось, а все новые находки неолитических сосудов были сделаны только во время разведочных работ.

Значительная часть информации о находках керамики осталась неопубликованной. Это касается как старых раскопок (Колвицкие стоянки, Варзина 6, Кривун и др.), так и современных исследований Кольской экспедиции (Лива 8, Завалишенская 3, Дальнезеленецкая 1 и др.). Автором настоящей работы была собрана и систематизирована вся доступная информация о находках неолитической керамики на территории Кольского полуострова (полевая документация, публикации, археологические коллекции).

В Мурманской области к настоящему моменту известно 40 памятников, где была зафиксирована керамика раннего неолита (рис. 1). Сравнить объемы коллекций можно по двум показателям: количеству отдельных фрагментов и количеству условных сосудов (табл. 1). Последние выделялись по формам венчиков и днищ сосудов, толщине стенок, особенностям орнаментации и составу примесей (даже один фрагмент стенки с уникальным элементом орнамента рассматривается в качестве условного сосуда). В сумме для всех памятников выделено 450 условных сосудов. Этот показатель, скорее всего, превышает реальное количество сосудов, бытовавших на поселении, но позволяет учитывать при анализе максимальное количество признаков и сравнивать материалы с коллекциями

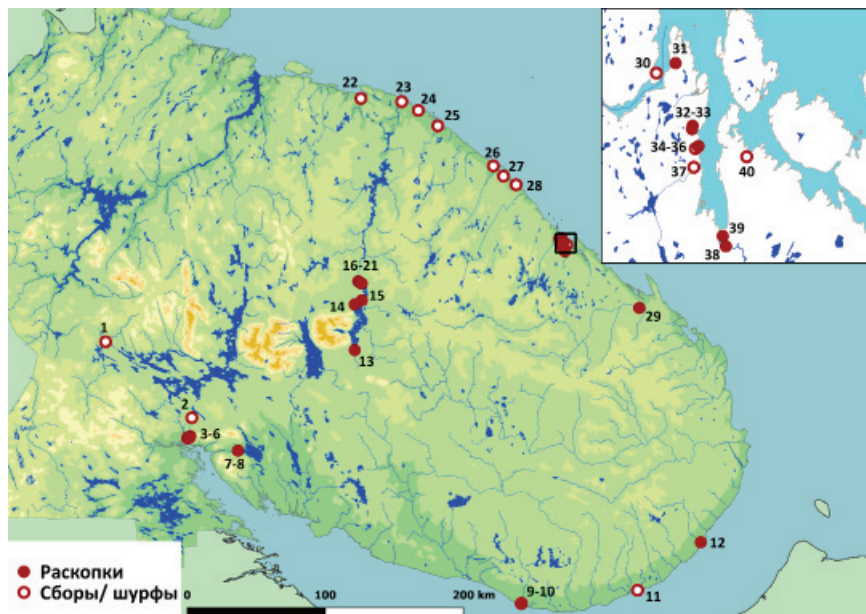

Рис. 1. Памятники с находками керамики раннего неолита на карте Мурманской области. Нумерация памятников соответствует нумерации в табл. 1

Таблица 1. Памятники с находками керамики раннего неолита на Кольском полуострове

№	Название памятника	Характер работ	Годы работ	Количество фрагментов	Кол-во условных сосудов
1	Лива 8	Разведки	2020	ок. 30	1
2	Пинозеро 3	Разведки	1937	4*	1*
3	Кандалакша 9	Разведки	1937	25*	2*
4	Нива 12	Раскопки	1971	105	13

*Количество указано согласно данным в полевом отчете или публикации

№	Название памятника	Характер работ	Годы работ	Количество фрагментов	Кол-во условных сосудов
5	Нива 20	Раскопки	1973	114	15
6	Нива 21	Раскопки	1973	90	6
7	Колвица 3	Раскопки	1972, 1973	ок. 30	3
8	Колвица 4	Раскопки	1972, 1973	ок. 50*	6*
9	Чаваньга 1	Раскопки	1971, 1973, 1975, 1976	790	93
10	Чаваньга 3	Разведки	1971	ок. 60	2
11	Адамова Гора	Разведки	1971	3*	1*
12	Наволоч	Раскопки	1971, 1972	ок. 70	6
13	Цага 1	Раскопки	1970, 1972, 1986	80	6
14	Мыс Семёрка	Раскопки	1972	6*	6*
15	Северная Салма 1	Раскопки	1985	49	13
16	Ловозеро 1	Раскопки	1969, 1970	ок. 90	29
17	Ловозеро 2	Раскопки	1969–1971	3	1
18	Ловозеро 3	Раскопки	1969–1971, 1974	ок. 300	32
19	Ловозеро 4	Раскопки	1972, 1973	4	2
20	Ловозеро 5	Раскопки	1971–1973	61	10
21	Ловозеро 6	Раскопки	1973	12	4

№	Название памятника	Характер работ	Годы работ	Количество фрагментов	Кол-во условных сосудов
22	Завалишенская 3	Разведки	1947, 1974, 2008	ок. 30	2
23	Гаврилово 2	Разведки	1947	1*	1*
24	Дальнезеленецкая 1	Разведки	2013	ок. 20	1
25	Олёнка 3	Разведки	1947	4*	1*
26	Харловка 18	Разведки	2018	ок. 30	1
27	Красный 6	Разведки	2021	3	1
28	Лихая 1	Разведки	2021	2	1
29	Йоконьга 1	Раскопки	1978	70	10
30	Варзина 3	Разведки	1973, 1974	5	1
31	Варзина 6	Раскопки	1973, 1974, 1977, 1998	223	7
32	Нерпичья Губа	Раскопки	1975, 1976	464	50
33	Нерпичья Губа 1	Раскопки	1977	150	19
34	Маяк 1	Раскопки	1978	1	1
35	Маяк 2	Раскопки	1979–1984	588	63
36	Маяк 3	Разведки	1985	70	3
37	Кумжа 8	Разведки	2011	1	1
38	Кривун	Раскопки	1983–1985	17	6

№	Название памятника	Характер работ	Годы работ	Количество фрагментов	Кол-во условных сосудов
39	Усть-Дроздовка 1	Раскопки	1975–1978	313	34
40	Ивановский Маяк 2	Разведки	2012	1	1

норвежских памятников, где использовалась такая же система подсчета (Skandfer, 2005).

Комплексами, которые могут стать основой для построения новых типологических и хронологических схем, являются: Маяк 2, Усть-Дроздовка 1, Нерпичья Губа, Нерпичья Губа 1 и Йоконьга 1 на северном побережье; Чаваньга 1, Нива 12, 20, 21 на южном побережье; Ловозеро 1, 3, 5, Цага 1 и Северная Салма 1 в центральной части полуострова.

Исследование выполнено в рамках проекта Российского научного фонда № 22-28-01270.

Список литературы

- Анпилогов А. В., 1981. Классификация керамики поселений бассейна р. Воронья в центральной части Кольского полуострова // СА. № 1. С. 266–274.
- Горецкий Г. И., 1937. Некоторые данные о неолитических стоянках Кольского перешейка // Труды Советской секции Ассоциации по изучению четвертичного периода. Вып. 3. С. 107–118.
- Гурина Н. Н., 1997. История культуры древнего населения Кольского полуострова. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение».
- Песонен П. Э., 1980. Неолитические стоянки Кандалакшского берега Белого моря // Новые археологические памятники Карелии и Кольского полуострова / отв. ред. Ю. А. Савватеев. Петрозаводск. С. 37–79.
- Nordqvist K., Mökkönen T., 2017. Periodisation of the Neolithic and radiocarbon chronology of the Early Neolithic and the beginning of the Middle Neolithic in Finland // Documenta Praehistorica XLIV. P. 78–86.
- Skandfer M., 2005. Early, northern Comb Ware in Finnmark: the concept of Säräisniemi 1 reconsidered // Fennoscandia Archaeologica. № 22. P. 3–27.

К вопросу о сходстве раннеолитической керамики Марийского Поволжья и Камско-Вятского междуречья

Кудашов А. С.

*Самарский государственный социально-педагогический
университет, Самара*

aleksandr.kudashov@gmail.com

Ключевые слова: *ранний неолит, керамический комплекс, Марийское Поволжье, Камско-Вятское междуречье*

Изучая керамику раннего неолита Марийского Поволжья, представляется необходимым сопоставить посуду с соседними регионами. Таковым является Камско-Вятское междуречье. Считаю немаловажным, что на обозначенных территориях прослеживаются песчаный и супесчаный контекст залегания материалов и схожее расположение памятников на высоких надпойменных террасах (3–5 м – Кошкинская, 6 м – Сокольный XII и т.д.).

К раннему неолиту в Марийском Поволжье принято относить посуду без орнамента, а также керамику, украшенную наколами (Никитин, 2011). Автором были проанализированы материалы с памятников: Дубовское III (371 фр.), Дубовское VIII (75 фр.), Дубовское IX (12 фр.), Отарское VI (41 фр.), Сутырское V (252 фр.), Сокольный VII (129 фр.), Сокольный XII (1225 фр.). Среди вышеуказанных фрагментов нами выделяются сосуды (табл. 1). В целом данная посуда представлена небольшими прямостенными или округлобкими банками. Их поверхность тщательно заглажена, внешняя залощена. Толщина стенок в основном в пределах 0,4–0,8 см. Много фрагментов размером менее 2 × 2 см и без орнамента. Орнамент занимает верхнюю или нижнюю треть сосуда.

Посуда Камско-Вятского междуречья имеет толщину стенок 0,4–0,7 см, внутренняя поверхность заглажена, а внешняя подлощена. Многие черепки без орнамента и сильно фрагментированы. Посуда баночной формы. Орнаментация сосудов слабая, занимает верхнюю и нижнюю треть сосуда. Днища плоские или плосковогнутые, порой также орнаментированы. Учтены данные о раннеолитических материалах следующих памятников: Кыйлуд II (360 фр.), Кыйлуд III (653 фр.), Кочуровское I (ок. 1600 фр.), Моторки II (936 фр.), Чумойтло I (277 фр.), Кошкинская (ок. 500 фр.). Среди вышеуказанных фрагментов на памятниках выделяются сосуды (табл. 1).

Сравнение комплексов выделенных сосудов проводилось по ряду параметров. По орнаментации на марийских памятниках раннего неолита превалирует керамика с треугольным наколом: разреженным – 31% и отступающим – 15%, а также овальным разреженным – 24,5% и овальным отступающим наколом – 5,5%. Заметно число сосудов, имею-

Таблица 1. Керамика памятников Марийского Поволжья и Камско-Вятского междуречья

Памятник / параметр	Орнамент			Венчики				
	Δ накол	○ накол	□ накол	Прямые	Профилир	Прикрытые	С насечками	Ямки-проколы
Дубовское III	48% (65)	32% (40)	3% (4)	96% (27)	–	4% (1)	–	50% (14)
Дубовское VIII	33% (8)	46% (11)	–	89% (8)	11% (1)	–	–	78% (7)
Дубовское IX	44% (4)	22% (2)	11% (1)	75% (3)	25% (1)	–	–	50% (2)
Отарское VI	77% (10)	7,5% (1)	7,5% (1)	50% (3)	–	50% (3)	–	50% (3)
Сутырское V	45% (27)	35% (21)	–	47% (14)	3% (1)	27% (9)	–	47% (14)
Сокольный VII	14% (2)	43% (6)	–	78% (7)	11% (1)	11% (1)	–	–
Сокольный XII	60% (39)	23% (15)	6% (4)	69% (34)	4% (2)	8% (4)	–	30% (15)
По Марийскому региону	46% (155)	30% (96)	4% (10)	72% (96)	8% (6)	14% (18)	–	43,5% (55)
Кыйлуд II	47% (53)	48% (55)	5% (6)	76% (38)	6% (3)	18% (9)	34% (17)	24% (12)
Кыйлуд III	27% (11)	54% (22)	19% (8)	59% (10)	6% (1)	35% (6)	53% (9)	47% (8)
Кочуровское I	62% (89)	32% (44)	6% (9)	70% (50)	9% (6)	21% (15)	17% (15)	24% (21)
Моторки II	24% (5)	57% (12)	19% (4)	82% (9)	9% (1)	9% (1)	55% (6)	45% (5)
Чумойтло I	61% (52)	22% (21)	17% (14)	87% (23)	4% (1)	9% (2)	13% (4)	35% (8)
По Камско-Вятскому региону	44% (210)	43% (154)	13% (41)	75% (130)	7% (12)	18% (33)	34% (51)	35% (54)

щих насечки – 8% и лишь ямочные вдавления – 5%. Редкими являются подпрямоугольный и подквадратный накол и прочерки. Для памятников Камско-Вятского междуречья преобладающим также является орнамент из треугольных и овальных наколов. Например, на поселении Кыйлуд II – 47% с треугольным и 48% с овальным, а на Кочуровском I – 62% с треугольным и 32% с овальным наколом (Гусенцова, 1993. С. 82–90). Остальные элементы (подквадратные, подпрямоугольные наколы, насечки) на сосудах представлены в гораздо меньшем количестве. На многих сосудах орнамент представляет собой лишь пояс ямок-проколов под венчиком.

Венчики в Марийском Поволжье в основном прямые с плоским срезом – 51,5%, также заметна доля прямых с округлым срезом – 14%, в меньшей степени представлены прямые скошенные внутрь – 6%. Редко встречаются слабопрофилированные (8%), приостренные (4%), прикрытые скошенные внутрь, прикрытые с округлым и плоским срезом; единичны прямые скошенные наружу и открытые. Заметно число сосудов, имеющих сквозное отверстие под венчиками – 43,5%. Верхние части сосудов на камско-вятских памятниках также в большинстве случаев прямые (к примеру, 70% на Кочуровском I). В меньшей степени присутствуют профилированные и прикрытые венчики. На профилированных венчиках часто отмечается нанесение насечек по внутреннему краю: на 34% – Кыйлуд II, 17% – Кочуровское I и т.д. Также встречаются насечки на прямых венчиках на Моторках II (Гусенцова, 1993. С. 82–98).

Донца на марийских памятниках плоские в 82,5% случаев. Среди них 33% украшены овальными наколами, 21% – треугольными, 15% – насечками, в единичных случаях встречаются подпрямоугольные наколы, овальные наколы с насечками, а около 25% – не имеют орнамента. Плосковогнутые донца отмечены в 15% случаев, они украшены треугольными наколами или не имеют орнамента. Единично встречается приостренное дно. Среди материалов Камско-Вятского междуречья подавляющее большинство дниц – плоские. К примеру, в раннеолитическом комплексе Кошкинской стоянки все донца имеют плоскую форму (Гусенцова, 2014. С. 93). Гораздо реже встречаются плосковогнутые, а также есть одно приостренное дно на памятнике Кыйлуд III (Гусенцова, 1993. С. 86). Выделяются случаи хорошо выраженных поддонов на донцах (закраин).

Мотивы на марийской посуде в 56,5% случаев – горизонтальные ряды, 21% – диагональные, 12% – сочетание горизонтальных и диагональных рядов, 3,5% – зигзаги и по 2,3% – волны, вертикальные ряды, а также сочетание вертикальных и горизонтальных рядов. В подавляющем большинстве случаев на стоянках Камско-Вятского междуречья картина схожая – мотивы на сосудах представлены горизонтальными, диагональными и вертикальными линиями, а также зигзагом.

Выявляется ряд схожих черт (табл. 1). Близки толщина фрагментов, обработка внешней и внутренней поверхностей, форма венчиков, элементы и мотивы орнамента, плоскодонность сосудов. Однако стоит отметить отличия. Во-первых, нанесение насечек на внутренний край венчика, которое в марийских материалах не встречено. Во-вторых, наличие в коллекции памятников Камско-Вятского междуречья выраженных закраин на донцах.

Таким образом, исходя из явного преимущества сходств над различиями, можно предположить определенную связь населения регионов, исходя из их керамических комплексов. Дальнейший углубленный анализ

может помочь дать ответ на вопрос о возможном культурном единстве данных памятников.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10001) «Этно-культурное взаимодействие населения Среднего Поволжья в каменном веке (мезолит-энеолит)».

Список литературы

- Гусенцова Т.М., 1993. Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. Ижевск: Изд-во Удмуртского университета.
- Гусенцова Т.М., 2014. Ранненеолитический комплекс Кошкинской стоянки на правобережье р. Вятка // Самарский научный вестник. № 3 (8). С. 90–94.
- Никитин В.В., 2011. Ранний неолит Марийского Поволжья. Йошкар-Ола: МарНИИ.

Итоги исследования керамических комплексов стоянок раннего неолита близ д. Сокольный (Республика Марий Эл)

Пантелеева Т.Ю.

*Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара
panteleeva.tatyana.99@mail.ru*

Ключевые слова: *ранний неолит, Марийское Поволжье, накольчатая керамика, неорнаментированная керамика*

Целенаправленное изучение неолита Марийского Поволжья берет начало в 80-х гг. XX века и связано в первую очередь с работами В.В. Никитина. В результате проведенных исследований была получена представительная источниковая база по раннему неолиту и дана ее подробная характеристика (Никитин, 2011). Однако основой разработок автора служили материалы, главным образом, нескольких опорных стоянок, расположенных в окрестностях соседних деревень Дубовское и Отары (Дубовская III, VII, VIII, Отарская VI), что накладывало определенные ограничения и скорее характеризовало комплексы лишь данного микрорегиона. Насущной необходимостью являлось расширение территориального охвата исследований. В этой связи с 2018 г. по настоящее время К.М. Андреевым и А.А. Выборновым, при участии автора, ведутся активные работы у деревни Сокольный Звениговского района Республики Марий Эл (стоянки Сокольный VII, XII, XVII), которая расположена примерно в 60 км вниз по течению реки Волги от обозначенного куста Дубовско-Отарских стоянок (рис. 1).

Ранненеолитические комплексы керамики стоянок Сокольный VII, XII и XVII представлены 90 сосудами, которые характеризуются следующими

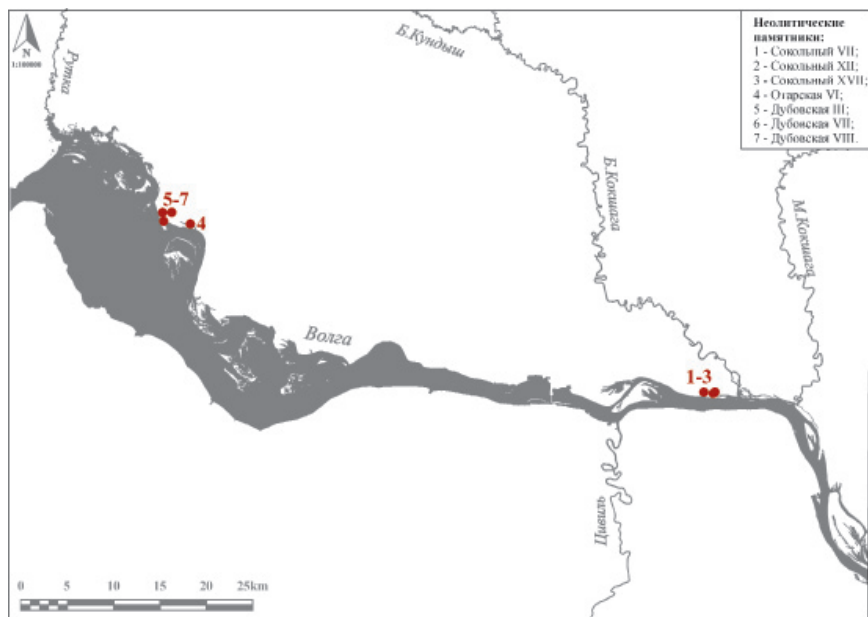

Рис. 1. Карта неолитических памятников Марийского Поволжья

признаками. Фрагменты 0,4–0,9 см толщиной (в основном 0,5–0,7 см), с внешней стороны подлощены, с внутренней заглажены, имеют визуально определяемую примесь шамота в тесте. По оформлению края венчика преобладают плоскосрезанные, реже округлые. Под срезом горла зачастую нанесен ряд сквозных округлых вдавлений. Форма посуды горковидная с плоским или плосковогнутым дном.

Сосуды орнаментированы наколами следующих форм (табл. 1): округлые (17,8%), крупные овальные (5,7%), треугольные (56,3%), овальные (16,7%), реже подквадратные (3,5%). Относительно большое количество фрагментов (44,5%), украшенных крупными овальными наколами, является особенностью стоянки Сокольный VII. Также на памятнике подавляющее большинство посуды орнаментировано наколами, нанесенными в разреженной манере. При этом на стоянке Сокольный XII примерно в равном количестве представлены отступающая и разреженная манеры нанесения орнамента, а на Сокольном XVII все сосуды орнаментированы наколами в отступающей манере.

Мотивы орнамента представленных стоянок в основном простые (диагональные или горизонтальные ряды), реже встречаются более сложные: горизонтальные ряды наколов с отходящими короткими линиями нако-

Таблица 1. Накольчатая система орнаментации керамики Марийского Поволжья

НАКОЛЬЧАТАЯ СИСТЕМА ОРНАМЕНТАЦИИ								
Памятник (кол-во сосудов)	Элемент орнамента в процентах							
	Крупный овальный	Овальный	Треугольный	Округлый	Квадратный			
Сокольный VII (9)	44,5	22,2	22,2	-	11,1			
Сокольный XII (60)	-	13,6	61,2	23,5	1,7			
Сокольный XVII (26)	4	20	68	4	4			
Памятник (кол-во сосудов)	Манера нанесения в процентах							
	Отступающая			Разреженная				
Сокольный VII (9)	22,3			77,7				
Сокольный XII (58)	52,4			47,6				
Сокольный XVII (26)	100			-				
Памятник (кол-во сосудов)	Мотивы орнамента в процентах							
								
Сокольный VII (9)	88,8	-	-	-	11,2	-	-	-
Сокольный XII (56)	46,8	3,6	-	28,8	10,8	1,8	1,8	6,4
Сокольный XVII (16)	31,25	12,5	6,25	25	18,75	-	-	6,25

лов; горизонтальные ряды, состоящие из коротких диагонально ориентированных разнонаправленных линий наколов; елочка; зигзаг и др. (Пантелеева, 2020).

Сравнительное сопоставление Сокольных памятников со стоянками Дубовская III, VII, VIII, Отарская VI показало следующие результаты. Форма сосудов на данных памятниках в основном горшковидная, дно плоское или плосковогнутое, преобладают плоские срезы венчиков, прямые и прикрытые горловины с вдавливаниями или сквозными отверстиями под устьем. Форма наколов в основном треугольная и округлая, реже подквадратная. Близкими являются обработка поверхностей, примеси в тесте, а также преобладание простых орнаментальных мотивов: горизонтальные и диагональные ряды наколов. В небольшом количестве присутствуют сосуды со сложными мотивами: плотные короткие диагональные ряды; диагональные короткие разнонаправленные ряды; горизонтальный зигзаг (Никитин, 1996; Андреев и др., 2020б).

Время бытования рассматриваемых керамических комплексов устанавливается с помощью радиоуглеродного датирования. По кольчатой керамике стоянок Дубовская III и Отарская VI были получены следующие даты: 6467 ± 110 BP, 6340 ± 120 BP, 6020 ± 90 BP и 5894 ± 150 BP (Андреев и др., 2020а). Близкие датировки представлены по фрагментам, орнаментированным наколами, стоянки Сокольный XII: 6583 ± 120 BP, 6308 ± 100 BP (SPb_3182; SPb_3187).

Стоит отметить, что неорнаментированные и орнаментированные наколами сосуды являются наиболее древними в Марийском Поволжье и составляют гомогенный комплекс. По мнению В. В. Никитина, данные материалы могут быть отнесены к дубовско-отарской ранненеолитической культуре (Никитин, 2013). В то же время И. Б. Васильев и А. А. Выборнов склонны рассматривать их в рамках средневожской культуры (Васильев, Выборнов, 1988).

Подводя итог, можно сказать, что по большинству морфологических и типологических признаков керамические комплексы стоянок близ д. Сокольный укладываются в контекст марийского неолита, опорными для которых являются стоянки Дубовская III, Отарская VI и др.

Список литературы

- Андреев К. М., Выборнов А. А., Кудашов А. С., Кулькова М. А., 2020а. Хронология неолита Марийского Поволжья // Радиоуглерод в археологии и палеоэкологии: прошлое, настоящее, будущее. СПб: ИИМК РАН, РГПУ, Самара: СГСПУ/ООО «Порто-принт». С. 9–10.
- Андреев К. М., Выборнов А. А., Кудашов А. С., Алешинская А. С., Васильева И. Н., 2020б. Поселение Сокольный VII – новый памятник раннего неолита в Республике Марий Эл // Поволжская археология. № 3 (33). С. 64–81.
- Васильев И. Б., Выборнов А. А., 1988. Неолит Поволжья. Куйбышев: КГПИ.
- Никитин В. В., 1996. Каменный век Марийского края. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ.
- Никитин В. В., 2011. Ранний неолит Марийского Поволжья. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ.
- Никитин В. В., 2013. Некоторые проблемы раннего неолита лесной полосы Среднего Поволжья // Поволжская археология. № 2 (4). С. 11–17.
- Пантелеева Т. Ю., 2020. Ранненеолитический керамический комплекс стоянки Сокольный XII (новый памятник неолита Марийского Поволжья) // LI Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых. Пермь: ПГНИУ. С. 56–58.

Классификация энеолитических бусин Северного Кавказа (по материалам поселенческих и погребальных памятников)

Пономаренко А. С.

*Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург
shkiperova.anyuta@yandex.ru*

Ключевые слова: энеолит, мешоковская культура, Северный Кавказ, украшения, бусины, классификация

В эпоху энеолита (V–IV тыс. до н. э.) на территории Северного Кавказа выделяют две культурные группы памятников: погребения

степного энеолита и мешоковскую культуру, представленную в основном поселенческими памятниками, тяготеющими к горным районам. Для обеих групп характерен особый набор украшений. В данной статье будет рассмотрена лишь одна из категорий украшений – бусины, которые происходят из таких памятников, как навес Мешоко, поселение Мешоко, Замок, Свободное, Скала и Тяллинг I и II, а также Нальчикского могильника, станицы Старонижнестеблиевской и станицы Чернойрской (Круглов и др., 1941; Формозов, 1965; Нехаев, 1990; Корневский, 1998; Шаталин, Резепкин, 2002; Столяр, 2009; Осташинский, 2012; Черленок, Осташинский, 2019). Также будут использованы материалы поселений Тяллинг I и II, не относящихся к мешоковской культуре (Корневский, Тайсумов, 2011).

Бусины представляют собой такую категорию украшений, для которой характерны чуть более крупные размеры, чем для бисера (диаметр изделия от 0,5 до 2,1 см). Отверстие, как правило, располагается по центру предмета, в отличие от подвесок, у которых отверстие располагается выше центра или имеется специально выделенная часть для подвешивания.

После разработки классификации было выделено 14 конечных типов по материалу, форме и размеру. Также учтены предметы неизвестной формы. Для изготовления бусин использовались такие материалы, как раковины, керамика, камень, кость и медь. Для анализа совстречаемости разных типов бусин была составлена таблица, где по горизонтали указаны типы, а по вертикали – памятники (табл. 1).

Типы были объединены в три группы: 1) типы, которые встречаются только в погребальных памятниках степного энеолита, 2) общие типы,

Таблица 1. Совстречаемость бусин в погребальных и поселенческих памятниках. Серым цветом обозначены бусины из кости, желтым – из камня, зеленым – из меди, синим – из раковины, красным – из керамики

№	Памятник / тип	1.4.3	1.4.4	1.1.2	1.3.2	1.5.2	1.1.1	1.3.1	1.5.4	1.5.3	1.5.1	1.4.2	1.4.1	1.2.1	1.2.3	1.2.2
1	Старонижнестеблиевская (погр. №13, 13А, 14, 29, 30)	187	5	122	1			21								
2	Нальчикский могильник (погр. №4, 8, 41, 83, 86)				1		18	58	1							
3	Чернойрская (погр. №2)					143										
4	Поселение Скала								1							
5	Поселение Замок						1									
6	Поселение Мешоко							1		8	1		2		1	
7	Навес Мешоко						1	5				1	2	2	1	7
8	Поселение Свободное						1	1	1				мног. 1			
9	Поселения Тяллинг I и II															1

которые характерны и для степного энеолита, и для мешоковской культуры, и 3) типы, которые встречаются только на поселенческих памятниках.

В погребальных памятниках найдены медные бусины с сомкнутыми концами (тип 1.5.4), бочонковидные бусины из камня (тип 1.3.2) и вытянутые костяные бусины (тип 1.4.4) (табл. 1). В станице Старонижнестеблиевской в большом количестве встречаются цилиндрические бусины из раковин и округло-каплевидные с V-образным отверстием бусины из кости (тип 1.4.3). Эти предметы находят аналогии среди энеолитических материалов Северного Причерноморья (Котова, 2006).

Типы, которые обнаружены как в погребальных, так и в поселенческих памятниках, – это дисковидные бусины из раковин (тип 1.1.1), цилиндрические бусины из камня (тип 1.3.1) и медные бусины неясной формы (тип 1.5.4). Дисковидные бусины из раковин – это достаточно распространенный тип, который встречается в памятниках раннего и среднего энеолита на территории от Дуная до Волги (Манзура, 2000. С. 262).

В поселенческих памятниках найдены дисковидные медные бусины (тип 1.5.1), медные бусины с несомкнутыми концами (тип 1.5.3), костяные бусины, овальные в сечении (тип 1.4.2), цилиндрические костяные бусины

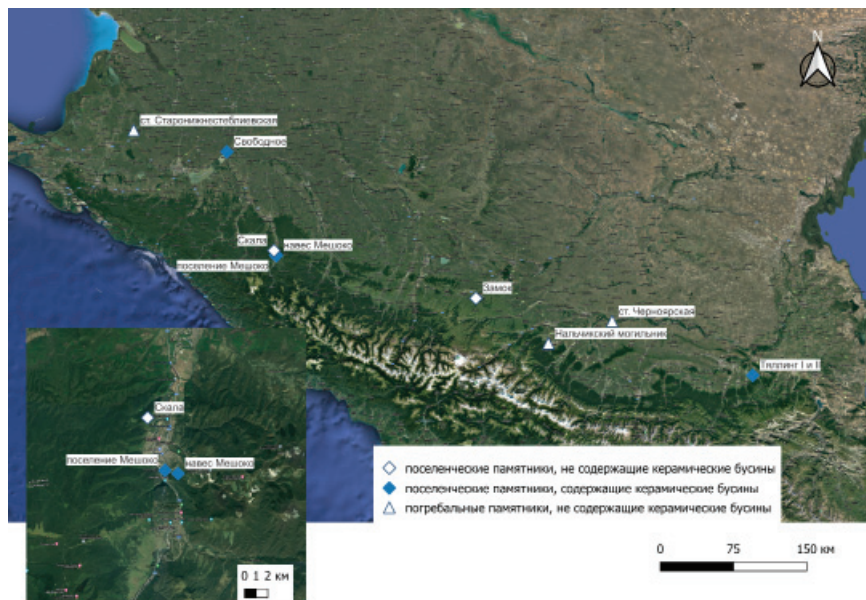

Рис. 1. Карта распространения керамических бусин

(тип 1.4.1), а также керамические бусины различных типов: конусовидные (тип 1.2.1), бочонковидные (тип 1.2.2), по форме напоминающие сосуд (тип 1.2.3).

Таким образом, энеолитические бусины Северного Кавказа, изготовленные из таких материалов, как раковины, камень, кость и медь, находят как в погребениях, так и на поселениях. Однако необходимо отметить, что керамические бусины разных типов встречаются только на поселенческих памятниках: в большом количестве они найдены в Свободном, в меньшем количестве – в навесе Мешоко и в единичных случаях – на поселениях Мешоко и Тяллинг I и II (рис. 1). Возможно, это говорит о том, что бусины, изготовленные из данного материала, не использовались в среде носителей культуры степного энеолита.

Список литературы

- Корневский С.Н., 1998. Поселение «Замок» у города Кисловодска (нижний слой) // *Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа*. Вып. 1. С. 96–147.
- Корневский С.Н., Габуев Т.А., 2014. Погребение энеолитической эпохи у станции Черноморская в Моздокской степи // *Археологические памятники Оренбуржья*. Вып. 11. С. 39–42.
- Корневский С.Н., Тайсумов Т.А., 2011. Телли «Тяллинги» I и II у с. Курчалой в Чечне // *Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа*. Грозный, М. С. 17–47.
- Котова Н.С., 2006. Ранний энеолит Степного Поднепровья и Приазовья. Луганск: Шлях.
- Круглов А.П. и др., 1941. Могильник в г. Нальчике // *Материалы по археологии Кабардино-Балкарии*. М. Вып. 3. С. 67–146.
- Манзура И.В., 2000. Владеющие скипетром // *Stratum plus*. № 2. С. 237–295.
- Нехаев А.А., 1990. Энеолитические памятники Закубанья // *Древние памятники Кубани*. Краснодар. С. 5–22.
- Осташинский С.М., 2012. Материалы раскопок 2007 г. на поселении Мешоко // *Археологические вести*. Вып. 18. С. 43–66.
- Столяр А.Д., 2009. Материалы к отчету о работах Северокавказской экспедиции 1965 г. // *Мешоко – древнейшая крепость Предкавказья. Отчеты Северокавказской археологической экспедиции 1958–1965 гг.* СПб. С. 168–194.
- Формозов А.А., 1965. Каменный век и энеолит Прикубанья. М: Наука.
- Черленок Е.А., Осташинский С.М., 2019. Пятый слой навеса Мешоко: проблема синхронизации с памятниками степного энеолита Восточной Европы // *Археология Восточно-Европейской степи: Межвузовский сборник научных трудов*. Вып. 15. С. 31–43.

Шаталин Ю.А., Резепкин А.Д., 2002. Неолитический могильник с инвентарем мариупольского типа в Прикубанье и его место в системе древностей юго-восточной Европы // *Stratum plus*, № 2. С. 447–457.

Отпечатки шнура-орнамента на керамике многослойного поселения Сертея II (V–III тыс. до н.э.)

Ринейская Т.С.

*Реставрационно-хранительский центр Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербург
mori.rin@mail.ru*

Ключевые слова: *неолит, свайное поселение, шнуровая орнаментация, жижицкая культура, хвалынская культура*

Многослойное поселение Сертея II в Смоленской области Велижского района исследуется Северо-Западной экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством А.Н. Мазуркевича. Сертейский археологический комплекс, в состав которого входит данное поселение, был открыт А.М. Микляевым в 1972 г. «Культурные слои поселения расположены под водой и в торфянике, что определило уникальную сохранность материальной культуры конца IV – начала III тыс. до н.э.» (Мазуркевич и др., 2016).

Остатки тканей – это одна из редких категорий находок на торфяниковых памятниках. На поселении Сертея II было найдено несколько фрагментов тканых изделий: фрагмент ткани подтрапещевидной формы, фрагменты тесьмы с бахромой, рыболовная сеть, веревки, преимущественно скрученные из ивового луба, и остатки луба в ремонтных отверстиях керамических сосудов. Данные ткани и веревки могут датироваться первой половиной III тыс. до н.э.

Вместе с тем на Сертее II есть и косвенные свидетельства присутствия веревок среди материалов V–III тыс. до н.э. Такими свидетельствами являются различные отпечатки шнура и веревочных узлов на поверхности керамики в качестве орнамента (Мазуркевич и др., 2014. С. 238). Такие отпечатки находят на некоторых сосудах, относящихся к влиянию хвалынской культуры, к жижицкой культуре и культуре шаровидных амфор.

Фрагменты керамики с оттисками шнура относятся к разным периодам. К V–IV тыс. до н.э. – фрагменты сосудов условно хвалынской культуры (175 фрагментов), к III тыс. до н.э. относятся фрагменты жижицкой культуры (100 фрагментов). К III–II тыс. до н.э. относятся фрагменты условно степной культуры (76 фрагментов) и 1 фрагмент, относящийся к культуре шаровидных амфор. В сумме на поселении Сертея II на данный момент выделено 168 сосудов со шнуровым и узелковым орнаментом.

Можно выделить несколько видов шнурового штампа в керамической коллекции Сертея II:

1) отпечатки цельной веревки или части веревки (рис. 1) – 195 фрагментов;

2) узелковый штамп – 88 фрагментов;

3) штамп «веревка на палочке» – 221 фрагмент.

В докладе будут представлены предварительные результаты анализа особенностей типов веревок. Тип крутки веревки-орнамента – преимущественно S (отображается на керамике как Z); двух разных типов крутки на одном фрагменте не было выявлено. Средние значения размеров штампа: толщина для отпечатка шнура S-крутки от 0,1 до 0,25 см, для отпечатка шнура Z-крутки – от 0,15 до 0,4 см. Среднее значение глубины штампа составляет 0,1 см. Шаг кручения нитей (плотность крутки) – плотный – 2–2,5 на 1 см. Предварительные результаты анализа орнамента: повторяющиеся элементы шнурового орнамента (шаг

Рис. 1. Фрагменты керамического сосуда с орнаментом из постройки № 1 поселения Сертея II: 1, 2 – фрагменты сосуда со шнуровым орнаментом; 3 – макрофотография выделенной области фрагмента в увеличении $1 \times 0,65$

раппорта) для зоны под венчиком фиксируются в диапазоне от 0,3 до 0,6 см друг от друга; шнуровой орнамент сочетается с различными штампами в основном с гребенчатым (короткая гребенка), накольчатый и овальными оттисками.

Список литературы

- Мазуркевич А.Н., Долбунова Е.В., Кулькова М.А., Режер М., Мазуй А., 2014. Динамика культурных изменений – локальные традиции и импорты в керамическом производстве свайных поселений (памятник Сергея П, Смоленская область) // Археология озерных поселений IV – II тыс. до н.э.: хронология культур и природно-климатические ритмы: материалы международной конференции, посвященной полувековому исследованию свайных поселений на северо-западе России (Санкт-Петербург, 13–15 ноября 2014 г.). СПб. С. 238–247.
- Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы в VII–III тыс. до н.э.: кол. моногр. / сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск. 2016.

Результаты экспериментальной проверки гипотезы по конструированию неолитических сосудов посольского типа

Уланов И.В., Уланова А.В.

*Иркутский государственный университет, Иркутск
ussr-ilya@yandex.ru, verensk1987@gmail.com*

Ключевые слова: Байкало-Енисейская Сибирь, неолит, посольская керамика, древнее гончарство, экспериментальное моделирование

Посольская керамика встречается на стоянках по всей территории Байкало-Енисейской Сибири и, согласно полученным в последние годы радиоуглеродным AMS-определениям, датируется интервалом 6750–6306 кал. л. н. (Бердников и др., 2020). К посольскому типу относятся сосуды параболоидной закрытой формы со слабой профилировкой верхней части и приостренным дном. Венчик имеет с внешней стороны треугольный, реже овальный в сечении налест либо просто утолщен. Орнамент локализован в верхней части сосуда и представлен горизонтальными рядами отступающей лопатки или прочерченными линиями. Композиция внизу завершается отдельными фигурами – треугольниками или короткими вертикальными линиями. Венчик декорирован оттисками гребенчатого штампа и имеет поясок круглых отверстий, который располагается поперек линии, выполненной прочерчиванием либо отступанием.

Долгое время технология изготовления посольской керамики рассматривалась слабо, и лишь недавно начались специальные исследования по данной теме (Berdnikov, Ulanov, 2015; Абрашина, 2017; Бердников и др. 2017; Абрашина и др. 2021; Уланов, Соколова, 2021 и др.). По их результатам был диагностирован ряд особенностей изготовления посольской керамики. Формовочные массы характеризуются несмешанным однокомпонентным составом, а в качестве сырья использовались ожелезненные запесоченные глины. Зафиксированы следующие приемы конструирования: зональный лоскутный налеп; выбивание стенок шнуровой либо рубчатой, реже – ячеистой или гладкой колотушкой; изготовление сосуда на форме-основе; утолщение венчика дополнительным элементом. В спаях конструктивных элементов ряда фрагментов видны отпечатки шнуровой или рубчатой лопатки, что свидетельствует о выбивании сосуда постоянно в процессе конструирования.

На основании выявленных особенностей предложен вариант изготовления посольской керамики. Согласно ему, сосуды конструировались на форме-основе, роль которой играл другой сосуд, способом зонального лоскутного налепа по емкостной программе, при этом стенки выбивались шнуровой или резной (в редких случаях гладкой) колотушкой. После того как большая часть сосуда была сформирована, она снималась с формы-основы. Дополнительной зоной оформлялась профилированная верхняя часть. Затем из отдельного жгута делался подтреугольный налеп либо расплющенный жгут утолщал венчик.

Цель настоящего исследования – проверка гипотезы путем экспериментального моделирования. В качестве сырья использовалась местная глина, взятая вблизи стоянок Усть-Хайта и Горелый Лес. В ходе проведенных экспериментов предложенным способом изготовлено шесть емкостей. Затем было проведено сравнение полученных моделей с археологическими образцами.

Следы от выбивки колотушкой, обмотанной крапивным шнуром, и от выколачивания резной лопаткой получились схожими с археологическими. В результате обжига на некоторых моделях посольских сосудов наблюдались так называемые отскоки и расслоения по спаям конструктивных элементов. В ряде случаев в них зафиксированы оттиски рубчатой или шнуровой колотушки, в зависимости от того, каким орудием наносился технический декор на стенки сосуда. Эти отпечатки аналогичны оттискам в спаях оригинальных посольских фрагментов. Использование в ходе эксперимента в качестве формы-основы сосуда, декорированного шнуровыми оттисками, привело к получению на внутренней поверхности моделей следов, напоминающих таковые на ряде оригинальных посольских сосудов.

В целом результаты исследования подтверждают возможность изготовления в древности посольских сосудов согласно предложенной гипотезе,

что позволяет предварительно утвердить ее в качестве рабочей. Однако для более однозначных выводов следует рассмотреть иные возможные варианты изготовления посольской керамики и также проверить их путем экспериментального моделирования.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Иркутской области в рамках научного проекта № 20–49–383001. Исследование выполнено в рамках гранта Правительства РФ, проект №075–15–2021–631 «Байкальская Сибирь в каменном веке: на перекрестке миров».

Список литературы

- Абрашина М. Е., 2017. К вопросу о происхождении шнурового технического декора на керамических сосудах Байкало-Енисейской Сибири: технология и эксперимент // Международная Археологическая школа в Болгаре / отв. ред. А. В. Сидтиков. Казань. С. 10–16.
- Абрашина М. Е., Уланов И. В., Бердников И. М., 2021. Керамика посольского типа в археологических комплексах стоянки им. А. Г. Генералова (Северное Приангарье) // Северные Архивы и Экспедиции. № 1. С. 9–22.
- Бердников И. М., Уланов И. В., Соколова Н. Б., 2017. Неолитическое гончарство Байкало-Енисейской Сибири: технологические традиции в территориально-хронологическом контексте // Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology. № 2. С. 275–300.
- Бердников И. М., Горюнова О. И., Новиков А. Г., Бердникова Н. Е., Уланов И. В., Соколова Н. Б., Абрашина М. Е., Крутикова К. А., Роговской Е. О., Лохов Д. Н., Когай С. А., 2020. Хронология неолитической керамики Байкало-Енисейской Сибири: основные идеи и новые данные // Известия ИГУ. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. Т. 33. С. 23–53.
- Уланов И. В., Соколова Н. Б., 2021. Особенности исходного сырья и формовочных масс неолитической керамики посольского типа Южного Приангарья // Материалы LXI Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых / отв. ред. И. М. Бердников, Д. Н. Лохов. Иркутск. С. 76–77.
- Berdnikov I. M., Ulanov I. V., 2015. Some aspects of molding technology of Posolskaya pottery in the South of Central Siberia // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. Vol. 4. Is. 8. P. 574–584.

Стоянка Инышко 5 в горно-лесном Зауралье

Яковлева Е. С.

Курганский государственный университет, Курган
lugsamildanah@yandex.ru

Ключевые слова: горно-лесное Зауралье, неолит, энеолит, очаг

Стоянка Инышко 5 расположена на берегу одноименного озера, в системе Миассовых озер, на территории Ильменского государственного минералогического заповедника. В полевые сезоны 2020 и 2021 гг. исследовалась стационарно, двумя небольшими раскопами.

Топографически стоянка делится на два небольших участка разной высоты над урезом воды, разделенных в микрорельефе возвышением скальника (рис. 1: А). На участках были заложены раскопы площадью 16 и 56 кв. м. Несмотря на свою компактность, раскопы включили большую часть ровной, свободной от скальника и деревьев, территории. В результате исследований получены интересные данные.

Восточная площадка, исследованная рекогносцировочным раскопом 16 кв. м, содержала «традиционные» для озерных стоянок Южного Зауралья смешанные слои периодов неозеолита, раннего железного века и Средневековья, с высокой насыщенностью артефактами: 845 экз., с преобладанием каменного инвентаря эпохи каменного века (501 экз.) – 60%. Стратиграфия раскопа характеризуется традиционной для региона пониженной цветностью и незначительной мощностью напластований – 50–60 см. Поздние слои раннего железного века и Средневековья представлены супесчаными слоями, в том числе щебнистыми; слои каменного века связаны с суглинистыми грунтами.

Керамический комплекс малочисленный, сильно фрагментированный. Удалось выделить остатки 15 сосудов: пять неолитических, козловско-полуденского облика, шесть энеолитических, суртандинского типа, а также три иткульских сосуда раннего железного века и один – средневековый. Каменный инвентарь неозеолитического времени характеризуется типичным для Зауралья пластинчатым характером и микролитоидностью. Ширина пластин составляет в основном 8–10 мм (рис. 1: В). Кроме того, в пределы исследованной площади попал один объект, связанный с самым ранним этапом заселения стоянки, представляющий собой очаг кострового типа. Он зафиксирован в виде прокала округлых очертаний, диаметром 50–55 см и мощностью до 11 см, со слабо ступенчатым дном (рис. 1: Б).

Западная площадка, расположенная на чуть более высокой гипсометрической позиции, исследована раскопом 56 кв. м (рис. 1: Г). В отличие

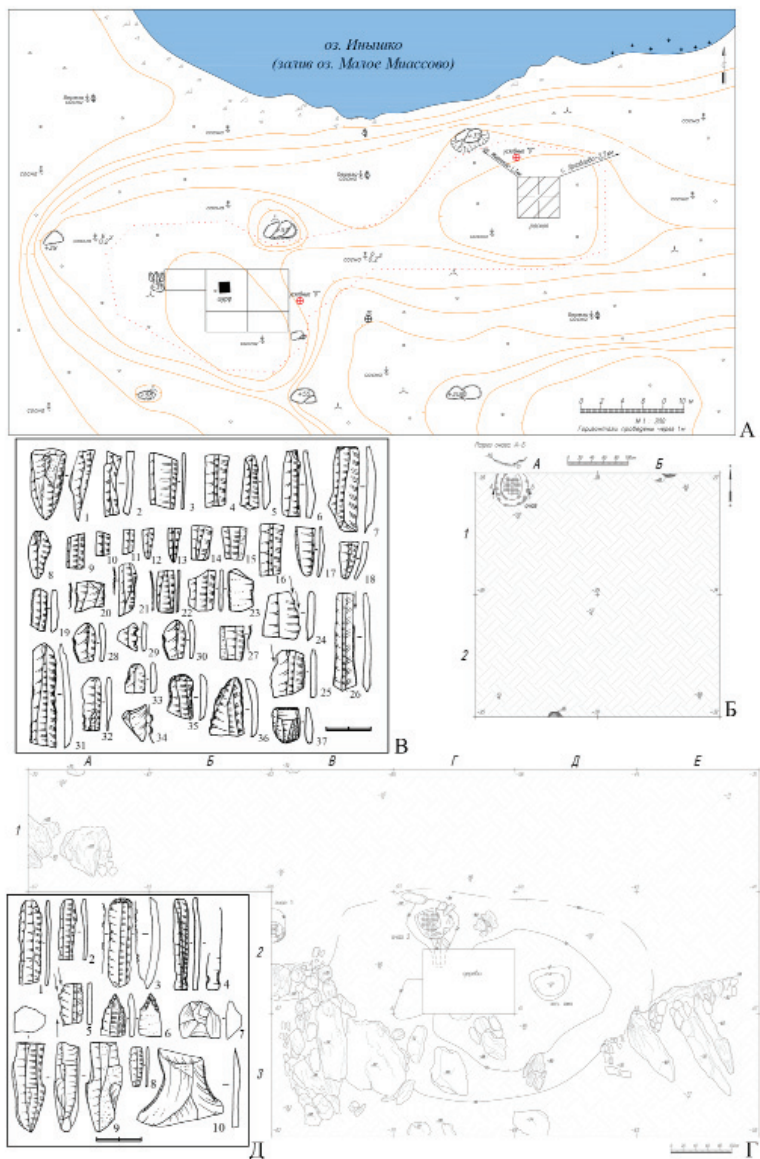

Рис. 1. А – топоплан стоянки Инышко 5; Б – план рекогносцировочного раскопа 2020 г.; В – находки рекогносцировочного раскопа 2020 г.; Г – план раскопа 2021 г., участок Инышко 5а; Д – находки раскопа 2021 г., участок Инышко 5а

от смежного участка, здесь получены материалы, ограниченные периодами энеолита и раннего железного века. Ввиду таких различий в характеристиках, западный участок работ получил название «Инышко 5а».

Стратиграфия раскопа имеет существенное отличие от соседнего участка. Культурные напластования маломощны, до 30–35 см, имеют суглинистый характер разных оттенков серого, при этом энеолитический слой имеет характерное отличие от вышележащего – насыщенность щебнистыми включениями, что связано с разрушением скальника в процессе оформления площадки.

Материалы данного раскопа резко отличаются насыщенностью слоя: обнаружено 273 предмета. Если концентрация находок для первого составляет в среднем 52 экз./кв. м, то здесь она всего лишь 4,8 экз./кв. м, то есть в 10,8 раз меньше. При этом доля каменного инвентаря составила 70% против 60%. Керамический комплекс скуден, из 80 фр. удалось выделить всего шесть энеолитических (четыре липчинских, два суртандинских) и два иткульских «условных» сосуда: половина из них схематично реконструирована по верхней части, остальные выделены как культурно атрибутируемые фрагменты. Большая часть фрагментов неорнаментирована и, очевидно, относится к эпохе раннего железного века. В пределы данного раскопа попали два очага и остатки постройки. Один из очагов связан с периодом раннего железного века и, предположительно, имел шахтную конструкцию. Второй непосредственно связан с постройкой и материальным комплексом энеолита.

Сооружение было вписано в естественный рельеф скальных выходов, которые имели явные следы подработки: граница скальника выровнена в плане и профиле, а прилежащий слой представляет собой перемес суглинка с кварцитовым щебнем. Заглубленность в материк составила до 10 см. С северной стороны очертания постройки нечеткие в плане, рельеф пола в профиле сnivelирован. По-видимому, объект представлял собой небольшую наземную постройку для непродолжительного пребывания.

В сооружении зафиксирован очаг полузакрытого типа с устроенным поддувалом. В качестве основы конструкции стен использовались камни, обмазанные глинистым раствором. Общий размер конструкции на верхнем уровне, где фиксировались развалы стен, около 1 × 0,8 м (небольшая часть объекта попала в бровку под сосной – данный участок грунта не выбирался из-за заповедного режима территории). Камера горения располагалась в центре очага, имела подпрямоугольную форму, размерами 0,5 × 0,45 м, в южной части устроен канал поддувала. В 2 м к юго-востоку от него зафиксирована яма неправильных подокруглых очертаний, диаметром около 0,7 м и глубиной до 0,25 м, заполненная рыхлым щебнистым слоем, аналогичным отложениям в постройке, в связи

с чем она прослеживалась преимущественно по разности в плотности грунтов. Очаг был устроен в северо-западной половине постройки, а яма, соответственно, в юго-восточной.

Каменный инвентарь площадки (рис. 1: Д) представлен малочисленным комплексом, демонстрирующим полный цикл первичной и вторичной обработки, включая изготовление нуклеусов на небольших гальках, их подправку, получение пластинчатых заготовок и орудий на них. Безусловной ценностью является «чистый» характер комплекса, не смешанного с неолитом. При сопоставлении комплексов участков Инышко 5 и 5а было установлено, что во втором доля отщепов чуть выше, однако пластина сохраняет роль ведущей заготовки и свои размерные характеристики с диапазоном преобладающей ширины 7–10 мм. Интересно, что доля вторичной обработки заготовок в комплексе 5а выше на 3% в обеих группах.

Таким образом, в пределах стоянки Инышко 5 были исследованы два участка, один из которых дал «традиционный» для горно-лесной зоны смешанный комплекс, аналогичный материалам близлежащей стоянки Кедровый мыс-1 (Мосин, Яковлева, 2016). Второй участок дал не только «чистый» энеолитический слой (исключая материалы раннего железного века), но и интересные объекты.

Список литературы

Мосин В.С., Яковлева Е. С., 2016. Неолитический комплекс стоянки Кедровый мыс-1 // Самарский научный вестник. № 2 (15). С. 74–79.

Бронзовый век

Проблема определения грунтовых могильников на примере памятников катакомбной общности

Александренкова М.Г.

Институт археологии РАН, Москва

m.alxnva@gmail.com

Ключевые слова: бронзовый век, катакомбная общность, грунтовые могильники, погребальный обряд, историография

Одной из актуальных источниковедческих проблем является определение наличия или отсутствия насыпи на предположительно грунтовых могильниках тех культур эпохи бронзы, ведущим погребальным обрядом которых принято считать подкурганное захоронение. Проблема важна не только как методическая, но и потому, что на основании факта

бескурганности делаются культурно-хронологические построения (Дремов, 2011). Ниже на примере грунтовых могильников катакомбной общности будет дан обзор возможных путей решения этой проблемы, предложенных в литературе.

Такие памятники впервые были открыты в Среднем и Нижнем Поднепровье в конце 1920-х – 1930-е гг. (Рассамакин, 2018; Миллер, 1935). Однако только начиная со статьи О.Г. Шапошниковой (1961), исследователи стали обращать особое внимание на бескурганный характер таких памятников.

Сейчас известно порядка 160 грунтовых погребений катакомбной общности. Такое малое, в сравнении с курганными, количество грунтовых погребений вызывает скепсис некоторых исследователей относительно их характера. Бескурганность могильников действительно требует обоснования. В литературе и отчетах представлены разные аргументы как в пользу грунтового характера памятников, так и против него.

К чертам, которые могут свидетельствовать о курганном характере, относят: расположение погребений по дуге (Погорелов, 1989. С. 105; Клименко, Литвиненко, 2001. С. 51) и в пределах кольцевого ровика (Синюк, 1999. С. 68; Матвеев, Цыбин, 1999. С. 77); компактное расположение погребений (Мимоход, 2009. С. 32; Шмелёв, 2014. С. 23); социально престижные черты, такие как охра, деформация черепа (Синюк, 2002. С. 188; Черних, 2019. С. 177); факт одновременности и разнокультурности погребений (Отрощенко, 2001. С. 35).

На бескурганный характер могут указывать следующие черты: нехарактерное для курганов расположение на местности (Синюк, 1999. С. 68; Клименко, Литвиненко, 2001. С. 51; Дремов, 2015. С. 11); слишком близкое взаиморасположение нескольких скоплений погребений (Матвеев, Цыбин, 1999. С. 77); отсутствие центрального погребения для захоронений, расположенных по дуге (Погорелов, 1989. С. 105); анализ стратиграфии, показывающей отсутствие искусственной насыпи (Савеля, Тощев, 1992; Прокофьев, 2009), близкая глубина залегания материалов разных эпох (Клименко, Литвиненко, 2001. С. 51); отсутствие материковых выкидов из погребений (Погорелов, 1989. С. 105; но см.: Дремов, 2015. С. 11); западины над погребениями (Погорелов, 1989. С. 105); сходство с другими могильниками, известными как бескурганные (Клименко, Литвиненко, 2001. С. 51; Дремов, 2015. С. 11).

Как представляется, отчетливым маркером наличия или отсутствия в прошлом насыпи над погребениями могла бы быть погребенная почва, однако отдельно об этом авторы не пишут, за редким исключением (Черних, 2019. С. 176). Некоторые авторы, считающие определенные памятники грунтовыми могильниками, не исключают, что над первым погребением

могла быть небольшая насыпь, впоследствии сnivelированная (Матвеев, Цыбин, 1999. С. 77), или что естественная возвышенность могла в древности восприниматься как курган (Прокофьев, 2009).

Необходимо отметить два примера подробного рассмотрения бескурганности памятников. Во-первых, это дискуссия относительно природы Белогорского I и II могильников. И.И. Дремов в ответ на критику Р.А. Мимохода (2009. С. 32) развернуто аргументировал грунтовый характер могильников, опираясь на свидетельства топографии и стратиграфии памятников (Дремов, 2011; 2015). Вторым примером является статья Л.А. Черных (2019). В ней рассматриваются могильники Леонтьевка-I, II и Гавриловка с привлечением материалов отчета и фонда ИА НАНУ. Анализ показывает большое количество неточностей и разночтений между этими данными и публикацией 1961 г. (Шапошникова, 1961), что само по себе снижает возможность установления факта бескурганности могильников. Также указан ряд факторов, которые не позволяют уверенно говорить о бескурганности: например, ни один из рассматриваемых могильников не был исследован полностью; все они были сильно разрушены Каховским водохранилищем и тальми водами. Л.А. Черных подытоживает, что для грунтовых могильников как явления не установлено специфических признаков, кроме отсутствия насыпи (2019. С. 177).

Необходимо согласиться с Л.А. Черных: нет универсальных способов определения бескурганности могильника, и каждый случай должен разбираться отдельно. Задача осложняется тем фактом, что грунтовые могильники в подавляющем большинстве случаев находят в результате разрушений, в том числе сильных, что иногда делает невозможным точное определение характера могильника.

Список литературы

- Дремов И.И., 2011. Погребальные памятники конца средней и начала поздней бронзы степного Поволжья: Дис. ... канд. ист. наук. Элиста.
- Дремов И.И., 2015. Проблема выделения и интерпретации погребений рубежа средней и поздней бронзы Степного Поволжья // Археология восточно-европейской степи: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов. Вып. 11. С. 5–22.
- Клименко В.Ф., Литвиненко Р.А., 2001. Грунтовый могильник эпохи бронзы у с. Крейдянка на Северском Донце // Проблемы археологии и архитектуры. Т. 1. Археология. Донецк; Макеевка. С. 46–52.
- Матвеев Ю.П., Цыбин М.В., 1999. Таганский грунтовый могильник (предварительная информация) // Проблемы археологии бассейна Дона. Воронеж. С. 71–79.
- Матвеев Ю.П., Цыбин М.В., 2004. Таганский грунтовой могильник. Воронеж.
- Миллер М.А., 1935. Памятники родового общества на Игреном полуострове // Проблемы истории докапиталистических обществ. № 9–10. Л. С. 162–178.

- Мимоход Р.А., 2009. Курганы эпохи бронзы – раннего железного века в Саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов // Материалы охранных археологических исследований. М. Т. 10.
- Отрощенко В.В., 2001. Проблемы периодизации культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення). Київ.
- Погорелов В.И., 1989. Петропавловский грунтовой могильник эпохи бронзы на реке Толучеевке // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи: Межвузовский сборник научных трудов. Воронеж. С. 97–107.
- Прокофьев Р.В., 2009. Раскопки у х. Дугино в дельте Дона в 2009 году. Отчет // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №39553, 39555.
- Рассамакін Ю.Я., 2018. Грунтовий могильник на о. Виноградному: сучасний стан вивчення // Археологія. Вип. 1. С. 18–44.
- Савеля О.Я., Тошев Г.Н., 1992. Могильник «Штурмовое» эпохи средней бронзы в Крыму // Древности Степного Причерноморья и Крыма. Т. III. Запорожье. С. 122–128.
- Синюк А.Т., 1999. О грунтовых могильниках эпохи бронзы на Дону // Проблемы археологии бассейна Дона. Воронеж. С. 56–72.
- Синюк А.Т., 2002. Погребения эпохи бронзы Новохарьковского могильника // Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды. Воронеж. С. 182–189.
- Черних Л.А., 2019. До питання про ґрунтові могильники доби ранньої та середньої бронзи в Нижньому Подніпров'ї // Донецький археологічний збірник. № 22. С. 149–183.
- Шапошникова О.Г., 1961. Могильники эпохи ранньої бронзи на Нижньому Дніпрі // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. X. Київ. С. 3–11.
- Шмелёв Д.Д., 2014. Исследования Сабуровского грунтового могильника в 2012–2013 гг. // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 12. С. 17–31.

Амулеты из подязычной кости алакульской культуры (вопросы атрибуции)

Валавин Н.А.

*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический
университет, Челябинск
nikolai.valavin@yandex.ru*

Ключевые слова: амулеты, изделия из кости, бронзовый век, алакульская культура, Южное Зауралье

Подвески из подязычных костей животных алакульской культуры бронзового века Южного Зауралья в публикациях интерпретируются как подвески-амулеты, относящиеся к категории предметов ритуального назначения (Куприянова и др., 2015. С. 146). Данные изделия обнаружены

на поселении Стрелецкое 1 (Куприянова и др., 2015. С. 146) и в материалах погребений могильника Майтан (Ткачев, 2019. С. 318). Для изделий алакульской культуры Южного Зауралья и Центрального Казахстана использовались подъязычные кости с удалением члеников. В культурах более раннего времени и других регионов известно сходное использование подъязычных костей, но с сохранением члеников: в ямно-полтавкинском могильнике Утевка I (Васильев, 2014. С. 10), в могильниках окуневской культуры (Ковалев, 1997. С. 91; Лазаретов, 1997. С. 23).

В качестве критериев отнесения изделий из подъязычных костей к категории амулетов перечисляются: миниатюрность, серийность, наличие отверстия для подвешивания. Предметом отдельного исследования с использованием методов трасологии изделия из подъязычных костей не выступали. В качестве задачи данной работы была определена попытка уточнения атрибуции данной категории изделий алакульской культуры.

Источником исследования является коллекция из пяти изделий из подъязычной кости крупного рогатого скота с поселения алакульской культуры Звягино-4 (Алаева и др., 2019).

Трасологический анализ костяных изделий выполнен с использованием оптического микроскопа МБС-2. Фотофиксация микроследов на поверхности предметов осуществлялась на стереомикроскопе MC-2-Zoom TD-2, с видеоокулярном UCMOS 20M. Обнаруженные следы разделены на следы изготовления и следы использования.

Следы изготовления. На поверхности изделий были обнаружены мелкие царапины (рис. 1: 2) длиной до 0,3 мм, горизонтальной направленности по краям и в центре изделия и вертикальные по основанию предмета, которые могут являться результатом работы мелким абразивом. На двух изделиях данные следы покрывают всю поверхность под отверстием, на остальных фиксируются в качестве исключения. На трех из пяти предметов по граням зафиксированы от одной до пяти зарубин (рис. 1: 4) длиной 0,3–0,8 мм, которые иногда сильно зашлифованы и залощены, что, вероятно, является результатом подрезки граней изделия. На трех изделиях отмечены глубокие следы порезов (рис.1: 3) на выгнутой стороне, между средним и длинным члениками, связанные, по-видимому, с удалением длинного отростка кости.

На трех предметах фиксируется отверстие (рис. 1: 1) диаметром от 0,2–0,3 мм до 0,6 мм, изготовленное, по-видимому, с помощью сверления.

Следы использования. К следам использования отнесены лощение различной интенсивности на предметах и завальцовка отверстия от шнура.

Лощение (рис. 1: 5) фиксируется на четырех изделиях. Относительно сильные следы лощения фиксируются на изделиях с отверстиями и за-

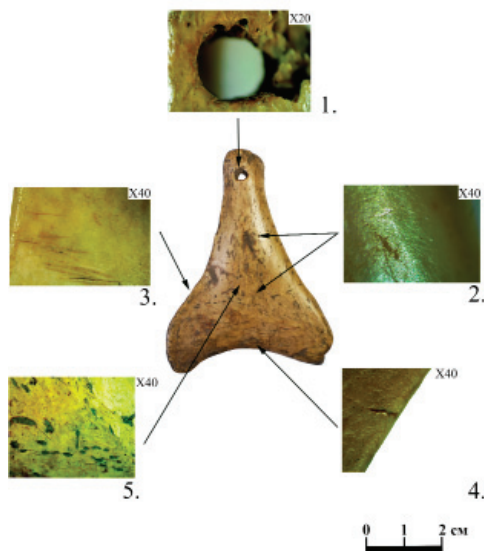

Рис. 1. Следы на амулетах из подъязычной кости с поселения Звягино-4: 1 – отверстие; 2 – царапины на поверхности; 3 – порезы; 4 – зазубрины; 5 – лощение на поверхности. 1, 5 – следы использования, 2, 3, 4 – следы изготовления

вальцованными краями, при том что интенсивность лощения на сторонах изделий различная.

Фиксация следов сработанности отверстия довольно проблематична. Вероятно, после сверления отверстие было подработано. На изделии без следов лощения по отверстию не зафиксировано следов износа. На двух изделиях с относительно сильным лощением нижний сектор отверстий (правый или левый) имеет более ровную поверхность. На обоих изделиях в данном месте вблизи отверстия отмечен сильный блеск.

Обсуждение. Используя полученные данные, можно восстановить процесс изготовления подвески из подъязычной кости:

- 1) удаление длинного членика с помощью предварительных порезов на выгнутой стороне;
- 2) подработка формы изделия мелким абразивом;
- 3) подработка граней изделия;
- 4) изготовление отверстия с предварительными резками по месту сверления;
- 5) удаление окончания короткого отростка.

Только у изделий, включающих все перечисленные признаки, на поверхности наблюдаются завальцовка изломов и относительно сильная залощенность.

Судя по слабому износу отверстия и частичной обработке излома на одном из предметов, завальцовка сломов является следствием изготовления предмета, а не результатом его использования в качестве подвески, поэтому атрибуция изделия в качестве подвески будет заключаться в соотношении износа отверстия и залощенности изделия. На одном из предметов не фиксируется ни следов завальцовки отверстия, ни следов лощения. Два предмета с наиболее выраженными следами лощения имеют слабый износ отверстия по противоположным нижним секторам. Лощение наиболее выражено на выгнутой стороне предмета, соответственно именно она имела более длительный контакт с кожей, помимо этого, залощенность наблюдается сверху изделия и ослабевает вниз в противоположные стороны в зависимости от предмета.

Таким образом, зафиксированные следы позволяют говорить о том, что данные изделия периодически жестко крепились к одежде, что позволяет отнести эти предметы к личным амулетам, т.е. связанным с костюмом (Тянина, 2011. С. 160). Судя по слабому износу, данные подвески не соотносятся с повседневным костюмом и связаны с какими-либо апотропеическими ситуациями.

Список литературы

- Алаева И.П., Васючков Е.О., Медведева П.С., Рассомахин М.А., Виноградов Н.Б., 2019. Функциональное назначение теплотехнических сооружений бронзового века Южного Зауралья (по материалам поселения Звягино-4) // *Геoarхеология и археологическая минералогия-2019*. Научное издание. Миасс. С. 17–22.
- Васильев И.Б., 2015. Могильник ямно-полтавкинского времени у с. Утевка в Среднем Поволжье // *Вопросы археологии Поволжья*. Вып. 5. С. 4–48.
- Ковалев А.А., 1997. Могильник Верхний Аскиз I, курган 2 // *Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология* / под ред. Д.Г. Савинова, М.Л. Подольского. СПб. С. 80–112.
- Куприянова Е.В., Батанина Н.С., Малая Н.В., 2015. Предметы ритуального назначения из раскопок поселения эпохи бронзы Стрелецкое 1 как идентификаторы межкультурных связей // *Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы VI Всероссийской научной конференции*. Челябинск. С. 144–150.
- Лазаретов И.П., 1997. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // *Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология* / под ред. Д.Г. Савинова, М.Л. Подольского. СПб. С. 19–64.
- Ткачев А.А., 2019. Могильник эпохи бронзы Майтан. Новосибирск: Изд-во СО РАН.

Тянина Е. А., 2011. Амулеты средневекового Новгорода из зубов и костей животных // Археологические вести. № 17. С. 159–168.

Стратегии расселения носителей культур бронзового века Верхней и Средней Камы

Демаков Д. А.

*Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет, Пермь
demakov-denis@mail.ru*

Ключевые слова: археологический памятник, бронзовый век, Верхняя Кама, Средняя Кама, ерзовская культура

Территория настоящего исследования охватывает бассейн р. Камы от западной границы Пермского края до нижнего бьефа Воткинского водохранилища, а также бассейны ее крупных и мелких притоков, речная сеть которых занимает всю территорию Предуралья.

В данный момент на этой территории известно 53 памятника, которые относятся к бронзовому веку. 14 памятников являются однослойными, остальные 39 несут в себе следы различных археологических культур. На территории Среднего Предуралья не фиксируются археологические культуры, которые можно было бы отнести к эпохе ранней бронзы, так как вплоть до первой половины II тыс. до н.э. существовала гаринская энеолитическая культура (Выборнов и др., 2019. С. 38). Хронологические пределы нашего исследования: XVII–VIII вв. до н.э.

В рамках голоцена этот период соответствует второй половине суббореала. После 5–4,5 тыс. радиоуглеродных (¹⁴C) л. н. глобальное потепление в северном полушарии сменилось похолоданием, которое наиболее отчетливо проявилось в средних и высоких широтах Земли, что вызвало изменение в составе и распространении растительных сообществ (Борисова, 2014. С. 11).

На территории Верхней Камы в финале суббореального и начале субатлантического периодов в составе лесов появилась пихта (*Abies sibirica*). Распространились южнотаежные пихтово-еловые и светлохвойные леса с участием березы и широколиственных пород, а впоследствии – среднетаежные темно- и светлохвойные формации современного облика, из состава древостоя которых широколиственные породы исчезли. В южной части района исследования широколиственно-хвойные леса сохранялись примерно до 2800 кал. л. н., что сходно с ранее полученными результатами для Верхнего Прикамья в пределах современного распространения южной тайги (Лаптева и др., 2021. С. 654).

Самые ранние памятники датируются средней бронзой и относятся к турбинско-сейминскому типу (Лычагина, 2013. С. 107). На территории исследования известны три памятника данного времени, все они являются могильниками. Расположены памятники на берегах Камы или оставленных ею старичных озерах. Памятники находятся в центральной части района исследования.

К памятникам, заполняющим хронологическую пустоту между позднегаринскими поселениями, датированными концом III – началом II тыс. до н.э. и памятниками эпохи поздней бронзы (ерзовская культура), можно отнести поселение Заосиново VII (Лычагина, 2013. С. 111). Оно расположено в пойме левого берега р. Камы на старичной протоке. Месторасположение было благоприятно как для рыболовно-охотничьей деятельности (пойменные озера богаты рыбой и водоплавающей птицей), так и для зарождающегося придомно-пастушеского скотоводства (пойменные луга для выпаса скота).

49 памятников датируются поздней бронзой и в основном относятся к ерзовской культуре. Хозяйство «ерзовцев» может быть охарактеризовано как охотничье-рыболовецкое при достаточно развитом придомно-пастушеском скотоводстве, привнесенном «черкаскульцами» и, в более раннее время, «турбинцами». На ряде поселений найдены обломки плит зернотерок и каменные песты для растирания зерен (Лычагина, 2013. С. 114).

20 памятников находятся непосредственно на берегах Камы, 10 привязаны к Чусовской озерной котловине и рекам, впадающим и вытекающим из озера. Оставшиеся памятники расположены в единичном количестве на притоках Камы второго и третьего порядка. Особенностью местонахождения памятников поздней бронзы можно назвать тот факт, что почти половина из них расположена на мысах, образованных в местах впадения ручьев или небольших рек в более крупный водоем.

В ходе исследования выделились два больших скопления памятников:

10 памятников в районе Чусовского озера и р. Березовки. На части памятников (например, поселения Чирва I–III) встречаются материалы трех археологических культур позднего бронзового века – лебяжской, гамаюнской и ерзовской. Видимо, на этой территории происходило культурное взаимодействие между населением Припечорья, Среднего Зауралья и Северного Прикамья (Демаков, 2020. С. 197).

Семь памятников расположены в районе с. Першино (правый берег р. Камы). Здесь расположен единственный известный могильник ерзовской культуры – Залазнинский. Памятники образуют единую группу, относящуюся к концу ерзовской – началу ананьинской археологической культуры Среднего Прикамья и позволяют отследить генезис археологических культур раннего железного века на территории Предуралья.

Перейдем к выводам. Памятники турбинско-сейминского типа расположены в центральной части района исследования, на берегах Камы или оставленных ею старичных озерах. Месторасположение памятников переходного этапа к ерзовской культуре, а также самой ерзовской культуры, вероятнее всего, обусловлено их хозяйственной деятельностью. Непосредственная близость к реке как обеспечивала доступ к речным ресурсам, так и создавала благоприятные условия для развивающегося скотоводства и зарождающегося земледелия.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 20-49-590002 р_а_Пермский край «Комплексные исследования постнеолитических и энеолитических культур на территории Среднего Предуралья и Министерства образования и науки Пермского края, соглашение № С-26/1192 от 19.12.2019.

Список литературы

- Борисова О.К., 2014. Ландшафтно-климатические изменения в голоцене // Изв. РАН. Сер. геогр. № 2. С. 5–20.
- Выборнов А.А., Лычагина Е.Л., Васильева И.Н., Мельничук А.Ф., Кулькова М.А., 2019. Новые данные о периодизации и хронологии новоильинских, гаринских и борских памятников Прикамья // Вестник Пермского университета. История. № 1 (44). С. 34–47.
- Демаков Д.А., 2020. Освоение бассейна верхней Камы в энеолите и бронзовом веке // Актуальная археология 5. Материалы Международной научной конференции молодых ученых; ИИМК РАН. СПб. С. 195–198.
- Лаптева Е.Г., Трофимова С.С., Зарецкая Н.Е., Лычагина Е.Л., Чернов А.В., Копытов С.В. Демаков Д.А., 2021. Динамика природной среды и этапы заселения Верхнего Прикамья в голоцене // Пути эволюционной географии – 2021: Материалы II Всероссийской научной конференции, посвященной памяти профессора А.А. Величко (Москва, 22–25 ноября 2021 г.). М.: Институт географии РАН. С. 650–655.
- Лычагина Е.Л., 2013. Каменный и бронзовый век Предуралья. Пермь: ПГГПУ.

Орнаментальные традиции срубной керамики Южного Зауралья по материалам поселения Таналык

Ежова Е.В.

*Башкирский государственный университет, Уфа
lizaveta.1912@yandex.ru*

Ключевые слова: Южный Урал, эпоха поздней бронзы, керамика, орнаментальные традиции, срубная культурно-историческая общность

Поселение Таналык было исследовано в 1995 г. в ходе охранных раскопок на месте строительства водохранилища в Хайбуллинском районе Республики Башкортостан. На данный момент это один из самых исследованных памятников бронзового века Южного Зауралья (Мажитов, 1996).

На памятнике выделено пять культурных групп керамики (Гарустович, 1996). Преобладают обломки сосудов срубно-алакульского (25%) и срубного (73%) типов. Учитывая основной андроновский культурный фон территории, керамический комплекс поселения Таналык является важным источником в изучении срубной культурно-исторической общности в Южном Зауралье (Рутто, 2003. С. 45).

В выборку исследования вошли 106 фрагментов верхних частей от различных сосудов. Из них 58% были неорнаментированы. По 42% фрагментов орнаментированной керамики был произведен стилистический анализ декора.

Объектом изучения стала орнаментальная стилистика на сосудах, анализ которой проводился по методике Ю.Б. Цетлина, включающей описание орнаментальных традиций на пяти последовательных уровнях: элемент, узор, мотив, образ и композиция. Элемент – отпечаток или динамичный след, созданный за один трудовой акт; узор – локализованное изображение, состоящее из одинаковых или разных элементов; мотив – определенный способ тиражирования элементов и узоров; образ – сочетание двух или трех соседних мотивов; композиция – сочетание всех мотивов на сосуде, включая неорнаментированные зоны (Цетлин, 2008. С. 18–28). Вследствие сильной фрагментированности керамики с поселения Таналык, анализ орнамента был проведен только на первых трех уровнях (элемент, узор, мотив).

Элементы. На изученной керамике были выявлены следующие виды элементов: гладкий статичный, гладкий динамичный, накольчатый, ребристый, фигурный, веревочный. Изображения выделенных элементов представлены на рисунке 1 (рис. 1).

В таблице 1 приведена информация о частоте встречаемости выделенных элементов (табл. 1).

Узоры. На поселении выявлены восемь видов орнаментальных узоров. Схематичные изображения узоров на сосудах представлены в таблице 2 в разделе простые мотивы из узоров (табл. 2). Узоры на керамике поселения Таналык традиционны для большинства культурных групп данной территории в эпоху бронзы, а именно: геометрические фигуры, чаще – различного вида заштрихованные треугольники.

Мотивы. Мотивы на изученных сосудах расположены горизонтальными зонами. Всего выделено три группы мотивов. Простые мотивы из эле-

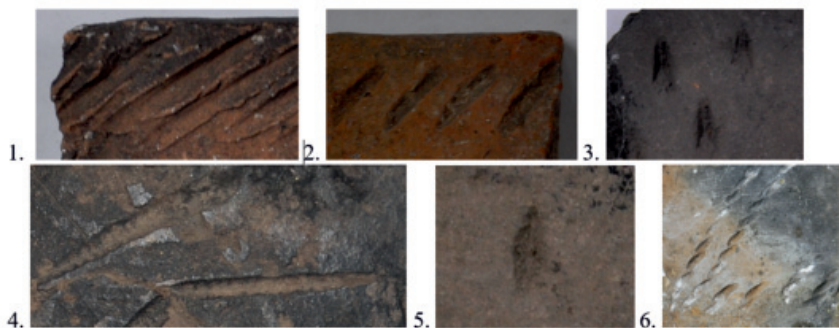

Рис. 1. Фотографии элементов на керамике поселения Таналык: 1 – гладкий динамичный; 2 – гладкий статичный; 3 – накольчатый; 4 – ребристый; 5 – фигурный; 6 – верёвочный

Таблица 1. Частота встречаемости элементов ГлС – гладкий статичный, Р – ребристый, ГлД – гладкий динамичный, Н – накольчатый, Ф – фигурный, В – верёвочный

Элемент	Числовое и процентное соотношение	
ГлС	31	63%
Р	8	17%
ГлД	4	8%
Н	3	6%
Ф	2	4%
В	1	2%
Всего	49	100%

ментов и из узоров. Сложные «объединяющиеся» мотивы, полученные в результате объединения двух разнонаправленных линейных элементов под углом, образующих зигзаг. Информация о частоте встречаемости и видах мотивов представлена в таблице 2.

Таблица 2. Частота встречаемости видов мотивов на сосудах культурных групп. РН – ряд наколов, ПЭ – простые из элементов, ПУ – простые из узоров, СО – сложный объединяющийся

Простые мотивы из элементов		
	6	9%
	10	16%
	8	12%
	20	32%
РядН	2	3%
Всего ПЭ	46	72%
Простые мотивы из узоров		
	3	4,5%
	1	1,5%
	1	1,5%
	1	1,5%
	1	1,5%
	1	1,5%
	1	1,5%
	1	1,5%
Всего ПУ	10	16%
Сложные объединяющиеся мотивы		
	8	12%
Всего СО	8	12%

В результате анализа стилистики орнаментальных традиций были получены формализованные данные, которые позволяют увеличить источниковую базу для дальнейшего изучения вопроса о распространении срубной КИО в Зауралье.

Ранее В.И. Мухаметдиновым по данной методике были обработаны материалы поселения Олаир. В выборку вошли все культурные группы поселения, в том числе и срубная (Мухаметдинов, 2014).

В настоящем исследовании были рассчитаны коэффициенты сходства между орнаментальными традициями на поселениях Таналык и Олаир по формуле, использованной Ю. Б. Цетлиным в работе «Неолит центра Русской равнины: орнаментация керамики и методика периодизации культур» (Цетлин, 2008. С. 16) (табл. 3–5).

Наибольшая степень сходства на уровне элементов прослеживается между традициями срубной группы с поселения Таналык и срубно-алакульской группы с Олаира (67%), что отражает процесс активных

Таблица 3. Коэффициенты сходства между орнаментальными традициями использования элементов в культурных группах (%)

Олаир \ Таналык	Ранний этап алакульской КИО	Ранний этап срубной КИО	Развитый этап алакульской КИО	Развитый этап срубной КИО	Срубно-алакульская керамика
Таналык развитый этап срубной КИО	54	23	35	63	67

Таблица 4. Коэффициенты сходства между орнаментальными традициями использования узоров в культурных группах (%)

Олаир \ Таналык	Ранний этап алакульской КИО	Ранний этап срубной КИО	Развитый этап алакульской КИО	Развитый этап срубной КИО	Срубно-алакульская керамика
Таналык развитый этап срубной КИО	12	30	23	24	44

Таблица 5. Коэффициенты сходства между орнаментальными традициями использования мотивов в культурных группах (%)

Олаир \ Таналык	Ранний этап алакульской КИО	Ранний этап срубной КИО	Развитый этап алакульской КИО	Развитый этап срубной КИО	Срубно-алакульская керамика
Таналык развитый этап срубной КИО	57	76	52	74	77

контактов между «срубниками» и «алакульцами» в Зауралье. На уровне узоров сила связей колеблется от 12% до 53%.

Подобную картину можно проследить при анализе сходства орнаментальных традиций на уровне мотивов. Можно отметить сильные связи между срубной керамикой с поселения Таналык и срубной группой фрагментов с поселения Олаир. Но наибольшим оказался коэффициент сходства между выборкой с поселения Таналык и срубно-алакульскими находками с Олаира (77%), это показывает, что на Олаире, как и на Таналыке, в орнаментации керамики преобладает влияние срубной КИО. Более слабая связь была выявлена между фрагментами с Таналыка и керамикой алакульской КИО с поселения Олаир.

Список литературы

- Гарустович Г.Н., 1996. Научный отчет об археологических работах в Хайбуллинском районе Республики Башкортостан, на реке Таналык в 1995 г. // Архив Археологической лаборатории ИИГУ БашГУ. Ф. 6. Д.40
- Мажитов Н.А., 1996. Отчет об итогах археологических работ 1995 г. в зоне строительства Таналыкского водохранилища в Хайбуллинском районе // Архив Археологической лаборатории ИИГУ БашГУ. Ф. 2. Д. 44.
- Мухаметдинов В.И., 2014. К проблеме срубно-алакульских контактов (по данным изучения орнаментальных традиций керамики поселения Олаир в Зауралье) // Вестник археологии, антропологии, и этнографии. № 3 (26). С. 36–40.
- Рутто Н.Г., 2003. Срубно-алакульские связи на Южном Урале. Уфа: Гилем.
- Цетлин Ю.Б., 2008. Неолит Центра Русской равнины. Тула: ИА РАН.

Каменный топор из коллекции фонда музея археологии БашГУ им. Н.А. Мажитова

Ишегулов А.Д.

*Башкирский государственный университет, Уфа
ishegulov.a96@gmail.com*

Ключевые слова: *Башкирия, каменный топор, случайные находки, эпоха бронзы, срубная культура*

За 60-летнюю историю археологических экспедиций Башкирского государственного университета (БашГУ) в его фондах накопилось большое количество археологических находок. Не все они введены в научный оборот. Происхождение некоторых из них сейчас трудно установить. Отчасти это связано с тем, что не все из этих находок были получены в результате раскопок. Часть из них была передана жителями республики в качестве случайных находок. Цель данной работы – введение в научный

оборот одной из таких находок, хранящейся в археологических фондах БашГУ, а именно шлифованного каменного топора.

Он хранится в музее археологии БашГУ им. Н. А. Мажитова. На топор наклеена бирка с надписью шариковой ручкой: Ж № 14, «Таш Балта» (с башкирского – «каменный топор»). Надпись не является полевым шифром, поскольку, судя по сохранившимся инвентарным книгам археологической лаборатории, ни один шифр не велся с использованием башкирского языка. Можно предположить, что топор первоначально был экспонатом районного (вероятно, школьного) музея, после чего передан в университет.

Топор каменный, с широким перехватом чуть ниже центра, ближе к обуху, скорее всего для крепления к рукояти (рис. 1). С тыльной стороны изделие имеет эллипсообразную выемку. По всей видимости, она искусственного происхождения. Конец клина затупленный. На нем были вкрапления разного цвета.

Длина топора – 13 см, клина – 6,5 см, перехвата – 2 см, обуха – 4,5 см. Ширина клина около перехвата – 5,2 см, у конца клина – 4,5 см. Ширина

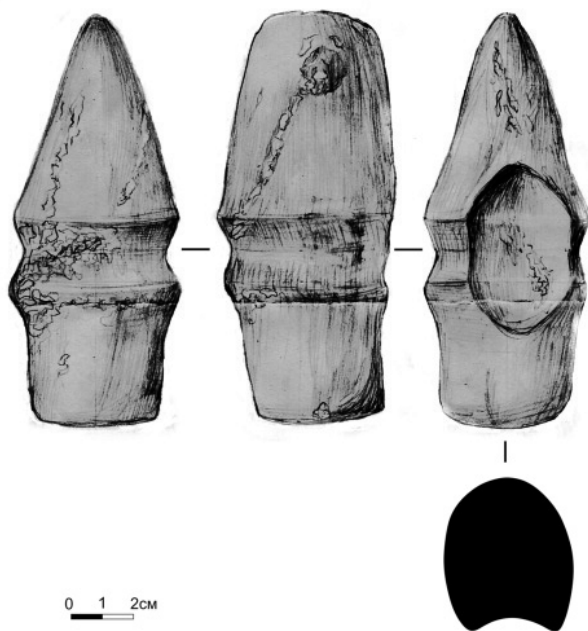

Рис. 1. Случайная находка из коллекции фонда музея археологии БашГУ им. Н. А. Мажитова. Каменный топор (Ж № 14, «Таш Балта»)

самого перехвата – 4,7 см, обуха у перехвата – 4,9 см, а ширина обуха у самого конца – 4,3 см. Длина выемки – 4,7 см, ширина – 2,8 и 3 см.

Директором геологического музея БашГУ Т.П. Горшеневой был произведен визуальный осмотр артефакта на предмет определения материала орудия. Было установлено, что топор был изготовлен из сливного кварцевого песчаника, а вкрапления на клине оказались охрой (гидроокислы железа) и медной зеленью соответственно. Следы сколов, вероятно, возникшие в процессе работы, видны по всему орудию. Топор шлифовался несколько раз, так как уже по всему топору выделяются белые примазки, определенные как известь.

Близкие по форме три топора с перехватом выставляются в Национальном музее Республики Башкортостан. Два из них более массивные. Судя по цвету, они изготовлены из других минералов. Все три обозначены как случайные находки из западных и центральных районов республики.

Наиболее близкой аналогией рассматриваемому изделию является топор-молот, опубликованный в статье «Археологическая коллекция из фондов Борского краеведческого музея» (Волкова и др., 2018). Данная случайная находка происходит из Борского района Самарской области. Авторы в своем труде делают вывод, что топор-молот (БКМ, ОФ № 7688) и «подобные топоры-молоты» происходят с поселений эпохи бронзы. В качестве аналогий они приводят топоры-молоты из поселений андроновского ареала: Алексеевского и Камышное II, а также раннесрубных поселений: Грушеваха, Зливки, Снежковка-7 (Волкова и др., 2018. С. 112). Также похожее орудие представлено в материалах поселения Синташта (Генинг и др., 1992. С. 103, рис. 35: 1).

Исходя из того что такие орудия происходят, в основном, с поселений или обнаруживаются случайно, можно сделать предположение, что подобные топоры-молоты часто использовались в обиходе и имели широкое распространение в срубно-андроновском мире. В то же время исследователи отмечают очень широкое территориальное и хронологическое распространение подобных орудий в Северной Евразии (Чубур, Шафенкова. 2020; Мерц, Волошин. 2015).

Говоря о функциональном назначении данного орудия, то вкрапления медной зелени указывают на его вероятное использование в металлургическом производстве.

Список литературы

- Волкова Е.В., Денисов А.В., Кузьмина О.В., Ластовский А.А., 2018. Археологическая коллекция из фондов Борского краеведческого музея // Нижневолжский археологический вестник. Т. 17. № 2. С. 108–127.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1992. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск.

- Мерц И.В., Волошин В.С., 2015. Случайная находка каменного шлифованного топора-молота на оз. Жамантуз (Казахстан) // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований: сборник статей, посвященный 70-летию профессора Ю.Ф. Кирюшина. Барнаул. С. 226–232.
- Чубур А.А., Шафенкова Ю.В., 2020. О северных границах распространения посткатакомбных древностей среднего бронзового века в Подесенье // Вестник Брянского государственного университета. Т. 44. № 2. С. 119–128.

Оружие из погребений некрополя эпохи поздней бронзы – раннего железа Азизтепе (Азербайджан)

Кириченко Д. А., Наджафов Ш. Н.

*Институт археологии, этнографии и антропологии НАНА,
г. Баку, Азербайджанская Республика
dmakirichenko@mail.ru, shamil_necsefov@mail.ru*

Ключевые слова: *оружие, погребения, Южный Кавказ, Азербайджан, эпоха поздней бронзы – раннего железа, Ходжалы-Кедабекская археологическая культура*

В данной статье рассмотрены находки оружия, обнаруженных в погребениях некрополя Азизтепе. Памятник (поселение и некрополь) Азизтепе расположен в 450–500 м к востоку от с. Газахбейли Газахского района Азербайджанской Республики.

В 1954 г. в связи с расширением пахотной площади села археологи С.М. Газиев и Дж.А. Халилов провели здесь первые археологические исследования. В ходе раскопок было выявлено поселение и семь грунтовых погребений (Qaziyev, 1962). В 1956 г. И.Г. Нариманов и Дж.А. Халилов провели вторичный осмотр памятника и собрали археологический материал из разрушенных погребений (Xəlilov, 1958).

Общая площадь памятника составляет 2,5 га (Qoşqarlı, Nəcəfov, 2019, Р. 11). Следует отметить, что на протяжении долгого времени территория памятника использовалась под пашню и подвергалась разрушению.

В 2019 г. во время строительства автомагистрали экспедиция ИАЭА НАНА во главе с Ш.Н. Наджафовым провела на Азизтепе спасательные археологические раскопки. Были изучены пять грунтовых погребений X–VII вв. до н.э., относящихся к Ходжалы-Кедабекской археологической культуре (Nəcəfov, Kiriçenko, 2020. Р. 111).

В погребениях № 2, 3, 5 было обнаружено оружие. В погребении № 2 – три бронзовых и один костяной наконечники стрел; в погребении

№ 3 – два железных кинжала; в погребении № 5 – железный наконечник стрелы.

Бронзовые наконечники стрел из погребения № 2 (рис. 1: 1) относятся к т. н. наконечникам стрел южнокавказского («закавказского») типа. Они имеют длинный черенок для насадки. После того как наконечник вставлялся в древко, часть древка обматывалась ремешком, чтобы оно не раскололось. Крылья (усики) наконечников стрел расходятся в стороны. Длина наконечников составляет 7–7,5 см. Аналогии им встречаются во многих археологических памятниках эпохи поздней бронзы – раннего железа Южного Кавказа (Pischelauri, 1997). Также они встречались на памятниках Северного Кавказа (Бурков, 2019, С. 60) и Северо-Западного Ирана (Ghirshman, 1964; Погребова, 1977; Negahban, 1996).

Костяной наконечник стрелы из погребения № 2 (рис. 1: 2) – плоский, пирамидальной формы, основание – черешковое. Длина – 4,5 см. Костяные наконечники в эпоху поздней бронзы – раннего железа достаточно редкое явление на Южном Кавказе (Pischelauri, 1997). В Азербайджане костяные наконечники этого периода обнаружены в некрополе Заямчай (Müseiyibli, Nəcəfov, 2019).

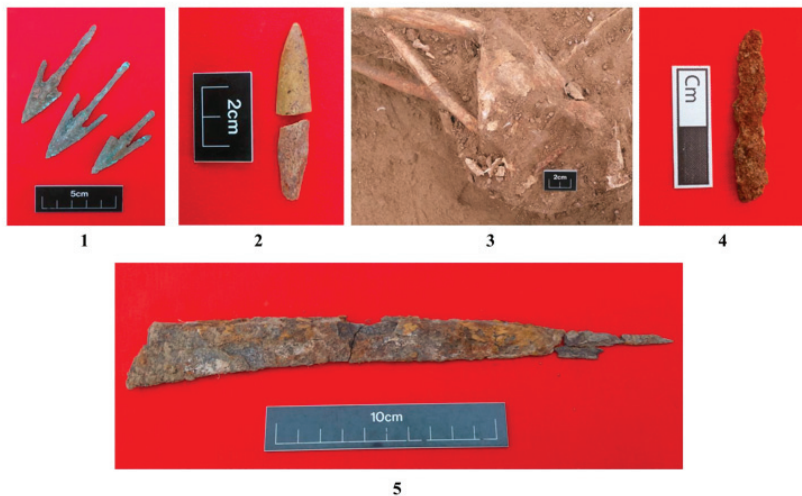

Рис. 1. Оружие из погребений некрополя Азизтпе (Азербайджан):
1 – бронзовые наконечники стрел из погребения № 2; 2 – костяной наконечник стрелы из погребения № 2; 3 – железный наконечник из погребения № 5 in situ; 4 – железный наконечник стрелы из погребения № 5;
5 – железный кинжал из погребения № 3

На территории Северного Кавказа костяные наконечники стрел встречаются в памятниках кобанской археологической культуры (Козенкова, 1982. С. 13; Козенкова, 1995. С. 6–8). На территории Северо-Западного Ирана наконечники синхронного времени были обнаружены в Зивийе (Ghirshman, 1979. Pl.XVI.6).

Железный наконечник стрелы (рис. 1: 4) был найден в погребении № 5 в районе лопаточной кости скелета (рис. 1: 3). Кости погребенного находились не в анатомическом положении, что, вероятно, свидетельствует о боевых конфликтах и столкновениях. Возможно, тело убитого было захоронено спустя какое-то время после боя. Железный наконечник стрелы – вытянутый пирамидальный. Длина – 3,5 см.

Аналогии ему можно встретить на Южном Кавказе (Picchelaugi, 1997) и Ближнем Востоке (Gottlieb, 2016). Впервые такие наконечники стрел появились в Анатолии в эпоху Хеттской империи, а на памятниках раннего железа они были выявлены во фригийских слоях Богазкёя и Гордиона, в Хасанлу, Леванте – Хамат, Лачиш, Бет-Шемеш, Беер-Шеба и других памятниках Ближнего Востока (Gottlieb, 2016. P. 1198–1199).

В погребении № 3 было выявлено два железных плоских кинжала (рис. 1: 5), длиной около 26 см каждый. Аналогии им находятся в памятниках Азербайджана и Южного Кавказа периода раннего железного века.

Находки оружия из погребений некрополя указывают на культурные контакты и связи населения Азербайджана эпохи поздней бронзы – раннего железа с сопредельными территориями, а также на постепенную милитаризацию общества и боевые столкновения между племенными общностями.

Список литературы

- Бурков С.Б., 2019. Наконечники стрел как элемент военного инструментария у племен Центрального и Северо-Восточного Кавказа в XV – первой половине VII в. до н.э. // Вестник Академии наук Чеченской Республики. № 7 (47). С. 57–66.
- Козенкова В.И., 1982. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант // Свод археологических источников. Вып. В2-5.
- Козенкова В.И., 1995. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант // Свод археологических источников. Вып. В2-5.
- Погребова М.Н., 1977. Иран и Закавказье в раннем железном веке. М.: Наука.
- Ghirshman R., 1964. Invasions des nomades sur le Plateau Iranien aux premiers siecles du Ier millenaire avant J.-C. // Dark Ages and Nomads c. 1000 B.C. Studies in Iranian and Anatolian Archaeology / Machteld J. Mellink (eds.). Istanbul. P. 3–8.

- Ghirshman R., 1979. Tombe princière de Ziwiyé et le début de l'art animalier scythe. Paris: E. J. Brill.
- Gottlieb Y., 2016. Beer-Sheba under Attack: A Study of Arrowheads and the Story of the Destruction of the Iron Age Settlement // Beer-Sheba III: The Early Iron IIA Enclosed Settlement and the Late Iron IIA-IIB Cities / Herzog Z., Singer-Avitz L. (eds.). Tel Aviv.
- Qaziyev S.M., 1962. Qazax və Ağstafa rayonlarındakı arxeoloji və tarixi abidələr haqqında (1957-ci il) // Azərbaycan Maddi Mədəniyyəti «IV». S. 140–170.
- Qoşqarlı Q., Nəcəfov Ş., 2019. Gəncə-Qazax-Gürcüstan sərhədi avtomobil yolunun dörd zolağa genişləndirilməsi layihəsi ilə bağlı yeni yol oxu boyunca aparılmış arxeoloji kəşfiyyat işlərinin və yeni yol dəhlizindəki Eşşəktəpə (Əziztəpə) abidəsində aparılmış arxeoloji qazıntıların yekunlarına dair. Gəniş elmi hesabat. Bakı.
- Müseiyibli N.Ə., Nəcəfov Ş.N., 2019. Zəyəmçay nekropolu. B.
- Nəcəfov Ş.N., Kiriçenko D.A., 2020. Əziztəpənin torpaq qəbirləri (Qazax rayonunun Qazaxbəyli kəndində 2019-cu ildə aparılmış arxeoloji xilasetmə işləri) // Dövlət və din. № 2 (65). P. 103–115.
- Negahban E.O., 1996. Marlik. The Complete Excavation Report. Vol.I–II. Philadelphia.
- Picchelauri K., 1997. Waffen der Bronzezeit aus Ost-Georgien. Berlin.
- Xəlilov C.Ə., 1958. Qazax rayonunun Qazaxbəyli kəndi yaxınlığındakı qədim qəbiristanlıq haqqında // Azərbaycan SSR EA-nın Xəbərləri. İctimai elmlər seriyası. № 2. P. 29–40.

Археологические раскопки на поселении Ливенцовское I в 2021 г.

Ларенок О.П.

*Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону
ksanalare@mail.ru*

Ключевые слова: *Ливенцовский археологический комплекс, Ливенцовское I, многослойное поселение, бабинская культура, эпоха бронзы, Средневековье*

Поселение Ливенцовское I входит в состав археологического ансамбля «Ливенцовский археологический комплекс эпохи бронзы». Оно расположено между поселками Ливенцовка и Каратаево на западной окраине г. Ростова-на-Дону. Поселение занимает первую надпойменную террасу правого берега реки Мертвый Донец (рис. 1: 1). Целью проведения археологических научных работ была проверка предположения С.Н. Братченко о распространении поселения в западную часть, от исследуемых им в 1962–1964 гг. раскопов. В своем отчете 1964 г. он отмечал, что была изучена не вся территория памятника (Братченко, 1964. С. 4).

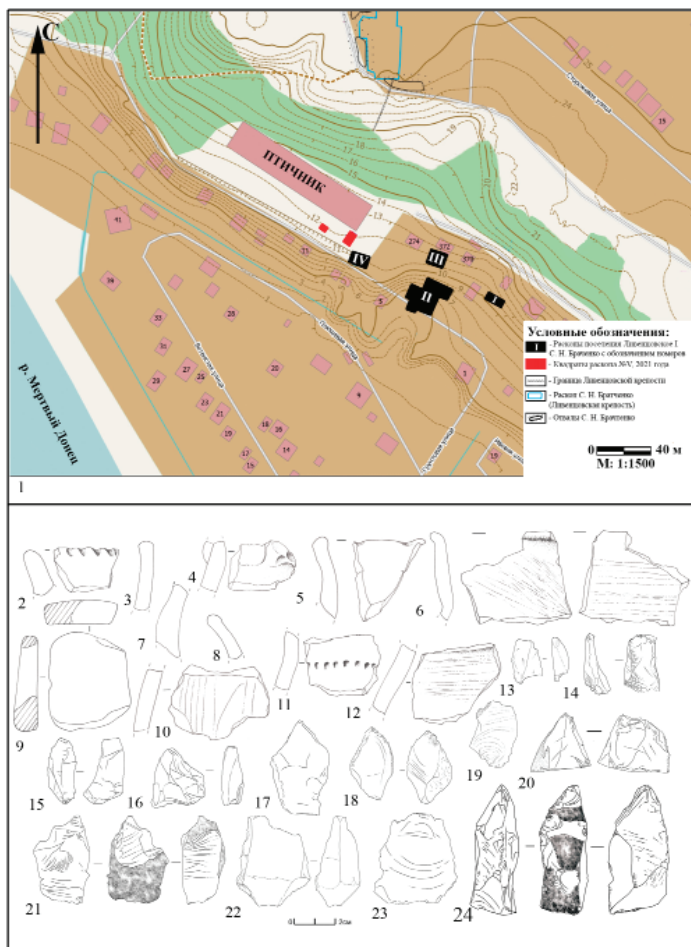

Рис. 1. Поселение Ливенцовское I: 1 – топоплан местности с обозначением раскопов С.Н. Братченко (№ I, IV и Ливенцовской крепости) и 2021 г. (раскоп № V); 2–24 – находки из раскопа № V 2021 г. (1–12 – керамика, 13–24 – кремь)

Работы 2021 г. проводились около заброшенной птицефермы, с северной части примыкающей к склону второй террасы, а с южной – к ул. Грунтовой. Перед началом работ с помощью GPS приемника Trimble был составлен современный топоплан местности (рис. 1). После чего была проведена небольшая разведка по ул. Грунтовой. В осыпи возвышенности хорошо

прослеживались линзы с культурным слоем, а также фрагменты керамики и костей. Пара таких прослоек находились напротив восточного угла и центральной части птичника. В результате было решено разбить три квадрата с привязкой к линзам слоя. Два из них были заложены с юго-востока от птичника (№ 1, 2), а третий (№ 7А) – напротив центральной части постройки. Чтобы не нарушать уже сложившуюся систему, начатую С.Н. Братченко, раскопу присвоили номер V.

Слой раскопа были сильно переотложены. Возможно, это связано с перестройкой птицефермы в 80-е гг. XX в., так как практически на всех квадратах попадался строительный мусор в виде битого кирпича, фрагментов металлических конструкций и деревянных балок. Северо-восточную часть квадрата 2 прорезали старая дорога к птичнику и фундамент хозяйственной постройки. Тем не менее удалось зафиксировать несколько участков с «живыми» слоями, относящимися к разным периодам эпохи бронзы.

Первый сохранившийся пласт находился в северо-восточном углу квадрата 1. Это был слой чернозема толщиной около 45 см, вытянутой скругленной формы. В нем были обнаружены фрагменты стенок лепных сосудов. Второй сохранившийся участок был зафиксирован в юго-восточном углу квадрата 2. Он представлял собой прямоугольную линзу из пыльно-золистого серого грунта, мощностью около 30 см. Находки в слое немногочисленны: несколько стенок лепных сосудов, фрагмент верхней части горшка (рис. 1: 3), обломок кремня (рис. 1: 18) и кости МРС. Последний сохранившийся слой был зафиксирован в квадрате 7А. По юго-западному борту раскопа вытянулась полоса серого пыльно-золистого грунта, мощностью около 60 см, сжатая с западной части слоем супеси. В слое прослеживались хаотично лежавшие камни, один из которых уходил в борт раскопа. Также встречались фрагменты лепных сосудов (рис. 1: 8, 4) и обломки костей КРС.

Остальные находки, происходящие не из сохранившихся культурных слоев, представлены следующими временными периодами: эпоха бронзы (рис. 1: 6, 7, 10–2), ранний железный век, VIII–IX вв. до н.э. (рис. 1: 2, 5, 9), XIII–XIV вв. и середина XIX в. Особый интерес представляют следующие фрагменты керамики, относящиеся к эпохе бронзы. Первый происходит из переотложенного слоя квадрата 1. Верхняя часть лепного сосуда с отогнутым венчиком, со следами заглаживания с обеих сторон (рис. 1: 6). В тесте примесь мелкого песка, дробленой ракушки и железистых включений. Возможно, он относится к эпохе ранней бронзы. Следующий фрагмент – стенка лепного сосуда с наlepным валиком (рис. 1: 4), единственный во всей коллекции с таким орнаментом. По всей видимости, он относится к бабинской культуре.

Проведя первичный анализ полученных данных и сопоставив их с материалами раскопок С.Н. Братченко, можно сделать следующие выводы. Сохранившиеся культурные слои очень схожи с описанными в отчете пластами в раскопах 1962–1964 гг. (Братченко, 1963. С. 15). Исходя из этого можно предположить, что культурный слой с квадрата 1 относится к срубной культуре, а пласты квадрата 2 и 7А – к бабинскому времени. Соответственно, предположение С.Н. Братченко о распространении поселения в западную сторону было верно. Таким образом, несмотря на переотложенность слоев из-за антропогенного воздействия, сохранившиеся культурные пласты удалось проследить.

Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-39-90033 Аспиранты.

Список литературы

- Братченко С.Н. Отчет о работах Ливенцовской археологической экспедиции в 1963 году. Ростов-на-Дону. Архив института археологии РАН, № 2774. 1963.
- Братченко С.Н. Отчет о работах Ливенцовской археологической экспедиции в 1964 году. Ростов-на-Дону. Архив института археологии РАН, № 2986. 1964.

«Курганы» из Чертковского и Миллеровского районов Ростовской области (по материалам инвентаризации 2019 г.)

Ларенок П. А.

*Ассоциация «Южархеология», Ростов-на-Дону
dao2@inbox.ru*

Ключевые слова: курган, водораздел, древние дороги, природно-археологический объект

Северные районы Ростовской области – Чертковский и Миллеровский – по особенностям рельефа можно разделить на несколько ландшафтных участков.

Река Калитва в меридиональном направлении пересекает эту территорию на две части: восточную и западную. Для западной части характерны выходы меловых отложений, местами образующих останцы обтекания, аналогичные подобным образованиям Донского Белогорья (корвежки и шатрища в Воронежской области). В восточной части распространены бронирующие песчаники, пески с каменной брекчией на водоразделах и правобережных притоках р. Калитвы.

Левые притоки Калитвы. Особенность топографии междуречий – водораздел между реками Камышная и Лозовенькая истоками балок, впадающих в эти реки, расчлененный на отдельные платообразные

возвышения, т. е. между реками нет протяженного водораздельного гребня. Характерен перехват истоков. По этому водоразделу построена автомагистраль М-4 «Дон».

Берега левых притоков р. Калитвы и самой Калитвы на левобережье большей частью – это песчаные гривисто-дюнные массивы, закрепленные лесом (Криворожские пески, Позднеевские пески на р. Ольховой, пески в нижнем течении р. Камышной).

Западная часть – это протяженное с юго-востока на северо-запад плато-водораздел, отделяющее Калитву от левых притоков Северского Донца – р. Деркул и р. Глубокая. Условно назовем это плато Миллерово-Мальчевским.

Сложная овражно-балочная сеть определила особенности расположения курганов. Часть их выстраивается небольшими цепочками вдоль русел рек, по водоразделам, приречным террасам и на высокой пойме.

Значительные скопления курганов отмечены у древних переправ вблизи слияния с р. Калитвой ее основных притоков, а также у впадения р. Полной в р. Деркул.

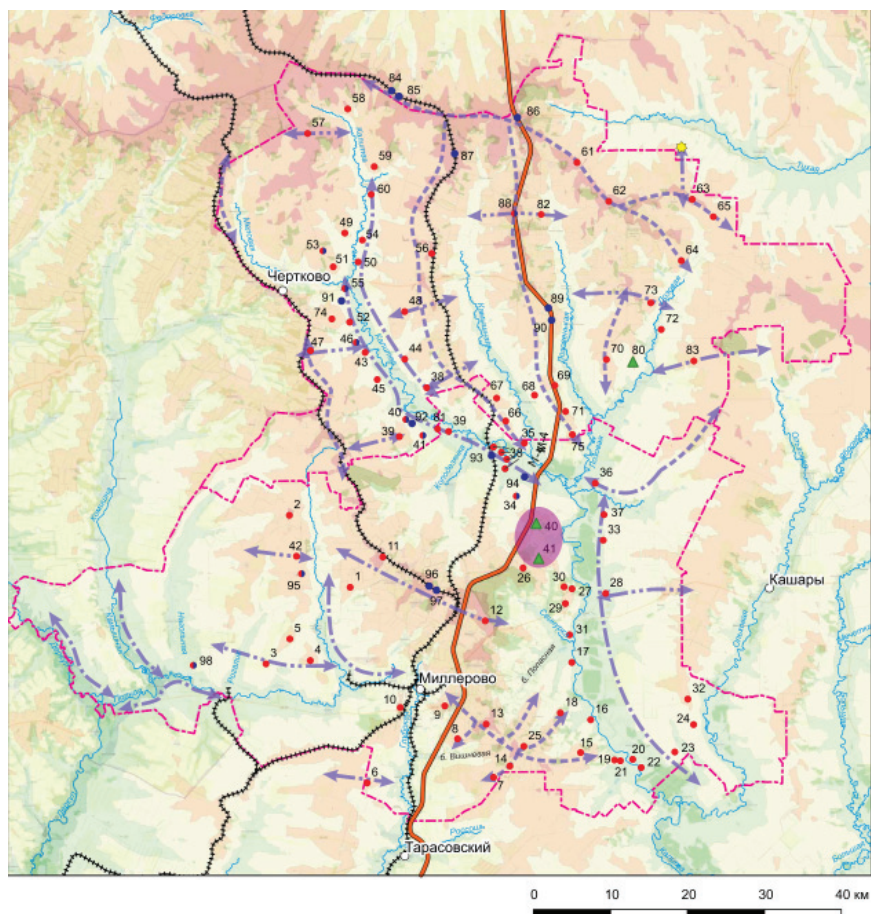
Вероятно, позиции курганных могильников отражают направления основных дорог древности (рис. 1; табл. 1).

В основном современные дороги имеют меридиональное направление. Так, вдоль левого берега р. Лозовая сохранились участки каменной вымостки «Черкасского шляха», известного с конца XVIII в. как почтовый тракт.

Позиция курганов в цепи поперек водораздела определяет переходы из одной речной долины в другую. Видимо, чем больше курганов в такой цепи, тем более интенсивным было использование такого направления. Возможно, что и одиночные высокие курганы были ориентирами на перевалах.

Особо выделим северо-восточный участок Миллерово-Мальчевского плато, на котором расположена группа природных холмов: Каменная могила, «Ивановка III», Степанов бугор и самый высокий из них – Шапкина могила. Шапкина могила – природный холм с двумя вершинами – останцами обтекания. Высота по Балтийской системе высот 186,5 м. С севера и юга холм ограничивают верховья балок, впадающих слева (с северо-запада) в правый приток р. Калитвы – балку Осыковатую. В плане холм овальный 500 × 300 м, вытянут в широтном направлении. Это один из знаковых природных ориентиров на правобережье р. Калитвы.

На вершине холма два курганообразных возвышения. Западное (№ 1) имеет высоту около 3 м и диаметр 30 м. В его центре находится воронка и остатки пункта триангуляции. Восточное возвышение (№ 2) имеет высоту 2 м и диаметр 30 м, с юго-западной стороны оно прорезано глухой траншеей.

Шкала высот (м)
 0 - 50
 50 - 100
 100 - 150
 150 - 200
 200 - 250

- Границы районов
- Курганные могильники
- Раскопанные курганные могильники
- ▲ Природные объекты
- Трасса М-4 "Дон"
- Ж/д пути
- ⇄ Пути движения по гребням водоразделов
- ⇄ Пути движения по террасам и поймам рек
- ⇄ Поперечные пути движения через водоразделы между долинами рек
- Группа природно-археологических объектов
- ★ Курган в Верхнедонском районе на переходе в долину р. Тихая

Рис. 1. Курганы Миллеровского и Чертковского районов Ростовской области и вариант реконструкции древних путей

Таблица 1. Список курганных могильников к рис. 1

Миллеровский район	Чертковский район	Раскопанные КМ
1. Полосачи	43. Шептуховка I	84. Чикунов I
2. Ямовка I	44. Шептуховка II	85. Чикунов II
3. Красная звезда II	45. Ивановский	86. Нагибин
4. Калиновский	46. Макаров	87. Стрелка II
5. Мальчевско-Полненский	47. Сержин курган	88. Редкодуб
6. Ясиновский	48. Гераськин	89. Новый труд II
7. Ветчиновка I	49. Маньково I	90. Греково-Степановка
8. Греково-Станичный II	50. Маньково II	91. Малой I, II
9. ГОК-1	51. Маньково III	92. Граковский Яр I
10. Миллеровский	52. Маньково IV	93. Кудиновка-3, 4
11. Паролло	53. Маньково V	94. Грай-Воронец
12. Калиновский	54. Лозовой-Маньковский	95. Белявский II
13. Сергеевка II	55. Восход	96. Зеленая Роща-2
14. Ветчиновка II	56. Марьяны I	97. Зеленая Роща-3
15. Круглый Лес	57. Крещатый	98. Маринченский II
16. Станичный	58. Новостепановка	
17. Иллиодоровка I	59. Заветы Ленина I (Бузинов лес)	
18. Каменка	60. Глиняный I	
19. Криворожье I	61. Журавка II	
20. Криворожье II	62. Белая балка	
21. Криворожье III	63. Зубрилинский I	
22. Криворожье VI	64. Лозовой I	
23. Гусынка	65. Лозовой II	
24. Городищенский	66. Камышенский	
25. Тарадинка	67. Кудинов Яр II	
26. Шапкино-Дебрекено I, II	68. Маяк	
27. Россоховатый	69. Чумаковский	
28. Ближний Яр I	70. Мачкин	
29. Ольховый Рог II	71. Новопокровский	
30. Ольховый Рог V	72. Сетраки II	
31. Свинурка II	73. Сетраки I	
32. Спартак II	74. Маньковский	
33. Лебяжий I	75. Чуев	
34. Немецкий яр	76. Лазоревый Яр II	
35. Камышной	77. Городок	
36. Нахалевка	78. Граковский Яр II	
37. Лебяжий II	79. Мокрый Волчик I	
38. Обливной	80. Красный (природный)	
39. Талы	81. Мокрый Волчик II	
40. Шапкина могила	82. Малая Лозовка	
41. Каменная гора	83. Вишняковский I	
42. Ново-Деркуловка II		

«Ивановка III» — природно-археологический объект. Овальный в плане природный холм, вытянутый по оси СВ–ЮЗ, 500 × 300 м. Вершина холма повреждена карьерами по добыче песка и камня.

Курган «Ивановка IV» – природный холм, местное название «Каменная могила». В плане это овальное образование, вытянутое по оси В–З, площадью 600 × 500 м. Вершина холма в плане овальная размерами

100 × 60 м и вытянута по линии С–Ю с двумя курганообразными холмами: южным, высотой 5 м и диаметром около 50 м, с триангопунктом. Северный холм имеет высоту 3,5 м и диаметр около 40 м. На его южной поле установлена опора линии электропередач.

Вокруг этих холмов расположены курганные могильники. Но на самих холмах их нет. Эти холмы (Шапкина могила, Каменная могила, Ивановка III), возможно, следует рассматривать как священные горы, святилища и, возможно, особые места захоронений. Но они требуют специальных исследований и раскопок. Возможно, после такого рода работ они могут быть отнесены к природно-археологическим объектам.

Окуневцы: охотники или скотоводы?

Лурье В.М.

*Южносибирский филиал Института истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
verqa@list.ru*

***Ключевые слова:** окуневская культура, ранняя бронза, охота, скотоводство*

Долгое время считалось, что значительное место в хозяйстве окуневской культуры занимала охота. Это предположение было неразрывно связано с идеей «первобытной реконкисты» – формирования окуневской культуры в результате возвращения в Минусинские котловины вытесненного носителями афанасьевской культуры неолитического населения. Однако исследования последних лет, связанные с выделением ранних окуневских памятников и проведением палеогенетических анализов, показывают несостоятельность этой гипотезы (Поляков, 2020).

Я.А. Шер высказывал предположение о длительном сосуществовании афанасьевской и окуневской культур на территории Минусинских котловин в разных экологических нишах: «окуневцы» – охотники и рыболовы – занимали болотистые и лесные территории в пойме Енисея, скотоводы «афанасьевцы» – степные части котловины (Шер, 2006). Тем не менее памятники этих двух культур располагаются в одной зоне – в предгорьях и горных долинах. На многих поселениях обнаружены материалы обеих культур, что подтверждает их размещение в одних и тех же природных ландшафтах (Лурье, 2020б. С. 221–224).

Предположение об охотничьей направленности хозяйства окуневской культуры подтверждалось находками в погребениях украшений и амулетов из костей диких животных, а также наличием большого количества изображений диких животных в окуневском искусстве.

Однако украшения и амулеты из костей диких животных не являются прямыми свидетельствами преобладания охоты. Во-первых, большинство этих предметов изготовлено из костей хищников (Вадецкая, 2012. С. 208–220), которые не могли составлять основу рациона. Во-вторых, они встречаются в основном в женских погребениях, которые по антропологическим и палеогенетическим данным сильно отличаются от мужских и обладают монголоидными чертами, сближающими их с местным неолитическим населением. Это может быть связано с тем, что окуневская культура сформировалась в результате появления на Среднем Енисее новых групп мигрантов-скотоводов, видимо, преимущественно состоящих из мужчин, которые включали в свое сообщество представителей местного постнеолитического населения, в первую очередь женщин (Поляков, 2020).

Изображение диких животных также не может напрямую свидетельствовать о преобладании охоты в хозяйстве. По мнению Я. А. Шера, большинство образов на каменных стелах, которые традиционно относят к окуневской культуре, не могли возникнуть в обществе таежных охотников и относятся к культуре степных скотоводов, скорее всего «афанасьевцев» (Шер, 2006). Однако принадлежность таких изображений к окуневской культуре подтверждается находками обломков плит в погребениях, стилистическим сходством личин на стелах с изображениями на костяных пластинках и обнаружением миниатюрных изделий из рога в могильнике Итколь II, сходство которых с каменными стелами прослеживается по целому ряду признаков (Поляков, Есин, 2015. С. 43–57), тогда как подтверждений тому, что они относятся к афанасьевской культуре, не обнаружено. Если предположить, что основу окуневского хозяйства составляло скотоводство, то никакого противоречия между тем, что рассматриваемые Я. А. Шером изображения относятся к окуневской культуре, и его выводами о том, что они не могли принадлежать охотникам, не будет.

Главным аргументом в пользу скотоводческой направленности окуневского хозяйства является преобладание в материалах поселений костей домашних животных (Лурье, 2020а). Этот вывод подтверждается и некоторыми косвенными данными, такими как анализ искусства и расположение афанасьевских и окуневских поселений в одних и тех же природных зонах (см. выше).

Отдельно стоит сказать об особом типе окуневских памятников – горных крепостях-«све». В отличие от степных стоянок, в материалах этих памятников преобладают кости диких животных (Лурье, 2020а). Однако такие крепости вряд ли являлись местами постоянного проживания и располагались на горных выступах, где практически отсутствовали условия для выпаса скота – пастбища и удобный подход к во-

де. Преобладание костей диких животных в этих памятниках может свидетельствовать о гибкости системы хозяйства и приспособлении ее к конкретным природным условиям. Такая же ситуация зафиксирована и на памятниках периода поздней бронзы (Лурье, 2020а), скотоводческий характер которых не вызывает сомнений.

Таким образом, все аргументы в пользу охотничьей направленности окуневского хозяйства оказываются несостоятельными. Преобладающей формой хозяйства было скотоводство, а охота имела второстепенное значение, выходя на первый план только в определенных условиях, не позволяющих заниматься привычной хозяйственной деятельностью. Тем не менее можно отметить, что она играла более значимую роль, чем у носителей предшествующей афанасьевской культуры. Согласно миграционной концепции, окуневская культура сложилась на основе двух компонентов – пришлых скотоводов, преимущественно мужчин, и местных женщин, носителей постнеолитических традиций, которые привнесли в эту культуру «охотничий колорит» (Поляков, 2020). Эта концепция подтверждается данными генетики и палеоантропологии и вполне согласуется с результатами анализа поселенческих материалов: скотоводческая основа хозяйства с вспомогательным, но более важным, чем в предшествующую эпоху, значением охоты.

Список литературы

- Вадецкая Э.Б., 2012. Культ диких животных в похоронной практике и мировоззрении племен окуневской культуры // *Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями*. Кн. 2. СПб. С. 208–220.
- Лурье В.М., 2020а. Остеологические материалы из поселений эпохи бронзы Минусинских котловин // *Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре*. Т. 1 / отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара. С. 307–308.
- Лурье В.М., 2020б. Расположение поселений эпохи бронзы Минусинских котловин // *Актуальная археология 5. Материалы Международной научной конференции молодых ученых*. СПб. С. 221–224.
- Поляков А.В., 2020. Проблема сложения окуневской культуры в свете современных научных данных // *Научное обозрение Саяно-Алтая*. № 1 (25). С. 3–6.
- Поляков А.В., Есин Ю.Н. 2015. Миниатюрные изображения из погребений окуневской культуры на озере Иткуль в Хакасии // *Археология, этнография и антропология Евразии*. Т. 43, № 2. С. 43–57.
- Шер Я.А., 2006. Была ли окуневская культура? // *Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение*. СПб. С. 248–250.

Особенности погребальной практики у носителей одиновской культуры на памятнике Усть-Тартас-2

Некраш А.А.

Новосибирский государственный университет, Новосибирск
a.nekrash@g.nsu.ru

Ключевые слова: Западная Сибирь, Барабинская лесостепь, бронзовый век, погребения, одиновская культура, Усть-Тартас-2

Памятник «Усть-Тартасские курганы» расположен в Венгеровском районе Новосибирской области. Впервые памятник упомянут в 1889 г. В.М. Флоринским, в 1895–1896 гг. исследовался С.М. Чугуновым. В ходе масштабных междисциплинарных работ под руководством академика РАН В.И. Молодина было установлено, что могильник саргатской культуры располагался на разновременных могильниках эпохи неолита и бронзы, поэтому были выделены отдельные памятники: стоянка Усть-Тартас-1, могильники Усть-Тартас-2 и Карьер-Таи-1 (Молодин и др., 2017. С 363–367).

Погребальная практика на могильниках Усть-Тартас-2 и Карьер Таи-1 характерна для носителей одиновской культуры (Молодин, 2012; Молодин и др., 2019б. С. 471–477; Ефремова, 2021. С. 26–30). Исследователи относят обнаруженные погребения к III тыс. до н. э. (Молодин и др., 2019а. С. 91). Зафиксированы одиночные и коллективные погребения, и найдено несколько ярусных погребений. Захоронения ориентировались по линии СВ–ЮЗ, голова умершего направлена на СВ. Погребенный уложен вытянуто на спине, верхняя часть тела приподнята, реже встречаются случаи помещения тела «сидя» и скорченно на боку. Особо выделяется несколько нетипичных погребений. Так, исследовано коллективное погребение № 76, где умершие располагались «валетом» и зафиксирован процесс декапитации (обезглавливание). В погребении № 65 в верхнем захоронении мужчина лежал вытянуто на спине, на нем в районе живота располагалась женщина. Погребенные были обернуты в бересту, которую подожгли уже в могиле. У левого плеча женщины обнаружена глиняная скульптура человека с костяной «маской». Рядом со скульптурой располагалась «костяная пластина». В.И. Молодин предполагает, что данное изделие является костяными спицами или накладкой на лук. Подобный предмет встречается на могильнике Тартас-1 (Молодин и др., 2020, С. 501–509). Еще одна скульптура из рога, предположительная мужская, обнаружена в погребении № 6. Ноги скульптуры слегка согнуты, выражено европеоидное лицо, изображен головной убор с орнаментом (Молодин, 2021, С. 273–281).

Эти погребения выделяются на фоне других одиновских погребений Барабы. Для погребальной практики носителей одиновской культуры ха-

рактенно положение умершего на спине головой на СВ. Иногда погребенный лежал на спине с согнутыми в коленях ногами, на боку или на животе. Отличительной чертой является наличие материкового выступа или земляной «подушки» в изголовье, при этом из-за разложения мягких тканей голова скатывается на грудь, и умерший как будто полусидит в могиле. В погребение могли помещаться отдельные части тела или голова, иногда производился частичный обжиг погребенного. Сопроводительный инвентарь редко встречается в погребениях. Керамические сосуды присутствуют в виде исключения.

На этом фоне несколько погребений памятника Усть-Тартас-2 выделяются по конструкции погребальных камер, проведенным манипуляциям с телом умерших, набору сопроводительного инвентаря. Выявлены и уникальные для одиновской культуры элементы погребальной практики – погребенные располагались «валетом» и был произведен процесс декапитации (погр. № 76); мужчина лежал на спине, а на нем располагалась женщина на животе со следами воздействия огня (погр. № 65); захоронение мужчины с богатым погребальным инвентарем в виде комплекта каменных луновидных подвесок, бронзовых сферических блях и накладок, костяных проколов, трубочек. Возможно, исследованные погребения отражают еще неизвестные особенности погребальной практики культур эпохи бронзы Барабинской лесостепи.

Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Древняя история Саяно-Алтайского нагорья от эпохи бронзы до средневековья: хронология и кросс-культурное взаимодействие» (№ 0160-2020-0002)

Список литературы

- Ефремова Н. С., 2021. Культы умерших в археологических культурах Барабинской лесостепи: пространственно-хронологическая динамика // Вестник ТГУ. Серия: История. № 69. С. 26–30.
- Молодин В. И., 2012. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. Т. 3. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН.
- Молодин В. И., 2021. Эпохальные черты в антропоморфной пластике культур доандроновской бронзы Западной Сибири // Археология Северной и Центральной Азии: новые открытия и результаты междисциплинарных исследований: сб. статей, посвященный 75-летию профессора Ю. Ф. Кирюшина. Барнаул. С. 273–281.
- Молодин В. И., Кобелева Л. С., Дураков И. А., Райнхольд С., Ненахова Ю. Н., Борзых К. А., Швецова Е. С., 2017. Могильник Усть-Тартас-2 – новый погребальный комплекс эпохи неолита, ранней и развитой бронзы в Барабинской

лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXIII. Новосибирск. С. 363–367.

- Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Кобелева Л.С., Нестерова М.С., 2019а. Памятники Усть-Тартас-1,-2 в Барабинской лесостепи: культурно-хронологическая интерпретация и перспективы исследования // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение): материалы XIV международной научно-практической конференции (Барнаул, 22–23 мая 2019 г.). Вып. 14. Барнаул. С. 88–96.
- Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Кобелева Л.С., Селин Д.В., Ненахов Д.А., Степанова В.С., 2019б. Основные результаты исследования могильника эпохи бронзы Усть-Тартас-2 в 2019 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXV. Новосибирск. С. 471–477.
- Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Кобелева Л.С., Нестерова М.С., Хансен С., Селин Д.В., Кудинова М.А., Дураков И.А., Швецова Е.С., Ненахова Ю.Н., Райнхольд С., Бобин Д.Н., 2020. Продолжение раскопок грунтовых могильников эпохи бронзы в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, антропологии, этнографии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск. Т. XXVI. С. 501–509.

Хронология металлических топоров с гребнем на обухе эпохи бронзы с территории Казахстана, Средней Азии и Сибири

Сычева О.В.

Институт истории материальной культуры РАН,

Санкт-Петербург

olysycheva@gmail.com

Ключевые слова: эпоха бронзы, топоры с гребнем на обухе, Казахстан, Средняя Азия, Сибирь, хронология

В эпоху поздней бронзы на территории Казахстана, Средней Азии и Западной Сибири широкое распространение получили топоры с гребнем на обухе. В литературе высказано несколько точек зрения относительно их хронологии и культурной принадлежности. Е.Е. Кузьмина данные топоры относит к концу II – началу I тысячелетия до н.э. Примерно этим же временем определяет их возраст Н.А. Аванесова. В.И. Молодин связывает их с федоровской культурой, которая датируется приблизительно третьей четвертью II тысячелетия до н.э. С.А. Агапов относит их к саргари-алексеевской культуре Казахстана и датирует их временем этой культуры, т.е. XII–X вв. до н.э.

Сейчас есть возможность уточнить хронологию этих топоров. В последнее десятилетие было найдено около десятка кладов, в которых

топоры с гребнем на обухе оказывались вместе с изделиями восточно-европейских типов. Последние датированы гораздо лучше и поэтому могут быть маркерами для датировки топоров с гребнем на обухе.

На территории Восточной Европы были найдены три топора с гребнем на обухе. Один топор с гребнем на обухе происходит из клада у села Автур. Помимо топора, в состав этого комплекса входили орнаментированный кельт-тесло и долото со слепой втулкой (Аванесова, 1991. С. 15).

Второй подобный топор был сравнительно недавно найден в т. н. Цимлянском кладе на границе Волгоградской и Ростовской областей. Третий топор был обнаружен в составе т. н. клада «Веселовского» в Троицком уезде Оренбургской области. В его состав, помимо топора, входили: серп сосново-мазинского типа, два цельнолитых долота, одно из которых копьевидное, и однолезвийный нож.

Все три топора из восточноевропейских находок относятся к классическому варианту топоров с гребнем на обухе.

Они были подробно изучены Н. А. Аванесовой. Она относит их к самому позднему типу проушных топоров, а именно к варианту В1-В2 (Аванесова, 1991. С. 15). По классификации Е. Е. Кузьминой они относятся к V типу (Кузьмина, 1966. С. 11–13).

Как уже было сказано, некоторые топоры с гребнем на обухе были найдены в кладах. Обратимся к рассмотрению этих кладов. На данный момент известно 13 таких кладов, а именно: Алексеевский, Шамшинский, Турксибский, Троицкий, Агершень (Гонлиу), Зайсанский, Сукулакский, Цимлянский, Автурский, Андреевский и Иссыкульский. Кроме того, известны находки таких топоров с поселения Чаглинка и в безымянном кладе из Восточного Казахстана.

Эти памятники связаны между собой не только топорами с гребнем на обухе, но и целым рядом общих типов изделий, что показано на рис. 1. К числу этих общих типов относятся: серпы-секачи восточного варианта сосново-мазинского типа, тесла с уступом, желобчатые и копьевидные долота, серпы с двумя закраинами и т. д. Таким образом, эти клады представляют собой достаточно компактную группу, которую можно отнести к сравнительно короткому промежутку времени. Ее условно можно назвать алексеевской (по эпонимному кладу). Эту группу есть возможность датировать по восточноевропейским аналогиям.

Обзор этих аналогий начнем с т. н. Цимлянского клада. Он вызывает повышенный интерес, так как в нем оказались изделия, принадлежащие к разным очагам металлопроизводства: северопричерноморскому, прикубанскому, волго-уральскому и казахстанскому. Клад был найден пять лет назад в районе Цимлянского водохранилища на границе Волгоградской и Ростовской областей. Всего в нем было найдено 19 вещей.

Так как в этом кладе есть такие предметы, как кельт-тесло, кинжал краснояцкого типа, кельт старшего кардашинского типа, мы можем довольно точно его датировать. Все названные выше типы относятся к V периоду по хронологии В.С. Бочкарева, а именно к XIV–XIII вв. до н.э. (Бочкарев, 2017. С. 173).

Кроме того, предложенная датировка подтверждается находками изделий восточноевропейских типов, найденных уже в самих казахстанских и среднеазиатских кладах, которые можно отнести к алексеевской группе. К их числу относятся прорезные наконечники копий из Иссыкульского клада и из Чаглинки. Они относятся к гуровскому типу (по классификации И.Ж. Тутаевой и В.С. Бочкарева). Их отличительной особенностью является удлиненное перо, которое занимает до 70% длины изделия. Перо чаще всего имеет лавролистную форму, а прорези занимают сравнительно небольшую площадь изделия (Бочкарев, Тутаева, 2019. С. 177). Эти наконечники также являются характерным типом для V периода.

Тем же временем нужно датировать и бритвы, которые были найдены в Чаглинке и Шамши. Они относятся к терешковскому типу (B6) по классификации И.Ж. Тутаевой. Эти бритвы имеют объемный упор для рукояти. Верхняя часть клинка имеет максимальное расширение, конец его раздвоен (Тутаева, 2014. С. 182). Эти бритвы по хронологии В.С. Бочкарева датируются IV периодом, но на периферии ареала они могут доживать до V периода.

Таким образом, восточноевропейские аналогии в самих казахстанских и среднеазиатских кладах указывают на ту же датировку V периода, что и Цимлянский клад.

По имеющимся данным, V период в Северном Причерноморье датируется временем позднеабатиновской культуры, а в Волго-Уральском регионе – сосново-мазинским временем. По доступным сейчас данным, главным образом по аналогии со среднеевропейскими бронзами, V период датируется XIV–XIII вв. до н.э. Эти датировки, с некоторыми поправками, на наш взгляд, можно распространить и на те 13 кладов алексеевской группы, о которой говорилось ранее. Их нельзя датировать позже XII в. до н.э., как это раньше считалось в литературе. В соответствии с этим топоры с гребнем на обухе нельзя датировать позднее XII в. до н.э.

Список литературы

- Аванесова Н.А., 1991. Культура пастушеских племен эпохи поздней бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент.
- Бочкарев В.С., 2017. Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы // *Stratum plus*. Археология и культурная антропология. № 2. С. 159–204.

- Бочкарев В. С., Тутаева И. Ж., 2019. Прорезные наконечники копий эпохи поздней бронзы Восточной Европы и сопредельных территорий // *Stratum plus. Археология и культурная антропология*. № 2. С. 167–222.
- Кузьмина Е. Е., 1966. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии // *Свод археологических источников*. Вып. В4-9. М.
- Тутаева И. Ж., 2014. Металлические бритвы эпохи поздней бронзы Восточной Европы // *Российский археологический ежегодник*. № 4. С. 175–193.

К вопросу об относительной хронологии памятников срубной культуры Нижнего Подонья

Шибанова Д. А.

Санкт-Петербургский государственный университет,

Санкт-Петербург

d.shibanova@yandex.ru

Ключевые слова: *срубная культура, покровская культура, эпоха поздней бронзы, Нижнее Подонье, относительная хронология*

Вопрос об относительной хронологии срубной культуры Нижнего Подонья поднимался давно. Ранние разработки относятся еще к 50-м гг. XX в. (Кривцова-Гракова, 1955). В последующие годы схема относительной хронологии дополнялась (Шарафутдинова, 1985). Одним из последних вариантов является схема, разработанная Р. А. Литвиненко для памятников бассейна Северского Донца и Северо-Восточного Приазовья (Литвиненко, 1994; 2000). Именно она стала толчком для пересмотра традиционной относительной хронологии срубной культуры Нижнего Подонья в свете появления новых материалов и идей.

Срубная культура Нижнего Подонья разделена нами на два последовательных этапа: ранний, или классический, и поздний. Основой этого деления послужили типологические данные о погребальном обряде срубных памятников и их инвентаре. Этим комплексам предшествовали памятники покровской культуры, которые и стали основой возникновения срубной культуры.

Для покровской культуры характерны погребения в больших ямах. Иногда костяк располагался вдоль западной стенки. Могильная яма могла иметь деревянное перекрытие или сруб. Погребенный находился в слабоскорченном положении на левом боку, ориентирован на С, реже – СЗ или СВ. При этом инвентарь относительно богат. Это керамика с позднепокровскими чертами: колоколовидные сосуды, внутреннее ребро, раструбные формы горла, примесь ракушки в тесте, орнаментация ниже ребра, активное использование крупнозубчатого штампа. Бронзовые

изделия представлены круглыми височными подвесками в 1,5 оборота, ножами с намечающимся ромбовидным перекрестием и «змеевидным» окончанием черенка, несомкнутыми браслетами диаметром более 0,5 см. Среди костяного инвентаря встречались пряжки, цилиндры и т.д. Покровские памятники зафиксированы на севере и северо-востоке Нижнего Дона, а также в бассейне Северского Донца.

Ранняя, или классическая, срубная культура формируется на основе позднепокровской и бабинской культур, поэтому испытывает сильное влияние предшествующих традиций. Ранние комплексы характеризуются погребениями, в которых костяк в среднескорченном положении расположен на левом боку с СВ–В ориентировками. Могильная конструкция может быть оформлена в виде сруба и иметь деревянное перекрытие. Среди сосудов появляются ярко выраженные острореберные сосуды с орнаментом в виде прочерченных зигзагов, а также стоящих треугольников, обращенных вершинами вверх. Металлический инвентарь представлен бронзовыми удлинненными височными подвесками в полтора оборота, браслетами диаметром в сечении менее 0,5 см, остролистными ножами, сурьмяными ромбическими подвесками. Необходимо отметить, что памятники классической срубной культуры зафиксированы на всей территории Нижнего Подонья.

К позднесрубным памятникам относятся погребения, в которых костяк находился в сильноскорченном положении на левом боку и был ориентирован на В–ЮВ. В районах выхода камня встречаются каменные перекрытия и каменные ящики. При этом каменные ящики зафиксированы плиточные, впущенные в материк и, возможно, более поздние, сложенные из отдельных небольших камней на древнем горизонте.

На позднем этапе срубные памятники испытывают влияние более восточных культур – сусканской, черкаскульской и федоровской. Возможно, под давлением этих культур и начался отток населения с территорий Приуралья и Поволжья в Нижнее Подонье и Северо-Восточное Приазовье. Это, в частности, подтверждается увеличением памятников на данной территории. Элементы влияния восточных культур можно проследить в погребальном обряде. Так, оформление кургана и каменный ящик погребения 1 кургана 1 курганного могильника Таврия-I имеют аналогии в черкаскульском погребении кургана 13 Приплодного Лога (Ларенок, 1998. С. 193–194; Малютина, 1984. С. 62). Маркером позднесрубных комплексов является керамика с сусканскими и федоровско-черкаскульскими проявлениями. Это кубки, округлобокие сосуды, орнаментация валиками (сначала на венчике, затем разомкнутые на плечиках), меандром, желобками, лощением, заштрихованными треугольниками вершинами вниз, а также орнаментация веревкой и мелкозубчатым штампом. Среди бронзовых изделий чаще встречаются шилья.

Таким образом, по нашему мнению, срубную культуру Нижнего Подонья можно разделить на два последовательных этапа: ранний, или классический, и поздний. Это деление подтверждается стратиграфическими, типологическими данными, а также таблицами сопряженности типов.

Список литературы

- Кривцова-Гракова О. А., 1955. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. М.
- Ларенок П. А., 1998. Курганные могильники «Таврия»-I-III // Материалы и исследование Таганрогской археологической экспедиции. Вып. III: Курганы Северо-Восточного Приазовья (Неклиновский и Матвеево-Курганский районы Ростовской области): каталог / отв. ред. В. А. Ларенок. Ростов-на-Дону. С. 56–90.
- Литвиненко Р. А., 2000. Периодизация срубных древностей Доно-Донецкого региона (по погребальным памятникам Северского Донца) // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы Евразийской степи и лесостепи: Материалы международной научной конференции / отв. ред. В. И. Беседин. Воронеж. С. 81–90.
- Литвиненко Р. О., 1994. Зрубна культура басейну Сіверського Дінця (за матеріалами поховальних пам'яток): Автореф. дис... канд. іст. наук. Київ.
- Малютина Т. С., 1984. Могильник Приплодный Лог I // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Межвузовский сборник / отв. ред. С. Я. Зданович. Челябинск. С. 58–79.
- Шарафутдинова Э. С., 1985. Периодизация срубной культуры Нижнего Подонья // Срубная культурно-историческая общность (проблемы формирования и периодизация). Межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. С. Г. Басин. Куйбышев. С. 146–177.

Ранний железный век

Опыт применения геоинформационных методов для описания системы расселения в Верхнем Подвинье в середине I тыс. н. э.

Бажин М. И.

*Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург
maxim.bazhin@bk.ru*

Ключевые слова: Верхнее Подвинье, римское время, ГИС, SRTM, поселения

В III–V вв. н. э. в Верхнем Подвинье и на сопредельных территориях существует группа памятников типа Заозерье-Узмень, которая представлена открытыми поселениями и грунтовыми могильниками. Большинство исследователей данная группа памятников считается одним из вариантов киевской культурно-исторической общности, чаще всего ассоциируемой с ранними славянами. Она же служит основой для формирования культур третьей четверти I тыс. в регионе (псковских длинных курганов, Тушемли и Банцеровщины) (Лопатин, Фурасьев, 2007. С. 104).

Связь памятников типа Заозерье-Узмень с «классическими» вариантами киевской культуры Верхнего Поднепровья и Подесенья продемонстрирована преимущественно на примере керамического комплекса в ряде работ А.Г. Фурасьева и Н.В. Лопатина (Лопатин, 2003; Лопатин, Фурасьев, 2007. С. 14–48). Как следствие, археологические памятники типа Заозерье-Узмень в Верхнем Подвинье могут рассматриваться как отражение наиболее ранней волны славянской колонизации региона. С этой точки зрения особенную значимость приобретает вопрос о системе расселения, характерной для памятников типа Заозерье-Узмень, и связанных с ними культурах.

Географические, ландшафтные и климатические факторы традиционно привлекаются для характеристики памятников раннеславянского круга и описания культурной динамики в I тыс. н. э. Поселения киевской культуры имеют вполне определенные узнаваемые топографические черты, они тяготеют к поймам и склонам первых надпойменных террас (Горюнов, 1981. С. 11; Обломский, 2007. С. 11). Кроме того, практически все исследователи выделяют закономерности в размере и взаимном расположении киевских поселений (Горюнов, 1981. С. 12; Обломский, 2007. С. 12). Значимое место географические и климатические факторы занимают и в изучении культуры псковских длинных курганов, генетически связанной с памятниками типа Заозерье-Узмень. В целом ряде обобщающих работ отмечалась приуроченность поселений культуры к пойменным участкам и песчаным почвам (Микляев, 1974; Фурасьев, 2003. С. 221).

Таким образом, подробное описание и анализ системы расселения на территории Верхнего Подвинья в римское время представляется целесообразным для уточнения связей памятников типа Заозерье-Узмень как с киевской археологической культурой, так и с древностями третьей четверти I тыс. н. э.

Наиболее подходящим вариантом для достижения этой цели, на мой взгляд, является создание геоинформационной системы, в которой разнообразная географическая информация была бы сопоставлена с пространственными данными поселенческих памятников. Для создания геоинформационной системы было выбрано программное обеспечение QGIS, которое, с одной стороны, отвечает всем потребностям создания археологической ГИС,

с другой – является общедоступным, бесплатным и на сегодняшний день уже снискало популярность среди археологов благодаря простоте использования. Вся сложность заключается в выборе наиболее релевантных, как археологических, так и географических, данных. При выборе и тех и других я ориентировался на те наблюдения относительно ландшафтного расположения раннеславянских памятников, которые кратко изложены выше.

Для отображения физической географии и высотности использована цифровая модель рельефа, полученная на основе данных SRTM (*Shuttle Radar Topography Mission*)¹. В отличие от классической физической карты местности, SRTM предоставляет возможность изменять разграфку высот в зависимости от типа местности, что позволяет быстро получать географическую информацию на разном уровне обобщения, от региона до конкретной местности, с одновременным отображением на карте археологических памятников (рис. 1). Как было сказано выше, в литературе существует гипотеза о приуроченности памятников культуры длинных курганов к песчаным почвам. Для отображения информации о характере почв были использованы материалы Почвенно-географической базы данных России, которые также внесены в геоинформационную систему и сопоставлены с археологической картой.

Данные археологических памятников, внесенные в геоинформационную систему, по большому счету, представляют собой каталог. Как и в создании любого каталога, возникает вопрос, каков принцип отбора и какие признаки памятников он должен отражать, а какие уместно опустить. В нашей работе за основу взят каталог памятников типа Заозерье-Узмень, составленный Н.В. Лопатиным и А.Г. Фурасевым (Лопатин, Фурасев, 2007. С. 106–131), недостающие данные дополнялись по отчетам и другим публикациям. На основе этой информации было выделено 15 пространственных признаков поселенческих памятников. Здесь приведем только наиболее значимые из них: абсолютные и относительные высоты, площадь, тип ближайшего водоёма, тип местности, наличие или отсутствие на памятнике днепровских или раннесредневековых материалов, наличие или отсутствие поблизости других синхронных памятников.

В результате получена геоинформационная система, достаточно полно отражающая доступные пространственные признаки поселенческих памятников типа Заозерье-Узмень в Верхнем Подвинье. Система является своего рода каталогом и при добавлении информации о территориально и хронологически смежных памятниках пригодна для дальнейшего сравнения систем расселения и пространственных особенностей археологических культур I тыс. н. э.

¹ Все базы данных и программное обеспечение, упомянутые в тексте, являются открытыми и общедоступными.

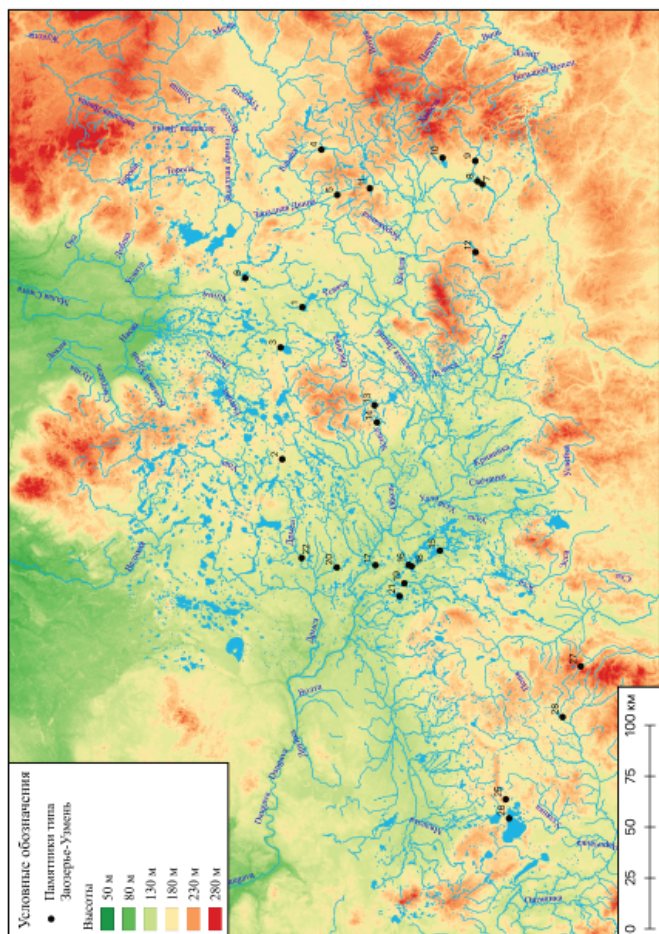

Рис. 1. Селища типа Зазерье-Узмень на физической карте Верхнего Подвонья: 1 – Узмень; 2 – Ермошино; 3 – Фролы; 4 – Подосинки; 5 – Заболонье; 6 – Каменная лава; 7 – Касля; 8 – Алфимово; 9 – Кислые; 10 – Холм; 11 – Шугайлово; 12 – Зазерье; 13 – Гордодок; 14 – Казиново; 15 – Черствяды; 16 – Двор Гомель; 17 – Бельчица; 18 – Горовые; 19 – Вороничи; 20 – Рудня; 21 – Двор Хоттевичи; 22 – Поваляшино; 23 – Ревячка; 24 – Городище; 25 – Некасецк; 26 – Никольцы; 27 – Дедиловичи; 28 – Избице

Список литературы

- Горюнов Е. А., 1981. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л.: Наука.
- Лопатин Н. В., 2003. О керамике с расчёсами в Верхнем Поднепровье и Подвинье // Ранние славяне белорусского Поднепровья и Подвинья / Материалы по археологии Беларуси. № 8. Минск. С. 209–216.
- Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г., 2007. Северные рубежи раннеславянского мира в III–V вв. н. э. // Раннеславянский мир. Вып. № 8. М.
- Микляев А. М., 1974. О ландшафтной приуроченности некоторых типов археологических памятников на Северо-Западе СССР // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. Ч. 1. М.
- Обломский А. М., 2007. Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н. э.) // Раннеславянский мир. Выпуск № 10. М.
- Фурасьев А. Г., 2003. Климатические изменения на Северо-Западе Русской равнины в I тыс. н. э. и генезис культуры псковских длинных курганов // Древности Подвинья. Исторический аспект. По материалам круглого стола, посвященного памяти А. М. Микляева (6–8 октября 1999 г.). СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 219–225

Поселение Озьяг V (итоги работ 2019 г.)

Белицкая А. Л.

*Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН,
Сыктывкар
belitskaia522@yandex.ru*

Ключевые слова: *эпоха раннего металла, ранний железный век, поздний железный век, радиоуглеродный анализ, ванвиздинская культура, европейский Северо-Восток*

Поселение Озьяг V расположено на средней Вычегде, на её правом берегу, в Усть-Куломском районе Республики Коми. Оно занимает участок I надпойменной террасы, примыкающей к современному руслу реки, в 3,4 км к СВ от пос. Озьяг. Низ террасы сложен суглинками с прослойками галечника, верх – золотым песчаным горизонтом. Площадка памятника покатая, общее понижение в южном направлении, где терраса образует ступеньку.

Памятник был открыт и исследовался в 1993–1995 гг. В. Б. Липиным и Н. Н. Чесноковой. На вскрытой площади в 100 кв. м выявлено 3 очага с каменной обкладкой и 3 хозяйственные ямы. Коллекция предметов принадлежит к раннему и позднему железным векам. Полученные данные позволили Н. Н. Чесноковой и В. Б. Липину охарактеризовать поселение Озьяг V как важный памятник, насыщенный разновременными «контактными» (в культурно-

географическом и хронологическом плане) материалами. Комплекс раннего железного века относится к гляденовской культуре, датирован ими второй четвертью, возможно серединой I тыс. н.э. Комплекс позднего железного века относится к ванвиздинской культуре, по находке полосчатой бусины датирован VI–VIII вв., хотя авторы отметили широкий хронологический диапазон представленных типов керамики (Липин, Чеснокова, 1995. С. 93).

В 2019 г. раскопки поселения Озьяг V были возобновлены А.Л. Белицкой. К западной стенке раскопа 1995 г. сделана прирезка площадью 50 кв. м. Стратиграфия почвенных слоев основной площади раскопа повторяет естественные природные отложения лесной полосы России: дерн, белесый оподзоленный песок (горизонт вымывания), желтый материковый песок (иллювиальный горизонт). Большая часть артефактов приурочена к подзолу – современному и погребенному, который играет роль культуровмещающих отложений. Единственный исследованный объект – остатки разрушенного наземного очага в виде аморфного пятна коричневой супеси, окруженного каменной обкладкой. Рядом лежала обугленная плаха, вместе с которой найдено скопление керамики и бусина. Глубина залегания вещей достигала V горизонта (гл. 0,5 м) в вывороте корня дерева, однако большая их часть находилась в первых двух (гл. 0–0,2 м).

Коллекция инвентаря из раскопок 2019 г. содержит предметы из глины (838 экз.), металла (1 экз.), камня (172 экз.), стекла (1 экз.). К стеклянным относится эллипсоидная бусина (рис. 1: 1), изготовленная сгибанием многоцветной полосы, аналогии которой встречаются на памятниках верхнего и среднего Прикамья. Она может быть датирована VI в. н.э. (Голдина, 2010. С. 23, 140, рис. 30).

К изделиям из металла относится небольшой железный нож с прямой спинкой и плавным переходом от черешка к лезвию (рис. 1: 4). Такие ножи были распространены в гляденовское время (III в. до н.э. – V в. н.э.) (Перескоков, 2018. С. 79), более узкая датировка затруднена.

Каменные предметы делятся на изделия из кремня и некремневых пород, их заготовки и отходы обработки. Находки можно расчленить с большой долей условности стратиграфически: ко II и III горизонтам тяготеют изделия эпохи камня и раннего металла, к I – позднего железного века. Каменный комплекс невыразителен, законченные орудия единичны, преобладает ситуационное расщепление сырья.

К каменному веку (VI–V тыс. до н.э.) относится пластина с краевой ретушью (рис. 1: 2). Среди предметов эпохи раннего металла семь скребков, две заготовки бифасов, фрагмент основания, заготовка (?) и незавершенный наконечник стрелы, комбинированное орудие (?), тесло (рис. 1: 3) и обух рубящего орудия. Последние два изготовлены из некремневых пород. Наконечники, подобные найденным, распространены

Рис. 1. Инвентарь поселения Озьяг V: 1 – стеклянная бусина; 2 – кремневая пластина со сколом; 3 – сланцевое тесло; 4 – железный нож; 5 – фрагмент керамической сковородки (?)

на памятниках чойновтинской культуры эпохи энеолита (второй половины III – первой четверти II тыс. до н.э.) (Стоколос, 1986. С. 170). Среди предметов позднего железного века восемь заготовок орудий со следами сработанности и два скребка.

Керамический комплекс состоит из фрагментов 60 сосудов, вылепленных вручную из теста с минеральными (40 экз.) и органическими (20 экз.) примесями, украшенных ямочными, гребенчатыми и шнуровыми оттисками и их сочетаниями. Сосуды сходны с керамикой ванвиздинских памятников региона. Выделяется один экземпляр – открытая плоская миска или сковорода со следами сглаживания внешней поверхности травой (рис. 1: 5). Ближайшие аналогии известны на городище Шудъякар в комплексе ломоватовской культуры (VI–X вв.) (Голдина, Кананин, 1989. С. 46, 164, рис. 39, 16).

Для уточнения возраста памятника на радиоуглеродный анализ взяты два образца: обугленная плаха из кв. А`-5 (II гор., гл. 0,2 м) и отдельные фрагменты углей из кв. Б`-6 (II гор., гл. 0,2 м). Получены следующие результаты: кв. А`-5 – 1140±70 (ИГАН-8781), кв. Б`-6 – 2100±70 (ИГАН-8779), калиброванные даты: 430–666 гг. н.э. (95,4%)¹ и 236 г. до н.э. – 65 г. н.э. (79,7%)¹, соответственно. Более надежным источником является плаха, связанная с остатками очага, дата которой подтверждает относительную датировку керамики и бусины.

Таким образом, в ходе работ 2019 г. были уточнены сведения о поселении Озъяг V. Вероятно, комплекс позднего железного века имел производственное значение. Не исключено, что его основная часть была раскопана в 1995 г., в 2019 г. вскрыта западная периферия, где впервые выявлены предметы эпохи раннего металла. Возможно, ванвиздинским населением была разрушена стоянка эпохи энеолита.

Одна из радиоуглеродных дат моложе установленной В.Б. Липиным и Н.Н. Чесноковой датировки для гляденовского комплекса памятника. Не исключено, что это следы естественного пожара, т.к., комплекс раннего железного века располагался южнее, на нижней ступени. Вторая дата сужает предложенную ранее и корректирует возраст ванвиздинского комплекса до V–VII вв. н.э.

Работа выполнена в рамках плановой темы сектора сохранения и популяризации археологического наследия на 2021–2025 гг. «Археологическое наследие европейского Северо-Востока: выявление, научное описание и систематизация» № ГР 121051400045-9.

¹ Программа OxCal 4.4., IntCal20.

Список литературы

- Голдина Е.В., 2010. Бусы могильников неволинской культуры. Ижевск.
- Голдина Р.Д., Кананин В.А., 1989. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск.
- Липин В.Б., 1995. Отчет об аварийно-спасательных работах на археологических памятниках в Усть-Куломском районе Республики Коми в 1995 г. // Архив МАЭ СГУ. Ф. 2 Д. 91.
- Липин В.Б., Чеснокова Н.Н., 1999. Поселение Озъяг V на средней Вычегде // Геолого-археологические изыскания в Тимано-Североуральском регионе: Докл. конф. Т. II. Сыктывкар. С. 88–95.
- Перескоков М.Л., 2018. Пермское Предуралье в финале раннего железного века. Пермь.
- Стоколос В.С., 1986. Древние поселения Мезенской долины. М.

Об одном типе железных конских налобников у ранних кочевников Южного Урала

Вильданова Е.В.

Оренбургский государственный педагогический университет,

Оренбург

vildanovaelena@inbox.ru

Ключевые слова: *ранние кочевники, конское снаряжение, железные налобники, Южный Урал*

Проведенные в конце XX – начале XXI в. исследования элитарных памятников на Южном Урале расширили данные об уздечном наборе ранних кочевников. Опубликованные коллекции курганного могильника Филипповка I (раскопки 1986–1990-х гг.) предоставили большое количество нового материала для изучения конского снаряжения (Коллекции, 2018).

Полный комплект конского снаряжения состоит не только из удил с псалями, но и включает дополнительные функциональные и декоративные элементы, а также ремни оголовья (Савченко, 2009. С. 224). Конский налобник является дополнительным декоративным элементом, функциональное назначение которого заключалось в распределении ремней оголовья (Савченко, 2009. С. 251). Пластинчатые налобники могли использоваться в качестве средства защиты боевого коня (Дедюлькин, 2019. С. 175–184).

Самый многочисленный тип налобников, встреченный в памятниках ранних кочевников Южного Урала, представляет собой стержень с загнутым и оформленным в виде крючка/петли навершием. На конце крючка может присутствовать шаровидное окончание или окончание в виде шишечки.

Второй конец налобника может быть раскован в виде лопасти. Исходя из формы налобников В.Н. Мышкин включил их в стержневидный и стержневидно-пластинчатый типы (Мышкин, 2018. С. 6–7, 9). В данный тип необходимо включить четыре экземпляра налобников, опубликованных в каталоге курганного могильника Филипповка I (Коллекции, 2018). Железные налобники находились в кургане № 6 в погребении 1 и в кургане № 10 на костяке № 2 (Коллекции, 2018. С. 108. Рис. 102. С. 361. Рис. 991). Окончание налобника из кургана № 6 КМ Филипповка I слегка расковано (рис. 1: 1). Стержень одного из налобников, найденных в кургане № 10, не раскован (рис. 1: 2). Его концы оформлены в виде шаровидных окончаний, а округлый в сечении стержень имеет шесть опоясывающих окружностей (Коллекции, 2018. Рис. 102). Сохранность еще двух налобников, происходящих из кургана № 10 КМ Филипповка I, неудовлетворительна (рис. 1: 3–4).

Так как погребение 1 в кургане № 6 и погребение в кургане № 10 разграблены, точная принадлежность налобников к составу комплектов конского снаряжения неизвестна. В погребении 1 кургана № 6 помимо налобника находилось несколько комплектов удил и псалиев. Содержащиеся в погребении железные Г-образные псалии с шаровидными окончаниями были распространены в Приуралье с конца VI в. до н.э. (Смирнов, 1961. С. 84). Подобные Г-образные псалии были найдены и в Ак-Булакском кургане, где в составе конского снаряжения находились железные налобники рассматриваемого типа. Ак-Булакский курган датируется концом V – началом IV в. до н.э. (Смирнов, 1961. С. 84). В кургане № 6 при вскрытии погребения были найдены железные псалии S-видной формы с шаровидными утолщениями на концах, а также два псалия с бронзовыми зооморфными окончаниями. Такие псалии на Южном Урале получили распространение в конце V–IV в. до н.э. (Мышкин, 2020. С. 59).

Рис. 1. Железные налобники из курганного могильника Филипповка I:
1 – Курган № 6, погребение 1 (Коллекция, 2018. Рис. 102);
2–4 – Курган № 10, костяк 2 (Коллекция, 2018. Рис. 991)

Налобники из кургана № 10 находились в составе конского снаряжения совместно с двусоставными железными удилами с витыми стержнями грызла и фрагментами двух железными двудырчатых псалиев с шаровидными окончаниями (Коллекции, 2018. Рис. 991). По составу погребального инвентаря курган № 10 могильника Филипповка I, как и весь могильник, датируется рубежом V – третьей четвертью IV в. до н.э. (Яблонский, 2013. С. 54).

Появление стержневидных и стержневидно-пластинчатых налобников в составе конского снаряжения ранних кочевников Южного Урала стоит отнести к концу VI – началу V в. до н.э. (Мышкин, 2018. С. 11). Один из самых поздних экземпляров налобника происходит из погребения одиночного кургана Яковлевка II. Погребение содержало в себе импортные изделия, что позволило датировать весь комплекс второй половиной IV – рубежом IV/III в. до н.э. (Сиротин, Трейстер, 2014. С. 214).

Ближайшие аналогии южноуральским железным налобникам происходят из областей Среднего Дона. Здесь подобные налобники получили распространение в конце V в. до н.э. Экземпляры из бронзы выполнены в виде водоплавающей птицы, а железные являются их стилизацией. Загнутый конец налобника представляет собой изгибающуюся шею с окончанием в виде птичьей головы. Противоположный конец выполнен в виде перепончатой лапы (Савченко, 2009. С. 258–260). Налобники с территории Южного Урала, вероятно, также являются стилизованными изображениями птицы.

Список литературы

- Дедюлькин А.В., 2019. Защитное снаряжение населения Крыма и Северо-Западного Кавказа в эллинистическую эпоху. Дис. ... канд. ист. наук. Москва.
- Коллекции Филипповских курганов из фондов Музея археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН: каталог. Уфа: Китап, 2018.
- Мышкин В.Н., 2018. Конские налобники из кочевнических курганов скифского времени на Южном Урале // Нижневолжский археологический вестник. Т. 17. № 2. С. 5–17.
- Мышкин В.Н., 2020. Псалии с зооморфными изображениями у кочевников Самаро-Уральского региона в VI–IV вв. до н.э. // Нижневолжский археологический вестник. Т. 19. № 2. С. 56–73.
- Савченко Е.И., 2009. Снаряжение коня скифского времени на Среднем Дону как археологический источник // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004–2008 гг. / отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН. С. 221–325.
- Сиротин С.В., Трейстер М.Ю., 2014. Погребение с ближневосточными (?) и центральноазиатскими импортами из кургана Яковлевка II // Уфимский археологический вестник: Сарматы и внешний мир. Вып. 14. С. 207–217.
- Смирнов К.Ф., 1964. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука.

**Золотые бляшки с изображением головы кабана
из погребальных памятников Среднего Подонья
скифского времени**

Володин С.А.

*Институт археологии РАН, Москва
volodinsaimon@gmail.com*

Ключевые слова: скифское время, скифский звериный стиль, кабан, Средний Дон, украшения

В погребальных памятниках скифской эпохи на территории Среднего Подонья встречается своеобразная серия украшений – золотые штампованные объемные бляшки с изображением головы (или голов) кабана. Они были обнаружены в курганах 9 и 11 (раскопки ВУАК) могильника Частые курганы (Замятнин, 1946. С. 35, рис. 23; 4. С. 44, рис. 34); кургане II (раскопки А.А. Спицына 1905 г.) могильника у с. Мастюгино (Манцевич, 1973. С. 17, рис. 2: 5, 6); кургане I, раскопанном там же Н.Е. Макаренко в 1908 г. (Макаренко, 1911. С. 50, рис. 55: 3; Манцевич, 1973. С. 25, рис. 6, 8); курганах 1 и 4 могильника у с. Дуровка (Пузикова, 2001. С. 209, рис. 7, 18. С. 220, рис. 18, 4); а также в погребении 1 кургана 18 и кургане 1 могильника у с. Колбино (Гуляев, Савченко, 1998. С. 125, рис. 7: 4, Савченко, 2001. С. 81, рис. 19: 8).

Эти бляшки уже рассматривались исследователями в рамках обобщающих исследований (Пузикова, 1971. С. 166–167; Савченко, 2005, С. 478; Гуляев, 2013). А.Р. Канторовичем изображения на них были выделены в «мастюгинско-колбинский» тип редуцированной головы кабана, который, по его мнению, связан исключительно со среднедонскими памятниками (Канторович, 2015. С. 548–550). Его вариант классификации был принят другими исследователями и вошел в сводки некоторых трудов по мотиву кабана в скифском зверином стиле (Зимовец, 2019. С. 419).

Всего в среднедонских погребениях к настоящему времени обнаружено 106 золотых бляшек, из которых выделяются шесть оригинальных изображений. Все бляшки можно разделить на два варианта исполнения: с изображением одной головы зверя и двух, смотрящих в разные стороны.

Первый вариант представлен украшениями из Колбино (рис. 1: 1) и Мастюгино. Бляшки из обоих курганов Колбино идентичны, и, скорее всего, при их изготовлении использовалась одна матрица. Изображение отличается наиболее натуралистичной (в рамках серии этих изделий) проработкой черт животного. Наиболее близкими к ним являются украшения из кургана II у с. Мастюгино (рис. 1: 2). Бляшки из раскопок Н. Е. Макаренко отличаются как значительно меньшими размерами, так и крайним упрощением изображения, вплоть до почти полной утраты

Рис. 1. Золотые бляшки с изображением головы (голов) кабана:

1 – Колбино-I, к. 18, погр. 1 (по: Гуляев, Савченко, 1998, фото из архива экспедиции); 2 – Мاستюгино, к. II (по: Пузикова, 1971); 3 – Мастюгино, к. 1 (по: Пузикова, 1971); 4, 6 – Александропольский курган (по: Полин, Алексеев, 2018); 5 – Деев курган (по: Спицын, 1906); 7 – Мелитопольский курган (по: Тереножкин, Мозолевский, 1988); 8 – Частые курганы, к. 9 (по: Пузикова, 1971, фото из архива экспедиции); 9 – Дуровка, к. 1 (по: Пузикова, 1971); 10 – Частые курганы, к. 11 (по: Замятнин, 1946); 11 – коллекция Б.И. и В.Н. Ханенко (по: Величко, Полидович, 2018)

видовых черт (рис. 1: 3). Вопреки мнению А.Р. Канторовича, нельзя сказать, что этот тип изображения головы кабана связан исключительно со Средним Доном (Канторович, 2015. С. 548). Аналогии им были найдены в Александропольском (рис. 1: 4, 6), Деевом (рис. 1: 5) и Мелитопольском (рис. 1: 7) курганах (Спицын, 1906. Табл. XIII, 26–27; Тереножкин, Мозолевский, 1988. С. 89, рис. 95, 11; Полин, Алексеев, 2018. С. 541, 568).

Второй вариант исполнения бляшек представлен находками из Частых курганов и могильника у с. Дуровка (рис. 1: 8–10). Как было сказано выше, на них изображены две головы кабанов, имеющих общую холку по центру.

Исполнение черт зверя схематичное. Аналогия этим украшениям содержится в коллекции древностей Б.И. и В.Н. Ханенко (рис. 1: 11), собранных из «курганов близ г. Никополя» (Величко, Полидович, 2018. С. 140, рис. 1: 10).

Датировка всей серии бляшек укладывается во вторую половину IV в. до н.э. При этом можно отметить, что украшения первого варианта относятся к третьей четверти столетия. Хронологическая атрибуция комплексов, в которых были обнаружены бляшки второго варианта, привязана ко времени совершения захоронений под Александропольским курганом. Если принять точку зрения А.Ю. Алексеева, то эти украшения должны датироваться последней четвертью IV в. до н.э. (Алексеев, 2003. С. 270).

Список литературы

- Алексеев А.Ю., 2003. Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н.э. СПб.
- Величко Е.А., Полидович Ю.Б., 2018. Золотые находки из «Никопольских курганов» в коллекции Б.И. и В.Н. Ханенко // Археологія і давня історія України. Вып. 2 (27). С. 138–154.
- Гуляев В.И., 2013. Мотив кабана в искусстве населения Среднего Дона в скифскую эпоху // Причерноморье в античное и раннесредневековое время / отв. ред. А.Н. Коваленко. Ростов-на-Дону. С. 187–192.
- Гуляев В.И., Савченко Е.И., 1998. Новый могильник скифского времени на Среднем Дону (итоги исследований 1996–1997 гг.) // РА. № 4. С. 115–132.
- Замятнин С.Н., 1946. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем (Раскопки Воронежской учетной архивной комиссии 1910–1915 гг.) // СА. № 8. С. 9–50.
- Зимовец Р.В., 2019. Образ кабана в скифском зверином стиле Северного Причерноморья. Внутренняя эволюция и внешние влияния // Археологія і давня історія України. Вып. 2 (31). С. 409–429.
- Канторович А.Р., 2015. Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция. Дисс. ... док. ист. наук // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-2. № 2844.
- Макаренко Н.Е., 1911. Археологические исследования 1907–1909 гг. // ИИАК. Вып. 43. СПб.
- Манцевич А.П., 1973. Мастюгинские курганы. По материалам из собрания Государственного Эрмитажа // АСГЭ. Вып. 15. С. 12–46.
- Полин С.В., Алексеев А.Ю., 2018. Скифский царский Александропольский курган IV в. до н.э. в Нижнем Поднепровье. Киев–Берлин.
- Пузикова А.И., 1971. Культура оседлых племен правобережья Среднего Дона в скифское время. Дисс. ... канд. ист. наук // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-2. № 2087.
- Пузикова А. И., 2001. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (публикация комплексов). М.

- Савченко Е. И., 2001. Могильник скифского времени «Терновое I – Колбино I» на Среднем Дону (погребальный обряд) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН / отв. ред. В. И. Гуляев. М., С. 53–143.
- Савченко Е. И., 2005. Укращения населения скифского времени на Среднем Дону // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья / гл. ред. В. И. Гуляев. М., С. 451–489.
- Спицын А. А., 1906. Серогозские курганы // ИИАК. Вып. 19. СПб., С. 157–174.
- Тереножкин А. И., Мозолевский Б. Н., 1988. Мелитопольский курган. Киев.

Селище «Зарайск-3» – новый памятник раннего железного века в окрестностях г. Зарайск

Галкин Т. О.

*Музей-заповедник «Зарайский кремль», Зарайск
timyrgalkin@gmail.com*

Сироштан И. И.

*Институт археологии РАН, Москва
vansir91@mail.ru*

Ключевые слова: *дьяковская культура, селище, разведки, выявленные ОКН*

В августе 2021 г. Зарайской археологической экспедицией ИА РАН в ходе плановой экспертизы земельного участка, расположенного в 3 км к востоку от Зарайского кремля, был выявлен новый объект археологического наследия, получивший название селище «Зарайск-3».

Памятник расположен в Московской области, городской округ Зарайск, г. Зарайск, ул. Московская, на правом берегу реки Осётр в 132 м над ее руслом, в 3355 м к востоку от Зарайского кремля. Участок разведки приурочен к правому высокому берегу реки Осетр, являющейся правым притоком р. Оки, и имеет существенный уклон к реке.

Согласно историческим картам и архивным данным, изучаемая территория в XVIII–XX вв. была не заселена.

Исследованный земельный участок подвергался интенсивному антропогенному воздействию в последние несколько десятилетий, а до этого использовался в качестве пахотного поля. На момент начала работ на участке не находилось капитальных построек, а располагались в большом количестве незаконные огороды и плодовые сады. Визуальный осмотр всех обнажений грунта, которые встречаются на землеотводе большей части участка, не выявил подъемного материала, за исключением местности около шурфа 3, расположенного за искусственным оврагом.

В целях обнаружения границ данного поселения было заложено еще 11 шурфов, которые выявили сложную, многослойную историю изучаемого памятника. Так, при продвижении на север за пределы участка разведки были обнаружены скопления уже дьяковской текстильной и гладкостенной керамики.

Стратиграфия памятника в целом одинакова и характерна для сельских поселений, подвергавшихся многолетней распашке. Под дерном залегают слои серого суглинка с угольками и фрагментами сильно измельченной лепной керамики. Сохранность керамики обусловлена многолетней распашкой данного участка. Ниже располагается палевый лессовидный суглинок (материк).

Именно около шурфа 3, благодаря весеннему палу травы, выжегшему всю низовую растительность, удалось обнаружить россыпи подъемного материала, представленного лепной неорнаментированной гладкостенной керамикой раннеславянского облика. Большая часть черепков приобрела неестественный красноватый цвет из-за вторичных пожаров. Тем не менее была установлена близость наших находок керамике синхронного поселения Белый Колодец, расположенного неподалеку. Установить это удалось, в основном, по венчикам и составу теста, содержащему крупные примеси шамота и органики, выгоревшей при первичном обжиге, из-за чего в теле фрагментов обнаруживаются пустоты.

В керамическом комплексе, собранном на поверхности, были обнаружены профильные части сосудов с защипами по венчику и горлу (рис. 1: 2, 6). Н.А. Кренке, в том числе опираясь на радиоуглеродные даты, полученные при исследовании эпонимного Дьякова городища, относит подобные сосуды текстильной керамики к финальной стадии раннедьяковской культуры, то есть ориентировочно к III–II вв. до н. э. (Кренке и др., 2021. С. 53). Среди индивидуальных находок из скоплений керамики на поверхности можно выделить полный профиль сковороды (рис. 1: 4) и фрагмент лепного глиняного рыболовного грузила (рис. 1: 5).

Помимо разнообразной лепной керамики, как текстильной, так и гладкостенной (рис. 1: 1, 3, 8, 9), в поверхностных сборах было также найдено восемь кремневых орудий, которые можно, по всей вероятности, связать с эпохой неолита/ранней бронзы. Среди них можно отметить фрагменты пластин с ретушью, отщепы с ретушью и скребки.

Маркером посещения памятника в эпоху позднего Средневековья может служить находка трех фрагментов, явно принадлежащих одному сосуду. Это красноощенный сосуд неполного (трехслойного) обжига, что для подобной керамики встречается крайне редко. Скорее всего, это местное производство, подражание московскому, которое можно датировать в пределах XVI – первой половины XVII столетий. Таким образом, мы

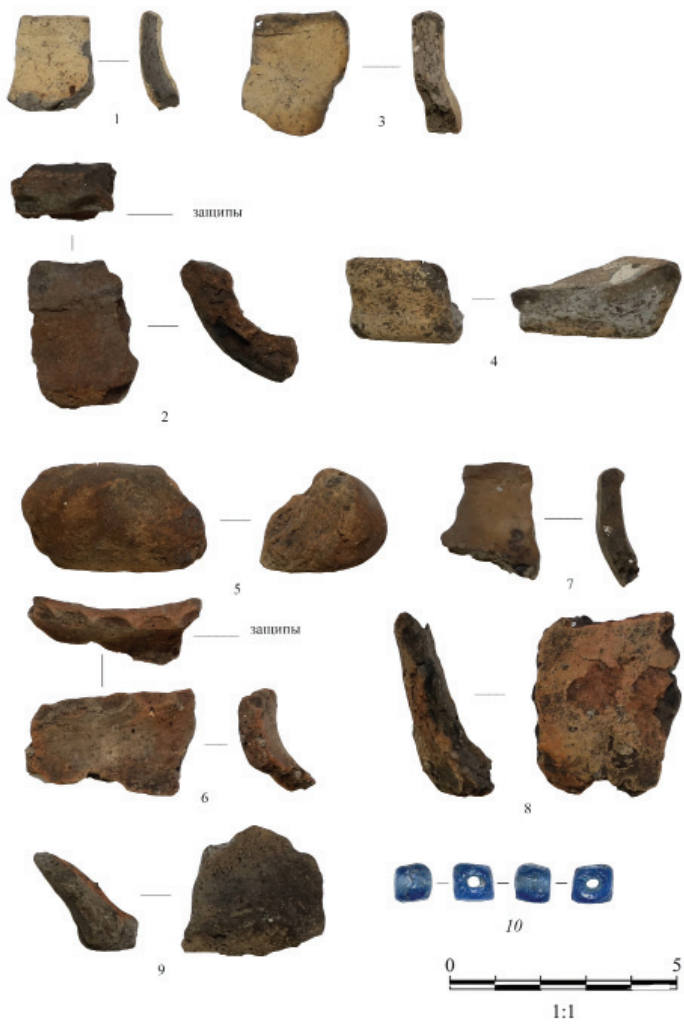

Рис. 1. Лепная текстильная дяковская керамика селища «Зарайск-3»:
 1, 3, 7 – фрагменты венчиков лепных сосудов; 2, 6 – фрагменты венчиков
 лепных сосудов с защипами по краям; 4 – фрагмент лепной сковороды,
 5 – фрагмент лепного рыболовного грузила; 8, 9 – фрагменты стенок лепных
 сосудов, покрытых текстильным орнаментом, с переходом к донцу;
 10 – бусина голубого стекла в форме куба со срезанными углами,
 1–9 – керамика, 10 – стекло

можем отметить, что данная территория посещалась в начальный период существования Зарайска как города-крепости в XVI в.¹

Наиболее интересный материал был получен в шурфах 7 и 12. Остановимся на них подробнее. В слое серого суглинка шурфа 7 была зафиксирована бусина голубого стекла в форме куба со срезанными углами (рис. 1: 10). Эта бусина датируется VII–VIII вв. н.э. по аналогии с закрытыми комплексами Подболотьевского могильника (Зеленцова, Кузина, 2021. С. 71. Рис. 4, 11) и, по всей видимости, связана именно со славянским периодом существования селища.

В шурфе 12 под дерном залегал слой серого суглинка, с угольками и фрагментами сильно измельченной лепной керамики, мощностью до 30 см. Ниже располагался палевый лессовидный суглинок (материк), прокопанный на глубину 0,4 м. В СВ углу шурфа была обнаружена конструкция из белого камня (известняк). К этой конструкции тяготеет большинство фрагментов лепной гладкостенной и текстильной керамики, а также большое количество костей МРС и свины². Назначение объекта не выяснено, аналогов на настоящий момент обнаружить не удалось.

Таким образом, исследование выявленного объекта культурного (археологического) наследия селища «Зарайск-3» показало следующее:

1. Открыт новый многослойный памятник, существование которого можно разбить на 4 периода: неолит/ранняя бронза (V–III тыс. до н. э.), дьяковская культура раннего железного века (III в. до н. э. – III в. н. э., допустимы корректировки в сторону удревнения), эпоха славянской колонизации Подмосковья (VIII–IX вв.), эпоха позднего Средневековья (XVI–XVII вв.).

2. Культурный слой памятника перемешан многолетней распашкой, но остается перспективным для изучения, особенно в материковых заглублениях.

Список литературы

- Кренке Н.А., Абрамзон М.Г., Ганичев К.А., Ершова Е.Г., Кудрявцев А.А., Лазукин А.В., Лавриков М.В., Пронин М.И., Чаукин С.Н., Янишевский Б.Е., 2021. Городище Бушарино на р. Сетунь и его ресурсная зона // КСИА. № 263. С. 46–59.
- Кузина И.Н., Зеленцова О.В., 2021. Стекланные бусы Подболотьевского могильника из раскопок 2012–2014 годов (общая характеристика) // Финно-угорские древности второй половины I – начала II тысячелетия н.э. Материалы научного семинара «Подболотьевский могильник: 100 лет исследований». М: ИА РАН. С. 68–74.

¹ Благодарим В.Ю. Коваля, к.и.н., зав. Отделом средневековой археологии ИА РАН за помощь в определении данного фрагмента.

² Определение И.Р. Ужастовой (ИА РАН).

Предварительные результаты археологического исследования поселений Акбауыр раннесакского периода

Жунисханов А. С.

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева,

Нур-Султан, Республика Казахстан

aidyn.zhuniskhanov@nu.edu.kz

Ключевые слова: *поселения, Восточный Казахстан, ранние саки, керамика, печь, каменные орудия труда, древние выработки, радиоуглеродный анализ*

Одним из актуальных вопросов в археологии Казахстана является изучение поселений раннего железного века. В последнее время в результате интенсивных археологических работ на территории Казахстана были открыты и изучены поселения древних кочевников (Бейсенов, Шульга, Ломан, 2017. С. 3). Материалы из данных поселений дают нам возможность для постановки и решения ряда ключевых проблем археологии саков Казахстана.

Одним из таких памятников является поселение Акбауыр (Восточно-Казахстанская область Республики Казахстан). Топография памятника характерна для поселенческих памятников раннего железного века. Благоприятные природные условия способствовали тому, что древнее население освоило данную территорию, о чем свидетельствуют многочисленные материальные остатки их жизнедеятельности – поселения, культовые места, ограды, писаницы и петроглифы, стелы, курганы и др., вплоть до казахских зимовок (Самашев, 2020. С. 104).

Поселение Акбауыр I было обнаружено в полевом сезоне 2019 г. В полевом сезоне 2021 г. было выявлено еще несколько поселений, которые получили нумерацию по порядку выявления. На площадках, где были выявлены поселения, хорошо фиксировались камни от развалов многочисленных сооружений. Раскопки проводились в полевых сезонах 2019–2021 гг. За этот период были исследованы поселения Акбауыр I, II и III, всего было вскрыто более 600 кв. м (Самашев, Жунисханов, Омаров и др., 2021). Планируется продолжение раскопок в следующем году.

В ходе археологических работ было обнаружено множество фрагментов керамики, каменные орудия труда (мотыги, пест), кусочек шлака, обломок бронзового шила, обломок однолезвийного ножа, обломок литейной формы, наконечник стрелы, зернотерки, краскотерки и другие предметы быта (Самашев, Жунисханов, Омаров и др., 2021).

Также в результате раскопок на поселении Акбауыр I было полностью расчищено хозяйственное (?) помещение. Внутри данного помещения были выявлены очаги, одна куполообразная печь и две наземные печи.

Вокруг куполообразной печи найдены керамические изделия, в том числе бронзовый стержень и каменное орудие. На дне жилища зафиксировано 13 столбовых ям. Вероятно, функциональное назначение данных ямок может быть связано с поддержанием кровли.

Технико-технологический анализ керамики, выполненный в лаборатории Института археологии им. А.Х. Маргулана, показывает, что среди фрагментов керамики встречаются относящиеся к периодам от поздне-бронзового века (переходный этап) до средневековья. Также по результатам анализа было установлено, что какая-то часть относится к категории технологической керамики (сопло, льячка, ложило), указывающей на наличие металлургического производства (Самашев и др., 2021. С. 754–756).

В ходе поисково-разведочных работ недалеко от поселения Акбауыр I были обнаружены следы древних выработок. В целях определения перспективности древних выработок был заложен шурф размером 3 × 3 м, в котором были найдены каменные орудия труда (5 шт.). В центре шурфа на глубине 0,5 м были зафиксированы следы пепла, образцы руд (олово?) (Самашев, Жунисханов, Омаров и др., 2021. С. 436–437).

На данном этапе исследования на основе анализа артефактов и по результатам радиоуглеродного анализа (табл. 1) памятник датируется XI–IV вв. до н.э. Полученные материалы показывают, что памятник

Таблица 1. Результаты радиоуглеродного датирования поселений Акбауыр I

Индекс	Памятник	¹⁴ C BP	Образец	Калиброванная дата (1σ)	Калиброванная дата (2σ)
ABSL2	Поселение Акбауыр I	2536±27	Зуб (животное)	68,3% probability 788–751 calBC (31,4%) 684–668 calBC (12,6%) 634–621 calBC (7,6%) 614–590 calBC (16,6%)	95,4% probability 794–743 calBC (35,2%) 692–663 calBC (16,0%) 646–549 calBC (44,2%)
ABSL3	Поселение Акбауыр I	2548±28	Зуб (животное)	68,3% probability 794–753 calBC (43,5%) 683–669 calBC (10,1%) 631–625 calBC (2,9%) 611–593 calBC (11,8%)	95,4% probability 799–747 calBC (47,3%) 690–664 calBC (13,3%) 644–551 calBC (34,8%)

Акбауыр был одним из центров металлургического производства Восточно-Казахстанского региона.

Вокруг Акбауыра в радиусе от 5 до 20 км расположены выработки, штольни и шахты, в которых добывали руду для получения меди и олова. Они активно эксплуатировались в бронзовом веке (и, надо полагать, часть из них продолжала функционировать в начале раннего железного века). У С.С. Черникова эти горные выработки обозначены как Мынчункур, Урунхай, Алтуайт, Кара-гоин, Калайы тапкан и др. (Черников, 1948. С. 97).

Группа поселений на урочище Акбауыр является на сегодняшний день единственным поселенческим памятником раннего железного века на территории Восточного Казахстана. Мы полагаем, что дальнейшее междисциплинарное исследование памятника позволит получить новые данные по хозяйственной деятельности ранних кочевников.

Список литературы

- Бейсенов А.З., Шульга П.И., Ломан В.Г., 2017. Поселения сакской эпохи. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола».
- Самашев З., 2020. Производственный центр ранних саков в Казахском Алтае (поселенческий комплекс Акбауыр) // Археология Южной Сибири. К 75-летию со дня рождения Владимира Васильевича Боброва. Вып. 28. Кемерово. С. 103–118.
- Самашев З., Жунисханов А., Омаров Г. и др., 2021. Итоговый отчет о полевых и камеральных работах по «Программе развития научно-исследовательских работ в сфере археологии в ВКО на 2016–2026 гг.» за 2021 г. Тема: «Алтай-Тарбагатай от эпохи бронзы до раннего Средневековья» // Архив КГКП «Областной историко-краеведческий музей» г. Усть-Каменогорск.
- Черников С.С., 1948. Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая // КСИИМК. Вып. XXIII. С. 96–100.

Роговые орнаментированные рукояти таштыкских плетей Хакасско-Минусинской котловины: морфологический и технологический анализ

Половников И.С.

*Новосибирский государственный университет, Новосибирск
polis.sib@gmail.com*

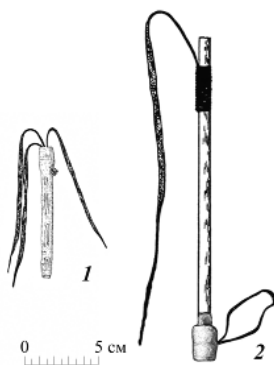
Ключевые слова: Хакасско-Минусинская котловина, таштыкская культура, роговые рукояти

В процессе исследования изделий косторезного производства таштыкской культуры Хакасско-Минусинской котловины была выделена

группа роговых и костяных предметов, определение функционального назначения которых вызывает затруднение. Они представляют собой костяные и роговые стержни и трубки длиной от 5,0 до 8,5 см, диаметром от 0,7 до 2,5 см, украшенные разнотипным орнаментом, сочетающим криволинейные и спиралевидные фигуры. В целом оформление близко к орнаментации на таштыкской керамике и гипсовых масках. Судя по информации, полученной из публикаций и в ходе знакомства с музейными коллекциями, подобных орнаментированных предметов известно более 10. Из них четыре происходят из погребальных памятников (Комарково-Песчаная, Копи, Чегерак), остальные относятся к категории случайных находок. По нашему мнению, данные предметы являлись частью экипировки всадника. Однако в таштыкской культуре вопрос о снаряжении коня и амуниции всадника остается практически неизученным, ввиду отсутствия сопроводительных захоронений коня в погребениях и культовых объектах. В обобщающей работе Э.Б. Вадецкая достаточно однозначно определила таштыкские костяные трубочки как принадлежность головного украшения – наконники (Вадецкая, 1999). В то же время в археологической литературе они интерпретируются в качестве рукоятей плетей. Так в работе Ю.В. Тетерина рассмотрены орнаментированные и не орнаментированные костяные трубки, которые он считал рукоятями плетей, в то время как стержни остались за рамками его анализа (Тетерин, 2016).

Рукояти из рога и кости в таштыкской культуре можно разделить на два типа: стержни и полые. Рукояти в виде цельносоставного стержня изготовлены из рога, один конец которого имеет расширение (головку) со сквозным отверстием (расположение каналов отверстий – наклонно относительно двух противоположных торцов изделия к его тыльной стороне), через которое крепились кожаные ремни (рис. 1: 1). Другой конец имеет сужение и обломан у всех экземпляров. Ширина отверстия под ремни колеблется от 0,4 до 1 см. Стоит отметить, что полностью головка для крепления сохранилась только на одном предмете (инв. номер А-10762/10, Минусинский краеведческий Музей им. Н.М. Мартыанова), на других она обломана в том месте, где выступает губчатое вещество. В качестве примеров похожего расположения отверстий на рукояти плети можно привести предмет из средневекового погребения с конем на р. Таштык (Нестеров, 1982. С. 97, рис. 2: 7) и резную костяную рукоять плети из могилы Ак-Кюна (Алтай) (Кызласов, 1951. С. 52, рис. 9).

Полые рукояти представлены в виде орнаментированных или гладких цилиндрических трубок, изготовленных из кости и рога, на которых достаточно часто встречаются расширенные концы (Тетерин, 2016. С. 89). Также к этому типу рукоятей относится вариант «комбинированные».

*Рис. 1. Реконструкция плети: 1 – с рукоятью в виде стержня;
2 – с комбинированным вариантом полый рукояти*

Они являлись частью деревянной рукояти плети и выступали в качестве затыльников (рис. 1: 2) (по: Кирпичников, 1973). Рукоять этого варианта из Минусинского музея имеет сквозное отверстие, которое могло выступать креплением под темляк (инв. номер А-10762/11, Минусинский краеведческий Музей им. Н.М. Мартыанова). Подобный комбинированный вариант плети реконструирован по роговому навершию из древнетюркского погребения кургана 28 могильника Юстыд XII на Алтае (Кубарев, 2005. С. 79, рис. 23). При этом следует отметить возможность существования конструкции без деревянной вставки, когда ремень продевался через отверстие и крепился к основе из кости или рога.

Таким образом, проанализированные предметы являлись рукоятями плетей. Их можно считать единственным известным на данный момент типом полноразмерных изделий, относящимся к всадническому комплексу таштыкской культуры.

Исследование проведено за счет гранта «Российского научного фонда» (проект № 20-18-00111).

Список литературы

- Вадецкая Э.Б., 1999. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: «Петербургское Востоковедение».
- Кирпичников А.Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // Свод археологических источников. Вып. Е1-36.
- Кубарев Г.В., 2005. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН.
- Кызласов Л.Р., 1951. Резная костяная рукоятка плети из могилы Ак-Кюна (Алтай) // КСИИМК. Вып. XXXVI. С. 50–55.

- Нестеров С. П., 1982. Погребение с конём на р. Таштык (по материалам раскопок С. А. Теплоухова) // Археология Северной Азии. Новосибирск. С. 95–102.
- Тетерин Ю. В., 2010. Рукояти плетей кочевников хуннского времени Южной Сибири // Вестник НГУ. Серия: история, филология. Т. 9. Вып. 7. Археология и этнография. С. 87–96.

Раскопки верхнего слоя стоянки «Кладбищенская балка» (Хотылёво 2) в 2020 г.

Рябчевский Н. Г.

Брянский государственный университет им. академика

И. Г. Петровского, Брянск

NikkiGun@yandex.ru

Ключевые слова: стоянка «Кладбищенская балка», поселение Хотылёво 2, киевская культура, римское время, Среднее Подесенье

Многослойный памятник Хотылёво 2 расположен в 18 км от Брянска выше по течению р. Десна. Поселение размещается на уступе тыловой части второй надпойменной террасы правого берега Десны, переходящем в коренной берег (Гаврилов и др., 2018. С. 166; Рябчевский, 2020. С. 276). Участок разделен на отдельные мысы небольшими овражками, бровка склона правого берега поднята над урезом на высоту 20–25 м. Перепад высот от уреза р. Десна до высшей точки водораздела – до 60 м. (Гаврилов и др. 2019. С. 82, 84). Размеры поселения составляют примерно 100 × 200 м (Гаврилов и др., 2018. С. 166). Верхний культурный слой стоянки Хотылёво 2 в ее северо-западной части относится к киевской археологической культуре. Второй культурный слой памятника, относящийся к эпохе верхнего палеолита, расположен на глубине от 3–4 до 7–8 м от дневной поверхности. Подробную стратиграфию палеолитического слоя см.: Гаврилов и др., 2019.

В последние годы были возобновлены исследования слоя киевской археологической культуры на палеолитической стоянке «Кладбищенская балка» (Хотылёво 2). До работ 2018–2020 гг. на вскрытой площади порядка 1000 кв. м было изучено пять полуземлянок и одно наземное сооружение столбовой конструкции, достаточно подробно описанные в недавней публикации «Брянского клада», в том числе наземная постройка раннего этапа деснинского варианта киевской культуры, аналоги которой известны на поселении Попово-Лежачи-4 на р. Сейм (Памятники... 2007. С. 93–95, рис. 59; Гаврилов и др., 2018. С. 166–172).

В 2019–2020 гг. на поселении Хотылёво 2 было вскрыто 266 кв. м верхнего слоя (рис. 1). В результате исследовано шесть построек

указанного периода. Средние размеры построек 3,5–4 × 3,7–4,5 м, все заглублены в материк от 0,1–0,28 до 0,2–0,43 м. (Шинаков, 2020. С. 28–39, Рябчевский, 2021. С. 37–41). Благодаря проведенным исследованиям удалось изучить часть жилой зоны поселения.

В 2020 г. Н.Г. Рябчевским и В.Н. Гурьяновым было продолжено исследование раскопа «Д» на слое киевской культуры стоянки Хотыльёво 2 (в государственном реестре называется – «Стоянка Кладбищенская балка», эпоха палеолита») и вскрыто 88 кв. м. На предварительном этапе был убран старый палеолитический отвал и проводился сбор всего материала.

Индивидуальные находки из отвала: фрагмент ножа, фрагмент железного инструмента с заклепкой, рыболовный крючок, два фрагмента кремневых ножевидных пластин и фрагмент бифаса. На данном этапе исследований была найдена первая вещь круга восточноевропейских выемчатых эмалей – часть пружины (имитация) от фибулы. Раскоп состоял из двух секторов 6 × 8 и 6 × 6 м и прирезки 2 × 2 м. Была изучена вторая часть объекта 4 (постройка), обнаружена новая постройка (объект 21), которая расположена на склоне оврага и имеет уклон по линии северо-запад–юго-восток, и ряд хозяйственных ям. Средние размеры хозяйственных ям 0,9–1,06 × 1,1–1,3 м., размеры котлована постройки 6 (объект 21) 2,65 × 2,46 м. Глубина котлована от поверхности материка -0,2 – -0,33 м. В постройке 6 был обнаружен развал сосуда. В объекте 20 были найдены развалы двух сосудов и бронзовое кольцо с незамкнутыми краями. Еще два развала были встречены и в объекте 4. Керамика из раскопа 2020 г. представляет собой в основном груболепную керамику, однако встречается фрагментированная лощеная. В большей степени керамика представлена горшкообразными сосудами различных размеров и типов и имеет примеси шамота, органики, иногда присутствуют вкрапления дробленого кремня. Подробнее о керамике в ранних исследованиях см.: Брянский клад, 2018. С. 166–172. Наличие в объектах развалов сосудов, которые удалось реконструировать, а также минимум датированных вещей говорит о том, что, вероятнее всего, поселение было покинуто его жителями в спешке, возможно в результате предстоящей угрозы. Индивидуальные находки из объектов следующие: железные оковки, фрагменты ножей, фрагменты пряслиц, железная застежка, латунная накладка с железной клепкой на фрагменте металла, железные предметы, фрагменты тиглей, фрагменты дисков, бронзовое кольцо с незамкнутыми краями, венчик от «сита» (творожницы?) и стенка от «сита», фрагмент изразца (Рябчевский и др., 2021, С. 37–41).

Проанализировав полученный материал, А.М. Обломский сделал вывод, что указанный памятник можно датировать 30–40 гг. III в. н. э. – началом гуннского времени («предколочинский» период). По представленному

материалу, в первую очередь по керамическому комплексу, на поселении присутствуют два горизонта существования – ранний и поздний.

На данный момент на поселении Хотылёво 2 изучена площадь в 1326 кв. м, однако остается открытым вопрос о более точной датировке поселения. Это связано с минимумом датированных вещей на памятнике. Керамический комплекс представлен достаточно обширно, а благодаря исследованиям 2018–2020 гг. существенно дополнен и комплекс построек. Благодаря проведенным исследованиям удалось обнаружить жилую зону поселения, что подтверждается количеством построек.

Список литературы

- Гаврилов К.Н., Гурьянов В.Н., Чубур А.А., Шинаков Е.А., 2018. Материалы киевской культуры поселения Хотылёво-2 // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н. э.) / Раннеславянский мир. Вып. 18. / отв. ред. А.М. Обломский. М., Вологда. С. 166–172.
- Гаврилов К.Н., Воскресенская Е.В., Мащенко Е.Н., 2019. Верхнепалеолитические стоянки в окрестностях с. Хотылево // Культурная география палеолита Восточно-Европейской равнины: от микона до эпиграветта. Путеводитель конференции полевого семинара. М. С. 80–146.
- Гаврилов К.Н., Гурьянов В.Н., Рябчевский Н.Г., 2019. Раскопки слоя киевской культуры на стоянке Хотылёво 2 // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2018 / отв. ред. М.А. Ивашов. Липецк, Воронеж. С. 32–34.
- Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н. э.) // Раннеславянский мир. Вып. 10 / отв. ред. А.М. Обломский. Москва. 2007.
- Рябчевский Н.Г., 2020. Исследования эталонного памятника киевской культуры Хотылёво 2 в Брянском Подесенье // Актуальная археология 5. Материалы Международной научной конференции молодых ученых. СПб. С. 276–279.
- Рябчевский Н.Г., Гурьянов В.Н., Гаврилов К.Н., 2021. Раскопки слоя киевской культуры стоянки Кладбищенская балка // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2020 / отв. ред. М.А. Ивашов. Липецк, Воронеж. С. 37–41.
- Шинаков Е.А., Рябчевский Н.Г., Гурьянов В.Н., Гаврилов К.Н., 2020. Исследования поселения киевской культуры Хотылево 2 // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2019 / отв. ред. М.А. Ивашов. Липецк, Воронеж. С. 28–39.

Пластины с двойными лошадьми сяньбэй:

от истоков к деталям

Трубникова В.Б.

Институт истории материальной культуры РАН,

Санкт-Петербург

barbarera@gmail.com

Ключевые слова: сяньбэй, хунну, металлопластика, пластины с лошадьми, Китай, Ордос

1. *Описание, контекст.* С 80-х гг. XX в. в Северо-Восточном Китае в сяньбэйских погребальных памятниках находят миниатюрные металлические пластины с необычным зооморфным сюжетом (рис. 1: 6–12). Фигурные прорезные пластины изображают двух лошадей: животное меньшего размера стоит на спине более крупного. Коллекция насчитывает уже более двадцати пластин, им посвящено несколько обобщающих работ (Линь Юнь, 2004; Пан Лин, Сарэнбилиж, 2014). Пластины имеют ряд характерных особенностей. Ноги нижнего животного стоят на прямой рамке, верхняя часть пластины очерчена по контуру животного. Пропорции длины ног к туловищу не соблюдаются, в связи с чем в отдельных случаях можно трактовать позу нижнего животного как лежачую с подогнутыми ногами. Сами животные выполнены без подробностей, но при этом оба животных имеют на голове характерные шаровидные «украшения». В нескольких случаях в этих украшениях были сделаны функциональные отверстия. Большая часть пластин имела специальные петли с задней плоской стороны для крепления, остальные, вероятно, пришивались непосредственно через контур фигур. Пластины находят в верхней части туловища погребенного и трактуют как украшение одежды или отдельных предметов. Материал пластин – бронза или золото.

2. *Распространение, хронология.* Пластины получили распространение в памятниках третьей и четвертой хронологических группах сяньбэй – Шаньцзябао, Синьлуншань, Саньдаовань, Хоубаоши и др. и датируются с середины III в. н. э. до начала V в. н. э. Отдельные пластины с одним животным, но с характерным «налобником» также встречаются среди случайных находок в коллекции ордосских бронз и в памятниках четвертой группы (Синьлуншань, Шаньцзябао и др.) (рис. 1: 1–5). В первой ранней группе сяньбэйских памятников была сделана единичная находка фрагмента верхней части (?) пластины с одиночной лошадью с характерным украшением на голове (Могушань) (рис. 1: 1), ее можно датировать I–II вв. н. э. (размер пластины позволяет предположить, что ее

Рис. 1. Пластины с двойными лошадьми сяньбэй и аналоги:

- 1–14 – сяньбэйские пластины; 15, 18 – ордосские бронзы;
 16–17, 19 – хуннские бронзы; 20–21 – ханьские терракоты.
 1 – Могушань; 2, 15, 18 – Ордос; 3 – Шаньцзябао; 4 – Синьлуншань;
 5 – Дундацзин; 6, 9, 13, – Сяньдаовань; 7 – Внутренняя Монголия;
 8 – Сигуань; 10, 14 – Хоубаоши; 11 – Татуо; 12 – Цзэлиндядуи;
 16 – Ильмовая падь; 17 – Дурлиг нарс; 19 – Дурёны; 20, 21 – Китай.
 1, 5–8, 11, 13–14 – золото; 2–4, 9–19, 12, 15–19 – бронза.*

Масштаб разный

сюжет изначально состоял из одной лошади). Принципиально важно, что образ появляется уже на ранних этапах развития сяньбэйской культуры. Представляется правильным искать истоки образа в культурных контактах сяньбэй на ранних этапах.

3. *Истоки образа.* Наиболее близкие аналогии одиночным сяньбэйским лошадям – хуннские украшения пояса в виде бегущей лошади (Ильмовая падь, Дурлиг Нарс и др.) (рис. 1: 16–17). Их сближают общая динамика и простота исполнения изделия, а также характерная нижняя рамка, часто встречающаяся и в других хуннских пластинах. Небольшое количество

подобных пластин в ранних памятниках сяньбэй неслучайно. Появившись в степях Внутренней Монголии, сяньбэй вынуждены были сменить природно-хозяйственную зону обитания, где впервые начали заниматься разведением лошадей. В этот период сяньбэй столкнулись одновременно с двумя доминирующими традициями – хуннской и ханьской. Вероятно, и знакомство с лошадьми происходило через их влияние. Тогда же могли формироваться первые образы изображения животных в металлопластике. В дальнейшем происходит усложнение образа – добавляется вторая фигура лошади. На пластине появляется комбинация закругленных отверстий между ногами животных – знакомый для сяньбэй мотив по пластинам саньлу (пластины с тремя стоящими в ряд оленями с рогами, оформленными переплетением круглых отверстий). В подтверждение близости пластин с двумя лошадьми и пластин саньлу свидетельствуют находки из Хоубаоши и Саньдаована (рис. 1: 13–14), где вместо лошади на пластине изображен олень с рогами, откинутыми назад, соединение рогов с туловищем создает рисунок закругленных отверстий, аналогичный пластинам с лошадьми. Сам же мотив двойного животного, где одно стоит на спине другого, вероятно, складывался у сяньбэй под влиянием ордосских традиций: находки бронз с похожим сюжетом в Ордосе датируются уже I–III вв. н.э. (рис. 1: 15, 18).

4. *Налобник*. Пластины представляют особый интерес в связи с анализом отдельных деталей. Одна из них – особый характерный головной убор лошадей, отличающий пластины от хуннских и ордосских бронз. На некоторых пластинах круг над головами лошадей оформлен канавками, так же как и грива, позволяя сделать предположение, что это могло быть изображение завязанной специальным образом челки гривы. Похожие изображения встречаются у хунну (Дурёны) (рис. 1: 19) и тракуются как «налобник». Характерно, что схожий «убор» появляется на статуэтках лошадей только в период Поздней Западной Хань (рис. 1: 20–21).

5. *Стремена*. Пожалуй, еще более интересное наблюдение было сделано относительно парных стремян, изображенных на двух пластинах с лошадьми (рис. 1: 11–12). На одной пластине стремяна квадратные, на другой – круглые. Детали отсутствуют. Однако сам факт изображений важен в контексте находок стремян в погребении сяньбэй-мужун (погр. Фэн Шуфу). Датировки пластин и погребения со стремянами укладываются в хронологические рамки середина – конец IV в. н.э. и позволяют считать сяньбэй одними из первых изобретателей стремян.

Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите – позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

Список литературы

- Пан Лин, Сарэнбилиж, 2014. Сяньбэй масин пайши дэ лайюань. О происхождении сяньбэйских бляшек в форме лошади // Бяньцзянь каогу яньцзю. № 2. С. 387–400. (На кит. яз.)
- Линь Юнь, 2004. Сяньбэй цзу дэ цзинь, тун ма син пай ши. Золотые и бронзовые пластины сяньбэй в форме лошадей // Бяньцзянь каогу яньцзю. Т. 3. Пекин: Кэсюэ чубаншэ. С. 67–69. (На кит. яз.)

Античность

Историко-географический обзор Сурхандарьи эллинистического времени (конец IV – конец II вв. до н. э.)

Базаров Б.Б.

*Национальный центр археологии АН Республики Узбекистан,
г. Ташкент, Узбекистан*

boris.bazarov.bekmuratovich@mail.ru

Ключевые слова: *Северо-Западная Бактрия, Греко-Бактрійское царство, долина Сурхана, Шерабаддарья, ирригационные районы*

Северо-Западная Бактрия включает в себя современные территории южного Узбекистана и состоит из двух долин – долины Сурхана и долины Шерабаддарьи. Ее пределы на севере ограждаются Гиссарским хребтом, на западе – Кугитангтау, на востоке – рекой Кафырниган и на юге омываются водами Амударьи. Активный процесс освоения равнинной и предгорной частей правобережной Бактрии приходится на середину I тыс. до н.э.

В археологической науке уже существуют работы по теме районирования Северо-Западной Бактрии (Ставиский, 1977; Пидаев, 1978; Сагдуллаев, 1987; Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990. С. 22–23; Шайдуллаев, 2000). Вопрос о типологии и системе расселения эллинистических памятников в Восточной Бактрии также затрагивался авторами, однако в этой работе районирование данной территории осталось в стороне (Кошеленко, Сердитых, 1987. С. 54–58).

Если обратить внимание на политическую карту с конца IV по конец II вв. до н. э. Северо-Западной Бактрии, то можно заметить следующую картину: во-первых, южная и юго-западная части стали более плотно заселены, по сравнению с Ахеменидским периодом; во-вторых, возросла освоенность населением горных и предгорных районов, а также пограничной зоны; в-третьих, резко сократилось количество поселений на северо-востоке долины Сурхана.

В настоящее время нам известно более 50 археологических памятников Северо-Западной Бактрии конца IV–II вв. до н. э. На основе проведенных исследований археологических объектов интересующего нас времени можно выделить один горный район – Байсунский – и девять ирригационных районов: Верхнесурханский, Халкаджарский, Ургульский (Бандыханский), Среднесурханский, Ангорский (Зангский), Шерабадский, Уланбулакский, Узунсайский, Приамударьинский районы.

Основываясь на сравнительном анализе системы размещения археологических объектов по ирригационным районам Ахеменидского и эллинистического периодов, можно говорить о том, что в Верхнесурханском, Халкаджарском и Ургульском оазисах резко сокращается число археологических памятников в IV–II вв. до н. э.

В IV–II вв. до н. э. в Среднесурханском, Ангорском (Зангском), Шерабадском, Уланбулакском, Узунсайском (долина Лайлаканская) и Приамударьинском районах прослеживается увеличение городов и поселений.

Помимо ирригационных районов, существуют еще горные районы, которые считались довольно важными в период доминирования Греко-Бактрийского царства (III–II вв. до н. э.). Байсунский горный район является очень важным по своей значимости в военно-политической области Греко-Бактрийского и Кушанского царств. В Байсунском районе пока известен всего один памятник Ахеменидского и 9 археологических объектов греко-бактрийского времени, которые имели контрольно-оборонительную функцию.

Памятники эллинистического времени в основном располагались в речных долинах, адырной зоне (степи), предгорной полосе и в горах. Судя по проведенному сравнительному анализу системы размещения памятников двух эпох, можно сказать, что в горной и предгорной полосах Северо-Западной Бактрии усиливается процесс антропогенного освоения. Адырная зона Сурхандарьи приходит почти в запустение. Следует подчеркнуть, что в греко-бактрийский период большая доля падает на речные долины в отношении антропогенного заселения, как и в Ахеменидскую эпоху.

В период доминирования Греко-Бактрийского царства археологические памятники, располагающиеся в горах, предгорьях и вдоль Амударьи образовали две контрольно-оборонительные линии (Ртвеладзе, 2009. С. 161). Первая, куда входили Кампыртепа, Старый Термез, поселение у Айртама, Ходжа Гульсуар и Хатын-Рабат, выполняла функцию контроля и охраны важных переправ через Амударью. Вторая линия, в которую входили крепость Узундара, Курганзол, Мачайкурман, Капчигайтепа, Паенкурман и Дарбандская стена, проходила по горам Кугитангтау и Байсунтау (Рахманов, Рапэн, 2003. С. 31; Двуреченская, 2019; Stancho,

2021. Р. 265) и устанавливала контроль над важными дорогами из горных ущелий в равнинную часть оазиса.

По планировке археологических памятников эллинистического времени их можно разделить на следующие группы: квадратные, прямоугольные, многогранные, круглые, клиновидные.

По площади можно выделить четыре группы поселенческих памятников Северо-Западной Бактрии греко-бактрийского времени:

1 группа – площадью свыше 10 га: Старый Термез, Ялангтуштепа;

2 группа – от 3 до 10 га: Кампыртепа, Джандавлятепа, Талашкантепа II, Хаитабадтепа;

3 группа – памятники площадью от 1 до 3 га: Шортепа, Куллукуштепа и Нагоратепа;

4 группа – площадью до 1 га: Гишттепа, Актепа, Айсарытепа и Толитагора.

В заключение следует отметить, что с конца IV по конец II в. до н.э. процесс освоения и заселения равнинно-долинной части, а также предгорной и горной полос Северо-Западной Бактрии становится более активным по сравнению с предыдущими периодами. Более того, контроль над горной и предгорной местностями становится жизненной необходимостью для Греко-Бактрийского царства.

Список литературы

- Двуреченская Н.Д., 2019. К вопросу о северной границе Бактрии в эллинистическую эпоху // Эпоха империй. Восточный Иран от Ахеменидов до Сасанидов: история, археология, культура. Материалы Международной научной конференции, посвященной памяти Б.А. Литвинского. М. С. 99–114.
- Кошеленко Г.А., Сердитых З.В., 1987. Типология и динамика развития системы расселения в Бактрии эллинистической эпохи // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Ташкент. С. 54–58.
- Пидаев Ш.Р., 1978. Поселения кушанского времени Северной Бактрии. Ташкент: Фан.
- Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В., 1990. Северная Бактрия-Тохаристан. Очерки истории и культуры (Древность и средневековье). Ташкент: Фан.
- Рахманов Ш., Рапэн К., 2003. Железные ворота // Труды Байсунской научной экспедиции. Вып. 1. Ташкент. С. 22–32.
- Ртвеладзе Э.В. 2009. Греко-Бактрийское царство // История государственности Узбекистана Т. 1: Вторая половина II тыс. до н.э. – III в. н.э. / отв. ред. Э.В. Ртвеладзе, Д.А. Алимова. Ташкент. С. 155–169.
- Сагдуллаев А.С., 1987. Усадьбы Древней Бактрии. Ташкент: Фан.
- Ставиский Б.Я., 1977. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М.
- Шайдуллаев Ш.Б., 2000. Северная Бактрия в эпоху раннего железного века. Ташкент: Фан.

Символический язык позднеантичной синагоги в нижнем городе Сепфориса

Болотникова М. В.

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва
mvolotnikova@gmail.com*

Ключевые слова: *Галилея, Сепфорис, синагога, поздняя античность, византийский период, мозаика, иконология, символ*

В первой половине III в. н. э. появляются первые синагоги с монументальной живописью – сначала в Дура-Эвропос в Сирии, а потом и по всей Палестине. Одна из таких синагог – в нижней части города Сепфорис (в Галилее) – была обнаружена экспедицией Института археологии Еврейского университета в Иерусалиме в 1993 г. Анализ стратиграфической ситуации, а также нумизматического и керамического материала, обнаруженного над и под полом синагоги, позволяет датировать возникновение синагоги первыми десятилетиями V века н. э., а ее частичное разрушение и постройку нового (предположительно жилого) здания на ее месте – концом VI – началом VII в. Таким образом, синагога функционировала в период, который для Галилеи определяется как «византийский» и связывается с распространением христианства (Чаковская, 2011). Кроме того, по версии П. Брауна, V–VII века относятся к периоду поздней античности (Brown, 1976). Неф синагоги из Сепфориса декорирован мозаикой, изображения которой представляют интерес как для искусствоведа, так и для археолога.

Мозаика состоит из семи панелей, расположенных вертикально по продольной оси синагоги (Weiss, 2005). На них сверху вниз изображены: два льва, здание, окруженное двумя семисвечниками (обычное интерпретируемое как Иерусалимский храм), колодец, несколько быков и баранов, два стола с фруктами, зодиакальный круг с персонифицированными изображениями сезонов по бокам от круга и солнцем на квадриге в центре круга, несколько мужчин с рогатым скотом (сюжет жертвоприношения Исаака, Быт. 22), группа из женщины и двух мужчин (эпизод встречи Авраама и Сары с тремя путниками, Быт. 18). Данные изобразительные элементы встречаются и на мозаичных полах синагог из других городов Галилеи периода поздней античности (подробнее см.: Чаковская, 2011, С. 163–171), например, в Хаммат-Тивериаде В (III–VIII вв.) и Бет-Альфа (конец V –

начало VI в.). Это дает основание предполагать, что в Палестине в период поздней античности формируется особый изобразительный язык. В данной работе предпринимается попытка его анализа и стоящих за ним смыслов на примере одной конкретной мозаики из одного конкретного города.

Отправной точкой для нашего исследования послужила теория иконологии Эрвина Панофского, который предлагает по завершению анализа изображений проводить «иконологическую интерпретацию» (Панофски, 1999). Для того чтобы осуществить эту интерпретацию, необходимо сделать «доиконографическое описание» и «иконографический анализ». Описание изобразительного ряда панелей мозаики – краткий вариант доиконографического описания, т. е. ответ на вопрос «что мы видим?». «Иконографический анализ» – это интерпретация увиденного, в том числе с опорой на письменные источники. Иконографический анализ, отсылающий к определенным библейским сюжетам и образам, дополняет описание изобразительного ряда. Только после доиконографического описания и иконографического анализа следует приступить к «иконологической интерпретации». На этом этапе необходимо выйти за пределы синагоги в Сепфорисе и обратиться к изобразительному ряду других галилейских синагог, а также, *ad hoc*, к еврейскому искусству поздней античности (изображениям на каменных надгробных плитах, керамике, данным нумизматики и др.). Это позволяет сделать вывод о том, почему одни сюжеты транслировались в монументальном искусстве синагог, а другие опускались. Это помогает предположить, какое значение могли вкладывать создатели мозаичного пола синагоги Сепфориса в зодиакальный круг. Отметим, что мотив зодиакального круга изначально не был еврейским (например, зодиакальный круг из храма Хатхор в Дендере I в. до н.э., рельеф с персонифицированными знаками зодиака в храме Айос Элефтериос в Афинах, II–I вв. до н.э.).

Наконец, иконологический синтез тесно связан с поиском универсальных и культурных симптомов той эпохи, в которую создавалось изображение (Панофски, 1999). Эрвин Гуденаф, написавший фундаментальную работу о еврейских символах «*Jewish Symbols in Greco-Roman Period*», предполагает, что все, изображенное в синагогальном контексте, является символом. В синагогах мы встречаем одни и те же мотивы и сюжеты; синагога – особое пространство, оно должно оказывать эмоциональный эффект на находящегося в нем (Goodenough, 1989. P. 39). Таким образом, после описания изображенного на мозаичном полу сепфорской мозаики и установления реального смысла изображенного можно определить различные символы, распространенные в еврейском изобразительном искусстве поздней античности. Благодаря этому можно сделать вывод о ценностях и идеях иудеев, живших в эту эпоху.

Это, на первый взгляд, искусствоведческое исследование имеет значение и для археологии. На материале еврейской культуры предлагается метод,

который может быть использован для анализа любых археологических источников, содержащих изображения. Конечно, в первую очередь это касается письменных обществ, однако доиконографическое описание возможно и в случае бесписьменных культур.

Список литературы

- Чаковская Л. С., 2011. Воплощенная память о Храме: художественный мир синагог Святой Земли III–VI вв. н.э. М.: Индрик.
- Панофский Э., 1999. Смысл и толкование изобразительного искусства. М.: Академический проект.
- Brown P., 1976. The World of Late Antiquity. From Marcus Aurelius to Muhammad. London: Thames and Hudson.
- Goodenough E. R., 1989. Jewish Symbols in the Greco-Roman Period. Princeton: Princeton University Press
- Weiss Z., 2005. The Sepphoris Synagogue: Deciphering an Ancient Message through Its Archaeological and Socio-Historical Contexts. Jerusalem: Israel Exploration Society.

Особенности расположения фортификационных сооружений на территории Боспорского царства в римское время

Литвинова М. К.

Санкт-Петербургский государственный университет,

Санкт-Петербург

st067789@student.spbu.ru

Ключевые слова: *Боспорское царство, фортификации, римское время, Асандр, археологическая топография*

Расположение фортификационных сооружений Боспорского царства часто становилось предметом научных дискуссий. Несмотря на исследования по изучению расположения фортификаций (работы Г. В. Требелевой, Г. В. Гарбузова, А. А. Масленникова, Я. М. Паромова и А. А. Воронова) и результаты раскопок, в науке еще не сложилось точного мнения о том, как размещались эти сооружения в конкретной точке (Воронов, Паромов, 1990. С. 2–11; Гарбузов, 2003. С. 77–94; Требелева, 2006; Масленников, 2013. С. 105–132).

В данной работе мы рассмотрим принципы и особенности расположения фортификационных сооружений в Боспорском царстве в римское время.

Система обороны Боспорского царства сложилась во второй половине I в. до н. э. во время правления Асандра. Тогда были восстановлены разрушенные фортификации и возведены новые. Все это оформилось в оборонительную

систему, включавшую в себя несколько типов сооружений: города с крепостными стенами (Пантикапей, Фанагория, Танаис, Горгиппия, Киммерик, Тиритака, Китей), крепости (Белинское, Савроматий, Илурат, цитадели Артезиана, Раевское городище), крепости-батарейки (Батарейки I и II, Патрейская батарейка, Кучугуры II, Каменная батарейка, Красноармейское I, батарейка на Ильичевском городище), дома-башни (поселения у хутора Рассвет, станции Анапской, села Владимировка, микрорайона Цемдолина в Новороссийске, Джемете), укрепленные усадьбы (резиденция Хрисалиска, дом на Семибратнем городище, Юбилейное I) и валы (Акмонайский, «Безкровного» (Чокракский), Кояшский, Акташский, Тиритакский и Узунларский).

Для каждого из этих типов характерен набор определенных признаков, но мы не будем рассматривать их подробно в данной статье.

Оборонительные сооружения располагались на территории Боспора в зависимости от местности, и связаны они с рельефом и системой коммуникаций. Рассмотрим этот вопрос более подробно.

Во-первых, все зависело от естественной укрепленности местности. Для азиатского Боспора характерен равнинный рельеф, а также изрезанная береговая линия, изобилующая заливами, лиманами, песчаными косами. Между тем как для европейского Боспора характерен степной ландшафт, однако также имеются гряды холмов.

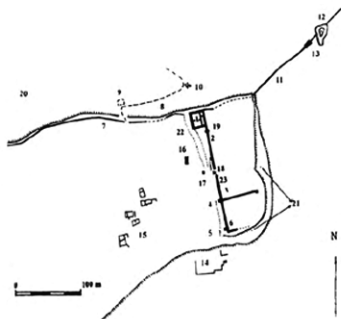
Античные строители выбирали для строительства укреплений возвышенные поверхности. Это можно проследить на примере Киммерика, который находится возле г. Опук. Цитадель Киммерика располагалась прямо на возвышенности, что позволяло успешно отражать атаки врагов (рис. 1: 1). Также использование природных преград, в частности горных хребтов, давало возможность улучшить оборону поселения без строительства каменных стен (или, в случае азиатского Боспора – сырцовых). Оборонительные валы строились в основном на территории европейского Боспора.

Во-вторых, среди ученых существует мнение, что при выборе мест для конкретных поселений древние строители стремились размещать их в наиболее красивых местах Таманского полуострова. Обычно это возвышенный берег моря, основание песчаной косы, подножие высокого холма (Воронов, Паромов, 1990. С. 9).

В-третьих, стоит отметить систему коммуникаций Боспорского царства. На азиатском Боспоре она появилась во II в. до н.э. (Паромов, 1998. С. 216), тогда как на европейском Боспоре система оформилась лишь во II в. н.э. (Зубарев и др., 2018. С. 102). На обоих берегах Боспора система коммуникаций включала в себя несколько типов дорог: главные дороги, которые вели к городам, и дороги между поселениями.

Возле важных точек основных дорог государства сооружались башни. Эти башни могли служить убежищем, как, например, дом-башня у ст. Анапской

1

2

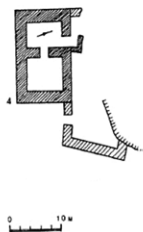

Рис. 1. Планы оборонительных сооружений Боспорского царства:

1 – цитадель на г. Опук и «Восточная стена» (по: Голенко, 2006. С. 320);

2 – дом-башня у ст. Анапской (по: Паромов, 2001. Ч. 1. С. 82).

возле Горгиппии. Также это могли быть крепости: возле Пантикапея находится Илурат, крупное поселение, по форме напоминающие римский лагерь. Это могла быть стратегически важная территория, особенно много башен было расположено на путях к переправам между европейским и азиатским Боспором. Необходимо подчеркнуть, что развитые системы коммуникации не могли существовать без должной охраны. Таким образом, благодаря развитию системы безопасности дорог, увеличивалась торговля в Боспорском царстве и за его пределами.

В-четвертых, существовали оборонительные рубежи, охранявшие Боспор от кочевников. Это можно проследить на примере города-крепости Танаиса. Он был достаточно укреплен для того, чтобы избежать натиска врага. Однако в IV в. н.э. во время вторжения готов на территорию Боспора город пал.

Таким образом, на примерах различных фортификационных сооружений мы попытались определить особенности их расположения. В основном фортификации сооружались с учетом особенностей рельефа и местности, на важных точках коммуникаций и в особенно красивых местах.

Список литературы

- Воронов А. А., Паромов Я. М., 1990. Планировочные принципы расселения на Таманском полуострове в античную эпоху // *Архитектурное наследие.* № 37. С. 2–11.
- Гарбузов Г. П., 2003. Анализ пространственного размещения крепостей Фанталовского полуострова) // *Древности Боспора.* Вып. 6. С. 77–94.

- Голенко К.В., 2006. Древний Киммерик и его округа. Симферополь.
- Зубарев В.Г., Смекалов С.Л., Ярцев С.В., 2018. Основные дороги Европейского Боспора в римский период // Боспорские исследования. № 36. С. 100–117.
- Масленников А.А., 2013. Сельская территория Европейского Боспора в эпоху позднего эллинизма (статистика и топография) // Проблемы истории, филологии и культуры. № 4. С. 105–132.
- Паромов Я.М., 1998. Главные дороги Таманского полуострова // Древности Боспора. № 1. С. 216–225.
- Паромов Я.М., 2001. Укрепленные дома Азиатского Боспора // Боспорский феномен. Ч. 1. С. 79–85.
- Требелева Г.В., Применение анализа видимости при исследовании системы обороны Таманского полуострова. Электронная версия <https://www.archaeolog.ru/media/periodicals/agnosis/AGIS-3/Trebeleva/page1.html>

Вопросы хронологии Маркульского городища в свете новых открытий 2021 г.

Юрков В.Г., Клемешова М.Е., Требелева Г.В.

Институт археологии РАН, Москва

vladlen.yurkov.v@mail.ru, marinaklem@mail.ru, trgv@mail.ru

Ключевые слова: *Античность, Средневековье, Причерноморье, пифосы, цебельдинская культура, Маркульское городище*

Маркульское городище расположено в Очамчирском районе республики Абхазия, датируется IV в. до н.э. – XIV в. н.э. (Требелева, 2019).

В ходе полевого сезона 2021 г. на юго-западном склоне плато был обнаружен провал, на месте которого был заложен небольшой раскоп. В ходе работ было выявлено пять пифосов *in situ* (рис. 1): четыре полностью восстанавливаемых и нижняя половина пятого. Под пифосами было обнаружено погребение с инвентарем. Ориентация погребения – северная, инвентарь представлен пятью сосудами и железным копьем, по которым захоронение датировано рубежом эр. Ниже погребения были обнаружены следы поселения эллинистического времени: черепица, керамическая посуда, шлаки. Итоговая глубина раскопа составила 4 м у северо-восточного борта и 3 м у юго-западного. Разница глубины обусловлена рельефом. Работы фиксировались как в традиционной форме, так и в цифровой: послойно проводилась фотограмметрическая съемка процесса раскопок, были отсняты целые сосуды, получены их 3D модели. Применение фотограмметрии, кроме наглядности, позволяет работать с объектами и их метрическими данными без непосредственного доступа к ним.

Обратимся к находкам. Помимо пифосов, *in situ* было обнаружено еще 16 венчиков пифосов, пять донцев и четыре целых горла. Среди представленных

1

2

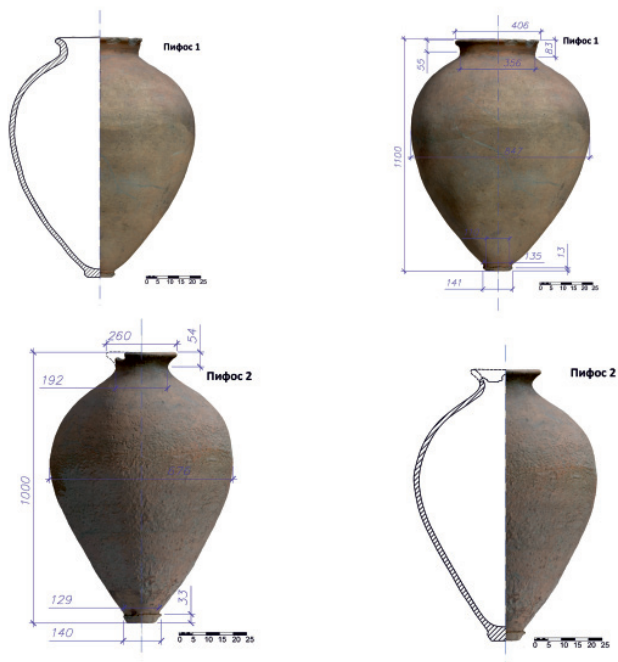

Рис. 1. Пифосы из провала на склоне плато Маркульского городища in situ: 1 – фотография; 2 – фотограмметрические модели целых пифосов с размерами и в разрезе

венчиков 16 относятся к типу пифосов с прямым венчиком, а четыре – к типу пифосов с отогнутым венцом. Первая разновидность относится к средним векам, в то время как вторая – к античному времени. Это говорит нам о долгом функционировании склада и о том, что нижняя дата времени существования склада пифосов – не позднее III в. н.э. На одном из пифосов было обнаружено 8 клейм, среди которых можно выделить два типа. Один из них находит аналогии в более ранних находках на данном городище и присутствует на находках в крепости Мамай-кале в районе г. Сочи (Сизов, 1889. С. 7).

Был проведен технико-технологический анализ фрагментов пифосов, найденных *in situ*, по методике, разработанной А.А. Бобринским (Бобринский, 1978; 1999).

Обобщая полученные результаты, можно сказать следующее. Исходное пластичное сырье и составы формовочных масс (далее – ФМ) исследованных сосудов не идентичны, но близки по своим характеристикам. Во всех случаях отмечается использование средне- или сильнозапесоченной глины, смешанной с полиминеральным песком небольшой размерности с большим количеством рудного минерала, и состав ФМ «глина + песок». Это позволяет предполагать, что все сосуды были произведены в одном геологическом районе. В трех случаях есть основания предполагать присутствие введенного в формовочную массу органического раствора (у пифосов № 3–5, предположительно относимых к эпохе Средневековья). Сходство проявляется в режиме и температуре обжига (в окислительной атмосфере, при t около 850 °С, до полного прокала стенок пифосов), количестве искусственно вводимого в состав ФМ песка – в концентрации около 1:4–1:5. Это указывает на изготовление их в рамках одной и той же гончарной традиции отбора исходного пластичного сырья, составления формовочных масс и обжига изделий.

Наибольшее сходство в технологических особенностях и форме наблюдается между пифосами № 1 и 2, предположительно относимых к позднеантичному времени. Наиболее отличен от остальных пифос № 3 с клеймами.

Работы 2021 г. позволяют нам получить диахронный срез почти всего времени существования городища, в котором наблюдается хронологический разрыв. На месте кладбища был построен продовольственный склад. Ранее данный разрыв нами однозначно не фиксировался. Погребение под пифосами датируется рубежом эр, в то время как пифосы датируются III в. н.э. Поэтому мы можем предположить, что население покинуло городище в I в. н.э. и вернулось лишь в III в. В общенсторическом контексте событий на данной территории, мы видим, что глобальные разрушения и войны, которые могли привести к гибели и опустению поселений, проходили на рубеже эр. Гибнет Эшерское городище (Шамба, 1980. С. 60), в работах Плиния Старшего мы находим свидетельство о том, что «богатейший город Питиус был

разграблен гениохами» (NH. VI. 16), по стратиграфическим данным исследований в Сухуме на рубеж эр приходится следы пожара и самые слабые следы культурного слоя в целом (Шамба, 2005. С. 85). В III в. н.э. во время готско-сарматских войн население с побережья стало искать убежище на возвышенностях (Zos. I, 32). Возможно тогда и появляется новое население на городище, которое строит здесь оборонительные сооружения и исследованный склад, находящийся между первой и второй линиями обороны. Городище и склад функционируют весь средневековый период. Схожесть пифосов из склада говорит нам о существовании в этот период местного гончарного производства в близлежащих районах.

Список литературы

- Сизов В. И., 1889. Восточное побережье Черного моря // Археологические экскурсии. Выпуск II / под ред. графини Уваровой. М.
- Требелева Г. В., 2019. Маркульское городище в Восточной Абхазии // Новые археологические проекты: Воссоздавая прошлое / под ред. Н. А. Макарова. М. С. 144–147.
- Бобринский А. А., 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука.
- Бобринский А. А., 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: коллективная монография / науч. ред. А. А. Бобринский. Самара. С. 5–109.
- Шамба Г. К., 1980. Эшерское городище (Основные результаты археологических раскопок 1968, 1970–1977 гг.). Тбилиси: «Мецниереба».
- Шамба Г. К., 2005. Древний Сухум. Сухум: «Алашара».
- Зосим. Новая история / под ред. Н. Н. Болгова. Белгород: Издательство БелГУ, 2010.

Средневековье

Редкое глазурованное блюдо XII в. из Пенджикента

Аминов Ф. Ш.

Институт истории материальной культуры РАН,

Санкт-Петербург

firuzaminov@gmail.com

Ключевые слова: домонгольский Пенджикент, Средняя Азия, локальная глазурованная керамика

Регулярное археологическое изучение домонгольского Пенджикента, находящегося в восточной части современного города, было начато в 2015 г. Пенджикентской археологической экспедицией (Государственного Эрми-

тажа и Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАН Таджикистана; рук. эксп. П.Б. Лурье и Ш.Ф. Курбанов) (Аминов, 2016. С. 22–26). Поскольку культурные слои этого периода располагаются под плотной современной застройкой, работы ведутся путем шурфовок и небольших раскопок. За это время было раскопано ок. 400 кв. м площади, выявлены жилые и хозяйственные сооружения. Эти археологические работы направлены на подробное исследование материальной культуры домонгольского поселения (или небольшого города) Пенджикента. Одной из самых массовых категорий находок является глазурованная керамика.

Глазурованная керамика Средней Азии очень хорошо изучена и опубликована на материалах Самарканда, Бинката, Ферганы, Термеза и Хульбука. Пенджикентская глазурованная керамика находится на начальной стадии исследования. Уже изучена глазурованная керамика Пенджикента IX – начала XI вв., которая относится к самаркандским типам глазурованной керамики (материалы в печати). По данным наших наблюдений, с начала второй четверти XI в. в Пенджикенте появляются локальные типы глазурованной керамики, которые сосуществуют с лепной расписной керамикой (Аминов, 2020а). Одной из целей наших исследований является дальнейшее выявление типов глазурованной керамики местного производства и их научная публикация.

Данная работа посвящена одному уникальному глазурованному блюдцу локального происхождения. Задачами работы являются описание формы и орнаментации, приведение аналогий и датировка данного предмета. Рассматриваемый сосуд впервые вводится в научный оборот (рис. 1). Блюдце было найдено в 2019 г. на объекте Куктош 2 (домонгольский Пенджикент), в шурфе 6, в заполнении первого (верхнего) пола помещения 1 (Аминов, 2020б. С. 46–48).

Диаметр блюдца 21 см, высота 5 см, высота с ножками 11 см. Сохранился его фрагмент, по которому произведена реконструкция. Блюдце на дисковидном поддоне изготовлено на гончарном круге. Невысокие цилиндрические стенки заканчиваются широким бортиком, отогнутым наружу. Снизу на поддон и придонную часть стенок наклеплены три ножки (сохранились две из них). Ножки лепные, местами выровнены ножом. В Средней Азии и на Ближнем Востоке известно несколько сосудов с тремя ножками, но они имеют значительные отличия от рассматриваемого блюда. Несколько глазурованных чаш IX–X вв. с ножками имеется среди материалов Афрасиаба, Пайкенда и Самарры (Шишкина, 1979. Табл. XLI, 6; XLIII, 5, 7; XLVIII, 15; XLIX, 6), но по форме самого сосуда и ножек, орнаментации и хронологии они имеют значительные отличия от нашего блюда. Таким образом, точных аналогий по форме и орнаменту среди материалов синхронных среднеазиатских памятников не имеется.

Рис. 1. Пенджикент. Глазурованное блюдо XII в.

Технологически сначала поверхность блюда была покрыта белым ангобом, затем нанесена прозрачная глазурь. Поверх глазури черным, зеленым и коричневым изображен геометрический орнамент. По борту нарисована широкая лента, внутри которой вписаны почти квадратные фигуры с крестом. Крест разделяет квадраты на четыре треугольника, которые, в свою очередь, симметрично закрашены зеленой и коричневой краской. На стенках под лентой изображен ряд зеленых крапин, такими же крапинами в виде круга с точкой в середине оформлен центр блюда. Наружная поверхность блюда украшена широкими полосами черного, белого и красного ангоба. Нужно отметить низкое качество орнамента, отсутствие точных линий. Краски иногда выходят за границы крестообразных фигур и перекрывают их линии. Подобная простота

и непрофессиональное оформление глазурованной керамики часто наблюдаются в локальной керамике Пенджикента.

В производстве глазурованной керамики Пенджикента со второй четверти XI в. наблюдается частое использование коричневого цвета – коричневого ангоба под прозрачной глазурью и коричневой глазури непосредственно. Черный цвет в это время выступает эскизом для разных орнаментаций и никогда не используется в качестве фона. В XII в. сочетание коричневого, зеленого и черного цветов для украшения глазурованных сосудов Пенджикента – явление очень распространенное.

В Пенджикенте и его округе найдено несколько фрагментов глазурованных сосудов, по цветовой гамме и стилю декорирования имеющих параллели рассматриваемому блюду. Учитывая распространение подобного орнаментального стиля в Пенджикенте и отсутствие аналогий ему среди других синхронных памятников Средней Азии, логично считать его, и, в частности, исследуемое блюдо, локальной пенджикентской продукцией.

Дальнейшее исследование керамических комплексов домонгольского Пенджикента, несомненно, выявит новые типы глазурованной керамики местного происхождения.

Список литературы

- Аминов Ф.Ш., 2016. Отчет о раскопках на объекте Стадион в 2015 г. // МПАЭ. Вып. XIX / под. ред. П.Б. Лурье. СПб. С. 22–26.
- Аминов Ф.Ш., 2020а. Расписная керамика средневекового Пенджикента // Археологические Вести. Вып. 27. С. 153–174.
- Аминов Ф.Ш., 2020б. Археологические исследования домонгольского Пенджикента в 2019 г. // МПАЭ. Выпуск XXIV / под. ред. П.Б. Лурье, Н.В. Семенова. СПб. С. 42–51.
- Шишкина Г.В., 1979. Глазурованная керамика Согда (вторая половина VIII – начало XIII в.). Ташкент: «Фан».

Динамика заселения бассейна р. Моква в IX–XIII вв.

Балашов А.А.

Курский государственный университет, Курск

2012balashov@gmail.com

Ключевые слова: *роменская культура, Древняя Русь, система расселения*

Полномасштабное обследование верховьев р. Моква (правый приток р. Сейм, левый приток р. Десна, Днепровский бассейн) было начато в 2013 г. сотрудниками Курского государственного областного музея археологии. В результате в районе д. Моква 1-я (Курский р-н, Курская обл.)

были открыты два поселения, датированные А. В. Симоненковым концом X–XIII в. (Симоненков, 2018. С. 196). С 2017 г. правобережье р. Моква исследовалось разведывательным отрядом Посемьской археологической экспедиции Курского государственного университета. На сегодняшний день на участке протяженностью 12,7 км вдоль правого берега реки выявлено 10 многослойных поселений, на шести из которых зафиксированы отложения IX–X вв., а на восьми – XI–XIII вв. (рис. 1).

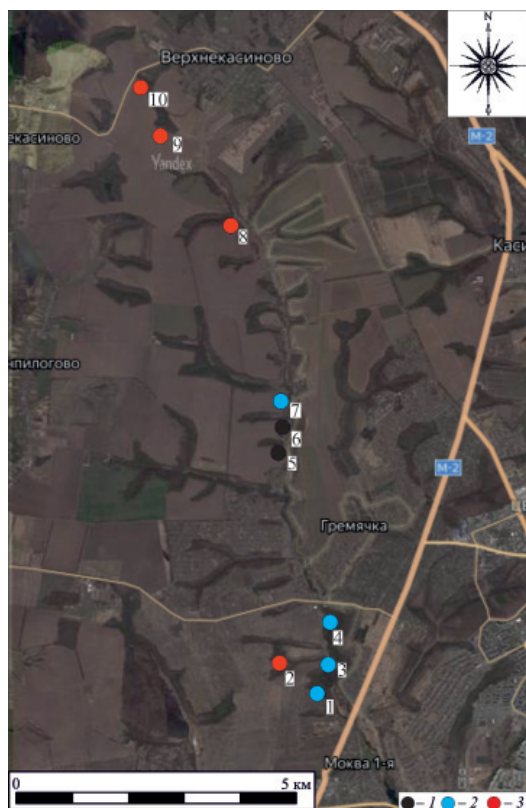

Рис. 1. Поселения IX–XIII вв. в бассейне р. Моква: 1 – Моква 1-я, поселение 5; 2 – Моква 1-я, поселение 2; 3 – Моква 1-я, поселение 1; 4 – Моква 1-я, поселение 4; 5 – Гремячка, поселение 1; 6 – Гремячка, поселение 2; 7 – Гремячка, поселение 3; 8 – Верхнекасиново, поселение 3; 9 – Верхнекасиново, поселение 2; 10 – Верхнекасиново, поселение 1. 1 – однослойное поселение роменской культуры; 2 – поселение со слоями роменского и древнерусского времени; 3 – однослойное поселение XI–XIII вв.

Напластования роменской культуры были отмечены на шести памятниках, которые, исходя из географических условий, можно разделить на два микрорегиона: Моковский и Гремяченский. Первый, состоящий из трех поселений, расположен в непосредственной близости от д. Моква 1-я. Памятники находятся на расстоянии от 0,4 до 0,7 км друг от друга, занимают соседние мысы и разделены между собой залесенными балками. По всей видимости, функцию центра, к которому тяготели два более мелких «хутора», исполняло Моква 1-я, поселение 1 (рис. 1: 3). Существенным дополнением для его датирования, помимо представительной коллекции лепной посуды IX–X вв., является находка обрезанного саманидского дирхема (эмир Наср б. Ахмад, халиф ал-Муктадир, чекан Андераба (305 г.х./ 917–918 гг.); определение В.П. Лебедева), обнаруженного А.В. Симоненковым в 2013 г. (Симоненков, 2015. С. 272).

В 3,5 км вверх по течению р. Моква расположено второе гнездо поселений, состоящее из трех многослойных памятников. Подъемный материал с поверхности двух из них (рис. 1: 6, 7) представлен фрагментами керамики эпохи бронзы и раннекруговой посуды. Практика использования последней в быту известна в древностях северян начиная с IX в. (Ляпушкин, 1958. С. 44). В Посемье наличие в культурном слое обломков таких сосудов является хронологическим маркером, отмечающим финальный этап роменской культуры (Веретюшкин, 2010. С. 303), исходя из чего возникновение этих «хуторов» можно отнести к концу X в. Особенностью этой агломерации является наличие крупного (6,3 га) многослойного поселения (рис. 1: 7). Здесь, помимо многочисленных обломков лепных и раннекруговых роменских сосудов, были встречены следы металлургического производства: куски металлического шлака, фрагменты криц.

Согласно А.А. Узянову, спецификой расселения Посемья в IX–X вв. является концентрация неукрепленных поселений вокруг городищ. В то же время исследователь не отрицал, что отдельные гнезда могут состоять только из неукрепленных памятников (Узянов, 1993. С. 89). По всей видимости, иллюстрацией этого предположения является ситуация, сложившаяся в бассейне р. Моква. На обследуемом участке городища отсутствуют, а ближайшими к открытым памятникам являются Большое Лукино (р. Большая Курица, наименьшее расстояние от крайнего северного поселения – 6,2 км) и Шуклинка (р. Тускарь, наименьшее расстояние 11,3 км). Ранее в Курской области аналогичная ситуация была зафиксирована только по р. Реут (левый приток р. Сейм). Вероятно, особенности в структуре заселения правобережья р. Моква в догосударственный период, не являясь типичными для северян, служили формированию целостного заселения территории Посемья (Енуков, 2005. С. 62).

Историческая судьба Моковского и Гремяченского гнезд похожа. В XI–XIII вв. вокруг центров агломераций образуются новые поселения. Однако если Моковский микрорегион остается практически в прежних пределах, то Гремяченский разрастается в длину с 1,5 до 6 км. В целом ситуация, сложившаяся на правом берегу р. Моква в древнерусское время, не характерна для Посемья, где в этот период число поселений резко сокращается, а население концентрируется в хорошо укрепленных и относительно многолюдных «градах» (Кашкин, Узянов, 1990. С. 81). Наиболее близкую динамику расселения демонстрируют лесная зона Смоленского княжества и земли вятичей, где в XI–XIII вв. количество неукрепленных памятников увеличивается втрое по сравнению с IX–X вв. (Куза, 1985. С. 100, 101). По всей видимости, урбанизационный процесс в Посемье в домонгольский период сменил свой вектор: от небольших селищ, тяготеющих к городищам, к обширным неукрепленным поселениям с признаками городской жизни (Енуков, Енукова, 2016. С. 7).

Список литературы

- Веретюшкин Р.С., 2010. Раннекрюговая керамика в славяно-русских древностях Посемья // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 5. Липецк: РИЦ ФГБОУ ВПО «ЛГПУ». С. 296–303.
- Енуков В.В., 2005. Славяне до Рюриковичей. Курск: Учитель.
- Енуков В.В., Енукова О.Н., 2016. О новом типе урбанизационных образований Древней Руси // Ученые Записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. № 1 (37). Электронный ресурс. <http://scientific-notes.ru/#new-number?id=42> (дата обращения: 18.01.2022).
- Кашкин А.В., Узянов А.А., 1990. Северо-восточный рубеж Посемья // Питання археології Сумщини. Матеріали науково практичної конференції «Проблеми вивчення і охорони пам'яток археології Сумщини». Суми. Квітень 1989 року. Суми. С. 78–83.
- Куза А.В., 1985. Неукрепленные поселения // Древняя Русь. Город, замок, село (Археология СССР с древнейших времен до средневековья. Т. 15). М.: Наука. С. 96–104.
- Ляпушкин И.И., 1958. Городище Новотроицкое. О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства. МИА № 74.
- Симоненков А.В., 2015. О работе разведывательного отряда Курского государственного областного музея археологии в 2013 г. // Археологические открытия 2010–2013 годов. М.: ИА РАН. С. 272
- Симоненков А.В., 2018. Хронология древнерусских памятников Моква 1-я (поселение 1, поселение 2) // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Вып. 5. Междуречье Днестра и Дона: пересечение культур. Курск. С. 195–203.

Узянов А. А., 1993. Освоение среднерусской возвышенности славянами в раннем средневековье // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. М: ИА РАН. С. 79–97.

Железные кресты из материалов могильника Гоуст (раскопки В. И. Долбежева 1889 г.)

Гончаров С. А.

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
«Музейное объединение «Музей Москвы»,*

Москва

goncharov.serafim@yandex.ru

Ключевые слова: *железные кресты, кресты византийско-кавказского типа, аланская археологическая культура*

Публикация и осмысление музейных коллекций, ранее не введенных в научный оборот, являются важными направлениями археологических исследований. Данная работа посвящена двум железным крестам из раскопок В. И. Долбежева в 1889 г. у селения Гоуст в Ингушетии. Они хранятся в фондах Государственного исторического музея.

В 1889 г. В. И. Долбежев в ходе исследований на территории Ингушетии и Чечни, порученных ему Императорской Археологической комиссией, обнаружил могильник у поселения Гоуздка (совр. Гоуст). В ходе первых работ им было открыто несколько погребений эпохи Средневековья. К сожалению, в своей публикации исследователь не разделил эти погребения по комплексам и не дал иллюстрации находок (ОАК, 1890. С. 72). Среди предметов были и представленные здесь железные кресты (рис. 1). В 1890 г. В. И. Долбежев продолжил работы на могильнике и открыл еще 12 катакомб. Материалы раскопок были переданы в ГИМ и Эрмитаж.

На сегодня существует обширная историография, касающаяся железных крестов как отдельной категории находок. Отмечается, что железные кресты с втоком, крюком или втулкой встречаются как на территории Кавказа, так и на территории Крыма и Балканского полуострова (Чхаидзе, 2019. С. 285–288). Кресты из Гоуста, раскопанные в 1898 г., до сих пор не были введены в научный оборот и не учитывались в литературе.

Сегодня происхождение железных крестов с характерными втоками или крюками связывается с традицией процессуальных крестов, которая впоследствии трансформировалась в практику вотивных подношений в храмах, а также в отдельный языческий культ креста на Кавказе (Малахов, 2013. С. 36–58). В археологической литературе отмечается некорректность термина кресты «византийско-кавказского типа», так как

Рис. 1. Железные кресты из могильника Гоуст

находки подобных крестов известны в Крыму и на Балканах. Взамен ему предлагается термин кресты «византийского типа» (Мусин, 2015. С. 191–206). Сегодня наиболее успешной считается классификация крестов, основанная как на морфологии предметов, так и на технологии их производства (Василенко и др., 2017). Датировка крестов держится в пределах X–XIV вв. и даже XVI–XVIII вв. (Чхаидзе, 2019. С. 288).

Теперь обратимся к описанию находок из раскопок В.И. Долбежева.

Крест № 1 (рис. 1: 1). Кованый крест с расширенными на концах ветвями и острием-втоком на клиновидной удлиненной нижней ветви. Окончание верхней ветви представляет собой раскованный овал, а боковых ветвей – раскованные неровные трапеции, обращенные вершиной к центру креста. На нижней ветви креста расширения не прослеживаются.

Крест № 2 (рис. 1: 2). Фрагмент кованого креста. Нижняя и одна из боковых ветвей сохранились не полностью. Окончание верхней ветви представляет собой раскованный овал. Конец боковой ветви также расклепан, но в достаточно аморфную форму. Соединение разных ветвей проводилось сковкой, следы которой хорошо заметны.

Крест № 1 можно отнести к типу 1 («цельнокованые» кресты) (Василенко и др., 2017). Место в типологии креста № 2 пока определить сложно.

Для того чтобы определить датировку этих предметов, необходимо обратиться к другим материалам могильника Гоуст. Изучение коллекций ГИМ позволяет считать нижней датой могильника конец VII – начало VIII в. На это указывают находки ранних форм Т-образных шарнирных фибул с кнопками на концах и геральдической ременной гарнитуры, происходящие из одного комплекса с характерными для VIII в. солярыными амулетами и U-образными поясными накладками. Верхнюю дату могильника можно определить в пределах XIV в. по характерным височным кольцам и серьгам с петлей на конце. В историографии считается, что железные кресты на Кавказе появляются в X в. (Чхаидзе, 2019. С. 288). Таким образом, кресты из Гоуста можно датировать в пределах X–XIV вв.

Интересна находка подобных крестов именно в могильнике Гоуст. По данным раскопок 1890 года можно предположить, что железные кресты были найдены в скальной катакомбе с большим количеством вещей, что характерно для языческого обряда. Тогда как большая часть находок железных крестов связана с христианскими храмами и с могильниками без инвентаря вокруг них (Чхаидзе, 2019. С. 286–288).

В заключение хотелось бы отметить, что некоторые типы крестов (как, например, сделанные из проволоки или небольшие кресты с подтреугольными расширениями) характерны только для определенных территорий (Крым, Абхазия). Представляется, что дальнейшее детальное исследование кавказских материалов может привести к выявлению хронологических и территориальных различий железных крестов на Северном Кавказе.

Список литературы

- Василенко Д. Э., Пьянков А. В., Хушт М. А., 2017. К вопросу о типологии и времени бытования железных крестов византийско-кавказского типа // Православие в истории и культуре Северного Кавказа: вопросы источниковедения и историографии. Материалы VII Международных Свято-Игнатиевских чтений. Вып. I. С. 14–25.
- Малахов С. Н., 2013. Культ креста у горцев Северного Кавказа: язычество или христианская традиция? // Актуальные вопросы истории христианства на Северном Кавказе. Материалы V международных Свято-Игнатиевских чтений. С. 36–62;

- Мусин А.Е., 2015. Металлические кресты // Древности Семидворья I. Средневековый двухапсидный храм в урочище Еди-Евлер (Алушта, Крым): исследования и материалы / отв. ред. и сост. И.Б. Тесленко, А.Е. Мусин. Археологический альманах, № 32. Киев: ИД «Антиквар». С. 189–218.
- Отчет Императорской Археологической комиссии за 1889. СПб., 1892.
- Чхаидзе В.Н., 2019. Кресты Алании (X–XIII вв.) // Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю. История и искусство христианской Алании. М. С. 282–298.

О новых находках монет Дерптского епископства в Псковской области

Горлов К.В.

*Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург
gorlov2018@yandex.ru*

Ключевые слова. Псковская республика, Дерптское епископство, артиг, монеты

Летом 2020 г. в ходе нелегального поиска археологических артефактов на северном берегу Псковского озера в районе деревни Липно был обнаружен комплекс из семи артигов¹ Дерптского епископства. Остатки какой-либо упаковки как будто зафиксированы не были. Поверхность денежных знаков покрывал плотный слой окислов черного цвета. Осенью того же года автору публикации для изучения были переданы четыре монеты. Судьба еще трех экземпляров осталась неизвестна.

Атрибуция полученных артигов показала их принадлежность эмиссии епископа Дитриха III Дамерова 1390–1400 гг. По классификации Гуннара Хальяка монеты относятся к типам 491, 494b, 195 (рис. 1: 1–4; табл. 1, 1–4). Их лицевая сторона несет оплечное изображение епископа в митре, окруженное легендой типа TIDERIEUS EPUS между двумя точечными ободками. Обратная сторона включает композицию из скрещенных меча и ключа, над которыми расположен элемент фамильного герба епископа в виде ветви. Между рукоятями меча и ключа на трех экземплярах присутствует символ в виде кружка. Рельефы опоясывает легенда MONETA TARBAT между двумя ободками. По словам находчика, на реверсе трех оставшихся недоступными для изучения артигов также

¹ Артиг – серебряная монета, отчеканенная впервые в Швеции при Альбрехте Мекленбургском (1363–1389). Денежные знаки данного номинала чеканились также магистрами Ливонского ордена и епископами Дерпта во второй половине XIV – первой четверти XV в. с весом 1,1–1,2 г (Гладкий, 2010. С. 15).

Рис. 1. Артефакты Дерптского Епископства Дитриха III Дамерова 1390–1400 гг., найденные в Псковской области в 2021 г.

Таблица 1. Атрибуция и результаты XRF артефактов Дерптского епископства Дитриха III Дамерова. Тип монет указан на основании классификации Гуннара Хальяка (Haljak, 2010).

№/ Место находки	Тип	Дата чеканки	Вес	XRF					
				Точка отбора	Ag	Cu	Pb	Au	As
1/ Липно	Н-491	1390–1395	1,080	Поверхность л. с.	89,71	7,66	1,61	0,54	0,48
				Поверхность о. с.	91,1	6,41	1,63	0,50	0,36
				Шурф о. с.	34,7	64,0	1,15	0,26	
2/ Липно	Н-494b	1396/6	0,940	Поверхность л. с.	89,70	6,69	0,64	0,55	
				Поверхность о. с.	90,27	6,54	2,27	0,92	
				Шурф о. с.	33,3	65,3	1,38	0,33	
3/ Липно	Н-494b	1396/6	0,915	Поверхность л. с.	89,7	6,40	3,17	0,73	
				Поверхность о. с.	87,85	7,66	3,92	0,57	
				Шурф о. с.	34,2	64,1	1,63	0,24	
4/ Липно	Н-495	1396–1400	0,880	Поверхность л. с.	90,38	6,53	2,39	0,7	
				Поверхность о. с.	92,45	5,13	1,70	0,72	
				Шурф о. с.	37,5	60,8	1,61	0,24	
5/ Портяниково	Н-496	1396–1400	0,790	Поверхность л. с.	91,32	6,17	1,90	0,61	
				Поверхность о. с.	92,04	5,13	2,19	0,64	
				Шурф о. с.	43,8	54,3	1,82	0,32	

присутствовали дополнительные знаки в виде ветвей и кружков, что позволяет отнести их к чеканке Дитриха III Дамерова. Вероятнее всего данный комплекс из семи монет следует считать потеряннм кошельком, состав которого мог сформироваться во второй половине 90-х гг. XIV в.

Сплав металла четырех артигов был изучен при помощи рентгенофлуоресцентного анализа². С каждого экземпляра снимались по три спектра: два – с поверхностей лицевой и оборотной сторон³ и один – из микрошурфа. В результате измерений на поверхности всех монет было зафиксировано высокое содержание серебра: около 90%. В микрошурфах доля серебра составляла 33–37%, при 60–65% меди. Повышенное содержание драгоценного металла на поверхности денежных знаков объясняется как частичным вымыванием окислов меди природными кислотами в процессе археологизации, так и процедурой «отбеливания» монетных заготовок на одном из этапов их производства (Морозов, 2016. С. 258–272). Показатели качества сплава, полученные из микрошурфов, близки с опубликованными данным о пробе дерптских артигов конца XIV в., чеканенных из биллона (Leimus, 2012. С. 81, 87, 88).

Еще один артиг Дитриха III Дамерова, выпущенный в Дерпте около 1396–1400 гг., был обнаружен в окрестностях деревни Портянниково примерно в трех километрах к северу от центра Пскова (рис. 1: 5). Рентгенофлуоресцентный анализ сплава монеты также показал присутствие на поверхности более 90% серебра, в микрошурфе содержание драгоценного металла уменьшилось до 43,8% (табл. 1: 5).

Появление денежных знаков Дерптского епископства в землях Псковской республики может быть связано с использованием здесь с 1409 по 1425 г. валюты Ливонии в качестве официального внутреннего средства расчета (Молвыгин, 1963. С. 383–387; Бауер, 2014. С. 376, 391, 392, 397). В летописных текстах о данном событии содержатся следующие сведения: «Тоя же зиме въ Пскове отложиша коунами торговати и начаша пенязми торговати» и «Того же лета псковичи отложиша пенязми, артугы торговати, и приставиша мастеров денги ковати в чистом серебре» (Псковские летописи, 1955. С. 35, 39). До недавнего времени этот период в истории денежного обращения Пскова рассматривался только на основании анализа письменных источников.

Время выпуска части найденных в Пскове и Псковской области монет Дерпта и Ревеля может указывать на их проникновение в пределы республики уже в конце XIV столетия в результате торговых контактов. Следует

² Рентгенофлуоресцентный анализ (XRF) проведен в Отделе научно-технологической экспертизы Государственного Эрмитажа, в Лаборатории технико-технологических исследований. Artax 400.

³ Перед проведением рентгенофлуоресцентного анализа коррозионные наслоения с поверхности монет были удалены в Лаборатории консервации ИИМК РАН.

подчеркнуть обнаружение семи артигов в виде одного комплекса, представляющего, вероятно, наполнение потерянного кошелька. Данная находка может указывать на распространённость ливонских монет в Псковских землях еще до начала их «официального» обращения в 1409 г. Дальнейшее накопление базы находок ливонских монет в пределах Псковской республики позволит создать надежную источниковую базу, дополняющую историю торговых контактов и особенностей местного денежного обращения.

Работа выполнена в рамках плановой темы «Развитие методики учета, хранения, научного описания и актуализация археологических коллекций, находящихся на хранении в ИИМК РАН» FMZF-2022-0017.

Список литературы

- Бауер Н.П., 2014. История древнерусских денежных систем IX в. – 1535 г. М.: ООО «Русское слово».
- Гладкий В.Д., 2010. Словарь нумизмата. М.: Центрполиграф.
- Молвыгин А.Н., 1963. Номиналы мелких монет Ливонии с середины XIII до второй половины XVI вв. и некоторые вопросы денежного дела Новгорода и Пскова // Известия академии наук Эстонской ССР. Вып. 4. С. 379–388.
- Морозов А.А., 2016. Особенности исследования металла средневековых монет из биллона // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. Вып. 2. М.
- Псковские летописи. Выпуск второй. М., 1955. С. 258–272.
- Haljak G., 2010. Livonian Coins XIII–XVIII Century. Part I: Feudal States. Livonian Coins from XIII–XVI Century.
- Leimus I., 2012. Das Darlehen des Ordensmeisters an die Stadt Tallinn (Reval) als Treibkraft des dortigen Münzwesens am Ende des 14. und zu Beginn des 15. Jahrhunderts // Monetary history of the Baltics in the Middle Ages. Tallinn. С. 81–90.

Тайник ювелира из фондов Минусинского музея как свидетельство тюркско-кыргызского культурного взаимодействия

Давыдов Р.В.

*Новосибирский государственный университет, Новосибирск
puer-viro@mail.ru*

Ключевые слова: *Минусинская котловина, Средневековье, тюрки, межкультурное взаимодействие, серебряный пояс, металлообработка*

Клады являются отдельным типом археологических источников и представляют собой намеренно захороненные предметные комплексы, занимающие крайне небольшую площадь. Отдельно выделяются тайники – не-

большие группы объектов одной категории, как правило, в одной таре (Бородовский, Оборин, 2018. С. 87; Мартынов, 2005. С. 23).

На территории Минусинской котловины все известные в настоящее время средневековые клады и тайники отнесены к археологической культуре чаа-тас (IV–IX вв. н.э.) и тюхтятской культуре (IX–X вв. н.э.), которые ассоциируются с енисейскими кыргызами. Они включают бронзовые и железные изделия, сосуды из драгоценных металлов (Евтюхова, Киселёв, 1940. С. 35–42; Евтюхова, 1948. С. 67–72). В связи с этим большой интерес представляет хранящийся в фондах Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартянова необычный предметный комплекс из 34 серебряных элементов пояса, помещенных в железную чашу (рис. 1).

Комплекс не имеет общего инвентарного номера и разделен на сосуд (ММ АЖ 7675), серебряные накладки (24 шт., ММ ЗС № 432–442) и накладки с подложкой (10 шт., ММ КР, № 52–62). В журнале поступлений указано, что чаша с накладками найдена в «песчаном бугре» около с. Тесь на р. Тубе. Время находки – до 1904 г. Таким образом, комплекс можно отнести к случайным находкам.

На 10 накладках обнаружена подложка толщиной 2–3 мм из слоистого светлого материала. В инвентарной книге материалом подложки был указан рог. Последующее микроскопическое исследование (микроскоп Altami Био LED, увеличение $\times 50$) показало, что подложка сделана из проклеенного канцелярским клеем картона. Вероятно, после обнаружения в конце XIX в. накладки были приклеены на нее для большей сохранности при экспонировании.

Чаша (рис. 1: 35) сильно коррозирована, имеет форму полусферы из железного листа толщиной 2 мм без поддона и следов крепления ручек. Диаметр сосуда 134 мм, глубина – 45 мм.

Внутри чаши найдено 34 серебряных предмета, включая 23 бляхи-накладки (рис. 1: 1–10, 22–34) и 11 ременных наконечников (рис. 1: 11–21). Накладки представлены следующими типами: подквадратные с фигурной прорезью (19–20 \times 17 мм) (рис. 1: 1–10), сердцевидные (16–17 \times 15 и 12 \times 10 мм) (рис. 1: 22–28), порталной формы (16–17 \times 12–13 мм) (рис. 1: 29–34). Ременные наконечники имеют прямое основание, округленный конец. Выделяется крупный экземпляр (40 \times 20 мм) (рис. 1: 21) и 10 мелких предметов (20–23 \times 11–18 мм) (рис. 1: 22–34).

Все изделия гладкие, неорнаментированные, плоские. Они выполнены из серебряного листа толщиной 0,4–0,6 мм. Предметы вырубались при помощи зубила, на что указывают односторонний скос кромок и заусенцы металла, загнутые на одну сторону. Кромки обрабатывались абразивным инструментом.

Пробитие отверстий для заклепок осуществлялось двусторонним способом на мягкой подложке, вследствие чего произошла сильная деформация поверхности. На удары с двух сторон указывают уплощенные

Рис. 1. Тайник ювелира из фондов Минусинского музея: 1–10 – бляхи подквадратные (ММ КР № 52–62); 11–21 – ременные наконечники; 22–28 – бляхи сердцевидные (ММ ЗС 432–442); 29–34 – бляхи порталной формы; 35 – чаша. 1–34 – серебро; 35 – железо

выступы металла по краям отверстий и трапециевидный профиль их стенок. В одном случае сохранились клепки из серебра длиной 2 мм со шляпками диаметром 2–4 мм (рис. 1: 12).

Последовательность операций неустойчива, также различен выбор стороны для завершения обработки. Качество исполнения достаточно низкое, присутствуют ошибки при рубке, пробитии отверстий. В двух случаях металл треснул, наблюдается сильная асимметрия.

Согласно типологии тюркской поясной фурнитуры Б.Б. Овчинниковой, рассмотренные бляхи близки к следующим типам: тип 1 вариант б (подквадратные с фигурной прорезью); тип б вариант г (портальной формы без прорезей); тип 9 (сердечковидные). Время их синхронного существования на территории Саяно-Алтая – третья четверть VIII – IX в. н.э. (Овчинникова, 1990. С. 31–33). Исходя из типологии В.Н. Добжанского, набор из тайника мог принадлежать поясу типа II подтипа Б (с прямоугольными и сердцевидными бляхами) VIII–IX вв. (Добжанский, 1990. С. 39).

Однако предметы лишь упрощенно повторяют тюркские формы. Нестабильно положение клепок. Предметы выполнены грубо, по неустойчивой технологической цепочке. Они в 1,5–2 раза меньше тюркских поясных накладок и просто вырезаны из листа, а не отштампованы. Также следует отметить, что традиция тайников с поясной и сбруйной фурнитурой встречается в VIII–IX вв. в культуре чаа-тас (Евтюхова, Киселёв, 1940. С. 39).

Вероятнее всего, рассмотренный тайник включает изделия, выполненные в VII–IX вв. в кыргызской мастерской при копировании тюркского наборного пояса. Грубость изготовления связана с отсутствием технологической традиции работы с листовым серебром, которая сформируется у енисейских кыргызов в X–XI вв.

Данный тайник является примером тесного межкультурного взаимодействия тюрков и енисейских кыргызов в финале тюркской эпохи (Худяков, 2004. С. 99).

Исследование проведено за счет гранта РНФ (проект № 20-18-00111).

Список литературы

- Бородовский А.П., Оборин Ю.В., 2018. Клады и тайники бронзовых предметов с железными инструментами гунно-сарматского времени со Среднего Енисея // Вестник НГУ. Серия: история, филология. Т. 17. № 7. С. 86–98.
- Добжанский В.Н., 1990. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск: НГУ.
- Евтюхова Л.А., 1948. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан: «Совет. Хакасия».
- Евтюхова Л.А., Киселёв С.В., 1940. Чаа-тас у села Копёны // Труды ГИМ. Вып. XI. Сборник статей по археологии СССР. С. 21–54.

- Мартынов А.И., 2005. Археология. М.: Высш. шк.
- Овчинникова Б.Б., 1990. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск: УрГУ.
- Худяков Ю.С., 2004. Древние тюрки на Енисее. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН.

Раннесредневековое погребение из некрополя Горгиппии (по материалам раскопок 1954 г.)

Евсюков С.В.

*Анапский археологический музей-филиал ГБУК КК «КГИАМЗ
им. Е.Д. Фелицына», Анапа
evsykov.ari@gmail.com*

Ключевые слова: некрополь, погребение, Горгиппия, Анапа, христианство, керамика, тарелка, кувшин

В 1954–1956 гг. в Анапе впервые были организованы охранные раскопки грунтового некрополя Горгиппии, обнаруженного в котлованах под строительство кинотеатра «Родина» и городской бани. Археологические работы проводились отрядом Синдской экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством И.В. Поздеевой (Кругликова, 1954. С. 117–120; Поздеева, 1954. С. 1).

Было открыто около ста погребений, датированных концом IV в. до н.э. – III в. н.э. (Кругликова, 1982. С. 121–122). Одно из них – «погребение 5», обнаруженное в 1954 г., – отличалось погребальным обрядом и малой глубиной залегания (0,3–0,41 м) (рис. 1). Согласно отчету И.В. Поздеевой, погребенный лежал вытянуто на спине головой на северо-восток (Поздеева, 1954. С. 17), по данным И.Т. Кругликовой – на северо-запад (Кругликова, 1982. С. 122). По заключению И.В. Поздеевой, череп погребенного был искусственно деформирован (об антропологическом исследовании данных нет). Слева, в той же яме, на правом боку с поджатыми ногами лежал скелет лошади, частично разрушенный траншеей фундамента (рис. 1: 1) (Поздеева, 1954. С. 17).

У правой руки костяка стоял сероглиняный кувшин (рис. 1: 2) с поясом лощеного орнамента в виде заглубленных в поверхность, крестообразно пересекающихся бороздок (Инв. № КМ 8365/139; ГК 28881112) (Кругликова, 1981. Рис. 11.3; Гавритухин, Пьянков, 2003. Табл. 73, 40). Диаметр венчика 8,6 см, диаметр тулова 13,7 см, диаметра дна 5,8 см, высота 14 см. По аналогиям кувшин можно датировать IV–VI вв. н.э. (Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001. С. 77–82. Табл. 86, 1086; Кругликова, 1954. С. 112. Табл IV, 7). Множество подобной керамики открыто на аланских могильниках IV–VII вв. н.э. (Кузнецов, 1962. С. 82–83. Рис. 24,

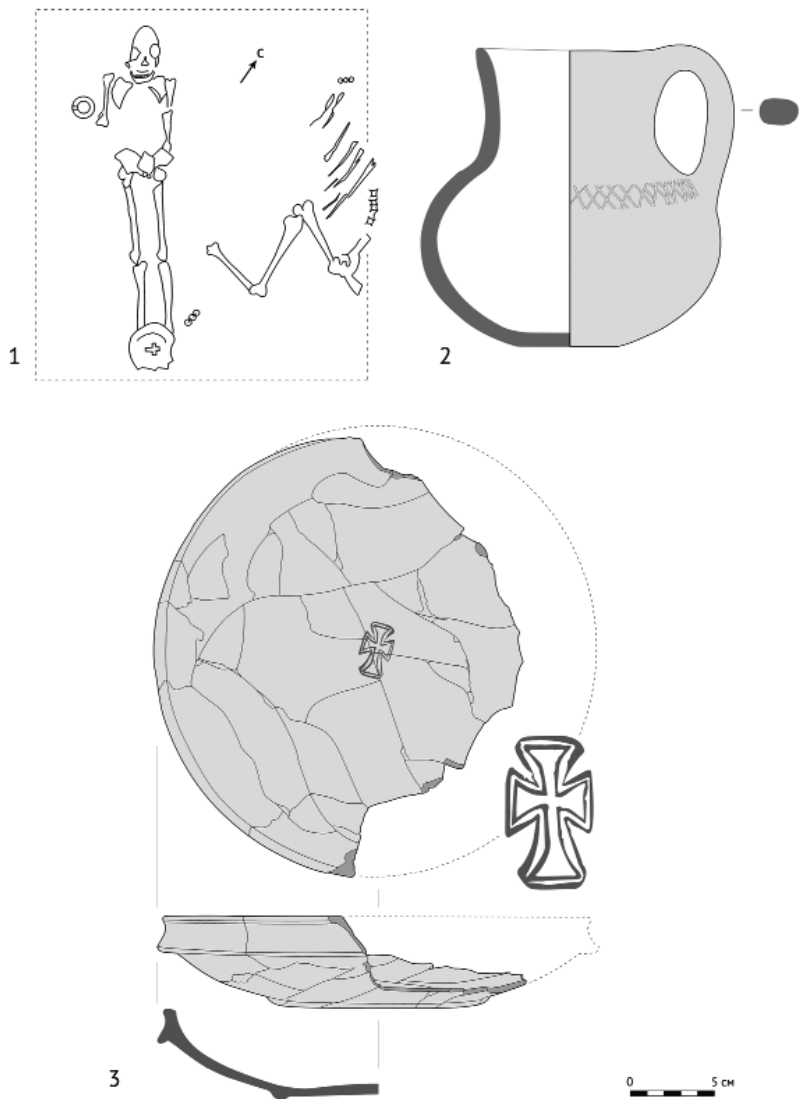

Рис. 1. Материалы «погребения 5» из раскопок некрополя Горкиппии 1954 г.:
 1 – план погребения 5, раскоп у кинотеатра «Родина»;
 2 – сероглиняный кувшин; 3 – краснолаковая тарелка

А, 1–4. С. 90–91; Малашев, 2001. С. 18–21. Рис. 57; Гавритухин, Пьянков, 2003. С. 191–192).

В ногах погребенного находилась тарелка (рис. 1: 3), покрытая матовым красно-оранжевым лаком и разбитая на множество фрагментов (Инв. № КМ 8365/833; ГК 21785806). На внутренней плоскости дна оттиснуто клеймо в виде вдавленного креста (Кругликова, 1982. Рис. 6: 3; Гавритухин, Пьянков, 2003. Табл. 73, 39а). Диаметр венчика 24,5 см, диаметр дна 13 см, высота 5,4 см. Согласно типологии Дж. Хейса, тарелка относится к группе «Поздний Римский С/Фокейская краснолаковая» (Late Roman C/Phocaean Red Slip ware – LRC/PhRS) (Hayes, 1972. P. 323–370). По особенностям штампа (крест, расширяющийся к концам и обведенный одной линией) тарелка датируется концом V – концом VI в. (Hayes, 1972. P. 367. Motif 73. Fig. 79, i, j, k). Эту датировку, основанную на средиземноморском материале, подтверждают и находки из Северного Причерноморья (Гавритухин, Пьянков, 2003. С. 152–156. Табл. 61, 38–40; Смокотина, 2009. С. 142–150. Рис. 5; Николаева, 1978. Рис. 1, 14; Сазанов, 1994. С. 416. Рис 7, 14, в, г; Пятышева, 1960. С. 116. Рис. 3, 4; Силантьева, 1958. С. 130. Рис. 20; Дмитриев, 2003. С. 200–201. Табл. 81, 21, 20, 30–34). В Анапском археологическом музее хранятся два фрагмента подобных тарелок (Новичихин, 2004. С. 97; 2005. С. 195).

Помимо керамики, в захоронении были найдены кольца от лошадиной сбруи, местонахождение которых автору неизвестно.

Учитывая датировки описанных предметов, «погребение 5» из раскопок некрополя Горгиппии 1954 г. можно отнести к концу V – VI в. Захоронение логично связывать с Эвдусией – поселением, которое в середине V в., согласно анонимному «Периплу Понта Эвксинского», появляется на месте Горгиппии и в котором «живут так называемые эвдусиане, пользующиеся готским или таврским языками» (Скржинская, 1980. С. 115–125; Marcotte, 2000. P. 130). Ранневизантийские письменные источники сообщают, что среди готов, живших в районе Таманского полуострова в V–VI вв., было распространено христианство (Procop. Caes. BG, VIII (IV), 4; John Chrys. XIV, 5).

Таким образом, рассматриваемое погребение принадлежит жителю Эвдусии (готу или алану?), возможно христианину, о чем говорит найденная тарелка со штампом креста, несмотря на деформированный в младенчестве череп и языческий обряд погребения. После христианизации у местного населения могли сохраняться языческие традиции. Не исключено, что тарелка для погребенного была просто ценной вещью без религиозного смысла. Ближайшие к Анапе аналогичные захоронения – эталонный готский могильник Дюрсо (Дмитриев, 2003. С. 200–201. Табл. 81, 21, 20, 30–34).

Список литературы

- Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В., 2001. Некрополь Танаиса. Раскопки 1981–1995 гг. М.: Палеограф.
- Гавритухин И.О., Пьянков А.В., 2003. Древности V–VII веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья / отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М. С. 191–193.
- Дмитриев А.В., 2003. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья / отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М. С. 200–207.
- Кругликова И.Т., 1954. О местной керамике Пантикапея и ее значении для изучения состава населения этого города // Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья (МИА. № 33). М. С. 78–114.
- Кругликова И.Т., 1982. Раскопки некрополя в районе Астраханской улицы в 1954–1964 гг. // Горгиппия II. Краснодар. С. 117–150.
- Кузнецов В.А., 1962. Аланские племена Северного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья (МИА. № 106). М.
- Малашев В.Ю., 2001. Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М.
- Николаева Э.Я., 1978. Краснолаковая керамика со штампами с Ильичевского городища // КСИА. Вып. 156. С. 110–114.
- Поздеева И.В. Раскопки Горгиппии 1954 г. // НА ИАРАН, № 1026 (копия НА АМ, А1-1).
- Пятышева Н.В., 1960. Отчет о раскопках в Фанагории в 1939 г. // Труды ГИМ. Вып. 37. С. 111–125.
- Сазанов А.В., 1994. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранне-византийского времени // МАИЭТ. Вып. IV. Симферополь. С. 406–433.
- Скржинская М.В., 1980. «Перипл Понта Эвксинского» Анонимного автора // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев. С. 115–125.
- Смокотина А.В., 2015. Импорт краснолаковой керамики в г. Боспор в конце IV – первой половине VII вв. // Древности Боспора. № 19. С. 312–340.
- Силантьева Л.Ф., 1958. Краснолаковая керамика из раскопок Илурата // Боспорские города. Ч. II: Работы Боспорской экспедиции 1946–1953 гг. (МИА. № 85). М. С. 283–312.
- Marcotte D., 2000. Les géographes grecs. I. Introduction générale. Pseudo-Scymnos: Circuit de la terre / Texte établi et traduit par D. Marcotte. Paris.
- Hayes J.W., 1972. Late Roman Pottery. London: British School at Rome.

Идентификация оттисков одной матрицы на донцах гончарных сосудов Переяславля Рязанского

Киреев П. С.

*Рязанский историко-архитектурный музей заповедник, Рязань
pazzlef@gmail.com*

Ключевые слова: *Переяславль Рязанский, Введенский раскоп, гончарные клейма, матрица, круг-подставка, гончарная традиция*

В ходе многолетних археологических исследований на территории Переяславля Рязанского обнаружено более 1000 клейм на донцах гончарных сосудов (Судаков, 2019б; 2020; в печати). После изучения данного материала было сделано предположение о наличии среди них оттисков одной матрицы (Судаков, 2019б. С. 117). Однако, по причине отсутствия на момент исследования четких критериев для обоснования подобных выводов, выводы носят лишь гипотетический характер и нуждаются в подтверждении. В связи с этим поставлена задача разработки методики идентификации оттисков одной матрицы на донцах гончарных сосудов Переяславля Рязанского.

В 2021 г. в ходе археологических работ на территории кремля Переяславля Рязанского на Введенском раскопе обнаружено большое количество клейм (52), которые и послужили объектом данного исследования. Преимущественно они оттиснуты на донцах горшков XV в., изготовленных из слабожелезненной глины и относящихся к типу IV по типологии керамики Переяславля Рязанского – с вертикальным венчиком без шейки, переходящим в плечики через уступ, без следов черного края (Судаков, 2019а. С. 76). Согласно классификации В.В. Судакова, 47 клейм (90%) принадлежат к группе I – в основе рисунка лежит окружность (Судаков, 2019б. С. 104–109). На основании сильной типологической однородности сделано предположение о наличии среди них оттисков одной матрицы.

Для подтверждения выдвинутой гипотезы разработана программа исследований, включающая в себя сравнительный анализ клейм на донцах сосудов по следующим критериям: тип клейма; геометрические параметры клейма; расположение клейма относительно центра донца; диаметр донца; гончарные традиции в технологии изготовления сосуда (обжиг, рецепт формовочной массы, подсыпка). За основу взята единственная известная на данный момент методика идентификации оттисков одной матрицы на донцах круговой керамики Владимира (Бисерова, Лапшин, 2018; Лапшин, Бисерова, 2015; 2016; Лапшин, 2020).

При трасологическом анализе предметов фокусной группы у большей части обнаружены такие технологические особенности, как малая уплотненность глиняных частиц на поверхности клейма и следы от соприкосновения донца сосуда с древесиной. Это позволяет говорить об

использовании матриц, вырезанных на поверхности круглой деревянной подставки, называемой круг-подставка или малый круг (Бобринский, 1972; Розенфельдт, 1997. С. 26), о чем свидетельствует и наличие валика по периметру исследуемых донцев. Таким образом, керамические сосуды с клеймами, оттиснутыми одной матрицей, изготавливались на одном круге-подставке, а следовательно, диаметр их донцев, расположение клейма и его геометрические характеристики должны совпадать.

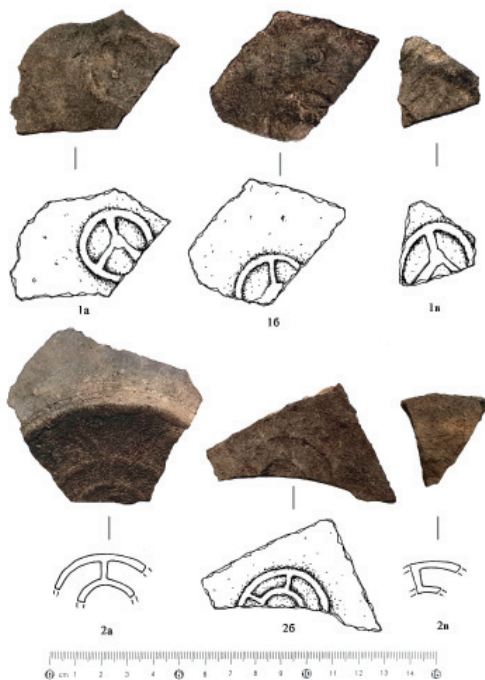
В связи с тем что в процессе производства керамических сосудов матрица на поверхности малого круга постоянно забивалась формовочной массой и соответственно постепенно снижалось качество оттиска вплоть до полного его исчезновения (Лапшин, Бисерова, 2016. С. 278), она вряд ли могла прослужить более чем одному поколению гончаров. Судя по этнографическим данным, гончарные традиции в технологии изготовления за время жизни одного мастера были устойчивыми (Бобринский, 1978. С. 14–19), что обосновывает выдвинутое требование к сходству по данному критерию сосудов с клеймами, оттиснутыми одной матрицей.

В ходе проведения исследования в фокусной группе выявлены две серии по три клейма (табл. 1), являющиеся, согласно представленной программе, оттисками одной матрицы и относящиеся к следующим типам: 1) I.A.5.1 – круг с тремя радиусами (рис. 1: 1, а–в); 2) I.B.1.4.4 – круг в круге с перемычками (рис. 1: 2, а–в).

Важным является тот факт, что сосуды с клеймами в каждой из выявленных серий, с большой долей вероятности, являются продукцией

Таблица 1. Результаты идентификации клейм с одной матрицы

Рис.	Серия		Геометрич. параметры	Расположение	Диам. донца	Технология изготовления сосуда
	Тип	Сохранность				
1а	I.A.5.1	~7/8, хорошо различимы три радиуса	D ~ 30 мм, ∠ между R ~110 -130	По центру донца	?	Неполный окислительный обжиг (1б, вероятно, восстановительный); слабоожеженная; примесь песка; подсыпка мелкого песка
1б		~1/3, различим один радиус и часть основания второго				
1в		~3/4, сильно затёрто, слабо различимы три радиуса				
2а	I.B.1.4.4	~1/3, различима 1 перемычка	D ~ 46 мм, длина перемычек ~ 1 см	По центру донца	9 см	Неполный (2а – полный) окислительный обжиг; слабоожеженная; с примесью шамота и песка; с подсыпкой песка
2б		~1/2, различимы 2 перемычки		?		
2в		~1/5, различима 1 перемычка		По центру донца		

*Рис. 1. Фрагменты донц керамических сосудов с клеймами, идентифицированными как оттиск от одной матрицы:
1 – тип I.A.5.1; 2 – тип I.B.1.4.4*

одного гончара. Дальнейшее расширение рамок исследования по представленной программе может помочь в решении задачи по выявлению путей распространения и зон влияния гончарных традиций Переяславля Рязанского и его округи, носителем которых был конкретный мастер.

Список литературы

- Бисерова А.В., Лапшин А.Г., 2018. Гончарные клейма в виде трехлепестковой розетки из древнего Владимира: опыт трасологического исследования // КСИА. Вып. 251. С. 145–157.
- Бобринский А.А., 1972. О некоторых результатах трасологического изучения древнерусских гончарных клейм // Новое в археологии / отв. ред. В.Л. Янин. М. С. 182–190.
- Бобринский А.А., 1978. Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. М.: Наука.

- Лапшин А.Г., Бисерова А.В., 2015. Технологические особенности сероглиняной керамики древнего Владимира: исходное сырье и состав формовочной массы // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы науч. семинара. Вып. 5 / отв. ред. Н.А. Макаров. М. С. 211–221.
- Лапшин А.Г., Бисерова А.В., 2016. Гончарные клейма древнего Владимира (опыт систематизации) // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. Вып. 6. М. С. 272–287.
- Лапшин А.Г., 2020. Критерии идентификации оттисков одной матрицы на донцах древнерусской круговой керамики Владимира // КСИА. Вып. 260. С. 496–506.
- Розенфельд Р.Л., 1997. Керамика // Древняя Русь. Культура и быт. (Археология СССР) / отв. ред.: Б.А. Колчин, Т.И. Макарова. М. С. 22–28. Табл. 18.
- Судаков В.В., 2019а. Керамика Житного раскопа // Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Вып. 3. Москва. С. 67–100.
- Судаков В.В., 2019б. Гончарные клейма Житного раскопа в Переяславле Рязанском // Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Вып. 3. Москва. С. 101–139.
- Судаков В.В., 2020. Гончарные клейма из раскопок Переяславля Рязанского 1986, 1988, 1990 гг. // *Urbi et orbi*. Сборник научных работ к юбилею И.Г. Кусовой. Рязань. С. 77–115.
- Судаков В.В., в печати. Гончарные клейма Введенского раскопа в Переяславле Рязанском (Пласты II–VI) // X Яхонтовские чтения. Рязань.

Эволюция мордовских топоров в эпоху Золотой Орды

Козлов Д.А.

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия, Саранск
demetriy87@gmail.com*

Ключевые слова: мордовские могильники, топоры, Золотая Орда, монеты, Новгород, 2-я половина XIII – начало XV вв.

Хронология топоров Восточной Европы эпохи Золотой Орды на данный момент ограничена опубликованными материалами из культурных слоев северных русских городов – Новгорода, Пскова, Старой Руссы, где они являются нередкой находкой. Датированных топоров с других территорий у исследователей этой эпохи, казалось бы, нет. Однако одним из регионов, где имеются подобные находки, является территория распространения мордовских могильников, охватывающая не только Окско-Сурское междуречье, но и отдельные местности Среднего и Нижнего Поволжья.

Топоры в мордовских мужских погребальных комплексах являются распространенной находкой. При этом в некоторых погребениях они

обнаружены с датирующими их вещами и монетами. В данной работе мы использовали семь экземпляров, которые могут быть датированы монетами или сопутствующим инвентарем.

В парном погребении № 6–7 Старосельского могильника топор обнаружен у мужчины, рядом похоронена женщина, среди украшений которой выделяется кольцевая застежка (Четвертаков, 2018. Ил. 69: 11). Она имеет прямую аналогию в материалах культурного слоя Новгорода, где датируется 1280-ми гг. (Седова, 1981. Рис. 31. С. 8) (рис. 1: 1). В погребении № 420 Кельгининского могильника топор обнаружен вместе с двумя монетами 1270-х гг. и 1322/23 г. или 1325 г. (Вихляев, Пронин, 2016. С. 160–161. Рис. 130.3. С. 323) (рис. 1: 2). В погребении № 13 1-го Старобадиковского могильника, помимо топора, также обнаружены монеты 1317/18 г. и 1329/30 г. (Беляев, 1990. Табл. III. 6. С. 111) (рис. 1: 3). В погребении № 62 Старосотенского могильника в комплексе вместе с топором присутствует монета 1340/41 г. (рис. 1: 4) (Алихова, 1938). Монета 1359/60 г. найдена в погребении № 16 2-го Усинского могильника, где имелся топор (Васильева, 1993. С. 65–66, рис. 5.2. С. 73) (рис. 1: 5). С монетами обнаружены топоры в комплексах Мордовско-Паркинского могильника: в погребении № 143 – с монетой 1380–1385 гг. (рис. 1: 6) и № 159 – с монетой 1390–1396 гг. (рис. 1: 7) (Беговаткин, 2000. Рис. 3.5. С. 108; Рис. 4.8. С. 109). Таким образом, датированные топоры «ложатся» на всю эпоху существования Золотой Орды как государства – втор. пол. XIII – начало XV вв.

Все рассматриваемые топоры относятся к группе «с симметричным лезвием и облегченным обухом» по ранней типологии Б.А. Колчина (Колчин, 1958. С. 99. Рис. 4) или ко «второму типу» (Колчин, 1959. С. 30. Рис. 12). По его же типологии, приведенной в более позднем издании, они отнесены к типу топоров с «симметричным лезвием» (Колчин, 1982. С. 163). В.С. Святкин также выделяет подобный тип топора – «группа Б, тип 4», описывает как единую группу и датирует XIII–XIV вв. (Святкин, 2001. С. 43–44). Из этих наблюдений следует, что особая линия развития топоров Восточной Европы, находившейся в составе или зависимости от Золотой Орды, на протяжении XIII–XIV вв. на данный момент не прослеживается.

В.С. Святкин описал общую конструкцию топоров из мордовских могильников этого периода:

«Группа Б (63 экз.). Лопастные.

Тип 4 (8 экз. Стародевичье, Старая Сотня, Сядемка, Чернозерье, Кельгинино, Заречное II). Лопастные, с округлым в верхней части желобчатым обухом без щековиц. Длина лезвия составляет 65–135 мм, ширина – 58–70 мм, диаметр проуха – 3638 мм, угол насадки составляет 75–87 градусов. Для топоров

XIV-XV	рубеж	
	середина	
XIV	1-я половина	
		
XIII-XIV	рубеж	
XIII	2-я половина	
Век	период	подтип А
		подтип Б
Группа Б. Тип 4 (по В.С. Святыну)		

Рис. 1. Эволюция формы топоров по датированным монетами мордовским комплексам во второй половины XIII – начала XV в.:

- 1 – п. № 6–7 Старосельский могильник (по: Четвертаков, 2018);
- 2 – п. № 420 Кельгининский могильник (по: Вихляев, Пронин, 2016);
- 3 – п. № 13 1-й Старобадиковский могильник (по: Беляев, 1990);
- 4 – п. № 62 Старосотенский могильник (по: Алихова, 1938);
- 5 – п. № 16 2-й Усинский могильник (по: Васильева, 1993);
- 6 – п. № 143 Мордовско-Паркинский могильник (по: Беговаткин, 2000);
- 7 – п. № 159 Мордовско-Паркинский могильник (по: Беговаткин, 2000)

с подобной конструкцией обуха в большинстве случаев характерна слабая оттянутость лопасти и сравнительно неширокое лезвие» (Святкин, 2001. С. 43).

По датированным вещами и монетами топорам из мордовских погребений эволюция их деталей видится следующим образом: меняется форма лезвия, а другие части изделия (рис. 1). Из хронологической последовательности видно, что менялись щековицы и обух. Щековицы в виде трубки с уголками характерны для второй половины XIII в. и рубежа XIII–XIV вв. (погребения № 6–7 Старосельского мог., № 420 Кельгининского мог.) – это подтип А (рис. 1: 1, 2). В начале XIV в. появляется иной вид без угловатости щековиц (погребение № 13 1-го Старобадиковского мог.) (рис. 1: 3), который в дальнейшем получает продолжение до рубежа XIV–XV вв. (погребения № 143 и 159 Мордовско-Паркинского мог.) (рис. 1: 6, 7) – подтип Б. Отсутствие щековиц здесь дополняется немного оттянутым вниз обушком, что в дальнейшем, видимо, привело к еще большей оттянутости и выраженности обушка для топоров XV–XVII вв. До середины XIV в. существует и предшествующая разновидность, с угловатыми щековицами (погребение № 62 Старосотенского мог., 1938 г.) (рис. 1: 4).

Описанные в данной статье топоры и наблюдения за их формой дополняют существующую эволюцию топоров Восточной Европы, позволяют в целом очертить направление развития деталей этого ремесленного изделия и наметить их непрерывную эволюцию – от топоров с треугольными щековицами XIII в. до топоров без щековиц с оттянутым вниз обухом XV в.

Список литературы

- Алихова А.Е., 1938. Материалы Мордовской археологической экспедиции ГИМ 1938 г. под руководством А.Е. Алиховой (Старосотенский могильник, могильники «Красный Восток I и II», разведка по р. Цна) в Пензенской и Тамбовской областях // Архив научной библиотеки НИИГН при Правительстве РМ. № И-1335.
- Беговаткин А.А., 2000. Погребения с монетами из Мордовско-Паркинского могильника // Древности Окско-Сурского междуречья. Вып. 2. С. 105–110.
- Беляев Я.В., 1988. Погребальный памятник XI–XIV вв. у с. Старое Бадиково (раскопки 1981–1982 гг.) // Материалы по археологии Мордовии. Труды НИИЯЛИЭ при Сов. Мин. Мордов. АССР. Вып. 85. Саранск; Мордов. кн. изд-во. С. 104–117.
- Васильева И.Н., 1993. II Усинский грунтовый могильник XIII–XIV вв. на Самарской Луке // Новое в средневековой археологии Евразии. Сб. науч. тр. Самара. С. 58–76.
- Вихляев В.И., Пронин А.С. 2016. Средневековая мокша. Первые века вместе с Древней Русью. Материалы раскопок Кельгининского могильника 1999–2001 гг. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та.

- Колчин Б. А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука. С. 156–177.
- Колчин Б. А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. Труды Новгородской археологической экспедиции. Том II (МИА. № 65). М.: АН СССР.
- Колчин Б. А., 1958. Хронология новгородских древностей. СА. № 2. С. 92–111.
- Святкин В. С., 2001. Вооружение и военное дело мордовских племен в первой половине II тыс. н.э. Саранск: МГПУ.
- Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука.
- Четвертаков Е. В., 2018. Отчет об археологических раскопках на могильнике Староселье 3 в Дальнеконстантиновском районе Нижегородской области в 2017 г.

Находки шиферных пряслиц на территории Пермского Предуралья

Кузнецов В. Е.

*Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет, Пермь
vadim_kuznetsov2000@mail.ru*

Ключевые слова: *шиферные пряслица, Пермское Предуралье, Древняя Русь, Овруч, Средние века*

Пряслице – грузик, применявшийся для утяжеления ручного веретена и крепления пряжи на нем. Месторождения шифера, или пирофиллита, на Украине известны на крайнем северо-западе Украинского щита, в районе Овруча, где пирофиллитовые сланцы находятся близко к поверхности. Он встречается в двух разновидностях: более твердой – фиолетовой и мягкой – нежно-розовой (Деревская, 2015. С. 9). Исследователям удалось определить производственную специализацию отдельных поселений в пределах индустрии пирофиллитового сланца: производство плит большого размера, пряслиц, мелких украшений, литейных форм (Ивакин, Томашевский, Павленко, 2010. С. 392).

Наиболее распространенными видами пряслиц являются остросеребряные и бочковидные. Б. А. Рыбаков считает, что при всем внешнем различии найденные артефакты не являются отдельными типами, а свидетельствуют только о качестве работы мастера-камнереза (Рыбаков, 1948. С. 192–193). С ним не соглашается Л. Р. Розенфельд, отмечая, что для создания определенного типа использовался определенный инструментарий (Розенфельд, 1964. С. 220–221).

На территории Пермского Предуралья шиферные пряслица были найдены на Родановом городище (Шмуратко, 2016. С. 17; Сарапулов, 2017. С. 10), на городищах Анюшкар, Саломатово, Рождественское, Кудымкарское (Белагин, 2000. С. 153). Мной были изучены находки шиферных пряслиц с двух крупных поселений – Рождественского и Роданова городищ. В культурном слое памятников было обнаружено четыре шиферных пряслица.

Для датирования пряслиц необходимо воспользоваться методикой Р.Л. Розенфельда (Розенфельд, 1964. С. 224). Суть ее заключается в определении времени создания пряслица по диаметру внутреннего канала.

На Родановом городище на VIII горизонте I раскопа в квадрате Г/14 на глубине 0,75 м от поверхности в 2016 г. было найдено шиферное пряслице бочковидной формы диаметром 35 мм и толщиной 9 мм, диаметр внутреннего канала 5 мм (рис. 1: 1). На III условном горизонте I раскопа в квадрате Г/17 на глубине 0,27 м от поверхности было найдено шиферное пряслице трапециевидной формы диаметром 23 мм, толщиной 8 мм, диаметр внутреннего канала 5 мм (рис. 1: 2). Данные пряслица относятся к первой половине XIII в.

В культурном слое Рождественского городища также найдено два пряслица. Одно из них имеет форму плоского диска диаметром 30 мм, толщиной 7 мм, с диаметром внутреннего канала 9 мм и орнаментом из резных радиальных линий (рис. 1: 3). Второе имеет форму диска

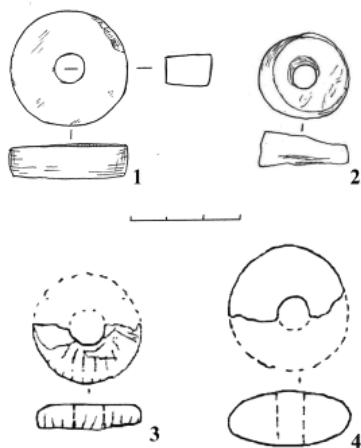

Рис. 1. Шиферные пряслица Пермского Предуралья: 1, 2 – Роданово городище; 3, 4 – Рождественское городище (по: Белагин, Крыласова, 2008. С. 305)

эллипсоидного сечения диаметром 35 мм, толщиной 15 мм, с диаметром внутреннего канала 9 мм (рис. 1: 4). (Белавин, Крыласова, 2008. С. 278, 305). Данные пряслица относятся ко второй половине XI – первой половине XII вв.

Одним из путей проникновения шиферных пряслиц на территорию Пермского Предуралья является Сухоно-Вычегодский путь, через который напрямую из Древней Руси попадал древнерусский импорт на территорию бассейна р. Чепцы (Иванова, 1998. С. 205, 230), а далее по Камскому торговому пути в Предуралье.

Б.А. Рыбаков пишет, что помимо территории Древней Руси существовало три направления экспорта: Волжская Булгария, Херсонес, Польша (Рыбаков, 1948. С. 466–471).

Маловероятно, что шиферные пряслица использовались на территории Прикамья по прямому назначению. В эпоху Средневековья на данной территории широко использовались глиняные пряслица, изготовленные намеренно или из стенок сломанных сосудов. Наиболее убедительным, на наш взгляд, является мнение В.Л. Янина. Исследователь считает, что пряслица могли использоваться в качестве денежной единицы в безмонетный период, т.к. ареал распространения пряслиц совпадает с границами русского домонгольского серебряного обращения. Еще одним подтверждением гипотезы о применении пряслиц в качестве денежной единицы является четкая стандартизация при изготовлении предмета, и если для более крупных торговых операций использовались слитки, то для мелких вполне могли подойти пряслица (Янин, 2009. С. 212–213). Кроме того, стоит отметить, что Роданово и Рождественское городища являлись в эпоху Средневековья крупными торгово-ремесленными факториями, где фиксируются материалы болгарского и древнерусского происхождения. В Волжской Булгарии также встречены в большом количестве аналогичные шиферные пряслица (Полубояринова, 2013. С. 111–112). Повидимому, купцы приезжали на эти поселения для участия в торговых отношениях, и шиферные пряслица могли попадать туда вместе с ними.

Таким образом, вероятнее всего, исследуемые нами пряслица попали на территорию Пермского Предуралья по Сухоно-Вычегодскому пути или через Волжскую Булгарию в качестве денежной единицы.

Список литературы

- Белавин А.М., 2000. Камский торговый путь. Пермь: ПГПУ.
Белавин А.М., Крыласова Н.Б. 2008. Древняя Афула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: ПГПУ.
Деревская Е.И., Коженевский С.Р. 2015. Пирофиллит Словечанско-Овручского кряжа // Коштовне та декоративне каміння. Ростов-на-Дону. С. 13–19.

- Ивакин Г.Ю., Томашевский А.П., Павленко С.В. 2010. Использование пиррофиллитового сланца и кварцита в строительном деле Южной Руси // Труды государственного Эрмитажа, ЛП. С. 391–411.
- Иванова М.Г. 1998. Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. Ижевск.
- Полубояринова Л.Д. 2013. Торговля Болгара // Великий Болгар. Казань. С. 104–117.
- Розенфельд Л.Д., 1964. О производстве и датировке шиферных пряслиц // СА. № 4. С. 220–224.
- Рыбаков Б.А., 1948. Ремесло Древней Руси. М.: АН СССР.
- Сарапулов А.Н. 2017. Отчет о раскопках Полютово (Роданово) городища в Юсьвинском районе Пермского края в 2017 г. Пермь, 2017 // НА ЛАЭ ПГГПУ.
- Шмуратко Д.В. 2016. Отчет о раскопках Полютово (Роданово) городища в Юсьвинском районе Пермского края в 2016 г. Пермь, 2016 // НА ЛАЭ ПГГПУ.
- Янин В.Л., 2009. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур.

Стекланные браслеты древнерусского города Турова (по результатам исследований 1968 г.)

Кухарева Е. А.

*Белорусский государственный университет, Институт истории
НАН Беларуси, Минск, Республика Беларусь
kukharava.katsiaryna@gmail.com*

Ключевые слова: археология Беларуси, Средневековье, древнерусский город, материальная культура, стекланные украшения, стекланные браслеты

Доклад основан на анализе коллекции стекланных браслетов, сформированной в результате археологических исследований 1968 г. под руководством П.Ф. Лысенко на территории детинца древнего Турова (сейчас город в Гомельской области, Беларусь). В X–XIII вв. Туров являлся центром Туровской земли.

Стекланные изделия с территории древнего Турова анализировались в работах Ю.Л. Щаповой и М.Д. Полубояриновой, однако стекланные браслеты были охарактеризованы довольно кратко, и коллекция 1968 г. не входила в изученную выборку (Полубояринова, 1963; Щапова, 1972). Общая характеристика коллекции стекланных браслетов с территории детинца древнего Турова, сформированной в результате раскопок 1960-х гг., дана в монографии П.Ф. Лысенко, но также в сжатой форме (Лысенко, 2004. С. 64–65). Таким образом, коллекция так и не получила комплексной характеристики, которая содержала бы статистические дан-

ные, анализ химического состава стекла, а также информации о месте производства изделий.

С 1961 по 1968 г. детище древнего Турова исследовал П. Ф. Лысенко, была изучена площадь в 768 кв. м. Раскоп 1968 г. площадью 192 кв. м был расположен в северной части детинца. Среди материалов исследований 1968 г. в отчете П. Ф. Лысенко фигурируют 465 фрагментов стеклянных браслетов. На данный момент коллекция хранится в фондах Института истории НАН Беларуси и насчитывает 302 экземпляра (все фрагментированы). В обработанной выборке не представлена часть коллекции из 5 и 6 (полностью), 10 (1 экз. в наличии), 12 (2 экз.) пластов раскопа, их место хранения на данный момент не известно (Лысенко, 1968. С. 6–20).

Культурный пласт мощностью до 2,65 м разделяется на пять стратиграфических слоев (Лысенко, 1968. С. 7–21). К пятому слою, датируемому П. Ф. Лысенко X–XI вв., относятся 46 фрагментов браслетов. В четвертом слое (XII – середина XIII в.) количество данных находок резко увеличивается, на него приходится наибольшая концентрация стеклянных браслетов (252 фр.). Пик распространения, согласно информации в отчете, приходится на 10 пласт (30% от общего количества), который датируется серединой XIII в. (Лысенко, 2004. С. 31, 34). В третьем слое (вторая половина XIII – XV в.) количество браслетов падает (157 фр.). Соотношение типов браслетов по слоям колеблется в пределах следующих значений: гладкие (57–60%), крученые (37–42%), остальные типы представлены единичными экземплярами. В отношении цветовой гаммы значения коррелируют следующим образом: бирюзовый цвет (20–43%), оливковый (17,6–12,5%), зеленый (14–15,4%), коричневый (22–14%), фиолетовый (16–7%), синий (11–4,7%), желтый (4,9–2,8%). Выразительным доминированием бирюзовых изделий (43%) выделяется четвертый слой. В целом фрагменты стеклянных браслетов фиксируются с конца X до начала XIV в. (Лысенко, 1968. С. 7–21; Лысенко, 2004. С. 31–36).

Диаметр большинства браслетов составляет 5–7 см (74,5%), при преобладающих значениях около 6 см (60% от общего количества браслетов). Выделяются экземпляры с меньшим диаметром – около 4 см, редко 3 см (вместе 5% от общего количества). Подобные изделия могут относиться к детским украшениям либо составным частям головных и шейных украшений (Бубенько, 2001. С. 158).

На основании способа изготовления были выделены типы. Самый многочисленный – круглые гладкие браслеты (56%), диаметр сечения которых колеблется от 3 до 8,5 мм, при преобладающих значениях 4–6 мм. По цветовой гамме наиболее распространены изделия бирюзового (30%), коричневого (22,3%), зеленого (17,6%) и фиолетового (14,1%)

оттенков. Реже встречаются изделия оливкового (5,9%), желтого (4,7%) и синего (3%) цветов. Выделяются изделия с декором в виде перевитья одной или несколькими стеклянными нитями чаще контрастного цвета (9,4%). Для изучаемой коллекции характерны нити желтого цвета, редко красного. Нужно отметить наличие четырех экземпляров (фиолетового, бирюзового и оливкового цвета) с декором в виде продольной желтой полосы. Аналогичные изделия встречаются в других древнерусских городах, в том числе на территории Беларуси в Рогачёве и Витебске (Бубенько, 2001. С. 157; Кухарава, 2021. С. 98).

Вторую по количеству группу составляют крученые фрагменты (38%). Диаметр сечения варьируется от 3 до 10 мм, преобладает 5–8 мм. Среди цветовой гаммы доминируют бирюзовые (31%), оливковые (18,1%), синие (16,4%), фиолетовые (13,8%) и зеленые (12%) экземпляры. 15,5% крученых браслетов декорировано перевитием, в основном желтой нитью, плотно входящей в структуру браслета, редко выпуклой. Один экземпляр декорирован двумя отдельными нитями желтого и красного цветов. Отдельно отметим два фрагмента рифленых браслетов синего и бирюзового цветов диаметром около 6 см. Экземпляр яркого бирюзового цвета с диаметром сечения 6 мм декорирован продольной полосой желтого цвета.

Единичными экземплярами представлены браслеты треугольного сечения (3 фр.), плоско-выпуклые (2 фр.) и витые (1 фр.).

Среди цветовой гаммы коллекции в общем преобладают бирюзовые экземпляры (29%), далее следуют зеленый (15,5%), коричневый (15%), фиолетовый (14%), оливковый (11%) и синий (10%) оттенки, более редкими являются изделия желтого цвета (4%). У 1,5% экземпляров цвет определить не удалось из-за плохой степени сохранности.

Таким образом, проанализирована представительная часть коллекции стеклянных браслетов из Турова, доступная на данный момент для исследования. Впервые даны подробная статистическая выкладка и типологическая характеристика данного материала. В целом изученная коллекция стеклянных браслетов соответствует общим древнерусским тенденциям. Выделяется преобладание украшений бирюзового цвета, но это пока не дает оснований для каких-либо выводов. Также стоит отметить, что объективность статистики нарушает отсутствие в выборке изделий из нескольких пластов раскопа.

Список литературы

- Бубенько Т.С., 2001. Стеклянные украшения средневекового Витебска (по материалам раскопок Нижнего замка) // МАБ. № 3. С. 154–164.
- Кухарава К., 2021. Типалогія і марфалогія шкляных упрыгажэнняў з Рагачова (па матэрыялах раскопак Э.М. Загарульскага) // IV міжнар. навукова-

практичная канф. маладых даследч. «ARS LONGA: Навуковыя дзесяч-
ненні і перспектывы»: зб. тэзісаў. С. 97–100.

Лысенко П.Ф., 1968. Отчет о работе Туровского отряда археологической экспедиции Института истории АН БССР в 1968 г. // ЦНА НАН Беларусі ФАНД. № 330.

Лысенко П.Ф., 2004. Древний Туров. Минск: Беларуская навука.

Полубояринова М.Д., 1963. Раскопки древнего Турова (1961 г.) // КСИА. Вып. 96. С. 44–47.

Щапова Ю.Л., 1972. Стекло Киевской Руси. М.: МГУ.

Курганный могильник Камено-1 в свете новых исследований *Маковская В.А.*

*Белорусский государственный музей народной архитектуры
и быта, Минск, Республика Беларусь*
makouskayav@gmail.com

Ключевые слова: курганный могильник, ингумация, кремация, погребальный инвентарь, Древняя Русь

Курганный могильник Камено-1 (Вилейский район, Минская область, Республика Беларусь) является одним из наименее исследованных в регионе Верхнего Повилья, и его изучение, уточнение погребального обряда и датировки было и остается актуальным вопросом в изучении микрорегиона. На территории курганного могильника размещено татарское кладбище с каменными надгробиями, впервые упоминаемое в 1857 г. (захоронения производились до 1980-х гг.). Татарские погребения впущены в курганы и межкурганное пространство.

Раскопки могильника впервые были проведены в 1974 г. Я.Г. Зверуго, который исследовал четыре кургана за границами татарского кладбища (Звяруга, 2001. С. 176). По мнению исследователя, могильник содержит погребения по обряду кремации и ингумации и предварительно датируется X–XI вв. (Зверуго, 1975. С. 386). Следует отметить, что курганы, отнесенные исследователем к погребениям по обряду кремации, не содержали кальцинированных костей и следов погребений. Напротив, в одном из них был обнаружен круговой горшок конца XI – первой половины XIII в., когда кремационные погребения, как общепринятая традиция, на данной территории уже не совершались. Ингумационное погребение в кургане 1 на основании инвентаря – кругового горшка и втульчатого наконечника копья (тип IV А.Н. Кирпичникова) – может быть датировано второй половиной XI в. Таким образом, характеристика погребального обряда могильника Камено-1 и его датировка, предложенные Я.Г. Зверуго,

на основании материалов 1974 г. представляются недостаточно обоснованными и требуют уточнений.

В 2021 г. автором исследовался курган 1 (5), в котором было найдено захоронение по обряду ингумации. Оно было совершено в центре насыпи, на слое погребенной почвы и окружено обкладкой из дерновых валиков. Захоронение было нарушено в результате перекопа, *in situ* сохранился фрагмент черепа и челюсти с зубами. На основании остатков черепа и зубов было предварительно определено, что оно принадлежало ребенку около 7 лет. К инвентарю погребения, находящемуся *in situ*, относятся круговой горшок, стоящий в голове погребенного (рис. 1: 1), одношипный черешковый дротик с загнутым на конце черешком (рис. 1: 2) и фрагменты двух круговых сосудов в ногах погребенного (рис. 1: 3, 4). На основании размещения перечисленного инвентаря можно говорить о северо-западной ориентировке погребенного.

Также часть инвентаря найдена в насыпи в переотложенном виде. Это две зонные бусины из глухого печеночно-бордового стекла (рис. 1: 5, 6), найденные в соседних квадратах от захоронения. В юго-западном секторе были также обнаружены фрагменты нательного крестика с изображением распятия (рис. 1: 11), височное колечко из тонкой проволоки с заходящими концами (рис. 1: 9) и фрагмент такой же проволоки (рис. 1: 10), миниатюрное колечко биконической формы (рис. 1: 8), а также белая непрозрачная двухчастная бусина-лимонка (рис. 1: 7) и фрагменты кругового горшка (рис. 1: 3).

Все вышеперечисленные предметы могут быть интерпретированы как остатки разрушенного погребения. Захоронение ребенка в кургане 1 (5) могло быть совершено во второй половине XI – начале XII вв. В результате нарушения захоронения часть инвентаря и раздробленные фрагменты костей вместе с грунтом оказались переотложены в южной части кургана и соседних квадратах.

Также в юго-западном секторе были найдены фрагменты круговых горшков, не связанных с данным погребением, которые можно датировать XI–XII вв.

Следует отдельно отметить находки небольшого количества мелких кальцинированных костей и фрагментов лепной керамики в южной части насыпи. Эти находки не образовывали скопления и были рассредоточены в южных секторах. Таким образом, кальцинированные кости и лепная керамика могли попасть в заполнение насыпи из погребений по обряду кремации в соседних курганах либо межкурганном пространстве, в результате многократных перекопов, связанных с функционированием татарского кладбища, затронувших, в том числе, и насыпь 1 (5). С функционированием кладбища стоит связывать и находки в насыпи

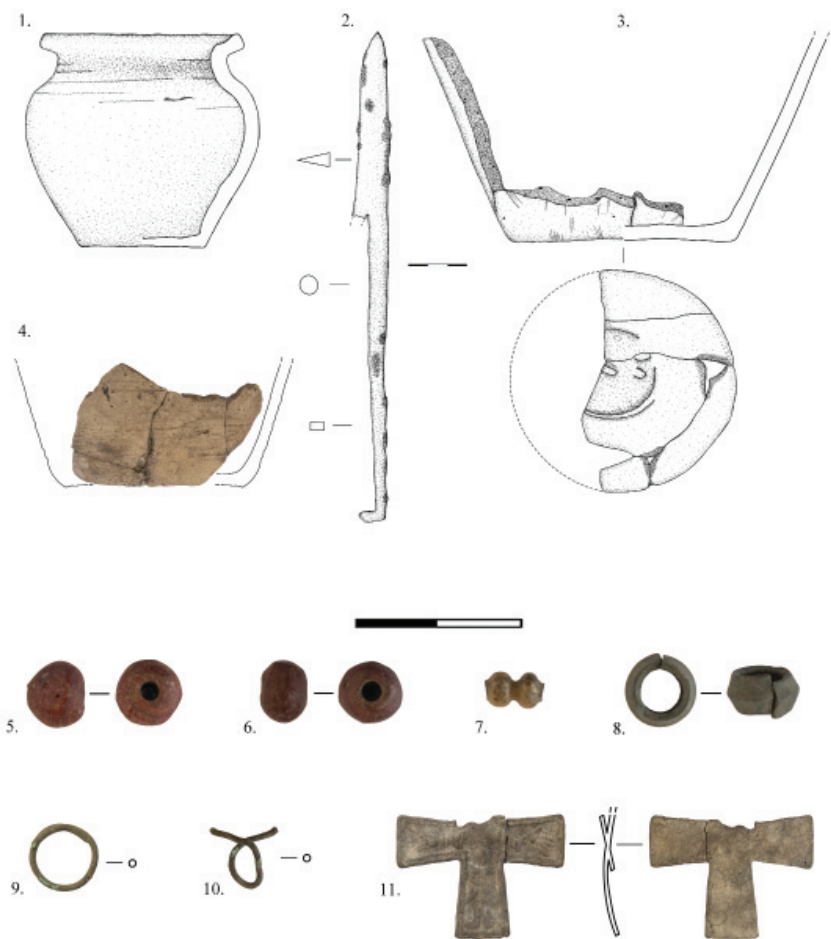

Рис. 1. Инвентарь погребения: 1 – горшок, 2 – наконечник дротика, 3, 4 – фрагменты горшков, 5–7 – бусины, 8 – колечко, 9 – колечко, 10 – фрагмент проволоки, 11 – крест-тельник.
1, 3, 4 – керамика, 2 – железо, 5–7 – стекло, 8–11 – металл

древнерусской керамики, упомянутой выше. На момент раскопок южная часть кургана частично состояла из переотложенного грунта, содержащего материалы из других нарушенных погребений.

Исследования 2021 г. позволили расширить представления о погребальном инвентаре могильника Камено-1 и уточнить датировку, предло-

женную Я.Г. Зверуго: верхняя дата могильника выходит в XII в. Также стало возможно более обоснованно предполагать наличие на могильнике погребений по обряду кремации, которые могли производиться в курганах либо межкурганном пространстве. Возможно, в будущем можно будет говорить о существовании на могильнике двух хронологических горизонтов.

Нахождение в погребении 7-летнего ребенка предмета вооружения вызывает отдельный интерес, так как для Полоцкой земли вооружение в детских погребениях встречается исключительно редко. Оружие в захоронении ребенка является маркером социального статуса семьи и позволяет, при дальнейшем накоплении материала, ставить вопрос о характере населения, оставившего данный могильник.

В перспективе необходимы поиск ненарушенных захоронений по обряду кремации и уточнение нижней датировки памятника, накопление материала для более полных выводов и интерпретации некрополя.

Список литературы

- Зверуго Я.Г., 1975. Исследование в Верхнем Понеманье // Археологические открытия 1974. С. 386.
- Звяруга Я.Г., 2001. Даследаванне курганных могільнікаў у вярхоўях Віліі // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. № 3. С. 173–186.

Берестяные коробочки в погребениях средневековых могильников Пермского Предуралья

Моряхина К.В.

*Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет, Пермь
ktoryaxina@mail.ru*

Ключевые слова: *берестяные коробочки, погребальный обряд, жертвенные комплексы, Средневековье, Пермское Предуралье*

В средневековых погребениях Пермского Предуралья крайне редко находят берестяные коробочки (далее – БК). На сегодня известны всего пять предметов. Несмотря на малочисленность, интересен функционал таких вещей в погребальном обряде.

1. Аверинский II м-к (п. 68). БК обнаружена в ногах погребенного. Внутри нее лежали бронзовые пронизки. Помимо этого, в погребении были колесовидные подвески, поясная гарнитура, железная пряжка от конской упряжи, бронзовая рукоять. Погребение датировано VI в. (Голдина, Кананин, 1989. Рис. 66).

2. Баяновский м-к (п. 243). БК расположена в районе пояса. Помимо нее в погребении найдены топор, кресало, кремь, железная пряжка и нож. Антрополог Н.Г. Брюхова определила, что кости принадлежали индивиду в возрасте 20–30 лет. Судя по инвентарю – это мужчина. Погребение датируется X в. (Данич, 2012. Рис. 72).

3. Огурдинский м-к (п. 14). БК обнаружена в ногах погребенного. Внутри нее лежали бубенчики, бусы, поясные накладки, бронзовое колечко от цепочки и окисленный кусок железа. Также в погребении найдены керамический сосуд, украшения и два обломка железа. Погребение женское. Могильник датируется X–XI вв. (Белавин, Крыласова, 2012. С. 23).

4. Огурдинский м-к (п. 76). БК прямоугольной формы обнаружена в ногах погребенного. Внутри были кремни, куски шлака, железный предмет, бронзовые спираль, трубочка, пруток прямоугольного сечения, платина, железное кольцо, фрагмент костяного колечка и звериный коготь. Индивида сопровождал богатый набор вещей: серебряная маска, височное кольцо, привески и пронизки, монета, браслет, серебряный перстень-колпачок, фибула, пряжка ремня, нож, кремь, кресало, наконечники стрел и топор. Погребение мужское и датируется XI в. (Белавин, Крыласова, 2012. С. 32–33).

5. Антыбарский могильник (п. 130). БК расположена в ногах. Помимо нее в погребении были керамический сосуд, топор, кресало, бронзовое кольцо с остатками ремешка и билоновые оковы (возможно, от колчана). Погребение мужское. Могильник датируется XI–XIII вв. (Ленц, 1988. С. 29–30).

Условия нахождения позволяют разделять БК на коробочки-сумочки и жертвенные комплексы. Первые встречаются в мужских погребениях, вторые – в мужских и женских. При этом состав жертвенных комплексов отличается. Комплексы из п. 68 Аверинского и п. 14 Огурдинского могильников можно рассматривать как дар в виде украшений, который был отправлен вместе с умершим в загробный мир. Набор из п. 76 весьма необычен. По мнению исследователей, этот жертвенный комплекс мог быть набором для гадания, а само погребение, вероятно, принадлежало колдуну или знахарю (Белавин и др., 2009. С. 104). Однозначно, это погребение человека высокого статуса, но нельзя исключать, что это мог быть набор ремесленника-металлурга. Звериный коготь мог использоваться в качестве оберега. По материалам марийских могильников известно, что часто в жертвенных комплексах с литейными принадлежностями встречаются и амулеты, а в двух случаях литейные формы завернуты в бересту. По мнению Т.Б. Никитиной и Д.Ю. Ефремовой, женщины-«литейщицы» могли быть и знахарками (Никитина, Ефремова, 2012. С. 152–160).

Традиция укладывать в погребения жертвенные комплексы в берестяных коробочках известна по материалам памятников соседних территорий. В частности, БК обнаружены в могильниках III–V вв. Среднего Прикамья.

Так, на Красноярском I могильнике внутри БК были украшения и зерна злаков, а на Кудашевском могильнике – украшения. О. А. Казанцева отмечает, что жертвенные комплексы разнообразны по составу, что показывает роль погребенного в обществе, его статус, и отражает также и круг торгово-обменных связей (2016. С. 59–63). В погребении VI в. Верх-Саинского могильника неволинской культуры найдена в ногах погребенного БК, внутри которой были украшения (Голдина, Водолаго, 1990. С. 26). В материалах Варнинского могильника V–IX вв. зафиксировано 11 жертвенных комплексов в погребениях, где украшения были уложены в БК. БК располагались в изголовье, в ногах, в нише или в засыпи погребения. Они встречаются в мужских, женских и детских погребениях (Семенов, 1980. С. 22–23). На памятниках еманаевской культуры VI–VIII вв. в четырех из семи жертвенных комплексов в качестве контейнера использовалась БК. Содержание БК зависело от половозрастных характеристик: в женских погребениях были головные и шейно-нагрудные украшения, в мужских – орудия труда, удила, наконечник копья, украшения (Лещинская, 2016, С. 107–110). На Бирском могильнике IV–VI вв. бахмутинской культуры в двух погребениях БК располагалась в изголовье: в одном случае внутри лежали украшения и раковина каури, в другом — обломки бронзовой спирали и две скульптурные фигурки лошади (Мажитов, 1968. С. 103, 105). Традиция укладывать украшения в БК в виде жертвенного комплекса известна в ванвиздинской культуре и на ранневымских памятниках (Розенфельдт, 1987. С. 119, 125). На могильнике «Кузинские хутора» X–XI вв. в Ветлужско-Вятском междуречье в п. 23 зафиксирован дополнительный комплекс вещей, уложенный в берестяной туес (Никитина, Акилбаев, 2020. С. 112).

По этнографическим данным известно, что в представлении восточных хантов береста была наделена мироразграничительной функцией. Это представление нашло отражение в традиции класть в погребение БК. Расположение коробочки имело определенную функцию: в изголовье символизировала переход из среднего мира в мир духов, в ногах – маркировала мир женщины и переход в нижний мир. В коробочки клали сугубо личные вещи (Алексеева, 2008. С. 9). Как мы видим, традиция класть в погребения жертвенные комплексы в берестяные коробочки характерна для финно-угорского населения Урало-Поволжья. Скорее всего, традиция не является этномаркирующей.

Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки Пермского края, соглашение № С-26/1192 от 19.12.2019.

Список литературы

Алексеева Е. С., 2008. Берестяная утварь в культуре восточных хантов // Этюды культуры – 2008. Материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Томск. С. 6–10.

- Белафин А. М., Иванов В. А. Крыласова Н. Б., 2009. Угры Предуралья в древности и Средние века. Уфа: БГПУ имени М. Акмуллы.
- Белафин А. М., Крыласова Н. Б., 2012. Огурдинский могильник. Пермь: ПГПУ.
- Голдина Р. Д. Кананин В. А., 1989. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск.
- Голдина Р. Д., Водолага Н. В., 1990. Могильники неволинской культуры. Иркутск.
- Данич А. В., 2012. Отчет о раскопках Баяновского могильника в Добрянском МО Пермского края в 2011 г. // Архив МАЭ ПГПУ.
- Казанцева О. А., 2016. Жертвенные комплексы в могильниках бассейна р. Тулвы в Среднем Прикамье // Вестник Удмуртского университета. Серия история и филология. Т. 26. Вып. 1. С. 59–63.
- Ленц Г. Т., 1989. Отчет о полевых исследованиях Антыбарского могильника в Чусовском районе Пермской области в 1988 г. // Архив МАЭ ПГПУ.
- Лещинская Н. А., 2016. «Жертвенные комплексы» как элемент погребальных традиций населения Вятского края в раннем Средневековье // Поволжская археология. № 1 (15). С. 102–120.
- Мажитов Н. А. 1968. Бахмутинская культура. М.
- Никитина Т. Б., Акилбаев А. В., 2020. Погребальный обряд могильника «Кузинские хутора» IX–XI вв. // Финно-угроведение. № 1 (61). С. 110–122.
- Никитина Т. Б., Ефремова Д. Ю., 2012. Погребальный обряд комплексов с литейными принадлежностями из средневековых могильников IX–XII вв. Ветлужско-Вятского междуречья // Поволжская археология. № 2. С. 146–168.
- Розенфельдт Р. Л., 1987. Прикамские финны // Финно-угры и балты в эпоху Средневековья / отв. ред. В. В. Седов. М. С. 116–162.
- Семенов В. А., 1980. Варнинский могильник // Новый памятник поморской культуры / науч. ред. В. Ф. Генинг. Ижевск. С. 5–134.

К рассмотрению типов ручек керамических лепных котлов Пенджикента в период V–VIII вв. н. э.

Пулотов А. Г.

*Национальный музей древностей Таджикистана, Душанбе,
Республика Таджикистан
abdurahm.pulotov@mail.huji.ac.il*

Ключевые слова: *лепная керамика, типологии ручек, лепные котлы, древний Пенджикент, раннесредневековый горный Согд*

За последние два десятилетия было обнаружено множество лепных керамических котлов, среди ручек которых встречаются редкие типы. Внимательное их изучение могло бы решить проблему общей типологии ручек котлов горного Согда V–VIII вв. н. э. (Зеравшанская долина,

Согдийская область Республики Таджикистан). В предлагаемой статье автор пытается отследить изменения в системе производства лепной керамики, уделяя особое внимание разновидностям ручек кухонных котлов в исследуемом регионе в течение периода раннего Средневековья. Установив типы ручек, автор постарается сосредоточиться не только на материалах Пенджикента (Панчакент), но и на других, хронологически и географически близких памятниках верховьев Зеравшана.

В ходе археологических раскопок на городище древнего Пенджикента в 1950-е гг. И.Б. Бентович, занимаясь изучением и фиксацией керамики этого городища, разделила ручки лепных котлов с точки зрения их формы и орнамента на несколько типов (Бентович, 1953, С. 134. Табл. VIII; Бентович, 1964. Рис. 32, 1–9). Б.И. Маршак, описывая все существенные признаки и разновидности ручек в нижних слоях V–VII вв. Пенджикента, выделил ручки лепных котлов по нескольким разным признакам (Маршак, 1970. С. 44–4, рис. 8–9; Маршак, 2012. С. 159–162). Н.Ф. Саввониди, изучая керамику более позднего слоя древнего Пенджикента, выделил шесть типов ручек лепных котлов (Саввониди, 1992. С. 113–114, рис. 217).

На основе материалов, собранных в ходе раскопок совместной Пенджикентской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург, Россия) и Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша (Душанбе, Таджикистан) в период 1998–2019 гг. (Материалы, 1999–2020), можно разделить ручки котлов на несколько типов, за исключением вертикальных или петлевидных ручек, которые, на наш взгляд, требуют отдельного рассмотрения.

К первому типу относятся ручки с насечками. Этот тип ручек, как правило, располагается под венчиком, у стенки горловины и в верхней части плечика лепных котлов. Они могут быть подковообразной, арочной и скобовидной формы, круглые, полукруглые или овальные в сечении; орнаментировались насечками, сделанными тонкой палочкой (рис. 1: 1–3). Ручки этого типа лепились отдельно, а затем прикреплялись к корпусу котла. Такие ручки часто встречаются на поселениях раннего Средневековья верховьев долины Зеравшана (Зарафшон). Среди материалов городищ Пенджикент и Санджаршах таких больше всего. Ручки этого типа настолько невысоко выступают от стенок котла, что за них едва ли можно было брать, и они, скорее всего, имели исключительно декоративную функцию.

Ко второму типу относятся ручки без насечек. Ручки этого типа также располагаются под венчиком, у стенки горловины и в верхней части плечика лепных котлов. Эти ручки по форме бывают дугообразными, подковообразными, арочными и скобовидными; овальной, круглой подтреугольной или подпрямоугольной формы в сечении. Ручки данного типа изготавливались как отдельно, так и слитно (рис. 1: 4–6).

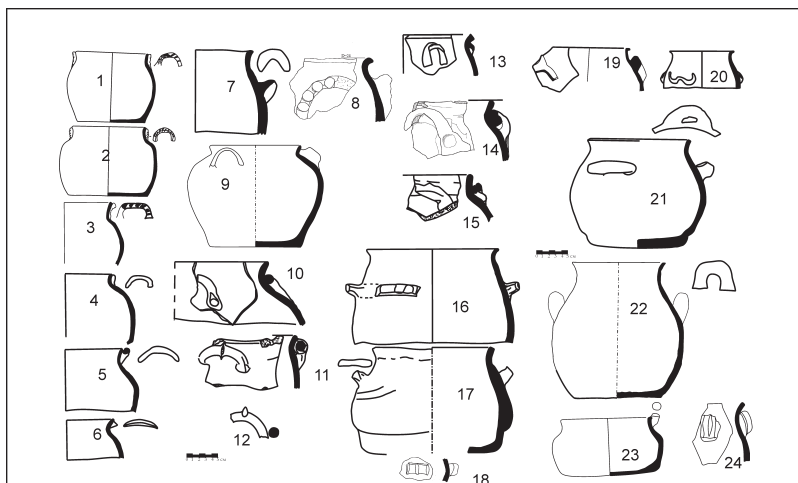

Рис. 1. Типы ручек керамических лепных котлов Пенджикента в V–VIII вв.: 1–3 – с насечками; 4–6 – без насечек под венчиком; 7–9 – выступающие; 10–12 – круглые в сечении; 13–15 – ручки из двух переплетающихся стволов; 16–18 – горизонтальные прямые; 19 – дугообразные с «килем» вверх; 20 – волнистые горизонтальные; 21–22 – горизонтальные прямые ручки, овальные или круглые в сечении; 23–24 – ручки редкой формы

К третьему типу относятся сильно выступающие от корпуса ручки (рис. 1: 7–9). Они делятся на три подтипа: 1) ручки в виде сильно выступающих налепов (выступают на 2 см); 2) ручки в виде плоских накладок (выступают на 5 см); 3) ручки в виде плоских накладок с ямками от пальцев. Такие ручки располагаются на плечиках котла или на переходах от тулова к плечу.

Четвертый тип – круглые в сечении, иногда уплощенные концы ручек с ямками от пальцев (рис. 1: 10–12), некоторые из них имеют металлические и керамические аналогии среди материалов городищ Гардани Хисор и Кум (Якубов, 1988. С. 189. Табл. XVII. 8–10; табл. XX. 3).

К пятому типу относятся ручки из двух переплетающихся стволов (рис. 1: 13–15). Аналогии таким ручкам встречаются среди материалов Гардани-Хисора, Кума, Хисорака и Санджаршаха (Якубов, 1988. С. 267. Табл. XX, 2, 4; Смирнова, 2013. С. 63. Илл. 179).

К шестому типу относятся горизонтальные прямые ручки. Они делятся на два подтипа (рис. 1: 16–18): 1) плоские прямые; 2) горизонтальные в виде «кулака» (рис. 1: 18). Ручки такого типа расположены, как правило, у тулова котлов или на переходе от тулова к плечу. Часто нижние

части котлов с такими ручками лепились способом отминки в готовую форму, а верхние части изготавливались отдельно.

Ручки седьмого типа имеют дугообразную с «килем» сверху форму, они также редки для верхнезеравшанских памятников в раннем средневековье (рис. 1: 19). Восьмой тип – волнистые горизонтальные (рис. 1: 20) ручки на корпусе котла (Маршак, 1970. С. 45. Рис. 8). К девятому типу относятся горизонтальные прямые ручки, овальные или круглые в сечении (рис. 1: 21–22).

Также среди пенджикентских материалов встречаются ручки редких форм (рис. 1: 23–24), отнести которые к какому-либо типу не удастся.

Таким образом, можно выделить как минимум 9 типов ручек, которые различаются по форме, орнаментации, расположению на теле сосуда и технике изготовления. Вероятно, эти различия связаны с развитием керамического производства и изменениями формы и способа изготовления самих котлов.

Список литературы

- Бентович И. Б., 1953. Керамика Пенджикента // Труды Таджикской археологической экспедиции ИИМК АН СССР, ИИАЭ АН Таджикской ССР и Государственного Эрмитажа (МИА № 37). Т. II: 1948–1950 гг. М.; Л. С. 133–145.
- Бентович И. Б., 1964. Керамика верхнего слоя Пенджикента (VII–VIII вв.) // Труды Таджикской археологической экспедиции ИА АН СССР, ИИ им. А. Дониша АН Таджикской ССР и Государственного Эрмитажа (МИА № 124). Т. IV: 1954–1959 гг. М.; Л. С. 265–298.
- Маршак Б. И., 1970. Код для описания керамики Пенджикента V–VI вв. // Статистико-комбинаторные методы в археологии / под ред. Б. А. Колчина и Я. А. Шера. М. С. 25–52.
- Маршак Б. И., 2012. Керамика Согда V–VII веков как историко-культурный памятник. СПб.
- Материалы Пенджикентской археологической экспедиции. Вып. I–XIV. (отчеты о полевых раскопках в 1998–2019 гг.) / под. ред. Б. И. Маршака, П. Б. Лурье. СПб., 1999–2020.
- Саввониди Н. Ф., 1992. Керамика Пенджикента VII–VIII вв., комплексы, типология и историческая интерпретация. Дис. ... канд. ист. наук. СПб.
- Смирнова Л. О., 2014. Керамика из раскопок городища Хисорак // Материалы Пенджикентской археологической экспедиции. Вып. XVII / под. ред. П. Б. Лурье. СПб. С. 60–113.
- Якубов Ю., 1988. Раннесредневековые сельские поселения горного Согда. Душанбе.

**Особенности реконструкции средневековых строений
хозяйственного назначения
(по материалам селища Нижние Шелаболки)**

Скулкин Д. Р.

*Марийский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории им. В. М. Васильева, Йошкар-Ола
Ponchik95d@gmail.com*

Ключевые слова: реконструкция, марийская культура, Средние века, поселенческий памятник, деревянная постройка

Археологический памятник селище Нижние Шелаболки расположен на террасе между двумя оврагами на правом берегу р. Волги в Горномарийском районе республики Марий Эл. Селище принадлежит марийской культуре, датировано XIII–XV вв.

Памятник открыт в 2001 г. А. И. Михеевой. В 2011 г. обследован Д. Ю. Ефремовой, в 2018 г. Марийской археологической экспедицией (МарАЭ) под руководством В. В. Никитина установлены границы распространения культурного слоя. Площадь памятника составляет 95910 кв. м.

Стационарно памятник исследовался МарАЭ под руководством Т. Б. Никитиной в 2017 и 2018 гг. тремя раскопами общей площадью 172 кв. м. Наиболее перспективным для реконструкции оказалось сооружение, обнаруженное в раскопе № 3 2018 г. (рис. 1). На уровне материка по линии северо-запад–юго-восток обнаружены вертикальные стены, сложенные из бревен диаметром до 0,16 м. В стратиграфии имеются следы 3–4 нижних венцов. Постройка заглублена в материк на 0,6 м. Сооружение не имело фундаментных конструкций и дополнительных элементов защиты нижних венцов. Дно котлована плоское.

На дне постройки обнаружены четыре ямы, три вдоль юго-западной стены: яма № 4 округлой формы диаметром 0,5 м, глубиной 0,2 м; яма № 5 неправильной овальной формы 0,75 × 0,55 м, глубиной 0,35 м; яма № 6 круглой формы диаметром 0,4 м, глубиной 0,2 м. Яма № 7 от центра жилища тяготела к северо-восточной стене, правильной круглой формы диаметром 0,3 м и глубиной 0,2 м. Ямы заполнены гумусированным суглинком, в яме № 5 обнаружено большое количество рыбьей чешуи и мелких птичьих костей. В северной части постройки обнаружены обугленные фрагменты досок. Внутри постройки отсутствуют следы печи или очага. В заполнении постройки обнаружено большое количество керамики, костей животных, рыбьей чешуи и несколько индивидуальных находок. Они представлены металлическими изделиями: три целых ножа и одна обломанная рукоять, ключ плоский от пружинного замка

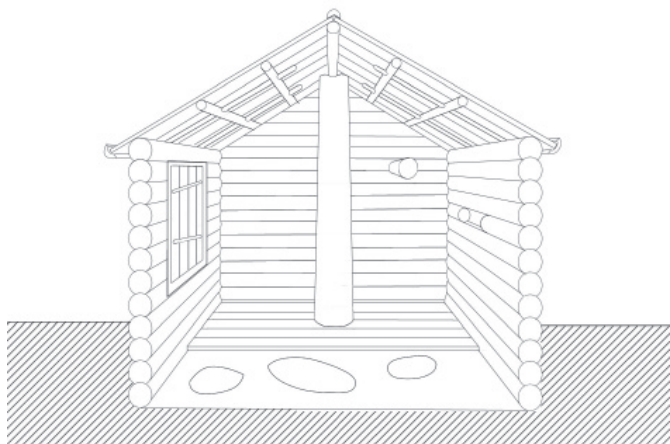

Рис. 1. Реконструкция клетки-амбара с заглублением с селища Нижние Шелаболки

новгородского типа Г (Колчин, 1959. С. 82), подвеска в виде гусиной лапки, фрагмент накладки и фрагменты двух монет восточного происхождения.

Постройка представляла собой клеть-амбар, тип 2 по Т.Б. Никитиной с погребом (Никитина, 2002. С. 54) (рис. 1). По характеру отпечатков на материковом слое и стенах котлована можно определить конструктивные особенности сруба. Постройка была рублена в «косую лапу» или «шип-паз», как наиболее распространенные способы углового соединения «без остатка». По данным этнографии, высота одноэтажного амбара может колебаться в пределах 10–13 венцов, еще 4–6 бревен – самцы, образующие фронтоны (Кудрявцев, 2004. С. 57–60). Отсюда следует, что высота внутреннего пространства от пола до коневого слега составляла от 2,4 до 3,7 м, а высота от дневной поверхности до конька до 3,2 м (Кудрявцев, 2004. С. 60). Яма № 7 правильной круглой формы является останками столбовой конструкции, которая могла служить опорой для коневой слеги двускатной крыши. Вход в помещение, вероятно, был организован в северо-западной стене. На полу имелся настил из досок, о чем свидетельствует углистая прослойка на материке. Датировующим маркером является комплекс находок. Ключ от замков новгородского типа Г бытовал в лесной зоне с конца XIII до второй половины XV в. Подвеска в виде гусиной лапки датируется по материалам болгарских памятников XII–XIV вв. Комплекс керамики соответствует находкам на Малосундырском городище XIII–XV вв. Исходя из этого, постройка бытовала в промежутке с XIII по XV в.

На синхронных памятниках известны схожие по морфологии постройки. Подобное строение обнаружено А.Х. Халиковым на Носельском селище III. Автор интерпретирует его как амбар с глубоким погребом (Халиков, Архипов, 1958. С. 286–291). На Сауткинском селище обнаружена хозяйственная постройка с подполом, она имела перекрытие, разделяющее наземную часть строения и подпол. Подземная часть сруба была укреплена досками (Никитина, 1995. С. 132–133). На Юльяльском селище обнаружена срубная постройка 2,8 × 2 м, заглубленная на 0,2 м, с дощатым полом и подполом. Рублена «в чашу» (Никитин, 1990. С. 10). Похожие объекты были обнаружены на Барковском селище Д.Ю. Ефремовой (Ефремова, 2018. С. 125). Погреба на Барковском селище по характеру расположения вдоль береговой линии, форме и габаритам сходны с постройкой на селище I Нижние Шелаболки. На Мало-Сундырском городище найдены три постройки такого типа (Никитина, Михеева, 2006. С. 86–87).

Постройка такого типа характерна для средневековой марийской культуры, в дальнейшем она найдет свое развитие в виде двухэтажного амбара с галереей, известного из этнографических исследований. Он функционировал в качестве помещения для хранения продуктов питания и вещей бытового назначения, требующих защиты от неблагоприятного погодного воздействия. Вероятно, что находки рыбьей чешуи и костей мелких животных являются следами вторичного использования котлована строения после окончания периода бытования постройки.

Список литературы

- Ефремова Д.Ю., 2017. Археологическое исследование древнемарийского Барковского селища (XIII–XV вв.): между Русью и Ордой // III Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей. Между востоком и западом: движение культур, технологий и империй / отв. ред. Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдигов. Владивосток. С. 124–128.
- Колчин Б.А., 1959. Железообрабатывающее производство Новгорода Великого // МИА. № 65. М. С. 7–121.
- Кудрявцев В.Г., 2004. Деревянное зодчество марийцев. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ.
- Никитин В.В., 1990. Отчет археологической экспедиции за 1989 год // Архив НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 1. Д. № 944.
- Никитина Т.Б., 2002. Марийцы в эпоху Средневековья (по археологическим материалам): Монография. Йошкар-Ола: МарНИИ.
- Никитина Т.Б., 1995. О характере расселения марийцев во II тыс. н.э. на примере Мало-Сундырского городища и его округа // АЭМК. Вып. 24.: Новые материалы по археологии Среднего Поволжья. Йошкар-Ола. С. 130–139.
- Никитина Т.Б., Михеева А.И., 2006. Аламнер: миф и реальность (Важнангерское (Мало-Сундырское) городище и его округа). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ.

- Никитина Т.Б., 2019. Отчет о раскопках на объекте археологического наследия «Нижние Шелаболки, селище I» в Горномарийском районе Республики Марий Эл летом 2018 г. Йошкар-Ола. / НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 1. Д. № 1245.
- Халиков А.Х., Архипов А.Г., 1958. Носельское селище III // Отчет о полевых работах Марийской археологической экспедиции за 1958 г. / НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 1. Д. № 86. С. 285–291.
- Хейкель А.О., 1888. Строения черемисов, мордвы, эстонцев и финнов. Гельсингфорс. НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 1. Д. № 925.

**Реконструкция женского ювелирного костюма культуры
смоленско-полоцких длинных курганов
(по материалам раскопок некрополя Навры II 2017–2020 гг.)**

Тарасевич В. Н.

*Национальный исторический музей Республики Беларусь, Минск
tarasevichvika475@gmail.com*

Ключевые слова: *бескурганное погребение, кремация, раннее Средневековье, культура смоленско-полоцких длинных курганов, женский ювелирный костюм*

Комплекс археологических памятников Навры находится у одноименной деревни Мядельского района Минской области Республики Беларусь. Особый интерес вызывает некрополь Навры II: на протяжении 2017–2020 гг. А.Н. Плавинским, Н.А. Плавинским и В.Н. Тарасевич здесь была исследована общая площадь 733 кв. м. Некрополь интересен тем, что состоит из курганов с погребениями по обряду кремации третьей четверти I тыс. н. э., которые можно соотнести с древностями культуры псковских длинных курганов/банцеровской культурой, и бескурганных кремаций культуры смоленско-полоцких длинных курганов (далее – КСПДК) VIII – начала/первой половины XI вв. (Плавинский, Тарасевич, 2021).

В результате исследований бескурганных погребений была получена серия украшений, которые дополняют и уточняют существующие представления о женском ювелирном костюме КСПДК. Можно выделить следующие элементы (рис. 1):

- обоймицы-разделители от головного венчика (рис. 1: 1–4);
- пряжка-защелка от головного венчика (?) (рис. 1: 5);
- спиральные пронизки: миниатюрные, изготовленные из трехгранной, плоской и полукруглой проволоки (рис. 1: 6–11); среднего размера, изготовленные из трехгранной проволоки (рис. 1: 12–18);
- височные кольца: миниатюрные с завитком наружу (рис. 1: 19–23); с заходящими серповидными концами (рис. 1: 24–25);

Рис. 1. Некрополь Навры II, примеры женского инвентаря бескурганых погребений: 1–4 – обоймицы; 5 – пряжка; 6–18 – спиральные пронизки; 19–25 – височные кольца; 26–27 – гривны; 28–32 – бусы; 33–36 – фибулы и их фрагменты; 37 – би-S-подобный держатель; 38–39 – трапецевидные подвески; 40–44 – браслеты; 45–48 – неопределимые вещи. 1–4, 6–27, 33, 35–48 – сплав на основе меди; 5, 34 – железо; 28–32 – стекло (рис. Н. А. Плавинского, фото В. Н. Тарасевич, М. И. Латышевой)

– гривны: часть дужки гривны, изготовленной из круглой в сечении проволоки (рис. 1: 26); конец и фрагмент дужки тардированной гривны (рис. 1: 27);

– бусы: «лимонки» из желтого и синего стекла (рис. 1: 28–29); 14-гранные голубые (рис. 1: 30–32);

– фибулы: имеются язычки от фибул или пряжек и их фрагменты (рис. 1: 33–34); зафиксировано два фрагмента дужки (рис. 1: 35–36);

– би-S-подобный держатель (рис. 1: 37);

– трапециевидные подвески (рис. 1: 38–39);

– браслеты: ребристые пластинчатые спиральные (рис. 1: 40–41); фрагменты браслета со следами его вторичного использования в виде заклепки (рис. 1: 42); тардированный (рис. 1: 43) и, возможно, браслет с расширяющимися концами (рис. 1: 44).

Большинство выявленных вещей в силу фрагментированности типологически и хронологически неопределимы. Отдельно следует отметить наличие украшений, которые не имеют аналогий в КСПДК: литого украшения круглой формы (рис. 1: 46), «луноподобного» украшения (рис. 1: 47) и проволочных височных или шейных украшений (рис. 1: 45, 48).

Наиболее представительными источниками для реконструкции женского ювелирного костюма выступает инвентарь погребений Объектов 8, 13, 17. Можно предложить следующие варианты реконструкций:

– Объект 8: украшения головы представлены головным венчиком ленточного типа, височными кольцами неустановленного типа из проволоки; шея, возможно, была украшена изделием из проволоки;

– Объект 13: украшения головы представлены «луноподобным» изделием; украшения шеи представлены ожерельем из рядов миниатюрных спиральных пронизок, которые разделялись 14-гранными голубыми бусинами;

– Объект 17: украшения головы представлены миниатюрными височными кольцами с завитком наружу; украшения шеи представлены таким же ожерельем, как и в Объекте 13, но, вероятно, с включением трапециевидных подвесок небольшого размера. Возможно, в погребении присутствовало шейное украшение из проволоки, однако, вероятней всего, выявленные фрагменты можно считать фрагментами браслетов.

В погребениях присутствовали слитки металла серебристого цвета и шарики металла серого цвета. Это свидетельствует о том, что в костюм погребенных входили изделия, изготовленные, в частности, из свинцово-оловянистых сплавов (Щеглова, 2002).

Таким образом, можно говорить о том, что женский инвентарь бескурганых погребений представлен как украшениями, известными по материалам курганных погребений КСПДК (Енуков, 1992), так и совсем новыми изделиями, ранее в среде культуры не встречавшимися. Узко

датируемых вещей среди женского инвентаря не имеется. Использование головного венчика в погребальном костюме типично, тогда как присутствие в курганных древностях КСПДК ожерелья из 14-гранных бус и миниатюрных спиральных пронизок фиксируется в единичных случаях (Штыхов, 1992. С. 115–116. С. 47, рис. 31: 30). Редки в курганных погребениях культуры миниатюрные височные кольца с завитком наружу. Однако преждевременно говорить об отличии женского ювелирного костюма, реконструируемого по материалам бескурганых погребений, от костюма КСПДК, известного по материалам курганных древностей.

Список литературы

- Енуков В.В., 1990. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей (по археологическим материалам). М.: Курский педагогический институт.
- Плавинский Н.А., Тарасевич В.Н., 2021. Результаты раскопок некрополя второй половины I тыс. н.э. Навры II в 2017 г. в контексте изучения погребальных памятников северных регионов Республики Беларусь // КСИА. № 268. С. 298–326.
- Щеглова О.А., 2002. Свинцово-оловянные украшения VIII–X вв. на Северо-Западе Восточной Европы // Ладога и ее соседи в эпоху Средневековья / отв. ред. А.Н. Кирпичникова. С. 134–150.

Средневековое Зауралье в контексте культурных связей (к анализу восточноевропейского импорта)

Третьяков Е.А.

*Тюменский государственный университет, Тюмень
gor-tom@mail.ru*

Ключевые слова: *Зауралье, Средневековье, восточноевропейский импорт, экономика, юдинская культура*

Интенсификация торгово-экономических отношений в конце I – начале II тыс. н. э. между представителями различных этнокультурных групп Евразии поспособствовала формированию плотной сети торговых артерий, которая затрагивала даже самые отдаленные уголки Восточно-Европейской равнины, соединяя их с Центральной Азией, Ближним Востоком, Западной Европой и др. Начало функционирования данных транзитов уходит глубоко в древность, однако пик их активности приходится на начало II тыс. н.э. Так, к числу наиболее известных артерий стоит отнести знаменитый путь «из варяг в греки»; Волжский торговый путь («из варяг в арабы»), а также его восточное ответвление – Камский торговый путь (Белавин, 2000). Последний представляет для

нас наибольший интерес, так как именно он служил одним из ключевых элементов в системе торговых коммуникаций между Восточной Европой и Западной Сибирью. В.П. Даркевич отмечает, что до начала IX в. торговля по Волжскому пути носила спорадический характер, кроме того, большая часть «восточной» торевтики появляется на Урале не ранее IX в. (Даркевич, 2010. С. 147). Данная гипотеза подтверждается находками наиболее ранних серебряных куфических монет из Зауральского региона, время чеканки которых укладывается в рамки IX – начала X вв. Принимая во внимание тот факт, что большая часть «восточного» серебра поступала в Зауралье посредством населения Верхнего Прикамья (ломоватовская культура) (Кулешов, 2017. С. 365), можно предположить, что начальной точкой активизации торгово-экономических процессов между зауральским населением и коллективами Верхнего Прикамья и, в целом, Восточной Европы являлся IX в.

В Зауралье это время было ознаменовано сложением и распространением памятников юдинской культуры (IX–XIII вв.), носители которой контролировали большую часть водных магистралей Среднего Зауралья (Викторова, 2008. С. 128). Анализ материала наиболее ранних памятников IX–XI вв. показал, что, кроме вышеупомянутых куфических монет, в комплексах присутствует значительное количество изделий, характерных для памятников Верхнего Прикамья (Турова, 2016).

Начиная со второй половины XI в. разнообразие восточноевропейских вещей в зауральских комплексах увеличивается в разы. Так, «западный» импорт из юдинских памятников маркируют как минимум три крупных региона:

1. Волжская Булгария, откуда в Зауралье поступала металлическая посуда элитарного и бытового характера (котлы, ковши, чаши). Высок процент ювелирных изделий болгарских мастеров, преимущественно из серебра, – височные украшения, перстни, пластинчатые браслеты и т. д.

2. Северная Русь являлась поставщиком высокотехнологичных металлических изделий – проушенные топоры и ножи, известны находки мечей т. н. «каролингского» типа. Также с древнерусскими регионами связаны немногочисленные типы украшений, в их числе витые браслеты и кольца, металлические бусы, подвески лунницы и др. Кроме этого, Северная Русь являлась поставщиком товаров из Западной Европы (Маслюженко, 2020).

3. Отдельные центры прикамского бассейна, как и Волжская Булгария, являлись поставщиками ювелирной продукции на восточные склоны Урала. Однако наибольшее распространение получили шумящие украшения, характерные для данного региона. Большая часть вещей этого круга представлена изделиями, имеющими прямые аналогии в материалах родановской культуры (Вострокнутов, 2020), центром которой являлось Верхнее Прикамье.

Судя по количеству импорта в Зауральском регионе, рост экономических контактов во второй половине XI в., вероятно, был вызван формированием т.н. Северного широтного хода – системы торговых коммуникаций, связывающих Восточную Европу с севером, в том числе и западносибирским (Федорова, 2015). Основой данной системы, скорее всего, являлась меховая торговля, поэтому большая часть транзитов была направлена на северо-восток, напрямую на полярный Урал или через р. Северная Сосьва и Ляпин в Нижнее Приобье. Тем не менее в древности южнее – через территорию Среднего Зауралья – пролегла еще одна водная магистраль – Вишеро-Лозьвинский путь, связывавший Верхнюю Каму с Нижним Притобольем (Бахрушин, 1935. С. 74). Так, по данным Устюжского летописного свода, еще в XV в. этой дорогой русские воеводы ходили против югорских князей, достигая нижнего течения р. Иртыш. К тому же данный путь был хорошо известен пельмским вогуличам, использовавшим данный маршрут в целях набегов на Пермь (Бахрушин, 1928. С. 89).

В IX–XIII вв. восточная (зауральская) часть этого пути, состоящая из р. Лозьвы, Тавды и Нижнего Тобола, контролировалась носителями юдинской культуры. Об этом говорит серия укрепленных поселений, расположенных на равном удалении друг от друга вдоль всего участка водного пути. Кроме того, в материалах памятников, приуроченных к Вишеро-Лозьвинскому пути, фиксируются вещи трех вышеописанных групп. К таковым комплексам относятся: Ликийский могильник, в низовьях р. Лозьва, а также городище Уки II, расположенное вблизи слияния рек Тобол и Иртыш. Последнее, судя по наличию большого количества импортного инвентаря (не только восточноевропейского), являлось торгово-ремесленной факторией на пути в Нижнее Приобье (Кызласов, 2018. С. 246–247).

Таким образом, в XI–XIII вв. через территорию Зауралья пролегла торговая артерия, соединяющая Восточную Европу не только с Нижним Приобьем, но и с Западной Сибирью в целом, о чем свидетельствуют находки импорта болгарского, древнерусского и верхнекамского происхождения, которые также фиксируются значительно восточнее рассматриваемого нами региона. На этом фоне территория Среднего Зауралья представляла из себя «транзитную зону», где ее население выступало в качестве посредников, тем самым объединяя Восточную Европу и Урало-Сибирский регион.

Работа выполнена при поддержке проекта РФФИ и Тюменской области: Роль миграций в историко-культурной динамике юга Западной Сибири в эпоху Средневековья (20-49-720001).

Список литературы

- Бахрушин С. В., 1928. Очерки истории колонизации Сибири в XVI–XVII вв. М.: Издание М. и С. Сабашниковых.
- Бахрушин С. В., 1935. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. Л.: Изд-во Института народов севера ЦИК СССР им. П. Г. Смидовича.
- Белавин А. М., 2000. Камский торговый путь: Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь: ПГПУ.
- Викторова В. Д., 2008. Древние угры в лесах Урала (страницы ранней истории манси). Екатеринбург: Квадрат.
- Вострокнутов А. В., 2020. Шумящие украшения Пермского Предуралья конца XI – XIV вв. СПб.: Маматов.
- Даркевич В. П., 2010. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. М.
- Кулешов Вяч. С., 2017. Серебро за меха из Страны мрака: памятники византийской, восточной и западной торевтики и нумизматики в сакральной экономике югорского общества V–XV вв. // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 89. СПб. С. 363–372.
- Кызласов И. Л., 2018. Новое в жизни Восточной Европы в XI–XII вв. (Влияние Великого Сибирского пути, открытое археологией) // Земли родной минувшая судьба... К юбилею А. Е. Леонтьева / отв. ред. А. В. Чернецов. М. С. 228–250.
- Маслюженко Д. Н., 2020. Германская чаша рубежа XII–XIII вв. с территории Среднего Притобья: археологический источник и историческая реконструкция // Роль вещественных источников в информационном обеспечении исторической науки / отв. ред. Д. М. Бондаренко, Д. Н. Маслюженко. Курган. С. 360–368.
- Турова. Н. П., 2016. Коллекция наременной гарнитуры рубежа I–II тыс. н. э. из некрополя юдинской культуры // ВИАЭ. № 2 (33). С. 77–86.
- Федорова Н. В., 2015. Северный широтный ход в XI–XV вв.: постановка проблемы // УИВ. № 2 (47). С. 73–82.

Деревянные предметы из древнекоряжских погребений с мысов Братьев и бухты Малой Астрономической (Северное Приохотье) по материалам исследований 2020–2021 гг.

Харитонов Р. М.

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
tengeri_ashina@list.ru*

Лебединцев А. И.

*Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский
институт ДВО РАН, Магадан
lebedintsev@neisri.ru*

Ключевые слова: древнекоряжская культура, Северное Приохотье, погребальный обряд, дерево

На сегодняшний день не теряет своей актуальности изучение древнекоряжской культуры Северного Приохотья. По данным археологии, культура сформировалась на основе токаревской и датируется V–XVII вв. н.э. (Лебединцев, 2008. С. 71). Между тем одним из белых пятен в изучении древнекоряжской культуры является погребальная обрядность ее носителей.

Одним из перспективнейших участков для изучения погребальных комплексов древнекоряжской культуры являются м. Братьев и м. Бухты Малая Астрономическая в заливе Бабушкина. В 50–60-х гг. XX в. здесь был открыт ряд могильников и раскопаны единичные погребения, которые были интерпретированы как тунгусские и большого интереса не вызвали (Васильевский, 1971. С. 28). Сейчас материалы из этих погребений и вовсе утеряны (Моисеев и др., 2021. С. 135). Позже С.П. Ефимовым на м. Братьев было выявлено и зафиксировано коллективное захоронение в каменной нише с каменным валом (14 черепов и более 100 других костей) недалеко от береговой линии. По найденным артефактам (в числе которых также отмечены деревянные пластины, которые были интерпретированы как детали двусоставных луков) исследователь определил захоронение как древнекоряжское (Ефимов, 1991). После изучения антропологических останков данный вывод был подтвержден (Моисеев и др., 2021). Это актуализировало проблематику могильников на м. Братьев и м. Бухты Астрономической в контексте древнекоряжской культуры.

В ходе полевых работ в 2020–2021 гг. на отмеченной территории было зафиксировано 16 пунктов, пять из которых предварительно можно считать погребальными (Лебединцев и др., 2020; 2021). Изученные погребения представлены труположением между скальных глыб, перекрыты лиственничными жердями и каменной выкладкой. Они расположены в непосредственной близости от скалистого обрыва на берегу (Мыс Братьев I, II, IV, Астрономическая VI) или на невысоком холме в удалении от береговой линии (Астрономическая II).

В погребениях просматриваются сохранившиеся лиственничные жерди перекрытия длиной от 1 м до 2 м с округлым сечением и диаметром 2–8 см (рис. 1: 1). Скорее всего, они изготовлены из целых стволов молодых деревьев, с которых снимали кору и обрубали ветки. Эти жерди не являются плавником, в непосредственной близости от берега лиственница не растет, следовательно, сюда они доставлялись специально, вероятно из ближайшего лесного массива с расстояния 5–7 км.

В пункте Астрономическая VI на обрыве между валунами (вероятно, остатки разрушенного из-за обвала погребения) найдены четыре деревянных предмета: три тонкие жерди (одну извлечь не удалось) и один предмет сложной формы. Отмеченные жерди длиной 120 см и 110 см (одна фрагментирована) отличаются от жердей перекрытия (рис. 1: 2).

Рис. 1. Деревянные предметы из погребений Мыс Братьев IV (1, 4) и Астрономическая VI (2, 3): 1 – лиственничные жерди перекрытия; 2, 3 – детали неопределимой конструкции, 4 – пластина основы сложного лука

Они также очищены от коры, на поверхности видны сучки, однако в сечении они D-образные и утолщаются от окончаний к трети длины с 1,5–2 см до 2,7–2,9 см, а на одном конце имеют резкое утончение длиной 1 см. Назначение этих предметов установить не удалось.

Еще один предмет с Астрономической VI – это вытянутая пластина длиной 41 см, в центральной части шириной 2 см и толщиной около 1,3 см, сечение близко к половине вытянутого эллипса (рис. 1: 3). С одного края она имеет расширяющуюся от окончания область длиной 16 см (у центральной области пластины расширение заканчивается ступенькой), вдоль которой по боковой поверхности вырезана канавка длиной 11 см от выступа. С другого окончания на той же боковой

поверхности расположен участок длиной 4 см, вдоль которого корпус расширяется до 4 см, и небольшой шип длиной 3 см, продолжающий боковую поверхность пластины, противоположную расширяющейся части. На широкой поверхности имеются три отверстия диаметром 0,7 см, одно в сужающейся области и два на центральном участке. Предмет являлся деталью сложной конструкции.

В полностью выбранной второй могиле пункта Мыс Братьев IV с жердями перекрытия был обнаружен фрагмент основы лука длиной около 105 см веслообразной формы (рукоять и упругие плечи) (рис. 1: 4). В центре сечение полукруглое, толщина 1,5 см и ширина 2,8 см. К окончаниям от центра деталь плавно расширяется до 5 см и утончается до 0,7 см, после чего незначительно сужается до мест сломов. Лук был сложной конструкции, и данная пластина усиливалась каким-либо способом (другой деревянной пластиной, сухожильным шнуром, китовым усом и т.д.). В осыпи погребения найдена концевая боковая накладка из рога оленевых. Это свидетельствует о наличии у лука длинных изогнутых вперед концов с торцевым вырезом для тетивы, характерных для североазиатских луков, в том числе и древнекорякских.

Представленные данные демонстрируют исследовательский потенциал древнекорякских погребальных комплексов Северного Приохотья, связанный также с сохранностью деревянных предметов. Неудовлетворительное состояние некоторых погребений и деструктивные естественные факторы, приводящие к разрушению скального обрыва и движению валунов, между которыми располагаются погребения, свидетельствуют о необходимости незамедлительного обследования этих археологических объектов.

Список литературы

- Васильевский Р.С., 1971. Происхождение и древняя культура коряков. Новосибирск.
- Ефимов С.П., 1991. Остатки коллективного погребения на мысе Трех Братьев – новый памятник древнекорякской культуры // Древние памятники Севера Дальнего Востока / отв. ред. Н.Н. Диков. Магадан. С. 136–141.
- Лебединцев А.И., 2008. Проблема происхождения северо-восточных палеоазиатов // Вестн. СВНЦ ДВО РАН. 2008. № 3. С. 67–80.
- Лебединцев А.И., Макаров И.В., Прут А.А., Пташинский А.В., Федорченко А.Ю., Харитонов Р.М., Гребенюк П.С., 2020. Результаты полевых исследований в Северном Приохотье и на Камчатке в 2020 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXVI. Новосибирск. С. 148–154.
- Лебединцев А.И., Прут А.А., Федорченко А.Ю., Харитонов Р.М., Пташинский А.В., Макаров И.В., Гребенюк П.С., 2021. Результаты полевых исследований

в Северном Приохотье и на Камчатке в 2021 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXVII. Новосибирск. С. 167–175.

Моисеев В.Г., Зубова А.В., Гребенюк П.С., Лебединцев А.И., Мальярчук Б.А., Федорченко А.Ю., 2021. Популяционные связи древнего североохотского населения по краниометрическим материалам из коллективного погребения в каменной нише на мысе Братьев (северное побережье Охотского моря) // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 49. № 2. С. 134–143.

Новое время

Предметы игр из культурного слоя Челябинска XIX – начала XX в.

Букачѐва А. О.

Историко-культурный заповедник «Аркаим», Челябинск

Яковлева Е. С.

*Курганский государственный университет, Курган
lugsamildanah@yandex.ru*

Ключевые слова: культурный слой, Челябинск, игрушки, мир детства

Мир детства в материальной культуре Урала Нового времени довольно скудно представлен археологическими материалами и еще слабее – соответствующими публикациями, ввиду чего основной задачей данной работы будет первичное обобщение и систематизация накопленного источника по проблеме.

В работу были включены 43 игрушки из культурного слоя Челябинска, надежно датируемые второй половиной XIX – нач. XX вв. Данная категория находок в археологических материалах Челябинска крайне немногочисленна, что особенно заметно при сопоставлении с синхронными памятниками сопредельных территорий. Преобладающими в тематической подборке артефактов являются игрушки для коллективных игр – керамические и фаянсовые фишки, а также единично представленные каменная шашка и костяная бабка (рис. 1).

Фишки (32 ед.) чаще всего изготавливались из фрагментов сосудов или тарелок; края тщательно обтачивались или оставлялся небрежно подправленный округлый контур. При раскопках 2020 г. такие предметы удалось зафиксировать в наборе, включающем фишки разного цвета и из разного материала – зеленые керамические и белые фаянсовые.

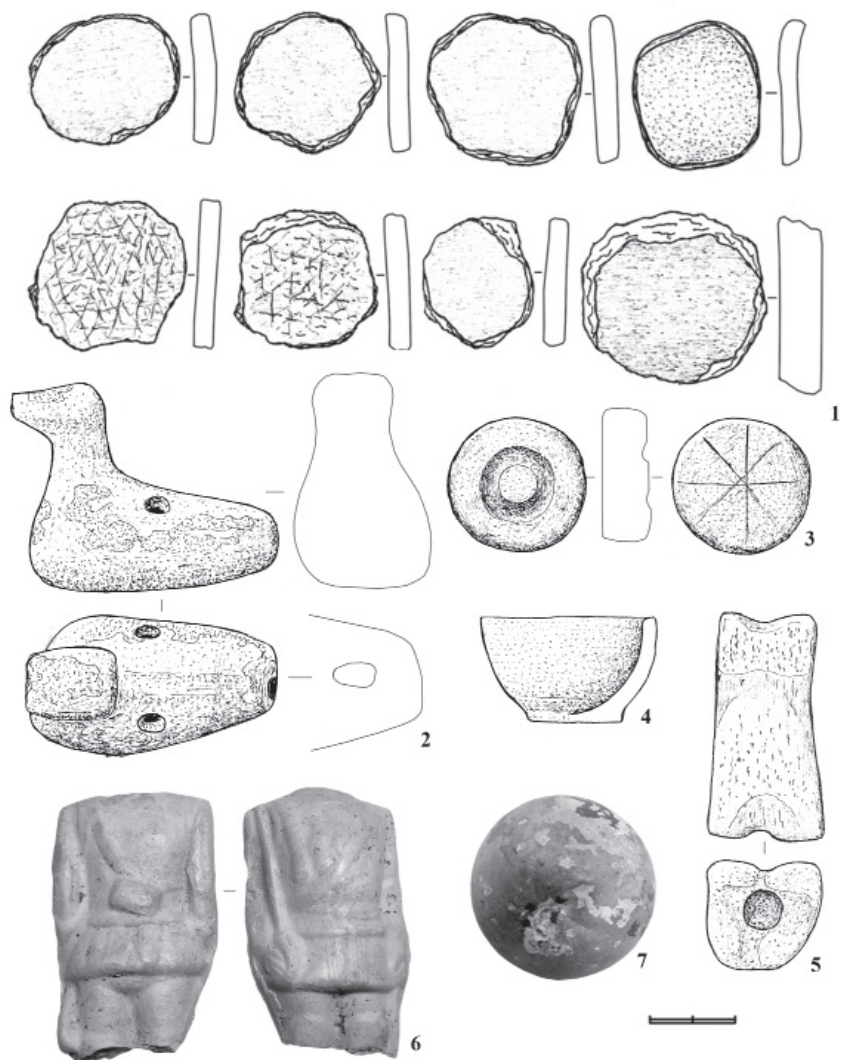

Рис. 1. Предметы игр из культурного слоя Челябинска: 1 – керамические и фаянсовые фишки; 2 – фаянсовая птичка-свистулька; 3 – каменная шашка; 4 – керамический сосудик; 5 – таранная кость с отверстием; 6 – глиняная форма солдатик; 7 – стеклянный шарик

По этнографическим данным, они использовались в очень широком географическом пространстве от Малороссии до Сибири в качестве «денежек», «кремешков» и прочих коллективных детских игр с очень переменными правилами (Татурова, 2018. С. 124; Черная, Татауров, 2019. С. 89).

Каменная шашка представляет собой уплощенный цилиндр, в центре верхней площадки которого имеется широкий рельефный выступ в форме окружности. На противоположной стороне прочерчены неровные линии, разделяющие предмет на восемь частей. Хотя шашечные игры предназначались, главным образом, для взрослых, их могли осваивать и в старшем детском возрасте (Колосницын, 2018. С. 180).

Для изготовления бабки была использована таранная кость; поверхность изделия залощена, выровнена с одной из сторон, в нижней части проделано отверстие.

Редкой находкой являются два стеклянных шарика. Аналогичные находки встречены в культурных слоях Западной Сибири и отнесены к игрушкам-забавам или снарядам для игры типа крикета (Пархимович, 2014, С. 259; Татаурова, 2018).

Другая группа находок – музыкальные игрушки – представлена четырьмя керамическими свистульками в форме птиц. Несмотря на то что аналогичные находки являются достаточно распространенными в городских культурных слоях, для Челябинска они редки (Гущина, 2013. С. 21, рис. 4; 23, рис. 9). Чаще всего свистульки изготавливались гончарами наряду с посудой (Татаурова, 2018).

В единичном экземпляре зафиксирован керамический сосудик (Гущина, 2013. С. 21, рис. 5). Игрушки, имитирующие посуду, часто встречаются в городах центральной России и Сибири. Их относят к обучающим, ассоциативным игрушкам для девочек. Обычно миниатюрные сосуды изготавливали лепным способом сами дети, о чем говорит неаккуратность сосудиков (Черная, Татаурова, 2019. С. 88), однако челябинская находка изготовлена на гончарном круге.

К категории предметов для игр был также отнесен фрагмент глиняного солдатика.

Возможно, данный солдатик служил основой для дальнейшего литья металлического солдатика по глиняной модели.

Завершая обзор предметов игр, можно кратко отметить следующее:

1) среди игрушек имеются как самодельные, так и качественные ремесленные образцы;

2) функционально игрушки представлены обучающими, ассоциативными, досуговыми; по гендерной принадлежности – для мальчиков, для девочек и общими;

3) ассортимент скуден и выглядит довольно однообразно в сравнении с синхронными материалами других памятников. Очевидно, имеющаяся совокупность слишком малочисленна и нерепрезентативна для далеко идущих выводов, но публикация материалов *ad hoc* поможет в продолжении работы в заданном направлении.

Авторы выражают глубокую признательность ГИМ Южного Урала, а также коллегам, чьи труды сделали возможной данную работу.

Список литературы

- Гущина Е. В., 2013. Челябинские дети. Археологическая ретроспектива // Исторические чтения. Вып. 13. Челябинск. С. 15–27.
- Колосницын П. П., 2018. Средневековые настольные игры в Старой Руссе по археологическим данным // Ученые записки НовГУ. № 6 (18).
- Пархимович С. Г., 2014. Детские игрушки в русских поселениях севера Сибири конца XVI–XVIII вв. // Культура русских в археологических исследованиях: сборник научных статей. 2014. Т. I. С. 253–267.
- Татаурова Л. В., 2018. Мир детства сибирской деревни XVII–XVIII вв. // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск. С. 122–128.
- Чёрная М. П., Татауров С. Ф. 2019. Игры детей и игрушки в социокультурном пространстве сибирского города: историко-археологический контекст // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 47, № 2. С. 84–92.

Новый могильник XVIII–XIX вв. в Удмуртии: характеристика монет

Окишев Д. Е.

*Удмуртский государственный университет, Ижевск
okishevmarkovka@gmail.com*

Ключевые слова: *Новое время, Удмуртия, погребения, монеты*

Данная работа нацелена на всестороннее исследование новой коллекции монет, полученной в ходе раскопок. Нумизматический материал для археолога имеет особое значение. С одной стороны, позволяет установить дату памятника. С другой, изучая легенду, а также археологический контекст монет, мы получаем важные сведения о различных сторонах жизни и истории социума, уровне его развития, торговле и экономических связях, мирных сторонах жизни и катастрофах, месте денег в системе ценностей и т. д.

В 2020 г. были проведены спасательные археологические раскопки на части территории Большеволокковского могильника («Вужшай») (Черных, Перевозчикова, 2021. С. 12–15). В результате было изучено 49 погребений. Подавляющая часть погребенных уложена головами на запад, в трех – най-

дены православные нательные кресты. В то же время сопровождающий инвентарь – женские украшения, орудия труда и предметы быта – характерен для погребального инвентаря удмуртских языческих кладбищ. Помимо предметов различного назначения, погребения сопровождались монетами.

Многую проанализированы монеты (131 экз.), происходящие из 28 погребений (57% от общего количества погребений, 91 монета); еще 40 были собраны с поверхности (из разрушенных могил). Сразу уточним, что в коллекции имеются также имитации или подделки (7 предметов).

В погребениях монеты встречались в количестве от 1 (31 погр.) до 9 (11 погр.) либо в составе женских украшений, либо в виде сопровождавших умершего и намеренно помещенных в могилу (как элемент погребального ритуала/обряда).

К первому случаю относятся серебряные деньги с пробитыми отверстиями, что следует рассматривать как факт их иного обращения в социуме. Среди таковых – «чешуйки» и одна пятикопеечная монета 1814 года. Они встречены в составе головных (погр. 47) или нагрудных украшений женщин и девушек. Хорошо известно, что монеты часто использовались удмуртами в качестве украшения-оберега (Белицер, 1951; Лебедева, 2008). Еще одним выразительным примером, когда они были использованы в качестве украшения-оберега, может послужить погребение 26; здесь на запястье правой руки найдены три «чешуйки» на нитке.

Медные и серебряные деньги, помещавшиеся в могилу в процессе захоронения или прощания с усопшим, встречены в разных частях могилы, но в основном в области головы (черепа), плеч и груди, таза или около ног. Важно, что в некоторых погребениях (погр. 9, 25, 27, 28) монеты были предварительно помещены в ткань или кожу, а в погребении 44 – в кожаный кисет, в котором также находились и другие вещи. Такие комплекты, вероятно, выполняли функцию особых подношений покойным, что в удмуртской этнографии чаще всего рассматривают как «заупокойный дар» (Владыкин, 1994. С. 157–159).

В погребениях Большеволокковского могильника монеты, как правило, встречались вместе с прочими предметами: в мужских могилах это железные топоры, курительные трубки, в женских – ножи, бусы. Учитывая, что с 1751 г. д. Итчи-Докия (совр. Большое Волково) входила в православный приход с. Вавож-Можга, а жители официально считались крещеными, выявленные особенности погребального обряда можно рассматривать как материальные свидетельства двоеверия местных удмуртов. Лишь в двух погребениях (№ 25 и № 45) монеты были единственными находками.

Среди монет, поддающихся атрибуции (84 экз.), самая старшая чеканена в 1730 г., самая младшая – в 1855 г. Наибольшее их количество – 68 – выпадает на XVIII в., в то время как монет первой половины XIX в. всего 16. Из общей хронологической даты выбиваются «чешуйки» (в кол-

лекции могильника их 15), выпускавшиеся до петровской реформы 1718 г. (Кучеренко, Мошнягин, 1968. С. 131–135).

Среди 101 медной монеты номинал не установлен только для 11. 31 предмет – это 1-, 2- и 5-копеечные, а также полушка. На многих имеются вензеля правителей – Екатерина II, Павел I, Александр I и Николай I (Орлов, 1994. С. 80–86). Но большую часть «медной коллекции» составляют денга (59 экз.). Номинал «серебра» (всего 23; одна с неустановленным номиналом) также разнообразен. Семь из них – это 5, 15, 25 копеек, полуполтинник, гривенник; остальные 15 – это «чешуйки», изготовленные из серебряной проволоки.

Важным аспектом для характеристики нумизматических находок является место чеканки. Однако из-за плохой сохранности металла монетный двор установить удалось не для всех предметов коллекции. На денга инициалы места чеканки отсутствуют. В совокупности, лишь у четвертой части предметов в коллекции место чекана удалось установить надежно. Большинство из них чеканены на Екатеринбургском монетном дворе, две монеты – при Императорском дворе в Санкт-Петербурге (25 копеек 1835 г. и 5 копеек 1814 г.); три чеканены на Московском дворе (2 копейки 1763 г., полуполтинник 1767 г. и 15 копеек 1771 г.); еще две (5 копеек 1777 г. и копейка с нечитаемым годом из погребения 38) имели инициалы «КМ», то есть колыванская медь. Это т.н. «сибирки», чеканившиеся на Сузунском монетном дворе (Алтай).

Преобладание екатеринбургских денег над продукцией других монетных дворов объясняется просто: с 1769 по 1780 г. общегосударственный медный чекан производился только в Екатеринбурге. Численный перевес екатеринбургской меди в другие годы объясняется как большими объемами чеканки, так и географической близостью территории Удмуртии к Уралу. Монеты иной чеканки поступали в регион, по всей видимости, эпизодически (Туркевич, 2005. С. 124).

Список литературы

- Белицер В.Н., 1951. Народная одежда удмуртов. М.: АН СССР.
- Владыкин В.Е., 1994. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия.
- Кучеренко Э.И., Мошнягин Д.И., 1968. Нумизматика в школе. М.: Просвещение.
- Лебедева С.Х., 2008. Удмуртская народная одежда. Ижевск: Удмуртия.
- Орлов А.П., 1994. Монеты России 1700–1917: Каталог-справочник. Минск: «Паблицити».
- Туркевич Л.Б., 2005. Клады русских медных монет в национальном музее удмуртской республики // Музей и современность / отв. ред. Т.И. Останина. Ижевск. С. 119–129.
- Черных Е.М., Перевозчикова С.А., 2021. Спасательные раскопки большеволковского могильника «вужшай» // Археологические открытия в Удмуртии – 2020 / отв. ред. Е.М. Черных. Ижевск. С. 12–15.

Краткий обзор итогов археологического изучения Перми

Романова Л. В.

*Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь
yoxaren@list.ru*

Ключевые слова: *поселение, Новое время, культурный слой, Пермь, постройка*

Целью данной статьи является краткий обзор итогов археологических исследований, проводившихся Камской археологической экспедицией на территории исторического центра г. Перми с 2010 г. Результаты исследований позволили существенно расширить наши знания в области бытовой культуры населения губернского города и предшествующего ему заводского поселка, а также скорректировать архитектурно-планировочную историю поселения. За последнее десятилетие раскопками была исследована значительная часть территории памятников «Пермь губернская, поселение» и «Егошихинский медеплавильный завод, поселение», общей площадью свыше 20 000 кв.м.

Одним из результатов работ стало уточнение топографии губернского центра. В 2013–2014 гг. в ходе охранных археологических раскопок под руководством Л. В. Романовой был выявлен и локализован православный некрополь середины – второй половины XVIII в. (Романова, 2014). В 2021 г. в ходе спасательных работ А. В. Данича установлены границы некрополя первого городского храма – Петропавловского собора.

Были прослежены русла нескольких древних оврагов и ручьев, впадавших в р. Каму. Вдоль высокого берега Камы пролегли основные центральные улицы губернского города. Ручьи, сбегавшие по склону, удачно вписались в квартальную сетку и дали начало нескольким переулкам, расположенным перпендикулярно центральным улицам. Раскопками 2020 г. в квартале 42 было на всю ширину исследовано русло такого оврага (Романова, 2021). В течение второй половины XVIII–XIX в. овраг был полностью засыпан. Засыпка оврага представляла собой прослойки щепы, песка. Уже в начале XX в., видимо, по-прежнему мокрое и топкое место было засыпано глиной, происходившей из котлована одного из выстроенных неподалеку домов.

Гораздо более крупный и глубокий овраг был исследован в 2021 г. отрядом КАЭ под руководством Л. В. Романовой в квартале 39. Слои засыпки аналогичны, по найденным предметам они датируются с начала XVIII в.

Высокая влажность грунта в исследованных оврагах способствовала сохранению многочисленных предметов из кожи, дерева, бересты, пеньки.

До сих пор находки изделий из органических материалов в Перми были крайне редки. За последние два года археологическая коллекция пополнилась образцами обуви различных фасонов, фрагментами сумок и одежды из кожи, туесами, пестерями, различной бытовой и кухонной деревянной утварью.

По краям и склонам оврагов выявлены сооружения, не характерные для хорошо изученных внутриворонных пространств городских усадеб. В 2020 г. в квартале 42 на краю оврага были исследованы остатки сгоревшей постройки размерами 4 × 5 м, судя по большому количеству перекаленных кирпичей, оборудованной небольшой печью (Романова, 2021). В заполнении постройки, возможно небольшой кузни, найдены металлические крицы, железные ножи, светец, кресало, большое количество ошлакованной перегоревшей керамики.

В 2021 г. в квартале 39 в ходе спасательных археологических раскопок Л.В. Романовой зафиксированы остатки бревенчатых заплотов, служивших для укрепления склонов оврага. Одна из конструкций, хуже сохранившаяся, располагалась в верхней части левого склона. Вторая, расположенная почти на дне, под правым склоном, благодаря высокой влажности дошла до исследователей в хорошей сохранности. Сооружение представляет собой конструкцию из толстых бревен, уложенных горизонтально в пазы вертикально поставленных столбов. Конструкция была расположена вдоль склона оврага.

Судя по найденному монетному материалу, заплот был сооружен не ранее 1730-х гг. Интересно, что когда основная часть конструкции уже скрылась под мощными слоями засыпки из щепы и навоза, поверх нее был сооружен настил из тесаных полубревен, уложенных на поперечные лаги из тонких еловых стволов, – дорожка для прохода по мокрому и топкому месту бывшего оврага.

Долгое время считалось, что квартальная сетка, заложенная при основании города, впоследствии не претерпевала значительных изменений. Однако археологические раскопки показали, что изменились направление и ширина улиц. Выявлено, что существовали проулки, не показанные на городских планах. В центральной части квартала 39 были прослежены два ряда регулярных построек, расположение которых явно свидетельствует о наличии между ними проулка, параллельного берегу р. Камы.

Археологические данные позволили восстановить характер и расположение усадебных построек внутри кварталов. Выделено два типа фундаментов городских домов – на ленточном фундаменте из бутового камня и на деревянных сваях. Причем внешние стены дома, поставленного на сваях, также могли иметь основание из бутового камня, носившее в таком случае более декоративный характер. Так, в квартале 85 при раскопках 2019 г. под

руководством М.К Мингалевой (Мингалева, 2020) были выявлены остатки дома, стоявшего на трех рядах деревянных свай. Основание внешней стены дома, выходявшей на улицу, было сложено из дикого гранита.

Значительную часть коллекции составили предметы, относящиеся ко второй половине XIX – началу XX вв. Обычно этот период не интересует археологов, но в этнографических коллекциях музеев он также отражен довольно слабо. Большинство находок бытовых предметов этого времени найдены во фрагментированном состоянии, так как происходят из хозяйственных и мусорных ям.

Самую многочисленную часть коллекции составляет посуда: керамика, посуда из фаянса и фарфора, стеклянная тара – аптечные флаконы, винные бутылки, бутылки для воды и пива. Среди находок этой категории представляют интерес крышки фарфоровых баночек французской косметики, парфюмные флаконы, бутылки с клеймами производителей.

Немногочисленны, но очень интересны находки детских игрушек: глиняные свистульки и фигурки, части кукол из фарфора и керамики. Также были найдены самодельные глиняные и деревянные игрушки.

Собранная коллекция предметов включает самые разные предметы быта и отражает разные стороны повседневной жизни горожан.

Список литературы

- Мингалева М.К., 2020. Отчет об археологических раскопках объекта археологического наследия «Пермь губернская, поселение» в г. Перми в 2019 г. Пермь.
- Романова Л.В., 2013. Отчет об археологических раскопках памятника «Пермь губернская, поселение» по адресу г. Пермь, ул. Пермская, 17, 21, 23 в 2013 г. Пермь.
- Романова Л.В., 2021. Отчет об археологических раскопках на памятнике «Егошихинский медеплавильный завод, поселение» в 2020 г. Пермь.

Сапоги из погребений Троицкого (Нагорного) кладбища Ижевска (1810–1930-е гг.)

Смердова В. А.

*Удмуртский государственный университет, Ижевск
lerasmerdova@mail.ru*

Ключевые слова: *Троицкое (Нагорное) кладбище, погребение, обувь, город Ижевск, описание, городская археология*

В начале XIX в. на восточной границе Ижевского заводского поселка было заложено Троицкое (Нагорное) кладбище при одноименной церкви. Оно действовало с 1810 по 1928 г. и являлось основным поселенческим

кладбищем, пока жилия граница Ижевского поселка опять не «подошла» вплотную к нему. Последние захоронения на кладбище были совершены в 1936 г., уже после его официального закрытия. С 2007 г., в связи с реконструкцией спортивного комплекса «ЗЕНИТ», расположенного на этой территории, археологами Удмуртского госуниверситета стали осуществляться первые археологические спасательные работы на памятнике. Исследования проводились с перерывами с 2007 по 2020 г. В результате за 10 лет было выявлено и изучено 2632 погребения с останками более чем 3500 человек (Перевозчикова, Черных, 2019. С. 5).

Согласно исследованиям, умерших хоронили вытянуто на спине, головой на запад, руки располагали на грудной клетке. В числе сопровождающего погребального инвентаря были нательные крестики, медальоны и образки, иконы, свечи, а также серьги, кольца, монеты. В некоторых погребениях были найдены остатки одежды и обуви: брюки, кители, юбка, платок, головные уборы, ботинки, лапти, погребальные тапочки и др.

Наибольшее количество одежды и обуви было обнаружено при исследовании Троицкого кладбища в 2013 г., проводимом под руководством В.А. Бернц (1382 могил – 52%) (Макаров, Останина и др., 2014. С. 19). По материалам этого года остатки обуви были зафиксированы в 84 захоронениях (6%). Всего за годы исследования фрагменты кожаной обуви были найдены в 246 захоронениях (10,4%).

При работе с обувью в большинстве случаев мы имели дело с кожными фрагментами, по которым не всегда можно определить тип обуви. Сложность работы с обувью заключалась не только в ее фрагментарности, но еще и в отсутствии вовремя проведенных реставрационных работ. Почти за 10 лет, после проведенных в 2013 г. раскопок, обувь сильно высохла и деформировалась, что потребовало больших усилий на придание обуви необходимой формы. В итоге были выделены следующие типы обуви: погребальные тапочки, ботинки, туфли, лапти, сапоги.

Сапоги были выявлены в трех захоронениях (№ 1141, 1400, 1652).

В погребении № 1652 (ребенок, 5–7 лет) были обнаружены детские кожаные сапоги, сшитые из кожи малинового цвета. Сапоги были скроены из двух деталей: головки и голенища, цельнокроеного с задником. Шов у голенища проходил сзади. По верху голенища проходят две отделочные строчки. К подошве были прикреплены каблочки, высотой до 2 см, и подметка в головке. Также при погребенном были обнаружены нательный крестик и две стеклянные бутылочки.

В погребении № 1141 (мужчина, 20–25 лет) сапоги были сшиты из кожи черного цвета. Конструктивно они схожи с предыдущими сапогами (цельнокроеное голенище и головка). Шов на голенище также проходил сзади и находился на заднике. Головка имела язычок в подъемной части

и пришивалась к фрагменту голенища. Сапог имел подошву и небольшой каблук, высотой до 1,5 см. На костяке погребенного был обнаружен ряд пуговиц, скорее всего, от рубахи.

Третья пара из погребения № 1400 (пол не определен, возраст около 20–30 лет) была выполнена из кожи бежевого цвета. Их крой отличался от предыдущих. Сапоги состояли из двух частей: носовой и задней. Голенище в данном случае было разделено. Спереди оно было скроено вместе с головкой, а сзади – вместе с задником. Таким образом, у этой пары было два шва, проходящих по бокам. Каблук был склеен из четырех слоев кожи. Кроме того, у этой пары сохранились берестяные вставки в виде прокладки в заднике и стельки на подошве. При погребенном была обнаружена лишь свечка.

В целом обувь на Троицком (Нагорном) кладбище Ижевска делится на погребальную и повседневную. Сапоги, естественно, относятся к последним. К сожалению, нельзя определить временной отрезок ношения этих сапог. Материал, найденный в представленных захоронениях, датируется широко, в рамках бытования всего кладбища. Кроме того, данная обувь была достаточно популярной, и носили ее как в дореволюционное время, так и в более позднее советское. Об этом свидетельствуют, в частности, фотографии ижевцев конца XIX – первой трети XX вв.

Особый интерес в будущем представляет вопрос места производства обуви. В основном в Ижевский поселок поставлялись товары из Сарапульских кожевенных предприятий, так как в самом поселке кожевенный промысел не был сильно развит. Сами заведения Ижевского поселка представляли собой либо филиалы Сарапульских предприятий, основанные их купцами, либо небольшие местные производства, изготавливавшие кожаную продукцию для завода (Лигенко, 2014. С. 74).

Список литературы

- Лигенко Н. П., 2014. К вопросу о роли частного предпринимательства в развитии промышленности и торговли в селе Ижево-Сарапульского уезда Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX века // Ижевск: история, повседневность, образы: сборник статей / отв. ред. Е. В. Попова, М. Б. Рупасова, Г. В. Таранухова. Ижевск. С. 74–75.
- Макаров Л. Д., Останина Т. И., Перевозчикова С. А., Пастушенко И. Ю., Черных Е. М., Перевошиков С. Е., Бернц В. А., Князева Л. Ф., 2014. История города по археологическим данным // Ижевск: история, повседневность, образы: сборник статей / отв. ред. Е. В. Попова, М. Б. Рупасова, Г. В. Таранухова. Ижевск. С. 16–20.
- Перевозчикова С. А., Черных Е. М., 2020. Спасательные археологические работы на территории Удмуртской республики // Археологические открытия в Удмуртии – 2019. Ижевск. С. 4–7.

Печное убранство гражданских построек Московского кремля конца XVI – второй XVII вв. (по результатам работ 2010–2011 гг. в Грановитой палате)

Туганова Д. С.

Институт истории материальной культуры РАН,

Санкт-Петербург

daniy.tuganova@mail.ru

Ключевые слова: ранние красные московские изразцы, муравленые изразцы

Грановитая палата Московского кремля является первым актом задуманной перестройки дворца Иваном III. Законченное в 1491 г. итальянскими архитекторами Марко Руффо и Пьетро Антонио Солари здание имеет высокий подклет. Разделенный на четыре части, он обслуживал расположенный над ним парадный зал, который оставался самым крупным в Европе в течение нескольких столетий (палата имела площадь 495 кв. м).

При археологических исследованиях в 2010–2011 гг. внутри здания и по его периметру в одной из четвертей подклета были раскрыты фундаменты первоначальной печи, зафиксированы одновременные полы, обнаружены фрагменты белокаменного декора восточного фасада и интерьера палаты (Липатов, 2013). Собрана значительна коллекция изразцов, относящихся к внутреннему и внешнему убранству гражданских построек Кремля. Их появление внутри подклета следует связывать с грунтовыми подсыпками помещений с целью повышения уровня полов, возникавших в результате регулярных работ по благоустройству Соборной площади. Таким образом, вся коллекция имеет четкие хронологические рамки: с конца XV в. (времени начала строительства палаты) и до ремонтных работ второй половины XVII в., проведенных под руководством Осипа Старцева.

Изразцы коллекции делятся на группы по типу румп и признаку наличия или отсутствия глазурного покрытия на лицевой пластине.

Первую составляют ранние красные московские изразцы с высокой (4–6 см), практически прямой коробчатой румпой. Изображение на лицевой пластине окружено выступающей приблизительно на 1 см рамкой, шириной 1,8–2,2 см, затерто слюдой для придания блеска.

Согласно Н. И. Немцовой, изразцы составляют печной набор т. н. готического типа (рис. 1: 1). В него входили стенные изразцы «большой руки» (19,5–20 × 19,5–20 см) и «малой руки» (16,5 × 16,5 см), плоские пояса, перемычки и городки (Немцова, 1989. С. 4–5) (рис. 1: 2–8).

Одна из сюжетных линий изображений стеновых изразцов представлена т. н. «батальными сценами». Другую образуют изразцы, на которых изо-

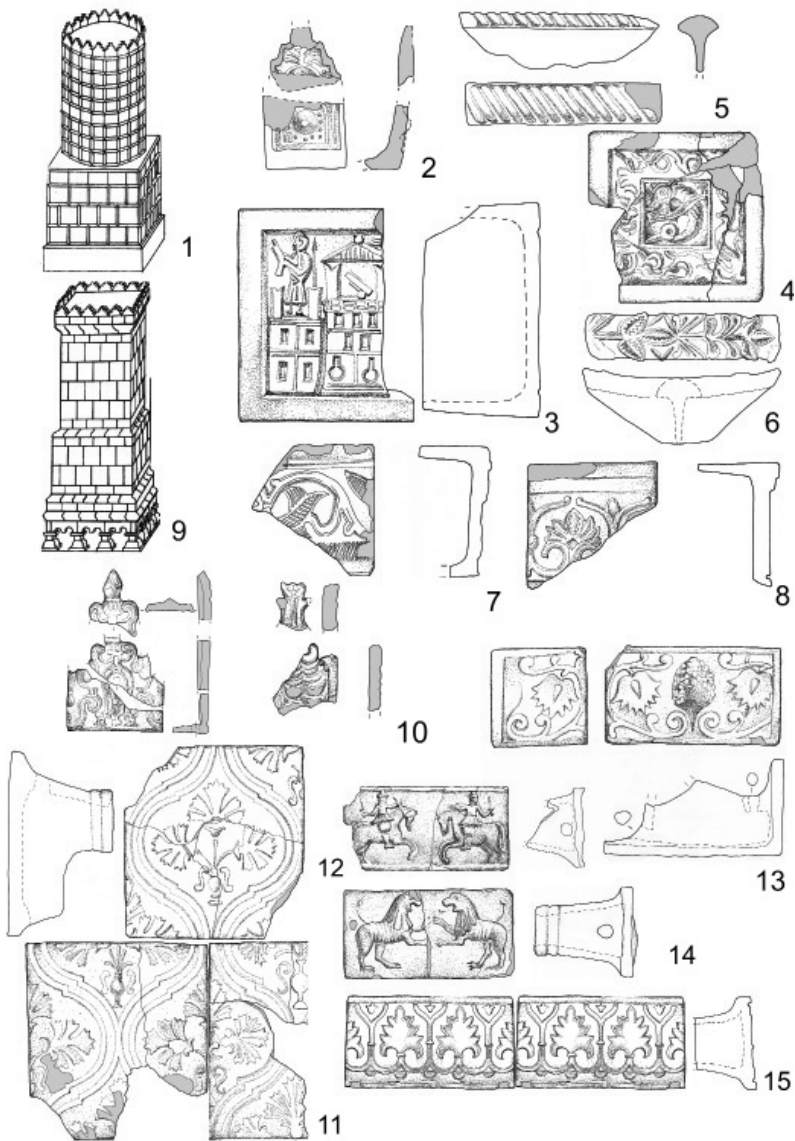

Рис. 1. 1 – реконструкция печи готического типа (по: Немцова, 1989. С. 5);
 9 – реконструкция печи ренессансного типа (по: Немцова, 1989. С. 6);
 Москва, находки из Грановитой палаты: 2, 10 – городки; 3, 4, 11 – ственные
 изразцы; 5, 6, – перемычки; 7, 8, 12–15 – плоские поясовые изразцы

бражены различные звери и птицы. Она представлена таким сюжетом, как барсы под пальмой, и его вариантами.

К третьей сюжетной линии можно отнести фрагмент стенового изразца с изображением фантастического животного. Четвертую сюжетную линию образуют изразцы с геральдическими композициями.

Из изразцов с растительным орнаментом большая группа (стенные и поясовые) несет изображения пальметт. В коллекции присутствуют стеновые изразцы, построенные на принципе как осевой, так и четырехчастной симметрии композиции.

Таким образом, в коллекции представлены все типы сюжетных изразцов по классификации, предложенной Р. Л. Розенфельдом (Розенфельдт, 1968. С. 58–68, таб. 20–24). Однако встречен и ранее не описанный никем из исследователей новый мотив. Это изразец «малой руки», с расположенным в центре внутри тонкой квадратной рамки изображением морского конька-гиппокампа.

Насколько позволяют судить известные аналогии, большая часть рассматриваемых изразцов представлена ранними типами, бытовавшими в конце XVI в. и первой трети следующего столетия. Подобные изразцы присутствуют в коллекции, собранной на территории Старых приказов (Беляев и др., 2020). Аналогичные экземпляры происходят из датированных слоев и комплексов, изученных в ходе раскопок на Романовом дворе (Кренке и др., 2009. С. 121–130, рис. 164–175), в Кремле (Евдокимов, Рузаева, Яганов, 2016). Таким образом, большую часть красных московских изразцов коллекции можно датировать концом XVI – началом XVII в.

Отдельную группу коллекции составляют муравленные (зеленые) изразцы, с румпой (9–11 см), отступающей от края лицевой пластины, с двойным валиком по наружной стороне края. Эти стеновые изразцы (плоские и круглые), профильные и плоские пояса, городки, подзоры и ножки (Немцова, 1989. С. 4–7) входят в композиционный набор печи ренессансного типа (рис. 1: 9–15).

Самую многочисленную группу составляют стеновые изразцы с ковровым орнаментом и изображением птиц. В коллекции присутствуют оригинальные рамочные поясовые изразцы с изображением всадников и животных, со стилизованным растительным и геометрическим орнаментом, а также один безрамочный изразец с рельефным симметричным изображением двух геральдических львов.

Распространение поливных изразцов связано с деятельностью патриарха Никона, устроившего в 1654 г. в Иверском Святоозерском монастыре мастерскую. Ее мастера, выходцы из Речи Посполитой (Игнат Максимов, Степан Иванов по прозвищу Полубес и др.), начали производство рельефных и многоцветных изразцов по польскому образцу и ввели конструкцию печной

облицовки без угловых облицовочных швов. С переводом мастерской в Ново-Иерусалимский монастырь в Истре и, позднее (в 1666 г.), в Москву такой тип изразца получает большое распространение сначала в печах дворцов и подмосковных резиденциях, а позже и повсеместно.

Список литературы

- Археология Романова двора: Предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках / автор-составитель Н. А. Кренке. М. 2009.
- Беляев Л. А., Глазунова О. Н., Смирнов А. Н., 2020. Изразцы конца XVI – первой половины XVII в. По материалам раскопок 2019 г. в Московском Кремле // РА. № 2. С. 114–124.
- Евдокимов Г. С., Рузаева Е. И., Яганов А. В., 2016. Комплекс печных изразцов, обнаруженный при исследованиях великокняжеского дворца в Московском Кремле в 1997 году // Керамические строительные материалы в России: технология и искусство Позднего Средневековья. Материалы I и II Всероссийских научно-практических конференций 2014–2015. М. С. 88–91.
- Липатов А. А., 2013. Археология Грановитой палаты Московского Кремля: некоторые результаты исследований 2010–2011 годов // Грановитая палата Московского Кремля. СПб. С. 241–249.
- Немцова Н. И., 1989. Методика исследования, реставрации и реконструкции изразцовых печей XVII–XVIII веков // Методические рекомендации МК РСФСР. М.
- Розенфельдт Р. Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. // Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е 1-39. М.

Венчик как элемент православного погребального обряда (по материалам кладбища Ново-Тихвинского женского монастыря)

Яковлева Е. А.

*Уральский федеральный университет, Екатеринбург
yakovleva-evfmiya@mail.ru*

Ключевые слова: *Екатеринбург, Ново-Тихвинский женский монастырь, церковная археология, монастырское кладбище, инвентарь погребений*

Со времени основания Екатеринбург считался стратегически значимым городом: центром горнозаводской промышленности, региональной торговли и, конечно же, региональным духовным центром, что подтверждается концентрацией крупных и значимых монастырей в Свердловской области. Одним из них являлся Александро-Невский Ново-Тихвинский женский монастырь (учрежден в 1810 г.). Высокий статус

объекту придавал сформировавшийся около него элитный некрополь, где упокоились именитые жители г. Екатеринбурга. Кладбище начинает действовать задолго до открытия монастыря, с 1782 г. при Успенской церкви. После при кладбищенском храме на окраине Екатеринбурга был устроен «общежительный призрательный дом» (Иконников, 1875. С. 7). В доме жили вдовы и девицы, благодаря активности старшей из них и будущей игуменьи Таисии (Митрофановой) уже к 1809 г. при кладбище был устроен монастырь. На протяжении XIX в. некрополь действовал, но за место на нем горожанам приходилось платить большие деньги, устанавливаемые монастырем. Захоронения на кладбище прекратились примерно в 1920-х гг., уже в 1930-х гг. монастырь закрыли. Без надлежащего содержания кладбище приходило в упадок, на территории монастыря были разрушены надгробные памятники, последние из которых были ликвидированы в 1948–1950 гг.

В период с 2002–2014 гг. раскопки на территории кладбища проводились С.Н. Погореловым. К сожалению, из-за недостаточного финансирования исследования был написан один отчет 2004 г., который сохранился только в копии. Исследование Ново-Тихвинского монастыря затруднено также и тем, что в 1932 г. студенты, которые жили на территории бывшего монастыря, переустроенного в связи с нуждами советской власти, сожгли весь архив Ново-Тихвинского женского монастыря. В доступе остались немногочисленные разрозненные данные из Государственного архива Свердловской области.

Автором отчета неоднократно упоминается элемент погребального инвентаря – «очелье». Он представлен фрагментом бумажной или тканевой ленты на черепе погребенного. Мы предполагаем, что корректное название этого элемента – «венчик». Это лента с изображением Иисуса Христа, Богородицы и Предтечи с надписью «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Безсмертный, помилуй нас» (Булгаков, 1993. С. 1290), которая возлагалась на лоб усопшего во время службы (рис. 1).

С 1871 г. венчики имели строго фиксированную стоимость на основании указа Святейшего Синода от 17 апреля 1871 г. (Завьялов, 1901. С. 111–112). Эта сумма была фиксированной, так как подразумевалась как «налог» за совершение погребения, и доходы с продаж шли на содержание церкви.

В 36 погребениях из 115 обследованных во время раскопок были зафиксированы фрагменты венчика. На одном сохранился ценник – 60 коп. серебром (Погорелов, 2004. С. 16). Но для указа 1871 г. такой цены не устанавливалось. Это может свидетельствовать либо о том, что это захоронение произошло раньше указа о фиксированной цене на венчики, либо о том, что установление цен в Ново-Тихвинском монастыре происходило

Рис 1. Похороны на кладбище Ново-Тихвинского женского монастыря. 1910-е гг. Автор фото неизвестен (Фотоальбом. Екатеринбург, 2015. С. 168)

вопреки указаниям Священного Синода. Ни одна из гипотез подтвердиться не может, так как для первой необходимо датировать захоронение, а для второй необходимы еще несколько подобных находок либо информация из документальных источников Ново-Тихвинского монастыря.

Чаще всего автор не уточняет, из какого материала был сделан венчик (скорее всего, из-за плохой сохранности фрагментов), но относительно двух погребений зафиксировано «бумажное очелье» (Погорелов, 2004. С. 37–39).

Все выданные для погребений венчики должны были четко фиксироваться церковью. Положение венчика к усопшему значителен, и за этим следили церковные старосты. Более того, по указу Священного Синода от 10 июля 1871 г. священнослужители должны убеждать прихожан в обязательном положении венка и листа с разрешительной молитвой из уважения к усопшему. Церковь же обязывала вести венчиковую книгу, однако правил по ее ведению не предписывалось (Булгаков, 1993. С. 1292). Но нельзя утверждать, что в Ново-Тихвинском монастыре до уничтожения архивов велась такая книга.

Также с венчиком продавалась разрешительная молитва, которая кладется усопшему в гроб. Такой артефакт явно сохраняется хуже, но в двух погребениях такие обнаружены, однако текст в отчете не фиксировался (Погорелов, 2004. С. 40–41).

В перспективе исследования входит определение значения венчика для православных погребений в Екатеринбурге. Анализ архивных данных,

поиск венчиковых книг, ведение которых предусматривалось указами Священного Синода, внешний вид венчиков позволят облегчить идентификацию останков и могут оказаться полезными в определении личностной принадлежности погребения.

Список литературы

- Булгаков С. В., 1993. Настольная книга для священно-церковно-служителей. В 2 ч. Ч. 2. М: Издательский отдел Московского Патриархата.
- Погорелов С. Н., 2004. Отчет об археологических исследованиях кладбища Екатеринбургского Горно-Уральского Ново-Тихвинского женского монастыря (участок внутримонастырского кладбища 19 века). Т. 6. // Архив Екатеринбургского Горно-Уральского Ново-Тихвинского женского монастыря.
- Завьялов А. А., 1901. Циркулярные указы Святейшего Правительствующего Синода. 1867–1900 гг. 2-е изд., СПб.: И. Л. Тузов.
- Иконников В. С., 1875. Историческое описание Екатеринбургского Ново-тихвинского первоклассного девичьего монастыря. СПб.: типо-лит. Д. А. Лифшица.
- Фотоальбом. Екатеринбург. История города в фотографии. 2015. Том I. Изд. 2-е, испр. Екатеринбург: Некоммерческая организация – Фонд «Фонд развития фотографии».

Междисциплинарные исследования в археологии

Палеопочвенные исследования на городище «Михайловский кордон» в Воронеже

Арсенова Н. Е.

*Воронежский государственный университет, Воронеж
arsyul@yandex.ru*

Потапова А. В., Каширская Н. Н.

*Институт физико-химических и биологических проблем
почвоведения РАН, Пуцино
anastassia4272@gmail.com, nkashirskaya81@gmail.com*

Ключевые слова: *городище, р. Воронеж, славяне, палеопочвоведение, междисциплинарное исследование*

На северной окраине города Воронежа на высоком правом берегу реки Воронеж расположена компактная группа археологических памятников,

относящаяся к эпохе Средневековья (Пряхин и др., 1997а; 1997б. С. 6). К их числу принадлежит и «Древнеславянское городище», которое известно в отечественной историографии как городище «Михайловский кордон», площадью 8,9 га.

В 1928 г. экспедицией П.П. Ефименко были исследованы остатки двух жилищ-полуземлянок. В 1962 г. городище обследовалось археологической экспедицией Воронежского университета под руководством А.Н. Москаленко, произведена зачистка профиля раскопа 1928 г. В 1986 и 1989 гг. на памятнике были проведены раскопки под руководством А.З. Винникова. В 1986 г. в северо-восточной части городища были заложены раскоп 1 и два шурфа. В 1989 г. изучались две линии укреплений. На внешней линии был заложен раскоп 2, на внутренней – раскоп 3 (Пряхин и др., 1997а; 1997б. С. 29). В мае 2021 г. Арсеновой Н.Е. были возобновлены исследования на городище.

Раскоп 4 был заложен на территории городища в его северо-западной части в пределах площади, укрепленной внутренней оборонительной линией, общая площадь 64 кв. м. Территория раскопа включала в себя западину размерами 4 × 4 м, которая хорошо фиксировалась на уровне современной дневной поверхности.

На месте западины в площади раскопа выявлен объект № 1, который фиксировался на уровне материка в виде темного гумусированного пятна подквадратной формы. Котлован глубиной в материковом основании до 0,85 м длинной осью вытянут по линии северо-запад – юго-восток, его площадь около 22,5 кв. м. (рис. 1). Внутри площади котлована расчищено 14 ям различного диаметра, которые имеют непосредственное отношение к домостроительной конструкции данного объекта. В северо-западной части объекта на уровне материковой поверхности были обнаружены остатки отопительного сооружения (печь?) (кв. 2, 7) размерами 0,9 × 0,7 м. Напротив отопительного сооружения в юго-восточной части постройки находился предполагаемый вход со ступеньками. Стены котлована почти отвесные. Пол постройки материковый, достаточно плотный, по всей площади котлована хорошо фиксировался «натопт» (пол времени бытования постройки). В квадрате 10 на уровне «натопта» был обнаружен развал боршевского сосуда с защипами по краю венчика. Еще одно отопительное сооружение было зафиксировано в площади раскопа в северо-западном углу квадрата 1 (объект 3), которое также может быть отнесено к объекту 1. Оно представляло из себя пятно прокала и угля размерами 0,75 × 0,8 м мощностью до 0,2 м. Основные находки из объекта 1 представлены фрагментами салтовских, славянских и византийских керамических сосудов, костями животных, а также серий индивидуальных находок (фрагмент ножа, пряслице из стенки сосуда, фрагмент подвески). Можно предположить, что постройка носила жилой характер.

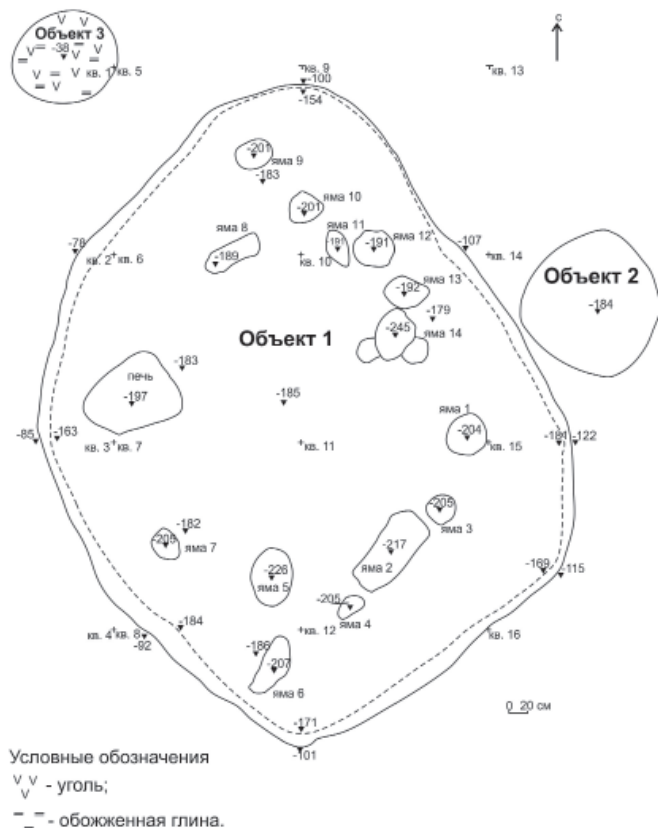

Рисунок 1. Городище «Михайловский кордон», 2021 г. Раскоп 4.
 План раскопа с объектами

В кв. 13, 14 располагался объект 2. Он представлял собой яму округлой формы, глубиной до 0,75 м и диаметром 1,5 м. В объекте были обнаружены фрагмент стенки и фрагмент дна лепного сосуда. Можно предположить, что данный объект имел хозяйственное назначение.

Задачами археологического исследования на городище являлось получение новых данных о планировке городища, характере домостроительства, жизнеобеспечения, хозяйства, бытового обихода с привлечением палеопочвенных методов.

В квадратах по периметру раскопа проводилась оценка содержания органического и минерального фосфора методом Сандерса–Вильямса

(Saunders et al., 1955), определение уреазной активности индофенольным методом (Kandeler, 1988) и фосфатазной активности методом Галстяна–Арутюнян (Хазиев, 2005. С. 177–178). Кроме того, оценивалась численность сапротрофных бактерий на твердой питательной глюкозо-пептонно-дрожжевой среде ГПД.

В целом содержание минерального фосфора увеличивалось в направлении с востока на запад в 2–3,5 раза. По-видимому, в западной части исследуемого участка была сосредоточена хозяйственная деятельность древнего населения, предположительно в летнее время, когда работала летняя печь (объект 3 в кв. 1.17). Это подтверждается данными по содержанию органического фосфора, который также в западной части раскопа увеличивался в верхнем слое в 3–16 раз, а в нижнем слое в 3–6 раз по сравнению с восточной частью. Однако в квадрате 20 в восточной части участка было выявлено экстремально высокое значение органического фосфора – 6,3 мг P₂O₅/г почвы. Территория этого квадрата примыкала к хозяйственной яме (объект № 2). Так или иначе, в квадрате 20 (слой 20–40 см) имело место накопление органического вещества, что подтверждается не только высоким содержанием органического фосфора, но и достаточно высокой численностью сапротрофных бактерий (в целом на северо-востоке поселения), свидетельствующих об органическом загрязнении почвы. Мы предполагаем, что в северо-восточной части раскопанного участка имело место хранение органических отходов, возможно, с целью создания компоста.

Следует отметить, что городище является перспективным объектом для комплексного изучения с привлечением естественнонаучных методов, таких как палеопочвоведение.

Список литературы

- Пряхин А. Д., Беседин В. А., Разуваев Ю. Д., Цыбин М. В., 1997а. Вантит. Изучение микрорегиона памятников у северной окраины г. Воронежа. Вып. 1. Воронеж: ВГУ.
- Пряхин А. Д., Беседин В. А., Разуваев Ю. Д., Сафонов И. Е., Цыбин М. В., 1997б. Вантит. Изучение микрорегиона памятников у северной окраины г. Воронежа. Вып. 2. Воронеж: ВГУ.
- Хазиев Ф. Х., 2005. Методы почвенной энзимологии. М.: Наука.
- Kandeler E., 1988. Short-term assay of urease activity using colorimetric determination of ammonium / E. Kandeler, H. Gerber // Biol Fertil Soils. V. 6. P. 68–72.
- Saunders W.M., Williams E.G., 1955. Observations on the determination of total organic phosphorus in soils // Journal of Soil Science. Vol. 6. No. 2. P. 254–267.

Возможности применения палинологического анализа для изучения пещерных археологических памятников

Алексейцева В. В.

*Новосибирский государственный университет, Новосибирск
v.alekseitseva@g.nsu.ru*

***Ключевые слова:** палинологический анализ, пещерные археологические памятники, Алтайский край, каменный век, плейстоцен*

Пещерные археологические памятники – уникальные объекты, ценные для изучения активности древнего человека и природных условий, в которых он жил. В связи с этим памятники такого типа зачастую становятся материалом для палинологических реконструкций. В регионах с засушливым климатом пещеры могут оказаться единственным источником палинологических данных. В силу особенностей морфологии пещер и осадконакопления внутри них, палинологическое изучение пещер имеет свою специфику. Механизмы заноса и захоронения пыльцы внутри пещер могут обуславливать подход к интерпретации пещерных палиноспектров, однако на настоящий момент они являются еще недостаточно изученными, что может приводить к ошибочным выводам.

До сих пор остается дискуссионным вывод Р. Солеки, исследовавшего захоронения неандертальцев в пещере Шанидар (Ирак). Для памятника был выполнен палинологический анализ, результаты которого показали крайне высокое содержание цветочной пыльцы в одном из захоронений (Шанидар-4), в то время как в других погребениях и частях пещеры подобного не наблюдалось. Автором был сделан вывод о захоронении особи Шанидар-4 в цветах и высказано предположение о наличии у неандертальцев ритуального поведения (Solecki, 1975). Повторное изучение пещеры Шанидар на современном этапе показало, что пыльца всех семейств, обнаруженных Р. Солеки, присутствует на памятнике и в настоящее время, что может говорить об ошибочности выводов исследователя (Fiasconi, Hunt, 2015).

Рядом исследователей изучался вопрос того, насколько репрезентативны могут быть пещерные отложения для построения палинологических реконструкций (Burney, Burney, 1993; Coles et al., 1979; Navarro et al., 2002; Weinstein-Evron, 1994). В исследованиях авторами сравнивались поверхностные образцы, отобранные внутри и снаружи пещерных памятников, а также пыльцевой дождь. Авторы сходятся в выводах о том, что пещерные спектры в целом в достаточной степени отражают внешнюю растительность, однако они отмечают, что присутствует ряд факторов, на которые нужно обращать внимание при интерпретации

таких данных. Среди них выделяются: морфология пещеры, расстояние от входа до места отбора образца, деятельность животных и насекомых внутри пещеры, подверженность пыльцы постдепозиционным процессам, а также особенности распространения пыльцы разных семейств.

В связи с дискуссионностью проблемы нами были изучены несколько пещерных археологических памятников, располагающихся на территории Алтайского края: пещеры Бийка-1, Чагырская, Страшная. Поверхностные сборы на палинологический анализ были осуществлены здесь из разных точек внутри пещер и в их округе. Данные, полученные внутри и снаружи пещер, были сопоставлены и проанализированы с целью выяснения того, насколько адекватно палиноспектры внутри пещер отражают внешнюю растительность.

Спектры внутри и снаружи пещеры Чагырская показали приблизительно сходное содержание пыльцы травянистых растений: здесь они представлены полынью, астровыми, злаками, маревыми, розовыми, лютиковыми. Разнятся показатели древесной растительности в спектрах: береза, преобладающая внутри пещеры, снаружи практически не представлена; обратную ситуацию можно наблюдать относительно хвойных. Судя по всему, это отражает тенденцию к недостаточной представленности пыльцы хвойных растений внутри пещер.

Значительные отличия в спектрах отмечены относительно пещеры Страшная. Большинство таксонов внутри и снаружи пещеры здесь представлены в приблизительно сходном соотношении, за исключением цикориевых, полыни и сосны: преобладающие в отложениях пещеры цикориевые и полынь практически отсутствуют за ее пределами, обратную ситуацию можно наблюдать относительно сосны. Это может быть связано с морфологическими особенностями пещеры: будучи узкой и вытянутой, пещера может не обеспечивать достаточное проникновение воздушных потоков, вследствие чего внутри пещеры может быть недостаточно представлена ветроопыляемая растительность и, напротив, чрезмерно представлена насекомоопыляемая.

Относительно пещеры Бийка-1 различия также были обнаружены в составе древесной растительности: древесные, представленные снаружи сосной, березой, пихтой, вязом, практически отсутствуют внутри, где, напротив, преобладают практически отсутствующие снаружи цикориевые. Это также может объясняться различными способами переноса пыльцы этих таксонов.

С целью получения новых данных в ходе полевого сезона 2021 г. поверхностные сборы осуществлялись на пещерных памятниках Козья, Верхняя Сибирячиха (Алтайский край). Привлечение большего объема материалов с различных памятников в дальнейшем может помочь ответить на вопрос, насколько репрезентативными являются пещерные отложения для палинологических реконструкций.

Список литературы

- Burney D.A., Burney L.P., 1993. Modern pollen deposition in cave sites: experimental results from New York State // *New Phytologist*. Vol. 124. P. 523–535.
- Coles G.M., Gilbertson D., Hunt C., Jenkinson R.D.S., 1989. Taphonomy and the palynology of cave deposits // *Cave Science – Transactions British Cave Research Association*. № 16. P. 83–89.
- Fiacconi M., Hunt C.O., 2015. Pollen taphonomy at Shanidar Cave (Kurdish Iraq): An Initial evaluation // *Review of Palaeobotany and Palynology*. Vol. 223. P. 87–93.
- Navarro C., Carriyn J.S., Prieto A.R., Munuera M., 2002. Modern Cave pollen in an arid environment and its application to describe palaeorecords // *Complutum*. Vol. 13. P. 7–18.
- Solecki R.S., 1975. Shanidar IV, a Neanderthal Flower Burial in Northern Iraq // *Science*. Vol. 190. P. 880–881.
- Weinstein-Evron M., 1994. Biases in archaeological pollen assemblages: Case studies from Israel // *Contributions to Microbiology*. № 29. P. 193–205.

Современные методы документирования в условиях Крайнего Севера: опыт экспедиции Института археологии по изучению наскальных рисунков на р. Пегтымель (Чукотский автономный округ)

Зиганшина А.А.

*Институт археологии РАН, Лаборатория RSSDA (Remote Sensing and Spatial Data Analysis), Москва
ziganshina.anna.1961@gmail.com*

Ключевые слова: *Пегтымель, Чукотка, петроглифы, фотограмметрия, БПЛА, картирование*

В августе 2021 г. Петроглифический отряд Института археологии РАН под руководством к.и.н. Е.С. Левановой обследовал крупнейший памятник наскального искусства северной Азии – петроглифы на р. Пегтымель. Местонахождение расположено в 65 км от побережья Восточно-Сибирского моря и ближайшего населенного пункта – пос. Биллингс.

После обнаружения на скалах Кээнейкуульского обрыва рисунков в 1965 г. их неоднократно исследовали Н.Н. Диков и другие археологи (Дэвлет и др., 2012. С. 203). Несмотря на успехи предыдущих экспедиций, накопленный фактический материал остался должным образом не систематизирован. Мониторинговые работы на памятнике затруднены отсутствием точного топографического плана и сведений о расположении поверхностей с петроглифами. Поэтому целью экспедиции 2021 г. стал сбор

пространственных данных для формирования геоинформационной системы, позволяющей систематизировать разнородные сведения о петроглифах и их природном окружении. Документирование памятника осуществлялось методом трехмерного моделирования на четырех уровнях детальности, для каждого из которых применялся специфический набор приемов и методик. Это уровни «ландшафтного контекста», «участка памятника», «останца со скоплением петроглифов» и «отдельной поверхности с петроглифами». Взаимосвязь между различными видами пространственных данных обеспечивалась методами спутниковой геодезии. Подобные работы ранее проводились нами на памятниках Нижнего Амура, Притомья и Минусинской котловины (Свойский Ю. М. и др., 2021; URL: <https://aurockart.ru/>).

На начальном этапе полевых работ была проведена плановая аэросъемка с БПЛА. При этом решались две задачи – создание рекогносцировочных ортофотоплана и цифровой модели рельефа. Материалы были сформированы в течение первых суток и в дальнейшем послужили основой полевой ГИС, существенно облегчившей мониторинговые работы. Их камеральная обработка позволила создать детальные цифровую модель рельефа, ортофотоплан и топоплан.

На втором этапе работ применялась перспективная съемка обрыва с БПЛА, решавшая задачу картографирования Кэнейкуульского обрыва для создания общей трехмерной карты расположения петроглифов. Одновременно был начат мониторинг состояния петроглифов, сопровождавшийся уточнением их координат прямыми GNSS-наблюдениями. Анализ результатов перспективной аэросъемки показал необходимость детального моделирования отдельных участков с высокой плотностью распространения рисунков. Для этого выполнена перспективная аэросъемка в ручном режиме 10 наиболее сложных останцов с гротами, местами, где наскальные рисунки обращены к склону и недоступны для автоматической съемки. На основе этих данных в настоящее время формируются трехмерные карты участков.

Параллельно со съемкой наиболее сложных участков было начато редокументирование отдельных поверхностей с петроглифами фотограмметрическим способом.

Документирование проводилось в условиях низких температур, сильного ветра, высокой влажности. Работы на памятнике заняли 14 дней. Был обследован скальный обрыв протяженностью 1,15 км и определены координаты 341 поверхности с петроглифами. В результате 55 аэросъемочных полетов собраны данные для формирования топографического плана, цифровых моделей рельефа, ортофотопланов, трехмерных карт участков с петроглифами. 99 поверхностей с рисунками редокументированы фотограмметрическим методом, существенно уточнены границы памятника. Успех

полевых работ был обеспечен хорошей информационной и материально-технической подготовкой, в том числе двойным резервированием всех ключевых элементов оборудования.

В настоящее время обработка материалов полевых работ продолжается. Сбор данных в единой системе координат обеспечил возможность их интеграции в ГИС, в которую включаются также систематизированные результаты работ предшествовавших экспедиций. GNSS-измерения и аэросъемка позволили проследить взаимосвязи наскальных рисунков с ландшафтным контекстом, по-новому взглянуть на пространственное распределение петроглифов. Это дало основания для обоснованного отказа от сложившейся на памятнике системы индексации, базирующейся на неверном представлении о существовании так называемых «скоплений», и вернуться к принципу сквозной нумерации, изначально предложенной Н. Н. Диковым.

Применение современных методов документирования и систематизации пространственных данных на памятниках наскального искусства не является чем-то принципиально новым. Как в мире, так и в России в последние 20 лет при документировании петроглифов успешно применяются трехмерное моделирование, фотосъемка с БПЛА, спутниковая геодезия, систематизация данных в ГИС, в том числе онлайн-овых ГИС и общедоступных базах данных. В качестве примеров можно привести информационную систему НГУ по петроглифам Южной Сибири (URL: <http://petrogis.mmc.nsu.ru/>), геоинформационную систему Scotland's Rock Art (URL: <https://www.rockart.scot/>) и ряд других проектов. Однако даже в настоящее время эти методы, как правило, используются разрозненно. Подход, примененный исследовательским коллективом Центра палеоискусства и Лаборатории RSSDA на петроглифах Кээнейкуульского обрыва, позволяет сформировать целостный цифровой образ объекта и решить ряд практических задач изучения труднодоступных памятников наскального искусства.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-78-10121).

Список литературы

- ГИС Петроглифы. Электронный ресурс. URL: <http://petrogis.mmc.nsu.ru/> (дата обращения: 30.01.2022).
- Дэвлет Е. Г., Миклашевич Е. А., Мухарева А. Н., 2012. Материалы к своду петроглифов Чукотки (изображения в скоплениях I–III на Кайкуульском обрыве) // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. Труды САИПИ. Вып. IX. С. 203–283.
- Петроглифы Нижнего Амура и Уссури. Электронный ресурс. URL: <https://aurockart.ru/> (дата обращения: 30.01.2022).

Свойский Ю.М., Леванова Е.С., Романенко Е.В., 2021. В поисках Шереметьевских петроглифов: комплексный подход к документированию скальных поверхностей // Проблемы истории, филологии, культуры. № 2 (72) С. 262–274. Scotland's Rock Art Project. Электронный ресурс. URL: <https://www.rockart.scot/> (дата обращения: 30.01.2022).

Развитие применения методов 3D моделирования в археологии (библиографический анализ)

Пугачева Е. В.

Музей антропологии и этнографии РАН, Санкт-Петербург

pugacheva.kari@yandex.ru

Лада А. Р.

Институт истории материальной культуры РАН,

Санкт-Петербург

an7on1lada@gmail.com

Ключевые слова: 3D моделирование, археология, методология исследования, библиографический анализ, сетевой анализ

Применение методов трехмерного моделирования стало одним из самых заметных достижений археологической науки в начале XXI в., существенно ускоривших и упростивших документирование археологических объектов. В настоящее время построение и использование 3D моделей вошло в практику и стало распространенным инструментом археологических исследований (Чистяков и др., 2019; 3D Recording and Modelling in Archaeology and Cultural Heritage). Спектр возможностей применения метода чрезвычайно высок – уже сейчас он применяется в полевых исследованиях для построения ортофотопланов, выявления и картирования памятников при помощи LiDAR и ГИС-систем; подготовке иллюстративного материала, экспонировании и создании реконструкций археологических объектов и, наконец, в рамках различных направлений кабинетных исследований, в первую очередь при анализе формы артефактов методами геометрической морфометрии (Лада, Пугачева, 2021; *New Perspectives on Old Stones...*). Высокие темпы развития технического и программного обеспечения создают возможности для внедрения трехмерного моделирования в новые области исследования. Первые попытки применения 3D в археологии относятся еще к рубежу XX и XXI вв., и по прошествии двадцати лет мы имеем возможность оценить, какой путь прошло за это время трехмерное моделирование в археологии и в каком направлении оно будет двигаться в ближайшем будущем.

Для изучения применения в археологии методов трехмерного моделирования и их развития во времени был проведен анализ публикаций

По результатам темпоральной кластеризации рассматриваемый период может быть разделен на три этапа. На начальном этапе (2012–2013 гг.) трехмерное моделирование используется преимущественно в области ГИС-систем (LiDAR, CAD) и фиксации архитектурных объектов. Начиная с 2014 г. мы видим повышение интереса к методике получения трехмерных моделей (фотограмметрия, лазерное сканирование, компьютерная томография) и распад крупных тематических блоков на более мелкие направления. И, наконец, на последнем этапе (с 2016 по 2018 г.) применение 3D моделирования переходит в принципиально новое качество. С этого момента мы видим постепенное внедрение и адаптацию 3D моделирования под решение конкретных исследовательских задач в рамках отдельных направлений – подводной, индустриальной, экспериментальной и доисторической археологии.

Таким образом, анализ применения трехмерного моделирования в археологии во временном срезе фиксирует четкую линию развития метода: от одного из способов документации и экспонирования археологических объектов к инструменту, предоставляющему принципиально новые возможности в рамках конкретных методов анализа. Краткий обзор применения трехмерного моделирования в археологии показывает, что основной потенциал этой технологии лежит именно в его адаптации для решения различных исследовательских задач. В настоящее время список направлений археологии, сумевших внедрить трехмерное моделирование в свои исследования, остается достаточно коротким, однако разнообразие представленных в нем направлений ясно указывает на большой потенциал для внедрения этого метода.

Исследование выполнено в рамках темы ФНИ ГАН №FMZF-2022-0017 «Развитие методики учета, хранения, научного описания и актуализация археологических коллекций, находящихся на хранении в ИИМК РАН».

Список литературы

- Лада А. Р., Пугачева Е. В., 2021. Возможности применения геометрической морфометрии в анализе каменных артефактов // Актуальная археология 5. Мат. межд. науч. конф. мол. уч. СПб. С. 40–43.
- Чистяков П. В., Ковалев С. В., Колобова К. А., Шалагина А. В., Кривошапкин А. И., 2019. 3D моделирование археологических артефактов при помощи сканеров структурированного подсвета // Теория и практика в археологических исследованиях. № 3. С. 103–112.
- 3D Recording and Modelling in Archaeology and Cultural Heritage – Theory and Best Practices / F. Remondino, S. Campana (eds). Oxford, 2014.
- Marín-Buzón C., Pérez-Romero A., López-Castro L., Ben Jerbania I., Manzano-Agugliaro F., 2021. Photogrammetry as a New Scientific Tool in Archaeology:

New Perspectives on Old Stones: Analytical Approaches to Paleolithic Technologies / S. Lycett, P. Chaunan (eds). New York, 2010.

Van Eck N., Waltman L., 2010. Software survey: VOSviewer, a computer program for bibliometric mapping // Scientometrics. Т. 84. №. 2. P. 523–538.

Фосфор на археологических памятниках: формы, количество (на примере поселения катакомбной культуры)

Потапова А. В.

*Институт физико-химических и биологических проблем
почвоведения РАН, Пушкино
anastassia4272@gmail.com*

Ключевые слова: *фосфор, культурный слой, поселение*

С 2014 по 2020 г. отрядом Верхне-Донской археологической экспедиции Государственного исторического музея у с. Ксизово Задонского района Липецкой области были проведены работы по изучению модельного участка поселения Ксизово-1 – одного из редких однослойных поселений среднедонской катакомбной культуры эпохи средней бронзы в лесостепном Подонье.

Поселение Ксизово занимает останец низкой первой террасы левого берега р. Снова вблизи места впадения ее в Дон. Поселение открыто А. Д. Пряхиным в 1964 г. по обнажению культурного слоя. Последующие разведочные работы позволили констатировать монокультурный характер памятника, протяженность которого вдоль реки оценивалась в 200 м (Екимов, 1979, С. 105).

Систематические раскопки Ксизово-1 ведутся с 2014 г. Площадь их достигла 360 кв. м. Культурные остатки здесь перекрыты пачкой наносов толщиной 1,4–1,7 м, Наносы подстилаются древней погребенной почвой толщиной 0,5–0,6 м. Возраст ее установлен по фрагментам светлоглиняной амфоры римского времени (I–II вв. н.э.), обнаруженным на контакте с делювиальным слоем, которым перекрываются залегающие *in situ* отложения катакомбного поселка. Структура и свойства культурного слоя почти не отличаются от выше- и нижележащих горизонтов, что в сочетании с небольшой мощностью (до 0,3 м), приуроченностью к низкой террасе, измельченностью бытовых остатков и другими признаками характеризует зимнюю сезонную стоянку (Гак, Борисов, 2017).

Распределение археологических находок сопоставляется с данными пространственного изучения физико-химических и микробиологических

свойств культурного слоя. Пробоотбор имел сплошной характер и производился в одной плоскости из пяти точек каждого квадратного метра по разметке раскопа. Поверхность расчерчивалась на квадраты 1×1 м. Почвенные образцы отбирались репрезентативно из пяти точек каждого квадратного метра в пределах одной плоскости по разметке раскопа. Отбор проводился на четырех уровнях зачистки с проникновением на 2–3 см в нижележащий пласт. Верхний уровень фиксировал появление материалов поселения, которые были представлены отдельными фрагментами керамики и костей животных. Пласт 1, залегающий под верхним уровнем зачистки, характеризовался незначительной встречаемостью археологических находок. Больше артефактов было обнаружено в пласте 2; в массовом количестве они фиксировались в пласте 3. Помимо разрозненных обломков, этот пласт содержал скопления кухонно-бытового мусора, сконцентрированного в районе трех очагов (Гак и др., 2014). Четвертый уровень зачистки и отбора образцов соответствовал основанию пласта 3. В расположенном ниже пласте 4 археологический материал практически отсутствовал.

При исследовании поселения Ксизово-1 была использована методика комплексного археолого-палеопочвенного анализа. Одним из важных методов археологии является анализ содержания фосфатов, высокие величины которых выступают в качестве индикатора антропогенного присутствия в почве. Традиционно фосфатный метод используется археологами для решения вопросов установления границ археологических памятников, выявления их инфраструктурных признаков и реконструкции интенсивности использования территории (Holliday, Gardner, 2006).

Известно, что есть два основных источника поступления фосфора в культурный слой: с остатками пищи, бытовыми отходами, экскрементами и другими органическими субстратами – «биологический» фосфор, либо с золой и костями – «минеральный» фосфор. Опираясь на высокие показатели содержания фосфатов, можно сделать вывод об интенсивном и длительном хозяйственном использовании территории. Поэтому важно разделять «биологический» и «минеральный» фосфор в культурных слоях археологических памятников. В отобранных образцах лабораторно определялось содержание подвижных форм фосфатов по методу Сандерса и Вильямса (Saunders, Williams, 1955).

Анализ образцов, отобранных в 2019 году, показал, что первый и второй уровни имеют наиболее высокие значения органического фосфора. Третий и четвертый уровни в целом характеризовались низкими величинами данного показателя. В нижней части третьего и четвертого уровней была выявлена небольшая фосфатная аномалия, которая фиксировалась по месту обнаружения мелкого прокала и концентрации керамики. Ареалы повышенных значений органического фосфора совпадают с ареалами концентрации кухонно-бытовых остатков.

Если в случае с органическим фосфором наибольшие значения были отмечены на первом и втором уровнях, то в случае с минеральным фосфором максимальные его величины фиксировались на третьем уровне. В образцах первого и четвертого уровней высокие значения минеральных форм фосфора не были зафиксированы. На втором и третьем уровнях ареал повышенных значений перекрывал зону скопления кухонно-бытовых остатков в южной части раскопа. Аномально высокие значения минерального фосфора сохранялись на третьем уровне в местах с резкими включениями мелкого прокала, угольков и керамики. Таким образом, почва поселения во время его существования обогащалась преимущественно минеральным фосфором.

Наиболее высокое содержание валового фосфора было зафиксировано в образцах второго и третьего уровней зачистки. Аномально высокие значения минерального фосфора прослеживались только в районе прокалов очагов в южной части раскопа. Напомним, что валовый фосфор складывается из значений минеральных и органических форм фосфатов. Поэтому раздельное определение органического и минерального фосфора позволяет более детально выявлять особенности функционирования памятников.

Список литературы

- Екимов Ю.Г., 1979. Поселения эпохи бронзы в бассейне р. Сновы в Липецкой области // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж. С. 103–114.
- Гак Е.И., Борисов А.В., 2017. Сезонность поселений среднедонской катакомбной культуры: ландшафтно-экологическая модель // Российская археология. № 1. С. 19–33.
- Гак Е.И., Чернышева Е.В., Ходжаева А.К., Борисов А.В., 2014. Опыт выявления и систематизации инфраструктурных признаков поселения катакомбной культуры Рыкань-3 в лесостепном Подонье // Российская археология. № 4. С. 19–28.
- Holliday Vance T., Gartner William G., 2007. Methods of soil P analysis in archeology // Journal of Archaeological Science. № 34. P. 301–333.
- Saunders W.M., Williams E.G., 1955. Observations on the determination of total organic phosphorus in soils // Journal of Soil Science. Vol. 6. № 2. P. 254–267.

Геоэкология неолитических археологических памятников Карельского перешейка по данным геохимических исследований

Стрельцов М. А., Кулькова М. А.

Российский государственный педагогический университет

им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург

michail1996@mail.ru, kulkova@mail.ru

Ключевые слова: геохимические исследования, Карельский перешеек, геоэкология, геоархеология

Для реконструкции жизнедеятельности древнего человека на Карельском перешейке и оценки геоэкологических факторов, влиявших на него, были выбраны материалы археологических памятников эпохи неолита «Синее 1» и «Проточное», которые были обнаружены в ходе археологического обследования в 2004 г. Карельским археологическим отрядом МАЭ РАН под руководством Д. В. Герасимова (Герасимов, 2005). Первые археологические исследования на данной территории начались еще в начале XX в. финскими археологами С. Пяльси и Ю. Айлио и закончились в 40-х гг. Позже исследования возобновились только к концу 80-х – началу 90-х гг. В. И. Тимофеевым и в настоящее время активно проводятся под руководством Д. В. Герасимова.

Археологические памятники неолита Синее и Проточное расположены в Приозерском районе Ленинградской области (рис. 1), приурочены к ледниковым супесям, пескам валунным и озерно-ледниковым пескам четвертичного периода, залегающим на раннепротерозойских отложениях Лахденпохского метаморфического комплекса и интрузивных комплексах Приладожья, а также на Элисенваарско-вуоксинском плутоническом комплексе отложений (ГИС-атлас «Недра России», Геологическая карта четвертичных отложений).

Для реконструкции палеоклиматических условий с помощью геохимических методов исследования было отобрано 25 почвенных образцов из культурных отложений памятников «Синее 1» и «Проточное».

Геохимические исследования почвенных образцов проводились на базе РГПУ им. А. И. Герцена в лаборатории геохимии окружающей среды им. А. Е. Ферсмана с помощью рентгенофлуоресцентного спектрометра «Спектроскоп МАКС-GV». Для оценки палеоклиматических характеристик использовались следующие геохимические индикаторы (Кулькова, 2012):

- Индекс химического выветривания (CIA) – характеризует степень преобразования алюмосиликатных минералов, содержащихся в отложениях, в процессе выветривания при увеличении температуры и влажности.
$$CIA = Al_2O_5 / (Al_2O_5 + CaO + Na_2O + K_2O);$$

Рис. 1. Карта исследуемых археологических памятников на Карельском перешейке

- Модули $(K_2O + Na_2O)/Al_2O_3$; K_2O/Na_2O могут быть использованы для оценки степени преобразования полевошпатовых минералов в результате химического выветривания, в процессе изменения температуры и влажности;
- Модуль Fe_2O_3/ CaO – отражает относительную изменчивость влажности климата: в гумидных климатических обстановках, если показатель меньше 1, отражает сдвиг в сторону сухого климата;
- Показатели Rb/Sr, K/Rb, Sr/Ba используются для реконструкций относительных температурных изменений в полевошпатовых минералах;
- Отношения Al/Ti, Al/Zr характеризуют степень выветривания отложений; накопление тяжелых металлов отражает увеличение относительных температуры и влажности климата в результате химического выветривания.

По данным геохимических индикаторов, на стоянке Проточное (Rupun 2.1) можно выделить два уровня увеличения антропогенной активности, которые связаны с культурными отложениями, содержащими находки артефактов. Эти горизонты приурочены к различным террасовым высотам. Нижний слой, относящийся к мезолиту – раннему неолиту, по данным геохимических индикаторов, накапливался в условиях более теплого и влажного климата

и хронологически может соответствовать нижнему атлантическому периоду голоцена. Верхний горизонт с находками позднего неолита, по данным геохимических индикаторов, можно отнести к теплому, но более сухому климатическому периоду голоцена, что может соответствовать началу суббореала или переходу от атлантического к суббореальному периоду. Геохимические исследования отложений на памятниках Синее 1 и Проточное (Rupun 4.1) выявили корреляцию между антропогенной активностью и уменьшением влажности климатических условий. Эти культурные слои содержат фрагменты керамики с примесью асбеста, которые датируются для этих стоянок IV–III тыс. до н. э. (Холкина, 2014). Палеогеографические реконструкции свидетельствуют о том, что памятники располагались на высоких отметках в прибрежной зоне в период начала Ладожской трансгрессии (Сапелко и др., 2018; Субетто, 2007). Очевидно, что жившие на этих поселениях люди могли заниматься собирательством, охотой и рыболовством.

Таким образом, можно рассматривать ландшафтно-климатические условия как один из факторов, оказывающих влияние на деятельность человека в эпохи мезолита – раннего неолита [Нижний горизонт Проточное (Rupun 2.1)] и позднего неолита – энеолита [Синее 1, Проточное (Rupun 4.1) и верхний горизонт Проточное (Rupun 2.1)].

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-35-90015.

Список литературы

- Геологическая карта четвертичных отложений Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Масштаб 1:1000000. 1969 г. Редакторы И.И. Краснов, В.А. Селиванова. Составил Н.И. Апухтин. Карта составлена в Северо-Западном территориальном геологическом управлении. Приложение к тому I (1) «Геология СССР» // Министерство геологии СССР. Главная редакция «Геология СССР».
- Герасимов Д. В., 2005. Отчет об археологических изысканиях в Приозерском районе Ленинградской области в 2004 году // Архив МАЭ РАН.
- Кулькова М. А., 2012. Методы прикладных палеоландшафтных геохимических исследований. СПб.
- Сапелко Т. В., Терехов А. В., Амантов А. В., 2018. Ладожская трансгрессия: реконструкция финальной стадии и последующего спада в северной части озера // Региональная геология и металлогения, № 75. С. 23–34.
- Субетто Д. А., 2007. История формирования Ладожского озера и его соединения с Балтийским морем // Общество. Среда. Развитие. СПб. № 1 (2). С. 111–120.
- Холкина М. А., 2014. Хронология керамики конца IV–III тыс. до н.э. на Карельском перешейке // Вестник Санкт-Петербургского университета. № 3. С. 102–108.

Актуализированные Гис-пакеты оперативной геологической информации (ГИС-Атлас «Недра России»). Электронный ресурс. <http://atlaspacket.vsegei.ru/#33722e896fd4b32740> (дата обращения: 20.01.2022).

Элементный состав украшений из могильника Сухой Лог неволинской археологической культуры

Черных А. А.

Удмуртский государственный университет, Ижевск
Anasteisha2028@mail.ru

Ключевые слова: *неволинская культура, могильник Сухой Лог, Средневековье, РФА-анализ, изделия из цветного металла*

Могильник Сухой Лог находится в Кишертском районе Пермского края, на правом берегу р. Сылва, левого притока р. Чусовой, левого притока р. Камы, на юго-восточной окраине д. Сухой Лог, на высокой 17-метровой террасе. Могильник был обнаружен в 1986 г. разведочным отрядом Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского государственного университета под руководством Е.Э. Киржнер. В 1987–1988 гг. памятник исследовал Н.В. Водолаго. За три года была изучена площадь 387 кв. м, на которой были выявлены 22 погребения (Голдина, Пастушенко и др., 2012. С. 169).

Могины ориентированы преимущественно по линии ВЮВ–ЗСЗ. Умершие были захоронены, в основном, головой к ВЮВ. Все погребения совершены по обряду ингумации. В большинстве случаев тела были уложены вытянуто на спине, реже кости умерших были сложены кучей или разбросаны беспорядочно по дну могилы. В четырех захоронениях зафиксированы остатки деревянных погребальных конструкций.

Изделия из цветного металла представлены украшениями и поясной гарнитурой: височные украшения и серьги, перстни, браслеты, пронизки, подвески, пряжки, накладки, наконечники ремней. В женских погребениях были обнаружены височные украшения, браслеты, перстни и предметы поясной гарнитуры. В мужских захоронениях найдены преимущественно детали поясной гарнитуры. Вещи из детских могил аналогичны по типу инвентаря захоронениям взрослых.

Могильник Сухой Лог датируется последней четвертью VIII – первой четвертью IX в. и относится к неволинской археологической культуре (Голдина, Пастушенко и др., 2012. С. 190).

Металлические предметы были подвергнуты РФА-анализу для определения их элементного состава. Перед анализом производили чистку вещей. В ходе анализа применяли неразрушающий метод. У предметов брали лишь по одной пробе, в основном с широкой части находок.

Исключение составила височная подвеска из погребения 4, у которой были исследованы височное кольцо и детали привески (шарик и конус). В ходе анализа было проверено 39 находок из девяти погребений: браслет, два височных украшения, 12 накладок (проба взята из основания), четыре наконечника ремня (проба взята из основания), девять подвесок, три пронизки, семь пряжек (проба взята из основной части) и цепочка.

После анализа были получены следующие результаты (табл. 1). Говоря об отдельных элементах, лидирующим компонентом в 31 изделии (79%) является медь (Cu): ее доля варьируется от 57,1% до 96,6%. В восьми предметах (21%) медь (Cu) также присутствует, но не является доминирующей. У пронизок из погр. 20 медь (Cu) присутствует в количестве 1,3–4,72%, но основным компонентом этих вещей является или свинец (Pb), доля которого составляет 97,3%, или серебро (Ag) с долей 92,9%. В погр. 15 во всех вещах количество меди составляет более 80%, но сплавы этих предметов имеют неодинаковые примеси. Наконечники ремней тоже в основе имеют медь в количестве более 75%, но включают разные примеси.

Вторым по частоте встречаемости является свинец (Pb). В большинстве своем (29 экз. – 76%) он не превышает 25%. У пяти предметов (12%) свинец преобладал над медью (более 51% свинца в составе вещи). В остальных случаях концентрация свинца составляла более 25%, но не являлась преобладающей. Можно отметить, что предметы из погр. 2 (пряжка и накладка) имеют сходный состав сплава: медь (Cu) – 96% и свинец (Pb) – 2%.

Если выделять отдельно группы сплавов, то большинство предметов из тех, которые были проверены в данном могильнике, состоят из свинцовой бронзы (Cu+Pb) – 21 экз (53%). На могильнике можно выделить группу вещей, изготовленных из сплавов с почти равными пропорциями меди (Cu), свинца (Pb) и олова (Sn) или сплавов, в которых и свинец, и олово фиксируются в количестве больше 5%: пронизка из погр. 10 (Cu – 66%, Pb – 20%, Sn – 9%), подвеска из погр. 12 (Cu – 31%, Pb – 51%, Sn – 14%), височная подвеска из погр. 4 (Cu – 37%, Pb – 27%, Sn – 26%), подвеска из погр. 4 (Cu – 41%, Pb – 41%, Sn – 11%), накладка из погр. 8 (Cu – 69%, Pb – 22%, Sn – 6%).

Предметы, в которых цинк содержится в концентрации более 5% и при этом превышает количество свинца, сделаны из сплава под названием латунь: браслет из погр. 15 (Cu – 82%, Zn – 11%, Pb – 5%), пряжка из того же погребения (Cu – 83%, Zn – 15%).

У одной височной подвески были проанализированы отдельно три ее составляющие: шарик, конус и кольцо. Кольцо (Cu – 82%, Pb – 15%) и конус (Cu – 88%, Pb – 10%) имеют примерно одинаковый состав сплава, а состав шарика отличается низким уровнем меди и высоким уровнем

Таблица 1. Химический состав предметов из могильника Сухой Лог

№ погр.	Предмет	Шифр	Элементный состав, %								
			Cu	Pb	Zn	Fe	Sn	Pd	Pt	Ta	Ag
2	пряжка	1534/16	96,8	2,5		0,5					
2	накладка	1534/17	96,6	2,8		0,4					
4	височная подвеска	1532/11	37,5	27,2	2,3	6,22	26,6				
4	подвеска	1532/131	87,8	11,2	0,35	0,69					
4	подвеска	1532/128	41,4	41,1	4,45	1,19	11,8				
4	височная подвеска	1532/12	26,1	7,65	3,31	0,74					59,7
4	височная подвеска	1532/12	88	10,1		1,29					
4	височная подвеска	1532/12	82,8	15,9		0,96					
4	подвеска	1532/118	78,4	20,8		0,83					
4	пряжка	1532/133	58,4	38,1	2,76	0,65					
8	накладка	1533/162	85,5	10	0,74	1,13	2,24				0,33
8	накладка	1533/164	61	31	0,17	4,3	2,59				0,83
8	накладка	1533/163	69,2	22,4		2,37	6,04				
8	пряжка	1532/169	87,1	7,16		3,59	1,18				0,88
8	цепочка	1532/168	57,1	27,3	11,8	2,07	1,21				0,45
4	височная подвеска	1532/11	37,5	27,2	2,3	6,22	26,6				
10	пронизка	1548/4	66,6	20,6	2,4	0,6	9,3				
12	подвеска	1548/169	34,1		2,7	0,8	9,3	51,0			0,9
12	подвеска	1548/169	31,2	51,8	1,8	0,6	14,				
12	подвеска	1548/168	88,5	9,2	1,2	0,9					
12	подвеска	1548/170	90,9	8,4		0,6					
12	наконечник ремня	1548/156	77,9	20,6		1,1					
12	пряжка	1548/162	64,9	13		0,9			1,2		
12	подвеска	1548/149	41,1	53,6	5,5	0,8					
15	накладка	1548/188	96,1	3,03		0,4					0,4
15	наконечник ремня	1548/194	96,6	3,5							
15	накладка	1548/192	91,8	3,9	4,05						
15	браслет	1548/204	82,8	5,5	11,4						0,2
15	пряжка	1548/195	83,2		15,1					0,8	
15	подвеска	1548/203	85,1	14,2		0,6					
15	накладка	1548/197	92,3	4,9	2,6						
15	накладка	1548/201	93,4	6,5							
20	пряжка	1686/83	80	15,3						3,7	
20	наконечник ремня	1686/82	87,1		1,0					11,1	
20	накладка	1686/73	85,2							3,9	9,9
20	накладка	1686/76	81,1	11,1	7,2	0,6					
20	пронизка	1686/79	1,31	97,3	0,3	1,1					
20	накладка	1686/65	74,3	17,6	8,1						
20	накладка	1686/64	39	52	6,8	1,7					
20	подвеска	1686/71	60,9	35,6		1,2				2,2	
20	пронизка	1686/84	4,72	0,49	0,2	0,3					92,9
21	пряжка	1686/88	23,7	59,2		4,42	0,37				0,66
22	наконечник ремня	1686/92	85,4		5,01	0,66		8,11			0,45

серебра (Cu – 26%, Pb – 7%, Ag – 59%). Две первые детали сделаны из свинцовой меди, которая преобладает в составе вещей из погребений, в то же время шарик сделан из другого сплава. Весьма вероятно, что мы имеем дело с заменой деталей после ремонта.

В составе предметов присутствуют и вещества в незначительных долях, которые превышают показатель 5%: палладий (Pd) в размере 8,11% (наконечник ремня, погр. 22), тантал (Ta) – 9,94% (накладка, погр. 20), платина (Pt) – 11,1% (наконечник ремня, погр. 20) и железо (Fe) – 6,22% (височная подвеска, погр. 4). Остальные вещества находятся в предметах в незначительных количествах, не достигая единицы.

Таким образом, в составе вещей из девяти погребений могильника преобладающим сплавом является свинцовая бронза. При этом наиболее близкий состав у всех предметов наблюдается лишь в погребении 15 (Cu – 83–96%, Pb – 3–14%). В остальных могилах пока не удалось выявить групп вещей, схожих по сплавам. Возможно, дальнейшее изучение предметов с других могильников неволинской культуры даст больше информации для выделения групп сплавов.

Список литературы

Голдина Р.Д., Пастушенко И.Ю., Черных Е.М., Перевозчикова С.А., Голдина Е.В., Перевошиков С.Е., 2012. Городище Лобач и его окрестности в эпоху средневековья // Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 23. Ижевск: Удмуртия.

Современные подходы к реставрации археологических коллекций

Консервация железных изделий, собранных на территории Краскинского городища (Приморский край)

Балагурова А.В.

*Дальневосточный федеральный университет, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения РАН, г. Владивосток
balagurovaleksandra@mail.ru*

Ключевые слова: археологические железные предметы, консервация металлов, Краскинское городище, Бохай, Приморский край

На сегодняшний день в Приморском крае насчитывается свыше ста археологических памятников, датированных эпохой государства Бохай

(VIII–X вв.). К одному из наиболее исследованных памятников данного периода относится Краскинское городище, расположенное на юге Приморского края на берегу бухты Экспедиция залива Посьет (Гельман, 2018. С. 60). К числу многочисленных находок городища, вызывающих особый интерес, следует отнести железные изделия, большая часть из которых относится к типу сложных материалов в части обеспечения им долговременной сохранности. В настоящей работе представлен опыт реализации консервационных мероприятий в полевых и лабораторных условиях на примере материала, собранного на Краскинском городище.

Краскинское городище представляет собой памятник, который сочетает в себе большое число факторов, негативно влияющих на сохранность находок, как в дораскопочный период (качество почв, близость водных источников), так и в постраскопочный (высокая влажность воздуха). Многолетний опыт работы на территории памятника показывает, что наилучший сценарий реализации стратегии сохранения железных археологических находок заключается в сокращении времени пребывания предметов в незаконсервированном состоянии. Так, например, увеличение времени кабинетного хранения приводит к непоправимым последствиям разрушения предмета с потерей информации об истинной форме предмета.

С целью разработки системного подхода к обеспечению сохранности археологических железных предметов в 2021 году во время проведения раскопок на Краскинском городище были реализованы работы, направленные на совершенствование процессов организации и сопровождения «*in situ*» мероприятий по обработке находок в полевых условиях. Опыт консервационной работы, приобретенный на территории бохайских городищ, представляет собой особый интерес для отработки методик полевой «*in situ*» консервации, поскольку качество почв на этих территориях и особенности (несовершенства) металла этой эпохи позволяют получить образцы предметов с богатым набором причин и последствий разрушения.

В полевой сезон 2021 г. на Краскинском городище было обнаружено свыше 60 железных находок. Непосредственно в месте проведения раскопок после визуальной дифференциации по состоянию и степени сохранности большая часть предметов была упакована с формированием сухого микроклимата. На твердую подложку из картона или пенополиэтилена помещался дополнительный слой воздушно-пузырьковой пленки с последующей фиксацией. Затем конструкция помещалась в перфорированный зип-пакет. Собранные таким образом пакеты укладывались в полипропиленовый контейнер. Сухой микроклимат формировался силикагелем (150 г на 1 л объема) (Watkinson, Neal, 2001. P. 21) контроль параметра влажности (40–50%) осуществляли цифровым термогигрометром.

Предметы, найденные во влажной почве, были погружены в растворы временного хранения: чистая дионизированная вода или слабощелочной (0,01 моль) водный раствор гидроксида натрия (NaOH). Таким образом, обработка предмета с выведением из него хлоридов начиналась в первые часы после его изъятия из грунта. В случае отсутствия данной меры разрушения могли быть значительными. Транспортировка предметов к месту проведения дальнейшей обработки осуществлялась в емкостях, заполненных растворами временного хранения, поэтому погрузкой предметов в транспорт они закреплялись в таре с изготовлением индивидуального для каждой находки ложементов из пенополиэтилена (Консервация железных археологических предметов, 2021. С. 90–92).

Предметы были доставлены в лабораторию и после проведения анализа претерпели три стадии обработки: очистка, стабилизация и нанесение барьерного покрытия (консервация). На первой стадии предметы были очищены механически и промыты в ультразвуковой ванне. Стабилизацию предметов осуществляли в щелочном растворе NaOH при варьировании концентрации (0,01–0,1 моль) и температуры (40–80 °С) с еженедельной сменой рабочего раствора. Процесс повторялся с достижением концентрации анионов хлора в отработанном рабочем растворе ниже порогового значения в 20 ppm. После предметы термически сушились при 105 °С. Консервацию проводили вакуумной пропиткой раствором Paraloid B-72 в ацетоне с последующим избирательным нанесением более концентрированного покрытия (5–8%) на поверхность предмета кистью и/или тампоном. Контроль эффективности обработки предполагал мониторинг состояния законсервированных объектов на предмет появления рецессивных признаков коррозии в течение 6 месяцев (Консервация железных археологических предметов, 2021. С. 113–116).

Предложенный и реализованный на практике подход к организации первичных мероприятий по сохранению железных археологических находок непосредственно в полевых условиях *in situ* позволил сократить временной интервал между извлечением предметов из среды длительного пребывания в грунтовых условиях и моментом начала работ по их сохранению в лаборатории до срока менее двух недель, для некоторых предметов – до срока менее двух дней. Для ряда предметов, собранных в участках с влажной средой пребывания, был применен способ их временного хранения в растворах. Таким образом, успешно продемонстрирована возможность снижения риска утраты материала на самом разрушительном этапе для находок – на этапе проведения раскопок.

Раскопки на Краскинском городище проведены за счет средств гранта Российского научного фонда №. 20-18-00081.

Список литературы

- Консервация железных археологических предметов: монография / отв. ред. И. Ю. Буравлев, О. Н. Цыбульская, А. А. Юдаков и др. М: РИОР; ИНФРА-М, 2021.
- Буравлев И. Ю., Балагурова А. В., 2021. Archaeological Iron Conservation: Theoretical Background of Finds Deterioration, Organization and Support of Preservation Activities // Мультидисциплинарные исследования в археологии. № 2. С. 89–124.
- Гельман Е. И., 2018. Бохайский город в российской истории: от архимандрита Палладия до наших дней // Ойкумена. Регионоведческие исследования. № 1 (44). С. 60–72.
- Watkinson D., Neal V., 2001. First Aid for Finds. London.

К вопросу об анализе состояния и сохранении археологической керамики из коллекции Танкеевского могильника (Музей археологии Республики Татарстан)

Каплан П. Ю., Валеева В. А.

*Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ, Казань
kapolina15@mail.com, valushka.valeeva@mail.ru*

Ключевые слова: *консервация, реставрация, мониторинг, Танкеевский могильник, археологическая керамика, музейные археологические коллекции*

Реставрации археологической керамики, как правило, уделяется мало внимания, несмотря на существенное количество этого материала в коллекциях музеев. Большая часть керамического материала представлена единичными фрагментами, не позволяющими восстановить форму, но ценными для проведения типологического и статистического анализа. Однако в случае закрытых комплексов, к которым относятся коллекции могильников, сохранность керамических предметов позволяет провести реконструкцию формы, поскольку значительная часть вещевого керамического материала представлена развалами и даже полными формами сосудов.

Коллекция Танкеевского могильника (вторая половина IX – X в.) занимает важное место в фондах Музея археологии Республики Татарстан (далее МА РТ). История масштабных изысканий на территории могильника (Спасский район РТ) охватывает период с 1961 по 1988 г. и связана с археологами А. Х. Халиковым, Е. А. Халиковой и Е. П. Казаковым В 2019 г. раскопки на территории могильника были продолжены Д. А. Петровой. За весь период был обнаружен и передан в фонды МА РТ разнообразный вещевой материал, насчитывающий, согласно описям, порядка 6000 единиц хранения из 1208 погребений. Десятую часть этой коллекции составляет

глиняная посуда, представленная лепными и гончарными сосудами с орнаментом и без, часто со следами древних починок в виде рядов сквозных отверстий вдоль линии разлома (Казаков, 1992).

Значительная часть коллекции 1961–1988 гг. была введена в научный оборот, для чего силами исследователей в разные годы проводилась бытовая реставрация для воссоздания форм сосудов. Керамика проходила камеральную обработку, после чего фрагменты склеивались, а утраты грубо восстанавливались гипсом.

В последние годы сохранение керамики из коллекции осуществлялось как силами реставраторов МА РТ, так и с привлечением волонтеров-магистрантов профильных направлений. Для приведения в экспозиционный вид и обеспечения дальнейшего безопасного хранения музейными сотрудниками проводился мониторинг состояния сохранности коллекции.

Мониторинг проводился в несколько этапов. На первом этапе проводилось разделение предметов на категории культурно-исторической значимости (Карпухин и др., 2019. С. 10). Характеристика этих групп для археологической керамики приведена в таблице (табл. 1). На втором этапе применялся метод визуального наблюдения состояния сохранности по диагностическим признакам, разделенным на три группы – механические, химические и биологические повреждения. На основе этих данных диагностировалось стабильное (устойчивое состояние, реставрационные вмешательства не требуются), метастабильное (при соблюдении определенных условий возможно нахождение в хранении) или аварийное (необходимо срочное реставрационное вмешательство) состояние сохранности.

Для аварийной группы сохранности керамики со следами бытовой реставрации в коллекции характерны такие признаки, как сквозные и волосяные трещины, расслоение черепка, утраты внешней или внутренней поверхности, присутствие в черепке водорастворимых солей, проявляющихся в виде белых ореолов на поверхности или бело-желтого налета. Также характерны повторная фрагментация вследствие деградации клея предыдущей реставрации и утраты его адгезивных свойств, изменение цвета шва. Имеет место склейка с погрешностями, когда фрагменты неплотно подогнаны друг к другу или не соблюден радиус кривизны сосуда. Большая часть лепной керамики в коллекции имеет пористый, хрупкий черепок, неровные края излома и низкую температуру обжига. На поверхности предметов фиксируются почвенно-пылевые загрязнения, в швах склейки и на поверхности клеевые подтеки.

Для керамики такой сохранности проводились следующие виды консервационно-реставрационных работ:

- 1) сухая механическая очистка поверхности;

Таблица 1. Категории культурно-исторической значимости и их краткая характеристика

Категория культурно-исторической значимости	Краткая характеристика
1 категория	Материал, не поддающийся идентификации по причине отсутствия коллекционного номера, данных о местонахождении и истории памятника
2 категория	Фрагментарный/массовый материал, не позволяющий установить типологию предмета
3 категория	Фрагменты предмета, позволяющие выделить типологию, но представляющие слабую историческую значимость. Например, стенки орнаментированного сосуда/ венчик сосуда
4 категория	Предметы, позволяющие выявить форму или конструкцию. Например, профиль сосуда
5 категория	Целые или с незначительными утратами предметы. Индивидуальные находки с возможностью их дальнейшего экспонирования

- 2) очистка поверхности водно-спиртовым (1:1) раствором;
- 3) частичная или полная расшивка швов предыдущей реставрации;
- 4) очистка изломов компрессами с растворителем;
- 5) обессоливание с последующей просушкой;
- 6) пропитка слабообожженной керамики и укрепление трещин/отслоений;
- 7) предварительный подбор и склеивание фрагментов;
- 8) мастиковка швов склейки.

Сухая механическая очистка от рыхлых поверхностных загрязнений проводилась щетинной кистью. Из углублений рельефа почвенные загрязнения удалялись при помощи скальпеля и деревянных палочек с заостренным концом.

Очистка внешней и внутренней поверхности предмета от въевшихся почвенно-пылевых загрязнений проводилась в водном растворе этанола. В результате процедуры вся поверхность черепка была очищена от въевшихся почвенно-пылевых загрязнений.

Все склейки на керамике 1961–1988 гг. выполнены клеем коричневого цвета БФ-4, растворимым в смеси растворителей этанол-ацетон (1:1). Склеенные фрагменты были расшиты наложением компрессов с растворителем. Для этого вдоль клевого шва с обеих сторон накладывались смоченные в смеси растворителей ватные диски. Сверху на фрагмент для создания парникового эффекта накладывалась пищевая пленка. Время экспозиции компресса составляло 5 минут. По истечении этого времени клей размягчался и фрагменты разъединялись. Прочные клеевые швы, выполненные без дефектов склейки, сохранялись, чтобы не травмировать черепок. Для очистки швов от следов старого клея также использовались компрессы в смеси растворителей. После размягчения клея излишки удалялись механически.

Обессоливание керамики после лабораторных исследований на наличие хлорида ионов проводилось при достаточной прочности черепка, после теста на водостойкость. Фрагменты полностью погружались в контейнер с дистиллированной водой. По мере выхода солей вода заменялась, контроль выхода солей проверялся реакцией водной вытяжки на молярный раствор азотнокислого серебра. После процедуры обессоливания керамика нуждалась в длительной просушке.

Пропитка пористой расслаивающейся керамики и трещин проводилась нанесением с кисти 2% консолидирующего раствора поливинилбутирала (далее – ПВБ) в этиловом спирте. Количество циклов пропитки напрямую зависело от толщины черепка и его пористости. В среднем количество циклов пропитки варьировалось от 6 до 12. Укрепление волосяных трещин и отслоений проводилось раствором полимера путем инъектирования по месту.

Предварительный подбор фрагментов проводился с целью выявления последовательности склейки для предотвращения появления «замков». Фрагменты в процессе подбора взаимно фиксировались клеевой лентой. После подбора фрагменты были склеены между собой 25% раствором ПВБ в этиловом спирте (Андреева, 1999). Для фиксации взаимного расположения склеиваемые фрагменты были зафиксированы канцелярскими зажимами и помещены в емкость с песком для обеспечения необходимого радиуса кривизны предмета.

Мастиковка швов проводилась клеевой массой на основе 5% раствора ПВБ в этиловом спирте с добавлением сухих минеральных пигментов различных цветов. Мастиковочная масса наносилась вдоль шва склейки в уровень с оригинальной поверхностью.

Восполнение утрат на археологической керамике по сей день является предметом дискуссий, как среди археологов, так и среди реставраторов (Коваль, 2013). На Реставрационном совете Института археологии им. А.Х. Халикова было принято решение проводить восполнения утрат гипсом только в случае конструктивной необходимости, когда предмет неустойчив или механическая прочность клеевых соединений находится под угрозой по причине маленькой площади соприкосновения фрагментов.

Процедура повторной реставрации с удалением старых материалов является более трудоемким процессом по сравнению с первичной. Своевременное проведение квалифицированной реставрации с использованием долговечных обратимых материалов помогает избежать разрушений, сохраняя информативность артефактов. За последние три года из коллекции Танкеевского могильника реставрацию прошли 50 керамических сосудов, находившихся в аварийном состоянии. Опыт работы показывает, что привлечение студентов реставрационных направлений имеет перспективы в сохранении музейных фондов, а мониторинг коллекции позволяет дать своевременную оценку состоянию сохранности и установить очередь передачи памятников в реставрацию.

Список литературы

- Андреева Л.Н., Антонян А.С., Барабанова Т.П., Кох Т.А., 1999. Реставрация музейной керамики: методические рекомендации. Москва: ВХНРИЦ.
- Казаков Е.П., 1992. Культура ранней Волжской Булгарии. М.: Наука.
- Карпучин С.В., Буршнева С.Г., Багаутдинов А.Р., 2019. Мониторинг состояния сохранности и противоаварийная консервация музейных археологических коллекций. Первый опыт // Коллоквиум молодых реставраторов RESCON-2019, материалы Всероссийской научно-практической молодежной конференции. Казань. С. 10–14.
- Коваль В.Ю., 2013. Взгляд археолога на реставрацию древней керамики // К двадцатилетию высшей школы реставрации РГГУ: академическое искусствоведение, археология, научная реставрация сегодня. Материалы научной конференции. Научный электронный журнал «Артикульт». Вып. № 12. С. 97–98.

Полевая консервация археологических находок из медных сплавов в сочетании с органическими материалами

Мурзина С.Р.

Институт истории материальной культуры РАН,

Санкт-Петербург

murzinasr@gmail.com

Ключевые слова: *полевая консервация, реставрация археологических находок, реставрация медных сплавов, реставрация кожи, реставрация дерева*

Среди обнаруживаемых в результате археологических раскопок находок наибольшим разрушениям подвержены предметы, изготовленные из материалов органического происхождения. Подобного рода изделия редко встречаются или не фиксируются вовсе в результате их полной утраты. Вместе с тем даже незначительные фрагменты кожи, текстиля и древесины обладают высоким познавательным потенциалом, требуют грамотного изъятия из слоя и проведения мероприятий по полевой консервации с целью предотвращения возможных механических и постраскопочных разрушений.

Факторами сохранности органических материалов в погребенных условиях являются отсутствие доступа кислорода, чрезвычайно влажная, мерзлотная или сухая среда. В таких условиях бактерии, способствующие разложению органики, не выживают, следовательно, предметы из материалов органического происхождения сохраняются в значительной степени или даже полностью. Формирование соответствующего данным характеристикам микроклимата является довольно редким явлением, характерным для памятников, расположенных в определенных климатических поясах, с песчаным или глинистым грунтом, а также для объектов подводной археологии (Сронун, 1990. Р. 240–244).

Еще одним фактором сохранения археологических предметов, изготовленных из материалов органического происхождения (древесины, кожи, текстиля), является контакт с изделиями из медных сплавов. Данный феномен связан с токсичным влиянием (олигодинамическим воздействием) даже малых концентраций ионов меди на живые клетки, бактерии, грибы, вирусы, споры, водоросли, плесень, микроорганизмы (Koniczny, Rdzawski, 2012. Р. 57–58; Vincent et al., 2017. Р. 1032–1036). Сохранность обуславливается также постепенным замещением структуры органических материалов продуктами коррозии металла. Почвенная влага способна переносить частицы минералов, которые затем осаждаются в структуре изделий из органических материалов, находящихся в непосредственном

контакте с металлическими предметами или вблизи них (Gillard et al., 1994. P. 132–133). Степень сохранности при этом обуславливается ареалом проникновения ионов меди и продуктов ее коррозии, в связи с чем чаще всего до нас доходят не целые изделия, а их фрагменты.

Двумя принципиально различными случаями сохранности археологических предметов, сочетающих медные сплавы и органические материалы, является их обнаружение в сухой и влажной среде. Базовый принцип полевой консервации данных категорий находок можно сформулировать как: «сухое должно оставаться сухим, а мокрое – мокрым». Стоит, однако, учитывать, что, как правило, даже условно сухие предметы сохраняют остаточную влагу, поэтому предпочтительно поддержание имеющегося уровня увлажненности. Для условно сухих материалов это возможно путем защиты от прямого попадания солнечного света или за счет увлажнения воздуха распыскиванием воды, без ее непосредственного нанесения на предмет. Сохранение остаточной влаги с последующей замедленной просушкой при этом варианте сохранности будет способствовать минимизации дальнейших разрушений.

Влажная или мокрая среда способствуют активизации коррозии меди, в связи с чем одним из возможных решений является просушка металла вместе с находящимися в контакте с ним органическими материалами. При этом следует учитывать большие риски обширных разрушений или полной утраты органики. Исходя из опыта полевой работы с находками из медных сплавов в сочетании с органическими материалами, нами были сделаны выводы о возможности применения в данном случае следующих альтернативных методик:

1) сохранение органических остатков на предмете во влажной среде и дальнейший разбор комплекса в лабораторных условиях;

2) демонтаж мокрой органики и создание среды, подходящей для сохранения каждого из представленных в составе комплекса или предмета материала (сухой среды для металла и мокрой для органики);

3) создание условий для совместной замедленной просушки материалов.

Как правило, однако, требуется совмещение данных методов.

Основные принципы работы с предметами, сочетающими медные сплавы и органические материалы, должны включать:

1. Своевременное принятие решения о необходимости демонтажа. Выбор в пользу демонтажа должен приниматься еще в поле, в особенности для находок из мокрых или частично сохранивших влагу слоев, для недопущения пересыхания и усугубления процессов деградации материалов. Успех демонтажа «свежего» материала без каких-либо его повреждений более вероятен, чем после его полного высыхания в результате длительного хранения. Непременным условием проведения демонтажа должны быть

фото- и при необходимости графическая фиксация месторасположения демонтируемых фрагментов на предмете, а также отбор образцов.

2. Демонтаж является предпочтительным для фрагментов, не связанных функционально с предметами из медных сплавов (случайно сохранившихся в контакте с металлом), если это доподлинно установлено в поле.

3. В случаях сочетания мокрых органических материалов с медными сплавами и недопустимости демонтажа возможно поддержание влажной среды для обоих материалов при условии максимально быстрой транспортировки предмета в стационарную лабораторию для последующей обработки. В противном случае возможны развитие активных коррозионных процессов и более интенсивная минерализация органики. Этот же вариант действий допустим при отсутствии однозначных определений природы сохранившейся на поверхности металла органики и ее контекстуальной связи с предметом.

Список литературы

- Cronyn J.M., 1990. The Elements of Archaeological Conservation. London.
- Gillard R.D., Hardman S.M., Thomas R.G, Watkinson D.E., 1994. The mineralization of fibres in burial environments // Studies in Conservation, Vol. 39, № 2. P. 132–140.
- Koniczny J., Rdzawski Z. 2021. Antibacterial properties of copper and its alloys // Archives of Materials Science and Engineering. Vol. 56, №2. P. 53–60.
- Vincent M., Duval R.E., Hartemann P. and Engels-Deutsch M., 2017. Contact killing and antimicrobial properties of copper // Journal of Applied Microbiology. Vol. 124. P. 1032–1046.

Реставрация свинцовых западноевропейских пломб на материалах раскопа с территории посадской части Свияжска

Садриев Н.Р.

Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Казань

nail.sad@mail.ru

Федан П.В.

Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ,

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань

ravel.fedan@mail.ru

Ключевые слова: реставрация, Среднее Поволжье, Республика Татарстан, Свияжск, текстильная пломба, свинец

Свинец, как и прочие археологические металлы, подвержен коррозионному разрушению. Предметы из свинца, долгое время находящиеся

в культурном слое, постепенно подвергаются естественной минерализации. На то, как происходит процесс минерализации, влияет среда, в которой предмет находился долгие годы. Активаторами коррозионных процессов для свинца в условиях археологизации являются органические кислоты, содержащиеся в почве, к которым в постраскопный период добавляется углекислый газ (Буршнева, 2021. С. 224).

Предметы, поступившие на реставрацию, были обнаружены в ходе археологических исследований на территории острова-града Свяжск. Мощность культурного слоя памятника достигает 300 см (Федан, Садриев, 2019. С. 94). Находки являются торговыми пломбами, изготовленными из свинца методом литья. Сохранность предметов была неудовлетворительной: рельеф частично скрыт под почвенно-коррозионными наслоениями, присутствуют утраты, деформации, царапины. Поверхность пломб была покрыта продуктами коррозии свинца, по своей структуре подразделяющимися на твердые и рыхлые (рис. 1: 1а, 2а). В ходе проведенных реставрационных исследований с помощью оптической микроскопии на поверхности пломб были выявлены порошкообразные продукты коррозии свинца белого цвета, что свидетельствует об активных коррозионных процессах. Почвенно-коррозионные наслоения частично скрывали оригинальную поверхность

Рис 1. Западноевропейские свинцовые пломбы из раскопа Татарская слободка: 1а – состояние свинцовой пломбы до реставрации; 1б – свинцовая пломба после реставрации; 2а – состояние свинцовой пломбы до реставрации; 2б – свинцовая пломба после реставрации

памятников, что затрудняло дальнейшую их атрибуцию. Выявленные очаги активной коррозии на поверхности предметов могли в дальнейшем привести к их разрушению.

На основе анализа сохранности предметов была разработана следующая программа реставрационных мероприятий:

1. Фотофиксация до, после реставрации.
2. Механическая очистка поверхности.
3. Электрохимическая очистка.
4. Промывка.
5. Просушка.
6. Консервация.

В ходе механической очистки с поверхности пломб были удалены рыхлые почвенно-коррозионные наслоения. Мероприятие осуществлялось с помощью щетинной кисти и ацетона. Электрохимическая очистка (Шемаханская, 2015. С. 219) проводилась с помощью 10% водного раствора гидроксида натрия и 10% водного раствора серной кислоты с использованием цинковых гранул с промежуточной промывкой в проточной воде. Контроль качества промывки осуществлялся с помощью универсальной индикаторной бумаги pH, затем следовала просушка предмета в ацетоне методом погружения. Было проведено три цикла по 30 минут каждый, со сменой ацетона. Далее на поверхность предметов было нанесено консервационное покрытие 5%, затем 7% раствором Paraloid B-72 в ксилоле методом погружения с промежуточной просушкой под колпаком в течение 24 часов. Гидрофобизация (консервация) поверхности предметов осуществлялось с помощью 15% раствора микрокристаллического воска «Cosmoloid H 80» в уайт-спирите с кисти, было проведено два цикла.

Результаты реставрации позволили более точно определить предназначение найденных предметов. Пломба торговая, навесная (рис. 1: 16). Состоит из одной округлой пластины с остатками штыря. На лицевой поверхности (аверс) надпись в две строки латинским алфавитом. В первой строке угадываются буквы WEN, во второй – ERGK. Пломба зафиксирована в слое, который датируется второй половиной XVII в. Пломба происходила из города Левенберг (Löwenberg), современный Львувек-Слёнски (район Силезии). Текстильное производство города достигало наивысшего расцвета в середине XVI века. Именно в то время город получил определенные привилегии. На рубеже XVII в. в городе насчитывали до 450 суконных мастерских (Połczyński, Przymorska-Sztuczka, 2019. Fig. 325).

Пломба торговая, навесная (рис. 1: 26). Состоит из двух округлых пластин. Обратная пластина сохранила следы разрушенного ушка и имеет в центре круглое отверстие. В отверстие входит штырь (его диаметр соответствует отверстию). Пломба двусторонняя. На лицевой поверхности

(аверс) надпись в две строки латинским алфавитом, в готическом стиле. Вверху и снизу плохо читаемая буква (a). Из букв составляется немецкое слово *fordern*, в следующей строке слово *Gorlitz*. На оборотной стороне (реверс) изображение короны с изогнутым основанием. Вверху плохо читаемая буква (?). Пломба сильно изношена, поверхность повреждена. Пломба зафиксирована в слое, который датируется второй половиной XVI – началом XVII вв. Схожесть типа и стиля корон дает нам повод установить нижнюю границу изготовления пломб – 20-е гг. XV в. Почти полное разрушение города в ходе Тридцатилетней войны (1618–1648 гг.) позволяет установить верхнюю границу – до 30-х гг. XVII в. (Тигунцев, 2014. С. 57).

В ходе проведенных консервационно-реставрационных работ с поверхности пломб были удалены почвенно-коррозионные наслоения, стабилизированы активные коррозионные процессы, осуществлена консервация. В результате вышеперечисленных мероприятий предметы были атрибутированы и подготовлены к дальнейшему безопасному хранению и изучению.

Список литературы

- Буршнева. С.Г., 2021. Коррозионное разрушение и методология реставрации археологического свинца. Археология Евразийских степей. № 6. С. 223–234.
- Тигунцев Ю.Г., 2014. Товарная пломба г. Гёрлиц. Атрибуция, назначение // Нумизматика. № 1 (35). С. 54–58.
- Фармаковский М.Ф., 1947. Консервация и реставрация музейных коллекций. М.: Красный печатник.
- Федан П.В., Садриев Н.Р., 2019. К вопросам об атрибуции изделий из свинца, по материалам раскопа «Татарская слободка», город Свияжск // Коллоквиум молодых реставраторов RESCON-2019, материалы Всероссийской научно-практической молодежной конференции. Казань. С. 94–98.
- Шемаханская М.С., 2015. Металлы и вещи: история. свойства. разрушения. М.: «Индирик».
- Połczyński Ł., Przymorska-Sztuczka M. 2019. Polish, Silesian and Local Cloth Seals from Excavations in Gdańsk, Poland. Open Archaeology. Vol. 5. Issue 1. P. 309–339.

Височные украшения с Танкеевского могильника. Исследование и реставрация

Федан П. В.

*Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ,
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань
pavel.fedan@mail.ru*

Садриев Н. Р.

*Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ, Казань
nail.sad@mail.ru*

Ключевые слова: Республика Татарстан, цветной металл, элементный состав, Танкеевский могильник, реставрация

Целью работы является описание проведенных консервационно-реставрационных мероприятий и определение элементного состава металла составных височных украшений, обнаруженных в погребениях Танкеевского могильника.

Танкеевский могильник интенсивно исследовался с 1961 г. по начало 1990-х гг. Е. А. Халиковой и Е. П. Казаковым. К началу 1990-х гг. на 26 раскопах были изучены около 1200 языческих и мусульманских ранне-булгарских погребений IX–X вв. (Свод памятников археологии РТ, 2007. С. 347).

Предметы, поступившие на реставрацию под инвентарными номерами № Т61-226, Т61-227, обнаружены в 1961 г. Они происходили из женского погребения № 49. Автор работ интерпретирует украшения как серьги салтовского типа. Такими можно считать украшения, которые имеют форму разомкнутого кольца, в основном округлой или овальной формы, с шариком-отростком в верхней части кольца и удлиненной привеской в нижней. Типологию данных украшений рассматривали В. Б. Ковалевская и С. А. Плетнева (Сташенков, 1998. С. 215).

В обобщающих тематических исследованиях, посвященных Танкеевскому могильнику, нет точной статистики по материалу, из которого изготовлены височные украшения, дается лишь общее замечание: «бронзовые или серебряные, часто с позолотой». (Казаков, 1971. С. 111; Руденко, 2020. С. 37–45). Оба украшения изготовлены из металла. Находки фрагментированы, состоят из петли и бусин овальной формы, полых внутри и различающихся по размеру. Предмет № Т61-226 (рис. 1: 1) состоял из четырех бусин, № Т61-227 (рис. 1: 2) – из трех. Петли изготовлены методом литья, на них сохранился напускной шарик. Петли обеих серег были сломаны и состояли из двух частей, которые состыковывались между собой. На местах слома сохранилась клеевая масса бурого цвета неизвестного происхождения. Информация

*Рис. 1. Предметы № Т61-226, 227 из погребения № 49 (Танкеевский могильник):
1, 2 – предметы до реставрации; 3, 4 – предметы после реставрации*

о предшествующей реставрации отсутствует. Поверхность предметов была покрыта продуктами коррозии меди различных оттенков зеленого цвета. На местах потертостей обнажился металл белого цвета.

Бусины изготовлены, предположительно, из серебросодержащего сплава, с двух концов имеются технологические отверстия, через которые осуществлялось нанизывание их на металлический стержень (пронизку). На одной из бусин сохранился фрагмент пронизки, экземпляр № Т61-226. Вторая пронизка (№ Т61-227) изготовлена из медного сплава, на нее нанесена резьба. Сами бусины состоят из двух полусфер, соединенных между собой. На них имеются деформации, утраты, царапины. Поверхность покрыта продуктами коррозии серого цвета. На внутренней стороне

полусфер имеются продукты коррозии меди зеленого цвета. Бусины хрупкие, происходит процесс осыпания (Шемаханская, 2015. С. 138).

Перед началом работ были проведены предреставрационные исследования методом оптической микроскопии. В результате изучения поверхности одной из бусин (№ Т61-227) был выявлен участок с металлом желтого цвета, который частично отслаивается от поверхности. Было принято решение о проведении рентгенофлуоресцентного анализа (РФА) на спектрометре Mistral фирмы Bruker. Исследование проводилось со следующими характеристиками: HV / kV-50, Current / μ A-800, Collil / mm-400, Collil2 / mm-400. В качестве аналитического объекта были выбраны три точки на поверхности предмета, измерение проводилось трижды для каждой точки. Информация о химическом составе металла получилась в результате усреднения трех показаний. Исследования проводились по патине. Результаты представлены в таблицах 1 и 2.

На основе полученных данных была составлена программа консервационно-реставрационных мероприятий:

1. Фотофиксация до и после реставрации.
2. Механическая очистка.
3. Укрепляющая пропитка.
4. Дублировка на стеклоткань оборотной стороны бусин.
5. Подбор и склейка фрагментов.
6. Консервация.
7. Монтаж на основу из оргстекла.

Таблица 1. Химический состав серьги № Т61-226

Наименование фрагментов	Cu	Zn	Sb	Sn	Pb	Au	Ag
Петля	16,412%	1,605%		0,789 %	2,053 %	1,114%	78,027%
Бусина	1,243%			0,193%	0,361%	0,159 %	98,044%
Пронизка	85,386%	3,442%	2,6588%	1,8918%	6,6198%		

Таблица 2. Химический состав серьги № Т61-227

Наименование фрагментов	Cu	Zn	As	Sb	Sn	Pb	Hg	Bi	Au	Ag
Петля	21,973%	1,186%			1,155%	2,676%		0,108%	0,973%	71,929%
Бусина (без металла желтого цвета)	0,279%				0,107%					99,614%
Бусина	7,336%	0,760%	0,419 %		0,437%	0,882 %	6,502%		17,603%	66,061%
Пронизка	87,3928 %	2,6958%		1,6308 %	1,2898%	6,9908%				

В ходе проведенных исследований были определены основные элементы сплавов, из которых были изготовлены составные части артефактов. Металл желтого цвета является золотом, нанесенным на бусину с помощью амальгамирования, об этом свидетельствует наличие ртути (Hg). На других бусинах ртуть не выявлена. По всей вероятности, утрата позолоты произошла в период бытования предмета. В ходе реставрации с поверхности предметов были удалены пылевые загрязнения, рыхлые продукты коррозии и коррозионные наросты. Укрепляющая пропитка, дублировка на стеклоткань, подбор и склеивание фрагментов, консервация, монтаж на основу позволили остановить физическое разрушение и обеспечить дальнейшее безопасное хранение предмета (рис. 1: 3, 4).

Полученные данные о химическом составе металла станут основой для создания полноценной базы статистики по материалу изготовления височных украшений с Танкеевского могильника.

Список литературы

- Казаков Е. П., 1971. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья / отв. ред. А. Х. Халиков. Казань. С. 94–155.
- Руденко К. А., 2020. О ранних этапах становления ювелирного дела Волжской Булгарии // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XVI: Ранние города Волго-Камья и Приуралья: взаимодействие ислама, христианства и язычества: сб. науч. тр. / отв. ред. А. М. Белавин. Пермь. С. 37–45.
- Свод памятников археологии Республики Татарстан. Т. III. 2007. Казань: Ин-т истории АН РТ; Министерство культуры РТ.
- Сташенков Д. А., 1998. Евразийская мода в эпоху раннего Средневековья (к постановке проблемы) // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара. С. 213–231.
- Шемаханская М. С., 2015. Металлы и вещи: История. Свойства. Разрушения. М.: «Индирик».

История археологической науки

«Неолит Казахстана»: неопубликованная монография С.С. Черникова. Краткая характеристика источника

Белова А.В.

Институт истории материальной культуры РАН,

Санкт-Петербург

alinabelovateodo.com@yandex.ru

Ключевые слова: *Восточный Казахстан, С.С. Черников, неолит, поселение Усть-Нарым*

Архивное наследие С.С. Черникова (1909–1976), крупнейшего советского исследователя древней истории Восточного Казахстана, фундаментальные работы которого внесли существенный вклад в разработку хронологии памятников и определение общих контуров развития культуры древних племен эпохи бронзы региона (Академическая археология, 2013; Бедельбаева, 2019), хранится в Рукописном отделе Научного архива ИИМК РАН в личном фонде № 81. В настоящее время фонд ученого находится в процессе научно-технической обработки и опись дел еще формируется. В образовавшемся первом разделе личного фонда «Научные труды» включен ряд фундаментальных работ, которые остались не опубликованными, в том числе монография «Неолит Казахстана». Сохранившийся текст предполагался к изданию в 1968 г. и на тот момент времени являлся первым крупным сводом информации по неолитическим памятникам Восточного Казахстана, изученным археологической экспедицией под руководством С.С. Черникова.

Текст монографии дошел до нас в виде рукописи в трех вариантах. Степень сохранности документов удовлетворительная, без характерных повреждений. Первый вариант текста составил 277 страниц, второй 130 страниц и третий – 119. Иллюстративный материал к монографии в личном фонде не представлен. Первые два варианта текста являются наиболее полной версией и содержат аналогичные правки неустановленного лица, которые в основном связаны с устранением стилистических недочетов. Третий вариант является последней сохранившейся версией текста, уцелевшей без половины первой главы. С.С. Черников учел правки рецензента и добавил ряд своих, также многие куски тексты были им перечеркнуты.

Монография состоит из четырех глав, указателя использованной литературы, алфавитного указателя к описанию и карте, таблиц, карты неолитических памятников Казахстана, сводного плана раскопа поселения Усть-Нарым. В 1-й главе «Неолитические памятники Казахстана» С.С. Черников

впервые обобщает все известные местонахождения неолитических памятников на территории Казахской ССР, упоминаемые в литературе, отложившиеся в музейных собраниях и зафиксированные полевыми исследованиями, всего учтено 466 пунктов. Главы 2-я «Поселение у д. Усть-Нарым» и 3-я «Находки на поселении Усть-Нарым и его датировка» посвящены подробному описанию материала поселения. В 4-й главе «Опыт общей характеристики неолита Казахстана» представлены некоторые выводы о неолите Казахстана в целом.

Ценным дополнением являются приложенные к монографии официальные рецензии Н.Н. Гуриной, Л.П. Хлобыстина и др. Кроме того, С.С. Черников выписывал для себя основные замечания коллег по поводу его работы. Ученый ознакомил с рукописью более десятка специалистов, среди которых М.П. Грязнов, Г.Ф. Коробкова, А.Д. Грач. Почти все рецензенты указывали на несоответствие названия и содержания, так как большая часть работы освещает результаты многолетних раскопок поселения Усть-Нарым. В одной из рецензий рекомендуется сменить заголовок на «Неолитическое поселение Усть-Нарым в Восточном Казахстане».

Коллеги критиковали отдельные положения работы и выводы С.С. Черникова. Например, в дискуссионном вопросе о происхождении андроновской культуры «читателю предлагают принять на веру тезис» о том, что хозяйство неолитических племен могло перерасти в хозяйство андроновцев в Восточном Казахстане, в озерном районе Север Казахстана и в районе Караганды. Н.Н. Гурина была не согласна с определением пластинчатого характера кремневой индустрии Усть-Нарыма и рекомендовала отнести их в группу орудий на отщепе, а не пластинах. Также Г.Ф. Коробкова, применяя к материалу поселения функциональный анализ, утверждала, что индустрия базировалась на отщепе (Коробкова, 1963). Возмущение у рецензентов вызвала идентификация С.С. Черниковым поселения как мастерской-стоянки, так как все данные говорят о том, что это именно поселение, на территории которого были места, где изготавливались кремневые орудия. Но при этом все говорили о необходимости издания труда для детального представления в научном сообществе материалов по Усть-Нарыму.

Труд «Неолит Казахстана» так и не был подготовлен к публикации, но основной текст книги С.С. Черников использовал как составную часть докторской диссертации, защищенной двумя годами позднее. Несмотря на многие критические замечания, которые ученый получил еще во время работы над рукописью монографии, он упорно отстаивал свои основные положения и включил их в диссертацию (Черников, 1970).

Более подробный анализ текста и всех материалов, связанных с подготовкой рукописи книги к изданию, позволит оценить научный вклад С.С. Черникова в исследование темы неолита Казахстана.

Список литературы

- Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб.: «Дмитрий Буланин», 2013.
- Бедельбаева М. В., 2019. Рыцарь без страха и упрека (к 110-летию со дня рождения С. С. Черникова) // Археология Казахстана. № 3. С. 46–61.
- Коробкова Г. Ф., 1963. Результаты изучения производственных функций каменных орудий из Усть-Нарыма // Новые методы в археологических исследованиях / под ред. С. И. Руденко. М.–Л. С. 242.
- Черников С. С., 1970. Восточный Казахстан в эпоху неолита и бронзы: (Результаты археологических исследований): Автореферат дис. ... докт. ист. наук. М.

История археологического изучения раннесредневековой славянской колонизации Вислянских Жулав (Восточное Поморье)

Болонин И. А.

Новгородский государственный университет

им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород

Ilya.bolonin@yandex.ru

Ключевые слова: *история археологических исследований, раннее Средневековье, Восточное Поморье, Польша, сельские памятники, славяно-балтийское пограничье*

Вислянские Жулавы (Żuławy Wiślane) расположены в дельте Вислы, в Поморском воеводстве на севере современной Польши (рис. 1). Этот регион имеет сложную историю, так как в разные периоды времени он принадлежал и польским правителям, и немецким. Археологические исследования здесь сконцентрированы прежде всего вокруг сельских памятников. Однако до сих пор нет работы, которая бы объединяла и критически рассматривала результаты археологических раскопок раннесредневековых сельских памятников Вислянских Жулав. Статья посвящена анализу ключевых археологических исследований поселений конца X – начала XIV в. рассматриваемого микрорегиона в 1930–1990-е гг.

Первое обобщение археологических данных этой территории принадлежит В. Ленге – исследователю раннесредневековой Померании (Łęga, 1930). Появление первых поселений между Вислой и Ногатем: Любешеве (Lubieszewo), Мирове (Mirowo), Новы Став (Nowy Staw), Ласки (Laski), Великие Лихновы (Wielkie Lichnowy), Гноево (Gnojewo), Камёнка (Kamionka) автор относит к XI в., связывая их появление с понижением уровня Вислы и, возможно, строительством дамб и рытьем каналов, что открывало возможность колонизаторам селиться на

Рис. 1. Расположение Вислянских Жулав на карте Польши (выделено красным)

самых высоких точках (Łęga, 1930. Р. 145). Исследователь считал, что до начала колонизации эти земли не были кем-либо заселены, славяне признавались первопроходцами. Но при этом особое внимание он обращал на поселения (Любешево, Великие Лихновы), которые датировал VII–IX вв. Однако В. Ленга не связывал их появление с началом обширной колонизации региона. Он указывал на бедность материальной культуры, что создавало трудности в определении этнических групп (славяне или балты?), которые заселяли эту местность. Это связано, по его мнению, со слабой дифференциацией материальной культуры этих памятников. Основным критерием соотнесения рассматриваемых сельских поселений со славянами стало то, что ближайшие погребальные памятники и укрепленные поселения, известные на тот момент, были однозначно славянскими и располагались к западу от Вислы (Łęga, 1930. Р. 403).

Данную местность изучали и немецкие исследователи межвоенного времени К. Энгел и В. Ла-Баум (Engel, La-Baume, 1937. Р. 183–214). Славянскую раннесредневековую материальную культуру этого региона они признавали наиболее отсталой. В споре о том, кто населял территорию Вислянских Жулав, авторы считали, что в раннем Средневековье здесь проживали пруссы. Основывались они, по большей части, на представлении о том, что славяне являлись «пришельцами» на территории Жулав (Engel, La-Baume, 1937. Р. 198).

После Второй мировой войны территория Жулав вошла в состав Польши. К. Яжджевский, освещая результаты археологических работ в 1948–1954 гг. в Гданьске, делал заметки и о развитии прилегающих территорий в раннем Средневековье, в том числе и Жулав (Jazdzewski, 1958). Автор соглашался с выводом В. Ленги о том, что этот микрорегион до конца X в. не мог быть заселен и его начали осваивать позже. В то же время он отмечал, что появление рассматриваемых памятников нельзя назвать сельскохозяйственной колонизацией. Главным занятием жителей он считал рыболовство, основывая свой вывод на результатах палеоботанического анализа культурных слоев раннесредневекового Гданьска, в которых пшеница, ячмень, жито и овес не выделялись в том количестве, которое бы могло свидетельствовать о развитом сельском хозяйстве (Jazdzewski, 1958. P. 85). Наличие примитивных дамб для исследователя не является доказательством сельскохозяйственной деятельности.

В 1967–1968 гг. в Любешево проводились археологические исследования под руководством Е. Кмечинского (J. Kmieciński) и К. Валента (K. Walenta). В ходе работ на этом памятнике в слоях периода римского влияния была обнаружена хозяйственная яма, содержащая фрагменты керамики, железный нож и тесло, предположительно датированные 800–950 гг. (Barnucz-Gupieniec, 1995. P. 72). В 1997 г. М. Йонаковским уже в Любешево-2 проводились спасательные археологические исследования. Памятник был поврежден многолетней распашкой. Было обнаружено поселение XII–XIV вв., в культурном слое которого также фиксировалась многочисленная керамика, подправленной на гончарном круге. Исследователь отнес ее к концу XI – началу XII в. (Jonakowski, 2006).

Подводя итог, следует сказать, что результаты археологических исследований сельских памятников Вислянских Жулав конца X – начала XIV в. представлены в основном в работах авторов межвоенного периода, а также исследователей периода Польской Народной Республики. При этом первые считали, что эта территория была освоена с конца X в. в ходе сельскохозяйственной деятельности, а вторые оспаривали эту гипотезу, указывая на промысловый характер рассмотренных поселений. Открытым остался вопрос и об «исконных» жителях этого региона – славянах или балтах.

Современные исследователи в своих работах почти не затрагивают Жулавы – эта территория представляется неперспективной и сложной для изучения, как по причине того, что материальная культура памятников бедна, так и в связи с многолетней сельскохозяйственной деятельностью, воздействие которой отрицательно сказывается на их сохранности (Buko, 2008. P. 23).

Список литературы

- Янин В. Л., Гайдуков П. Г., 1998. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. III. Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. М.
- Barnycz-Gupieniec R., 1995. Badania wczesnego średniowiecza // Acta Universitatis Lodziensis, Folia Archeologica. № 19. P. 69–73.
- Buko A., 2008. The Archaeology of Early Medieval Poland. Discoveries-Hypotheses-Interpretations. Leiden-Boston: Brill.
- Engel C., La-Baume W., 1937. Erläuterungsband zum Atlas der ost- und westpreußischen Landesgeschichte. I. Teil. Königsberg: Gräfe und Unzer. S. 183–214.
- Jazdzewski K., 1958. Gdańsk X–XIII w. na tle Pomorza wczesnośredniowiecznego // Pomorze średniowieczne / red. G. Labuda, Warszawa: Książka i Wiedza. P. 73–120.
- Jonakowski M., 2006. Lubieszewo, st. 2, gm. Nowy Dwór Gdański, woj. elbląskie, AZP 15–47/14 // Informator Archeologiczny. Badania 1997. Warszawa: Narodowy Instytut Dziedzictwa. P. 145.
- Łęga W., 1930. Kultura Pomorza we wczesnem średniowieczu na podstawie wykopalisk // Roczniki Towarzystwa Naukowego w Toruniu. №. 36. P. 103–468.

Работа Императорской Археологической комиссии со случайными археологическими находками из Центрального Черноземья (по материалам опубликованных отчетов)

Городцова Ю. Н.

*Воронежский государственный университет, Воронеж
yuliya.gorodtsova@yandex.ru*

Ключевые слова: история археологии, Императорская археологическая комиссия, региональная археология Центрального Черноземья, случайные находки, клады монет

Работа со случайными находками оставалась одним из основных направлений деятельности Императорской археологической комиссии (далее – ИАК) на всем протяжении ее существования. Опубликованные в научной литературе данные подтверждают, что около 30% всех дел Комиссии в начальный период ее работы было связано с этой категорией древностей (Императорская Археологическая комиссия, 2009. С. 72). Как уже отмечалось, информация о них и поступала по официальным каналам, и извлекалась членами ИАК из губернской периодики (Захарова, 2014. С. 33). Собранные сведения публиковались в первую очередь в Отчетах ИАК и размещались в основной части Отчета (сначала – под пунктом «В» или «Б», а с 1898 г. – в Отделе II), а также в таблицах, расположенных в Приложении.

Эта работа Комиссии охватила всю территорию Российской империи. В данном исследовании использовались сведения, которые происходили из четырех губерний, входивших в состав Центральной Черноземной области: Воронежская, Курская, Тамбовская и Орловская.

Всё многообразие случайных находок представлено либо комплексами предметов, либо единичными древностями. Комплексы можно определить как клады или погребальный инвентарь (табл. 1). Среди комплексов преобладают клады монет, датируемые XIV–XIX вв.: основная часть относится к XVII в. и XVIII в., что подтверждается сведениями из всех четырех губерний (табл. 2). Больше всего кладов монет прибыло из Орловской и Курской губерний (табл. 1).

По функциональному назначению предметов выделяются различные виды изделий: орудия труда (молот, топор, серп); оружие (меч, кинжал, наконечник копья), украшения (перстень, кольцо, фибула, браслет, серьги, цепочка, бляшка, бусы, застежка, шейное кольцо, мониста, привеска);

Таблица 1. Распределение случаев обнаружения археологических находок в Центральном Черноземье по категориям древностей. Сведения собраны из Отчетов ИАК за период с 1861 г. по 1915 г.

	Всего	Комплекс предметов		Единичные находки
		Клады монет	Вещевой комплекс	
Воронежская	48	31	11	6
Курская	52	50	2	-
Тамбовская	39	35	2	2
Орловская	59	52	4	3

Таблица 2. Распределение кладов монет в Центральном Черноземье и их датировка. Сведения собраны из Отчетов ИАК за период с 1861 г. по 1915 г.

	Общее кол-во случаев	Воронежская	Курская	Тамбовская	Орловская
XIV в.	17	7	4	5	1
XVI в.	8	-	1	5	2
XVI–XVIII вв.	7	-	3	4	-
XVI–XVII вв.	14	2	4	2	6
XVII в.	38	6	13	5	14
XVII–XVIII вв.	2	-	2	-	-
XVIII в.	38	9	16	13	-
XVIII–XIX вв.	8	2	2	1	3
XIX в.	7	4	-	-	3

элементы конской упряжи (удила, стремена); предметы культа; поясные наборы и пряжки; керамические целые сосуды и фрагменты.

Уже из названия таблицы распределения древности в Отчетах Комиссии следует, что предметы доставлялись местными учреждениями и частными лицами. Обстоятельства обнаружения вещей были следующими: в ходе раскопок, в процессе целенаправленных поисков местными крестьянами (для продажи) и проведении строительного-ремонтных работ, а также при распашке земли¹.

Работа с археологическими находками в ИАК предполагала их анализ с точки зрения научной значимости и художественной ценности и на основании этого определение дальнейшей судьбы (Захарова, Бессуднов, 2014. С. 36). Наиболее интересные комплексы были направлены в девять столичных профильных организаций; некоторые пополняли фонды губернских музеев, статистических учреждений и архивных комиссий. В целом такая участь постигла меньшую часть коллекций. Большинство возвращалось находчикам – это касается в первую очередь кладов монет. Остальное отправлялось на переплавку на Монетный двор (к примеру, пятая часть кладов из Орловской губернии), было продано или «уступлено» частным лицам.

Атрибутирование и определение случайных находок в фонды столичных и губернских музеев давало возможность ввести предметы в научный оборот. Древности занимали свое место среди коллекций, имеющих схожую хронологическую и культурную принадлежность. Это позволило исследователям не только проанализировать их, но и, имея информацию о месте их обнаружения, положить начало последовательному изучению того или иного археологического памятника.

Таким образом, анализ такой категории опубликованных источников, как Отчеты Комиссии, дает возможность подробно изучить работу ИАК со случайными находками. Это была отлаженная система учета в общегосударственном масштабе, основными результатами которой стали квалифицированное пополнение музейных фондов и создание источниковой базы для последующего изучения как отдельных категорий артефактов, так и процессов, ими маркируемых.

Насколько полными и достоверными являются полученные сведения, покажет сопоставление собранной информации со сведениями из первоисточников (книга «Клады, присылаемые в ИАК», делопроизводственная переписка с губернскими обществами, протоколы заседаний Комиссии т.д.), хранящихся в фонде ИАК РО НА ИИМК РАН.

¹ Данная информация является совокупностью собранных из всех опубликованных Отчетов ИАК сведений за период с 1861 по 1915 г.

Список литературы

- Захарова Е.Ю., Бессуднов А.А., 2014. Работа по случайным археологическим находкам как направление деятельности ИАК (по материалам Воронежской губернии) // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 6. Материалы межрегиональной научной конференции «Археология восточноевропейской лесостепи: поиски, находки, проблемы», посвященной 125-летию первых археологических раскопок под эгидой ИАК в Липецком крае (бывшем Задонском уезде Воронежской губернии), прошедшей в г. Липецке 20–22 декабря 2013 года / отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк. С. 36.
- Захарова Е.Ю., 2014. Роль ИАК в археологии Центрально Черноземья России // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. № 1. С. 33–37.
- Императорская Археологическая комиссия (1859–1917): к 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / науч. ред.-сост. А.Е. Мусин; под общей ред. Е.Н. Носова. СПб. 2009.

Историко-культурное зонирование территорий в системе охраны объектов археологического наследия: опыт, проблемы и перспективы развития на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

Девяткина Е. Н.

*АУ «Центр охраны культурного наследия», Ханты-Мансийск;
ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, Омск
ninedev@mail.ru*

Агафонов Д. Г.

*АУ «Центр охраны культурного наследия», Ханты-Мансийск
agafdima@yandex.ru*

Ключевые слова: зонирование, перспективная и неперспективная зоны, охрана объектов культурного наследия, археология

На сегодняшний день одной из методик согласования земельных участков под хозяйственное освоение на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры является практика применения результатов историко-культурного зонирования на предмет наличия либо отсутствия объектов археологического наследия (далее – зонирование), оформленных в соответствующую документацию, согласованную региональным органом государственной власти, осуществляющим региональный государственный надзор в области охраны объектов культурного наследия.

Зонирование территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры как одно из направлений обеспечения государственной охраны

объектов культурного наследия применяется с 1990-х гг. прошлого века, когда началось активное промышленное освоение региона.

Зонирование строится на анализе ландшафтно-топографической ситуации с использованием различных картографических источников (в том числе спутниковых космоснимков), архивных материалов, содержащих информацию о ранее проведенных историко-культурных изысканиях, анализе и сопоставлении информации о ранее выявленных объектах археологического наследия на зонированной и близлежащих территориях, а также общих закономерностях расположения объектов археологии на территории округа.

По состоянию на 2021 г. Службой государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры выдано 7003 заключения о наличии/отсутствии объектов культурного наследия, выявленных объектов культурного наследия и объектов, обладающих признаками объектов культурного наследия, на земельных участках, подлежащих хозяйственному освоению (далее – заключения).

По состоянию на 30.12.2021 с учетом информации о зонировании подготовлено 4547 заключений, из них лишь 1510 заключений обязывали заявителей обеспечить проведение историко-культурной экспертизы, в то время как 3037 заключений согласовывали деятельность в границах испрашиваемых землеотводов (Журнал регистрации подготовленных заключений о наличии/отсутствии объектов, 2021). Исходя из этого можно сделать вывод об эффективности применения зонирования, однако скорее в пользу хозяйствующих субъектов.

На январь 2022 г. зонированию подверглось более 50% территории округа, преимущественно активно осваиваемых в хозяйственном отношении районов. Также имеются отдельные участки, где зонирование проведено локально в рамках натурного обследования по конкретному проекту землеотвода.

В рамках данной работы проведен сопоставительный анализ границ историко-культурного зонирования и информации о местоположении объектов археологии, позволивший выделить ряд проблем в применении данной методики (URL: <https://nasledie.admhmao.ru/statisticheskaya-informatsiya-/>).

Историко-культурное зонирование не дает 100% гарантии отсутствия объектов археологии в неперспективных зонах. Анализ показал наличие более 30 памятников археологии на территориях, отнесенных к неперспективным. Стоит отметить, что это территории, зонирование которых преимущественно было проведено в 90-е годы с применением актуальных на тот период времени методик работы с картографическими материалами и наличием незначительного количества информации об историко-культурных изысканиях и объектах археологии на этих участках.

Анализ архивных источников показал, что, как правило, подобная ситуация связана с тем, что большая часть границ выделенных зон проведена по линиям сечения горизонталей рельефа, а не по ландшафтными границам и зачастую перспективная зона не охватывает края террас и удалена от водотока более чем на 100 метров. Также встречаются ситуации, когда в неперспективные зоны включены пограничные с болотами участки, на которых впоследствии были обнаружены объекты археологии. Для решения проблемы необходимо периодически актуализировать зонирование с учетом опыта выявления объектов археологии и результатов проведенных натурных обследований.

Как правило, при проведении зонирования специалисты делают акцент на ландшафтные условия, благоприятные для жизнедеятельности человека: высокие и сухие участки, преимущественно расположенные по берегам водотоков. Как показывает практика выявления объектов археологии, в неперспективных зонах встречаются памятники, связанные с промысловой деятельностью человека в прошлом: ловчие ямы, система ловушек, производственные комплексы и т.п., которые в подавляющем своем большинстве являются неочевидными археологическими объектами.

Не стоит исключать и такой важный фактор, как видение ситуации исследователями, проводящими историко-культурное зонирование, глубину проработки материалов, полноту и достоверность собранных сведений, оценку уровня техногенного воздействия на отдельные участки зонированной территории т.д. Спорными моментами являются: отнесение к перспективным территориям ранее обследованных земельных участков, участков с очевидно уничтоженным естественным ландшафтом (карьеры, эксплуатируемые кусты скважин и т.д.). С целью качественной подготовки зонирования должны быть выработаны требования к профессиональным навыкам специалистов, проводящих зонирование, общие принципы выделения перспективных зон с учетом региональных особенностей, ландшафтных характеристик и техногенной нагрузки на территорию. Кроме того, определены общие требования к техническим требованиям и технологиям, применяемым при проведении зонирования, а также необходимость проведения рекогносцировочных работ для отдельных участков.

Список литературы

Журнал регистрации подготовленных заключений о наличии/отсутствии объектов культурного наследия, включенных в реестр, выявленных объектов культурного наследия и объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия, на землях, подлежащих воздействию земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных работ, предусмотренных статьей 25 Лесного кодекса Российской Федерации работ

по использованию лесов и иных работ за 2021 год // Архив АУ «Центр охраны культурного наследия».

Статистическая информация: Служба государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. <https://nasledie.admhmao.ru/statisticheskaya-informatsiya/> (дата обращения: 17.01.2022).

Влияние центральноазиатских народов на наскальное искусство Северной Индии в эпоху раннего железного века: историографический аспект

Денисенко В. Л.

*Новосибирский государственный педагогический университет,
Новосибирск
valerialeontyevna@yandex.ru*

Ключевые слова: петроглифы, звериный стиль, Центральная Азия, Северная Индия, ранний железный век

Саки, юэчжи-кушаны, прибывшие из Центральной Азии на северную часть Индийского субконтинента, оставили материальные следы своих миграций. Присутствие петроглифов, относящихся к «звериному стилю», является дополнительным свидетельством контактов народов Северной Индии с центральноазиатским миром. На сегодняшний день ранний железный век указанных регионов в изучении их историко-культурных взаимодействий и движений миграционных волн остается малоизученной темой. В первую очередь это связано с фрагментарностью опубликованных данных, которые основываются на региональном делении. В данной работе мы проведем историографический обзор зарубежной литературы о влиянии центральноазиатских народов на наскальное искусство Северной Индии в указанную эпоху.

Одной из виднейших фигур в историографии культурного взаимодействия народов в области искусства Центральной и Южной Азии является австрийский этнолог, религиовед и археолог Карл Йеттмар. Он одним из первых отметил сакские мотивы в петроглифах региона (Jettmar, 1984). Кроме того, ученый выдвинул гипотезу, что племена саков из Памира продвинулись через Ишкоман и верхнюю часть долины Гилгит в Кандию, с одной стороны, и к Инду, с другой, продолжая свой путь дальше на юг (Jettmar, 1987. P. 13–14). Следовательно, географическое положение гор Гиндукуша, которые кажутся непреодолимой границей, на самом деле представляет собой сеть горных плато, которые на протяжении нескольких тысячелетий были связующим звеном между народами Северной Индии и Центральной

Азии. Вопрос о центральноазиатском влиянии на наскальное искусство также был аргументирован Гердом Г. Кёнигом в 1984 г. (Koenig, 1984. P. 320). Термин «сака» он использует к различным народам Центральной Азии, которые имели общий художественный «звериный стиль» второй половины I тыс. до н.э. Никакой этнической идентификации не предполагается. Такого подхода продолжают придерживаться и современные исследователи. Первый обстоятельный труд, освещающий данную тему, был написан Анри-Полем Франкфуртом. Стилистический анализ петроглифов позволил ученому подтвердить, что характерный центральноазиатский звериный стиль был распространен в Ладакхе, Занскаре и западном Тибете в конце I тыс. до н.э. (Francfort, 1992. P.147).

На сегодняшний день над тщательной документацией петроглифов в Ладакхе работают основатель и директор Франко-индийской археологической миссии доктор Лорианна Брюно и содиректор Мартин Вернье. В своем обобщающем исследовании Мартин Вернье отметил, что часть изображений можно связать с хорошо известным миром петроглифов Центральной Азии, степей и гор Казахстана и Южной Сибири (Vernier, 2007. P. 66). Исследователями проводятся исследования для уточнения распределения изображений в зверином стиле, их численного значения в отношении всего наскального искусства региона, а также работа по интерпретации смыслового и стилистического наполнения изображений. Они определили характерные черты и мотивы «звериного стиля» в регионе: сцены терзания, жертвенные позы, выделение мышц на теле, состоящих из s-образных спиралей, длинные хвосты, заканчивающиеся крючками, и копыта с острыми окончаниями (Bruneau, Vernier, 2010. P. 6; Bruneau, Bellezza, 2013. P. 57–58). В отдаленном высокогорном районе Вахан в Афганистане сохранилось множество памятников наскального искусства, которые также подтверждают гипотезу о миграции саков из Центральной Азии в районы верхнего Инда современного Пакистана (Гилгит-Балтистан) и Индии (Ладакх). Однако, как отмечает американский исследователь Джон Мок, конкретных археологических свидетельств, подтверждающих эту атрибуцию стилистических элементов наскального искусства, в Вахане обнаружено не было (Mock, 2013. P. 48).

Регионы исторической Северной Индии, которые включают северные территории современных Индии, Пакистана и Афганистана, изучены крайне неравномерно. Хотя эти районы Западных Гималаев политически разделены, они представляют собой единое географическое и культурное образование. Дальнейшее изучение пространственного распределения и сравнительное исследование петроглифов в зверином стиле в Ладакхе, долинах верхнего Инда и Ваханском коридоре позволят выдвинуть гипотезу относительно более точных маршрутов центральноазиатских племен на Индийский субконтинент. Подобного рода исследования по-

зволят узнать, являются ли наскальные изображения результатом культурного распространения через последовательные миграции или они могут представлять дополнительную «провинцию» звериного стиля с его собственной отдельной линией развития. На данный момент наскальное искусство является единственным источником по археологии раннего железного века Западных Гималаев, поскольку комплексные археологические исследования здесь проводятся крайне редко.

Список литературы

- Bruneau L., Vernier M., 2010. Animal style of the steppes in Ladakh: A presentation of newly discovered petroglyphs // Pictures in Transformation: Rock Art Researches between Central Asia and the Subcontinent / L.M. Olivieri, L. Bruneau, M. Ferrandi (eds.). Oxford. P. 27–36.
- Bruneau L., Bellezza J.V., 2013. The rock art of Upper Tibet and Ladakh: Inner Asian cultural adaptation, regional differentiation and the ‘Western Tibetan Plateau Style’ // Revue d’ Etudes Tibetaines. № 28. P. 5–161.
- Francfort H-P., Klodzinski D., Mascle G., 1992. Archaic petroglyphs of Ladakh and Zanskar // Rock art in the Old World / M. Lorblanchet (ed). New Delhi. P. 147–192.
- Jettmar K., 1984. Tierstil am Indus // Kulturhistorische Probleme Sudasiens und Zentralasiens. Vol. 25. № 1. P. 73–93.
- Jettmar K., Thewalt V., 1987. Between Gandhāra and the Silk Roads. Rock-carvings Along the Karakorum Highway. Discoveries by German-Pakistani Expeditions 1979–1984. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern.
- Koenig G.G., 1984. Skythen in Tibet? // Der Weg zum Dach der Welt / C.C. Müller, W. Raunig (ed.). Innsbruck, Frankfurt, Pinguin Verlag, Umschau-Verlag. P. 318–320.
- Mock J., 2013. New discoveries of rock art in Afganistan’s Wakhan corridor and Pamir: a preliminary study // The Silk Road. №. 11. P. 36–55.
- Vernier M., 2007. Exploration et documentation des petroglyphes du Ladakh 1996–2006. Como.

Русские древности в произведениях отечественных художников второй половины XIX – начала XX вв.

Дрёмова П. С.

*Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург
pdremova8@gmail.com*

Ключевые слова: славяно-русская археология, средневековые древности, русская историческая живопись, вещественные источники, популяризация науки

В работе анализируются причины и условия появления изображений археологических древностей на полотнах русских живописцев второй половины XIX – начала XX в. В этот период интерес к русским древностям, имплицитно присутствовавший в обществе с эпохи Средневековья (Формозов, 1961), становится более заметным и осмысленным. Становлению и развитию археологической науки способствуют государственная политика и рост национального самосознания (Смирнов, 2011). В 1859 г. начинается своя активная деятельность Императорская Археологическая комиссия – первое государственное археологическое учреждение России (Императорская Археологическая комиссия, 2019): создаются археологические общества, на страницах периодических изданий все чаще освещаются вопросы «науки о древностях» (Смирнов, 2011. С. 80–82). Таким образом, в среде представителей образованной части общества формируются условия, обеспечивающие рост интереса к материальным свидетельствам прошлого России, чему способствует и политика государства.

Пристальное внимание к предметам традиционного быта русского народа проявляют как историки и археологи, так и живописцы. Художники начинают осознавать важность вещественных источников для воссоздания отечественного прошлого. Начиная с 1860-х гг. на живописных полотнах все чаще можно наблюдать изображение так называемых «русских древностей» – то есть реальных материальных свидетельств средневековой национальной культуры (Лебедев, 1992). Их можно увидеть в «Богатырях» и «Баяне» В.М. Васнецова, «Похороны знатного руса» Г.И. Семирадского и др.

Несмотря на то что эти произведения написаны более ста лет назад, смысловой «археологический» пласт в них до сих пор не подвергался предметному изучению.

Моя работа представляет собой попытку совокупного анализа художественных, научных и биографических данных с целью создания обобщенного представления о процессе возникновения, развития и воплощения творческого замысла художника. Анализу подвергаются полотна таких отечественных живописцев, как В.М. Васнецов, Г.И. Семирадский, Н.К. Рерих, М.В. Нестеров. В их художественных произведениях присутствуют изображения вещей, которые с полной уверенностью можно отнести к археологическим находкам (Каинов С. Похороны знатного руса. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5d67b74cdfa9ce00ae61a4ea/pohorony-znatnogorusa-5d71038b98fe7900adeba0e6>). На основе знакомства с историей обнаружения этих вещей и процессом обретения ими научно-популярного контекста реконструируются возможные варианты попадания предметов в поле зрения отечественных живописцев второй половины XIX – начала XX в. (Прозоровский, 1870; Ястребов, 1893; Сизов, 1896, 1902).

Стремление художников влить струю реализма в исторический жанр, укрепить творческий замысел посредством изображения достоверных деталей потребовало обращения к прототипам художественных образов. Например, известно, что Н.К. Рерих участвовал в археологических исследованиях и сам производил раскопки: свои научные наблюдения он преобразовал в художественную образность (картина «За морями земли великие»). Археология как область науки, аккумулировавшая в себе интерес к предметам прошлого, дала ему опору для воссоздания древнерусской аутентичности (Из чудесных камней, 2018). Художники, не причастные к полевым археологическим работам, скорее всего, обращались к музейным экспонатам и публикациям изображений древностей; немаловажную роль могли сыграть прямые контакты живописцев с учеными.

В обозначенный период становления отечественной археологической науки материальные свидетельства эпохи русского Средневековья происходили в основном из кладов и погребений. Именно эти вещи тщательно изучались, активно популяризировались и демонстрировались широкой публике – посредством археологических съездов, публикаций, музейных и тематических выставок (Серых, 2014). Те художники, которые осознавали ценность материальных свидетельств прошлого, зачастую целенаправленно искали способ точного их отображения в художественных произведениях. «Русские древности», по их мнению, являлись маркерами воссоздаваемой эпохи.

Систематическое обозрение процесса введения археологических находок в научно-популярный контекст и анализ художественных произведений исторического жанра второй половины XIX – начала XX в. позволяют установить порой неуловимые, но важные связи и взаимодействие науки и искусства. Возможно, даже неосознанная популяризация археологического наследия России художниками может служить, с одной стороны, достойным примером культурной трансляции, а с другой – широким полем для взаимодействия исследователей истории культуры, археологии и искусства.

Список литературы

- Из чудесных камней прошлого сложите ступени грядущего: К 125-летию начала археологической деятельности академика живописи, археолога, коллекционера и путешественника Н.К. Рериха. Альбом выставки. СПб., 2018.
- Каинов С. Похороны знатного руса [Электронный ресурс] <https://zen.yandex.ru/media/id/5d67b74cdfa9ce00ae61a4ea/pohorony-znatnogo-rusa-5d71038b98fe7900adeba0e6>.
- Лебедев Г. С., 1992. История отечественной археологии. 1700–1971 гг. СПб.: Изд-во СПбГУ.
- Императорская Археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы /

науч. ред. М.В. Медведева, А.Е. Мусин. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: ИИМК РАН, 2019.

- Прозоровский Д.И., 1870. Описание Смоленского клада. СПб.: Тип. Имп. АН.
- Серых Д.В., 2014. Всероссийские археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX – начале XX в. Казань: «Отечество».
- Сизов В.И., 1896. Предварительный отчет о поездке с археологической целью летом 1895 г. в Курляндскую губ. М.: [Б. и.]
- Сизов В.И., 1902. Курганы Смоленской губернии. Ч. 1. Гнездовский могильник. СПб.: Типография Главного Управления Уделов.
- Смирнов А.С., 2011. Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX – начала XX в.). М.: ИА РАН.
- Формозов А.А., 1961. Очерки по истории русской археологии. М.: Изд-во АН СССР.
- Ястребов В.Н., 1893. Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губернии. СПб.

Вклад С.И. Руденко в изучение керамической посуды из курганов пазырыкской культуры

Му Ц.

*Алтайский государственный университет, Барнаул
tujinshan@mail.ru*

Ключевые слова: *С.И. Руденко, пазырыкская культура, керамическая посуда, Пазырык, Арагол, Башадар, Туэкта*

В пазырыкской культуре керамическая посуда – массовый погребальный инвентарь. Обычно для умершего человека предназначался один сосуд. На территории России раскопано более 650 курганов пазырыкской культуры (Тишкин, Дашковский, 2003). Еще около 100 таких объектов исследовано в Казахстане (Самашев, 2011), Монголии (Молодин и др., 2012) и Китае (Му, 2020). Эти данные указывают, что всего должно быть найдено не менее 700 сосудов, относящихся к этой культуре. Особое значение в таком процессе имела деятельность С.И. Руденко, под руководством которого раскопаны как «царские», так и «рядовые» погребения.

В 1948 г. С.И. Руденко опубликовал материалы из кургана Пазырык-2, в том числе два керамических изделия. На поверхности сохранившегося кувшина располагались шесть фигурок петухов, вырезанных из кожи и наклеенных на тулово сосуда. Они были соединены встык по кругу. Сосуд имел поверхность серого цвета с вкраплениями песчинок и дресвы. С.И. Руденко считал, что изготовление найденных изделий производилось

вручную из местных глин методом «последовательного наложения колец или полос шириною в 8 см», а гончарный круг не применялся (1948. С. 22–23). Их поверхность тщательно заглаживалась, температура обжига сосудов была невысокой, разные части нагревались неравномерно. Форма кувшина оказалась довольно необычной для Алтая: небольшое плоское дно, широкое тулово и узкая шейка. Днище оказалось настолько маленьким, что, по мнению С.И. Руденко, кувшин следовало бы ставить на специальную круглую подставку (1948. С. 24–26). В последующих работах исследователь продолжил придерживаться сформулированного мнения (Руденко, 1952, 1953, 1960).

В материале, опубликованном в 1949 г., С.И. Руденко отмечал, что глиняный кувшин, обнаруженный в кургане Пазырык-2, огромен по форме и неудобен для перемещения, что является прямым свидетельством оседлости и отражает полукочевой хозяйственный образ жизни древнего населения (Руденко, 1949а. С. 99–100). В другой публикации того же года он предположил, что поверхность посуды могла быть украшена так же, как у кувшина, обнаруженного в кургане Пазырык-2 (Руденко, 1949б. С. 270).

В монографии 1952 г. представлено описание изготовления найденной глиняной посуды методом последовательного наложения полос: придонная часть, горлышко и две промежуточные полосы (Руденко, 1952. С. 45–46). Кроме того, отмечено, что высота горшков в малых курганах Пазырыка не превышала 0,25 м, а размер кувшина в большом кургане Пазырык-2 достигал 0,5 м. Это могло свидетельствовать о корреляции между размерами посуды и параметрами курганов (Руденко, 1952. С. 46).

В монографии, вышедшей в следующем году, С.И. Руденко пишет: «Глиняная посуда во всех курганах представлена однотипными высокими, узкогорлыми кувшинами» (1953. С. 90). Здесь ученый впервые предположил, что кувшин – типичная форма для керамической посуды пазырыкской культуры (Руденко, 1953. С. 90).

В монографии 1960 г. С.И. Руденко отметил существенное различие керамических изделий, которые происходят из могил и насыпей курганов пазырыкской культуры. Так, при раскопках памятника Башадар-II было обнаружено большое количество фрагментов керамики, по которым можно реконструировать два полных сосуда, относящихся к типу глиняных банок и явно отличающихся от кувшинов из могил (Руденко, 1960. С. 63–65).

С.И. Руденко в общей сложности провел раскопки 14 погребальных сооружений, в которых обнаружены девять целых сосудов и большое количество фрагментов. Путем измерений и наблюдений он пришел к следующим выводам: керамическая посуда, как правило, изготавливалась из местной глины путем ручной лепки, а ее поверхность тщательно

заглаживалась; температура обжига сосудов была невысокой, и разные части их нагревались неравномерно; из-за того что дно у кувшина маленькое, он должен был ставиться на специальное круглое основание; поверхность глиняных емкостей могла иметь различный орнамент и украшения; существовала связь между размерами горшков и социальной иерархией погребенных. С.И. Руденко также пытался понять функцию и роль глиняной посуды, исходя из реконструкции хозяйственной деятельности. Ученый считал, что она была приспособлена к кратковременному оседлому образу жизни кочевников, а кувшины делались для хранения напитков (таких как кумыс).

При изучении исследованных памятников С.И. Руденко сосредоточился на решении многих проблем (Шмидт, 2006). Его методы изучения керамики в основном базировались на подробных описаниях и обобщениях. В силу ограниченности источниковой базы не хватало детальной демонстрации и специального рассмотрения. По этой причине С.И. Руденко не уделил отдельного внимания керамике и привлекал ее при обсуждении других вопросов. В любом случае, сделанные суждения представляются важными. В условиях того времени и по сравнению с другими учеными, С.И. Руденко максимально возможно раскрыл сведения, полученные при рассмотрении керамической посуды пазырыкской культуры на начальном этапе ее изучения.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-39-90022.

Список литературы

- Молодин В.И., Парцингер Г., Цэвээндорж Д., 2012. Замерзшие погребальные комплексы пазырыкской культуры на южных склонах Сайлюгема (Монгольский Алтай). М.: «Триумф принт».
- Му Ц., 2020. Памятники пазырыкской культуры в Синьцзяне // Теория и практика археологических исследований. Т. 30. № 2. С. 138–147.
- Руденко С.И., 1948. Второй Пазырыкский курган. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа.
- Руденко С.И., 1949а. Предварительное сообщение о раскопках в Улагане 1947 г. // СА. № XI. С. 261–270.
- Руденко С.И., 1949б. Культура Алтая времени сооружения Пазырыкских курганов // КСИИМК. Вып. 26. С. 97–109.
- Руденко С.И., 1952. Горноалтайские находки и скифы. М.; Л.: АН СССР.
- Руденко С.И., 1953. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: АН СССР.
- Руденко С.И., 1960. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: АН СССР.
- Самашев З., 2011. Берел. Алматы: «Таймас».

- Тишкин А. А., Дашковский П. К., 2003. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та.
- Шмидт О. Г., 2006. Археологические исследования С. И. Руденко в Северной Евразии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул.

Открытие и изучение на Алтае памятников скифо-сакского времени в 1920-е гг.

Новожилова Е. Н.

*Алтайский государственный университет, Барнаул
beskupin@yandex.ru*

Ключевые слова: *Алтай, скифо-сакское время, кочевники, «княжеские» курганы, пазырыкская культура*

Многолетние исследования на Алтае памятников скифо-сакского времени и полученные при этом материалы, а также опубликованные результаты всех изысканий в настоящее время нуждаются в детальном рассмотрении, поскольку обладают существенным потенциалом для дальнейшей реализации важных научных программ.

Раскопки Катандинского и Берельского курганов в 1865 г. под руководством В. В. Радлова продемонстрировали сохранность уникальных предметов из органических материалов. Экспедиции на Алтае возобновились после Гражданской войны. Они проводились центральными музеями при участии представителей местных организаций. Цель данной публикации – отразить процесс археологического изучения памятников скифо-сакского времени в 1920-е гг.

В январе 1921 г. заведующий археологическим отделом Барнаульского музея Г. Н. Вагин разработал маршрут для экспедиции на Алтае. Он имел поручение от Московского археологического института на производство раскопок, однако намеченное мероприятие не было реализовано из-за отсутствия финансирования (Тишкина, 2010. С. 151). В 1920-е гг. состоялись экспедиции Этнографического отдела Государственного Русского музея (ЭО ГРМ) под руководством С. И. Руденко. Исследования велись летом 1924 г. в Восточном Алтае, а в 1925 г. – в Западном. Примечательным является маршрут экспедиции 1924 г. (Шмидт, 2004. С. 67), который похож на разработку Г. Н. Вагина. Разведочные шурфы у больших курганов в урочище Пазырык подтвердили наличие мерзлоты под каменными насыпями, что могло обеспечить хорошую сохранность предметов древней культуры. В 1925 г. были произведены раскопки двух курганов в долине Катуня, около впадения притока р. Катанда (Руденко, 1960. С. 13). Они оказались ограблены,

но сохранившийся материал остается актуальным для современных исследований (Тишкин и др., 2021. С. 317).

В 1927 г. отряд экспедиции молодых археологов М.П. Грязнова и М.Н. Комаровой произвел раскопки большого кургана в урочище Шибе (долина Урсула). Объект обозначен как «княжеское» захоронение (Грязнов, 1928. С. 217). Эти материалы были опубликованы научным сотрудником Государственного Эрмитажа Л.Л. Барковой (1978).

В 1929 г. Алтайская экспедиция ЭО ГРМ под руководством С.И. Руденко продолжила исследования на Алтае. В местной газете «Ойротский край» была помещена небольшая заметка «Едут изучать Алтай» (1929) о прибытии экспедиции в Ойротию (с. Улала) для проведения раскопок (автор благодарен К.А. Тишкиной за предоставленную информацию). Намеченные для исследования курганы соотносились с «эпохой владычества гуннов». По всей видимости, С.И. Руденко рассматривал их исходя из результатов исследований могильника Ноин-Ула в Северной Монголии, о которых он знал от своего коллеги С.А. Теплоухова (Марсаолов, 1996. С. 19).

Самыми успешными в 1929 г. стали раскопки, проведенные на р. Ян-Улаган в урочище Пазырык отрядом М.П. Грязнова. В Первом Пазырыкском кургане сохранились важнейшие артефакты, богатый материал дали конские захоронения. Часть находок была сразу доставлена в Ленинград. Оставшиеся предметы и тела лошадей вывозились В.С. Адриановым по санному пути (Тишкина, 2010. С. 183).

«В 1929 г. одновременно с раскопками Первого Пазырыкского кургана С.В. Адриановым у устья р. Арагола были раскопаны три кургана, относящиеся к той же культуре, что и Пазырыкский курган», – отмечал профессор С.И. Руденко (1960. С. 14). Эти материалы полностью опубликованы (Марсаолов, 1997; Тишкин и др., 2021).

С.И. Руденко в 1930 г. планировал продолжить исследования Пазырыкского могильника, но реализовать научные планы он не смог, так как был арестован (Кирюшин и др., 2004). Результаты, полученные в ходе раскопок Первого Пазырыкского кургана, были обработаны и опубликованы М.П. Грязновым (1929, 1937, 1950). Однако имеющиеся современные методы исследований позволяют вновь обратиться к этим находкам.

Таким образом, исследования 1920-х гг. памятников скифо-сакского времени на Алтае дали ученым исключительный по своему значению фактический материал. Акцент был сделан на раскопки курганов, отнесенных к категории «княжеских», или «царских». В результате была открыта и зафиксирована «забытая» культура, имевшая яркую и самобытную природу, названная впоследствии «пазырыкской». Кульминацией исследований 1920-х гг. стали раскопки Первого Пазырыкского кургана, которые оказались настоящей сенсацией и открыли новую страницу в изучении прошлого Алтая.

Список литературы

- Баркова Л.Л., 1978. Курган Шибе и вопросы его датировки // АСГЭ. Вып. 19. С. 37–44.
- Грязнов М.П., 1928. Раскопка княжеской могилы на Алтае // Человек. № 2–4. С. 217–219.
- Грязнов М.П., 1929. Пазырыкское княжеское погребение на Алтае // Природа. № 11. С. 971–984.
- Грязнов М.П., 1937. Пазырыкский курган. М.; Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа.
- Грязнов М.П., 1950. Первый Пазырыкский курган. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа.
- Едут изучать Алтай, 1929 // Ойротский край. № 48. С. 6.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Шмидт О.Г., 2004. Жизненный путь С.И. Руденко (1885–1969) // Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег / отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул. С. 9–15.
- Марсадолов Л.С., 1996. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV вв. до н.э. (от истоков до начала 80-х гг. XX в.). СПб.
- Марсадолов Л.С., 1997. Исследования в Центральном Алтае (Башадар, Талда). СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа.
- Руденко С.И., 1960. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: АН СССР.
- Тишкин А.А., Пластева Н.А., Саблин М.В., 2021. Остеологические остатки лошадей, обнаруженные на Алтае при раскопках пазырыкских курганов на памятнике Катанда-II и Арагол // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXVII. С. 316–320
- Тишкина Т.В., 2010. Археологические исследования на Алтае (1860–1930-е гг.). Барнаул: Изд-во Азбука.
- Шмидт О.Г., 2004. Археологические исследования С.И. Руденко // Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег / отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул. С. 61–84.

Проблемы относительной хронологии Кафыркалы Колхозабадской (Таджикистан)

Паршута В.А.

*Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
vaparshuto@gmail.com*

Ключевые слова: *Таджикистан, раннее Средневековье, город, Северный Тохаристан, относительная хронология*

Памятник Кафыркалы Колхозабадская расположен в Вахшской долине в Хатлонской области Таджикистана в современном поселке Джаллолиддин

Балхи (до 2017 г. – Колхозабад). Координаты памятника: N37°35'19.2328" E68°38'47.5977". Площадь памятника около 13 га (Соловьёв, 2011. С. 7–8; Литвинский, Соловьёв, 1985 С. 8–12). Кафыркала представляет собой крупное квадратное городище (сторона около 370 м), в СВ углу которого расположена отделенная от шахристана широким ровом квадратная цитадель. Ценность памятника для изучения городских структур Средней Азии доисламского раннего Средневековья несомненна.

Раскопки памятника проводятся с перерывами с 1956 г. по сегодняшний день¹. На данный момент полностью раскопаны цитадель и пять объектов на городище, включающие «дом ювелира» в центре города (об. III), общественное здание (об. I), небольшое буддийское святилище (об. V), перестроенное в жилище, разрез стены с пристенным помещением (об. IV). Один из объектов (об. II) до сих пор не был опубликован.

За время раскопок памятника сложилась традиционная хронология, разделяющая время бытования памятника на 4 периода: КФ-III (I–II вв.), КФ-II (V–VII вв.), КФ-I (VII–VIII вв.), КФ-0 (вторая четверть VIII в.). Она основана скорее на интуитивных соображениях Т.И. Зеймаль (1959, 1969 С. 202–211; Литвинский, Гулямова, Зеймаль, 1959), Б.А. Литвинского и В.С. Соловьёва (1982; 2011; Литвинский Соловьёв, 1985), а не на строгом анализе данных, в ходе которого были бы выделены четкие вещевые и керамические комплексы, наблюдаемые в сходных стратиграфических условиях на разных объектах городища. Поэтому основная цель настоящей публикации – показать несостоятельность традиционной хронологии.

При подготовке этого доклада использовались все доступные публикации о Кафыркале, включая кандидатские диссертации Т.И. Зеймаль (1969) и В.С. Соловьёва (1977). Непосредственно отчеты о раскопках, хранящиеся, по словам сотрудников Института истории, археологии и этнографии им. Дониша Т.Г. Филимоновой и Г.Р. Каримовой, в Душанбе, мне пока не доступны.

В целом относительная хронология памятника была разработана (без КФ-0) по материалам объекта I, а потом распространена на прочие объекты. Но уже при анализе описаний комплексов и стратиграфии объекта I возникают некоторые проблемы. Так, период КФ-I не представлен на планах и разрезах, опубликованных для этого объекта Т.И. Зеймаль (Зеймаль, 1959. Рис. 1: 3; Литвинский, Гулямова, Зеймаль, 1959. Рис. 10). То же можно сказать о периоде КФ-III, выводы о котором делаются на основании единственной монеты типа Σωτήρ μέγας (великий спаситель), происходящей из нигде не опубликованного шурфа, доведенного до

¹ Последний раз раскопки велись в 2017 и 2018 г. (Филимонова, Сайфулоев, 2019. С. 38).

двухметровой глубины (Зеймаль, 1969. С. 210, но ср. Зеймаль, 1959. Рис. 3, где глубина шурфа не более полуметра). Тем не менее для периода КФ-I опубликован набор предметов, из которого можно восстановить комплекс, характеризующий КФ-I с формальной точки зрения как набор признаков, в том числе в этот комплекс входят и несколько фрагментов керамики, по большей части хумов (в публикациях весь отрисованный керамический материал занимает не более страницы, но вряд ли его могло быть настолько мало) (Литвинский, Гулямова, Зеймаль. 1959. С. 146–152, рис. 8, 9; Зеймаль, 1959. Рис. 2, 5). Для периода КФ-II такой комплекс сводится к нескольким фрагментам керамики (Зеймаль, 1959. С. 92, рис. 5), целому керамическому сосуду и монете «Napki Malka» (современное чтение: Nezak Shah, выпуск датируется не позже 530-х гг., см. Vondrovec, 2014. Р. 449–477). Этот слой единственный на объекте I содержит монументальную архитектуру.

Таким образом, опубликованные данные об объекте I не позволяют проверить созданную схему периодизации Кафыркалы.

Тем не менее эта схема используется для работ на цитадели Кафыркалы. Первое ее применение фиксируется в отчете за 1975 г., опубликованном в 1980 г. (Соловьёв, 1980. С. 179), но то, почему используется именно она, никак не аргументируется, соответственно, приходится предполагать, что по формальным признакам комплексы артефактов, найденные при раскопках на цитадели и прочих объектах на городище, должны совпадать с комплексами из объекта I, но акцента на этом положении не делается, проверить его фактически невозможно: остается только доверять интуиции исследователя.

Хронологическая интерпретация других объектов на городище уже по инерции следует указанной схеме, применение которой так и не находит аргументированного подтверждения.

Причины такого состояния дел, видимо, следует искать в недостаточно точной фиксации находок и стремлении авторов как можно скорее переходить к выводам более или менее общего характера. Так, В.С. Соловьёв (основным исследователем памятника следует считать именно его) в своих работах 1973 и 1996 гг. далеко не всегда указывает точные контексты находок, но сразу относит их к комплексу КФ-I, II, III или 0.

Обращение к архивам Института истории, археологии и этнографии им. Дониша в Душанбе, а также новые раскопки, вероятно, помогут пролить свет на эту несколько запутанную ситуацию.

Список литературы

Зеймаль Т.И., 1959 Работы Вахшской группы Хуттальского тотряда в 1957 г. // Археологические работы в Таджикистане. Вып. V. С. 83–93.

- Зеймаль Т.И., 1969. Вахшская долина в древности и раннем Средневековье: Дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Литвинский Б.А., Гулямова Э., Зеймаль Т.И., 1959 Работы отряда по сбору материалов для составления археологической карты (1956 г.) // Археологические работы в Таджикистане. Вып. IV. С. 129–152.
- Литвинский Б.А., Соловьёв В.С., 1985. Средневековая культура Тохаристана в свете раскопок в Вахшской долине. М.
- Соловьёв В.С., 1973. Керамика Кафыр-калы (раскопки 1969–1970 гг.) // Археологические работы в Таджикистане. Вып. X. С. 295–307.
- Соловьёв В.С., 1977. Городище Кафыркала – раннесредневековый центр области Вахш (историко-археологическое изучение): Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. Душанбе.
- Соловьёв В.С., 1980. Работы Колхозабадского археологического отряда в 1975 г. // Археологические работы в Таджикистане. Вып. XV. С. 179–184.
- Соловьёв В.С., 1982. Работы Колхозабадского отряда в 1976 г. // Археологические работы в Таджикистане. Вып. XVI. С. 136–145.
- Соловьёв В.С., 1996. Раннесредневековая керамика Северного Тохаристана. Елец.
- Соловьёв В.С., 2011. Кафиркала и Шуробкурбан. Елец.
- Филимонова Т.Г., Сайфулоев Н.Н., 2019. Археологическая карта Таджикистана. Район Джалолиддина Балхи. Душанбе.
- Sims-Williams N, Cribb J., 1995/96 A new Bactrian Inscription of Kanishka the Great // Silk Road Art and Archaeology. Vol. 4. P. 76–142.
- Vondrovec K. 2014. Coinage of the Iranian Huns and their Successors from Bactria to Gandhara. Wien.

Письма М.П. Грязнову в Музее археологии и этнографии ОмГУ *Стяжкина О.В.*

Алтайский государственный университет, Барнаул
styazhkina_olga91@mail.ru

Ключевые слова: М.П. Грязнов, музей, личный архив, письма, источник

Письма представляют собой уникальный вид исторического источника. Несмотря на существенный информационный потенциал, им уделяется мало внимания. Однако с помощью писем можно установить не только отношения корреспондентов и определенные факты из их биографии, но и выявить индивидуальную манеру изложения и влияние на нее эпистолярного этикета конкретного времени (Кобак, 2012. С. 142).

В личном архиве М.П. Грязнова в Музее археологии и этнографии ОмГУ (Фонд III) находится множество писем Михаилу Петровичу от родственников, друзей и коллег.

В 1922 г. М.П. Грязнов переехал из Томска в Петроград (Пшеницына, Боковенко, 2002. С. 20). Но связь с сибирским городом не потерял. В указанном архиве хранится несколько писем от сокурсника по Томскому университету Лазаря Максимовича Шорохова, ставшего ученым-геологом, который внес за свою непродолжительную жизнь значительный вклад в изучение Сибири. В письме от 1922 г. он сообщает Михаилу Петровичу, что ему приходится жить в своем кабинете, так как у него не хватает средств не только для оплаты комнаты, но и для покупки пропитания. Если в ближайшее время он получит продовольственную поддержку из дома, то, возможно, доживет до приезда Михаила Петровича в Томск (Письмо, 1922в. Л. 3). Еще одно письмо неустановленного автора также получено из Томска в 1922 г. Вероятно, М.П. Грязнова с этим автором также связывала учеба в Томском университете. Это письмо важно тем, что оно освещает малоизвестные факты из биографии М.П. Грязнова. В частности, в нем автор сожалеет о том, что М.П. Грязнов, С.А. Теплоухов и Е.Р. Шнейдер в силу «неприятно сложившихся обстоятельств» не смогли отправиться в экспедицию в Авганистан (орфография сохранена. – О.С.). Кроме того, письмо освещает некоторые сюжеты из жизни студентов того времени. Декрет от 26 мая 1922 г. Совета народных комиссаров РСФСР установил назначение государственных стипендий, в состав которых входило продовольственное снабжение (Декрет, 1922). В письме указывается, что студент Томского университета получал по 1,5 фунта хлеба с сентября по июль, что автор считал весьма благоприятным обстоятельством (Письмо, 1922г. Л. 37).

Безусловно, письма являются важным источником биографии самих авторов. В архиве находится письмо от Е.Р. Шнейдера – близкого друга и соратника М.П. Грязнова на протяжении многих лет. Они вместе участвовали в экспедиции С.А. Теплоухова у с. Батени, вместе переехали вслед за ним в Петроград, устроились работать в Этнографический отдел ГРМ. Обоих коснулись репрессии 1930-х гг. Для М.П. Грязнова они обернулись ссылкой. О судьбе Евгения Робертовича долгие годы ничего не было известно. Лишь в конце прошлого века выяснилось, что в 1938 г. он был расстрелян (Ипполитова, 2012. С. 58). Многие факты из жизни этого незаурядного исследователя еще предстоит выяснить, и его письма коллегам и друзьям могут оказать существенное подспорье. Так, например, в письме М.П. Грязнову от июля 1922 г., отправленном уже из Петрограда, мы узнаем о его неудавшейся попытке поступить в Академию художеств (Письмо, 1922б. Л. 40).

Письма от коллег содержат информацию о различных экспедиционных выездах. В письме, датированном ноябрем 1924 г., С.А. Теплоухов сообщает, что по инициативе Академии наук и распоряжением Совнаркома

он отправляется на раскопки к П.К. Козлову для участия в работах на памятнике Ноин-Ула в Монголии. Он не хотел ехать, но все же согласился, поскольку он испытывал интерес к неведомой стране. К тому же «делу дан был уже решительный ход» (Письмо, 1924. Л. 21).

В письме Г.П. Сосновского, с которым М.П. Грязнова связывали долгие годы совместных работ, излагается просьба рассказать об открытиях, совершенных столичными археологами, и высказан интерес к новым книгам по археологии. Как известно, в годы Гражданской войны Георгий Петрович переехал из Петербурга в Сибирь, где прожил несколько лет. Очевидно, письма М.П. Грязнова были для него важным источником информации о развитии археологической науки того времени (Письмо, 1922. Л. 25).

Участие в экспедиции М.П. Грязнова у с. Большая Речка в 1949 г. сыграло важную роль в профессиональном становлении А.П. Уманского – известного барнаульского археолога. Его письмо 1959 г. служит источником информации о событиях, происходивших в научных кругах Барнаула. Также А.П. Уманский просит Михаила Петровича ознакомиться с его недавно вышедшей книгой. Буквально в каждой строке чувствуется, с каким пиететом автор письма относится к М.П. Грязнову и какое большое значение для него имеет его мнение. В письме Алексей Павлович просит не судить строго его работу (Письмо, 1959. Л. 248).

В отдельную группу можно выделить письма М.П. Грязнову от членов его семьи. В архиве сохранилось несколько писем от сестры В.П. Мишиной (Грязновой) и брата А.П. Грязнова. В основном они содержат сюжеты на бытовые темы. От Михаила Петровича они ждали впечатлений о Петрограде и рассказов о его «промышленной, политической и обывательской жизни» (Письмо, 1922а. Л. 35).

До появления интернета письма играли огромную роль в системе межличностного общения. Они передают язык, присущий культурной среде определенного времени, являются средством ознакомления с общественной жизнью и позволяют дополнить фактами биографию персоналий, участвовавших в переписке.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект №19-49-220006.

Список литературы

- Декрет, 1922. Декрет от 26 мая 1922 года «О государственных и частных стипендиях для студентов». Электронная версия.: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1333.htm.
- Ипполитова А.Б., 2012. Из эпистолярного наследия Е.Р. Шнейдера: семейная переписка 1922–1929 гг. // Культуры степной Евразии и их взаимодействие

- с древними цивилизациями: Мат. межд. науч. конф., посв. 110-летию со дня рождения М.П. Грязнова. СПб. С. 58–64.
- Кобак И.В., 2012. Письма как исторический источник: задачи и приемы изучения // Вестник СПбГУ. Сер. 2. Вып. 2. С. 142–148.
- Письмо, 1922а. Письмо А.П. Грязнова // МАЭ ОмГУ. ЛА.Ф. III.Д. 42.
- Письмо, 1922б. Письмо Е.Р. Шнейдера // МАЭ ОмГУ. ЛА.Ф. III.Д. 42.
- Письмо, 1922в. Письмо Л.М. Шорохова // МАЭ ОмГУ. ЛА.Ф. III.Д. 42.
- Письмо, 1922г. Письмо неустановленного автора // МАЭ ОмГУ. ЛА.Ф. III.Д. 42.
- Письмо, 1923. Письмо Г.П. Сосновского // МАЭ ОмГУ. ЛА.Ф. III.Д. 42.
- Письмо, 1924. Письмо С.А. Теплоухова // МАЭ ОмГУ. ЛА.Ф. III.Д. 42.
- Письмо, 1959. Письмо А.П. Уманского // МАЭ ОмГУ. ЛА.Ф. III.Д. 12.
- Пшеницына М.Н., Боковенко Н.А., 2002. Основные этапы жизни и творчества М.П. Грязнова (1902–1984) // Степи Евразии в древности и Средневековье. Мат. науч.-практ. конф., посв. 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. Кн. I. СПб. С. 19–23.

Начальный этап археологического изучения Пенджикента (Таджикистан)

Элмуродов Л.Х.

*Алтайский государственный университет, Барнаул
infolutfullo@gmail.com*

Ключевые слова: *Пенджикент, археология, экспедиция, шахристан, цитадель, некрополь, живопись*

Целенаправленное изучение археологии Согда началось после 1933 г., когда в замке на горе Муг (в верховьях Зеравшана) были найдены документы начала VIII в., многие из которых принадлежали архиву Деваштича – одного из последних правителей Согда. В 1946 г. была организована крупная «Согдийско-Таджикская археологическая экспедиция» под руководством Александра Юрьевича Якубовского (Якубовский, 1950. С. 32). Для ее первого полевого сезона характерна работа разведочных групп на территории долин Зеравшана. Тогда же был снят план городища Пенджикент (Смирнова, 1950а. С. 67–68). Цель данной публикации заключается в том, чтобы продемонстрировать результаты первого этапа археологических раскопок этого памятника для дальнейшего обобщения истории его многолетних исследований.

Археологический комплекс Пенджикента находится 1,5 км к юго-востоку от современного одноименного города, на самом главном торговом пути из Самарканда в горные селения Зеравшана. Городище расположено несколько выше левобережной поймы реки. Согдийско-Таджикская археологическая экспедиция в 1947 г. раскопала три больших объекта. Эти

исследования дали очень важный научный материал (по истории как согдийской архитектуры, так и живописи). Выяснилось, что городище состоит из кухендиза (цитадель), шахристана (посад), рабада (предместье) и некрополя. Оно существовало с V до середины VIII в. В первой четверти VIII в. Пенджикент был разрушен арабскими завоевателями (Распопова, 1993. С. 7–8). С конца VIII в. оставшееся население стало сооружать свои постройки ниже – там, где сейчас располагается современный город.

В 1947 г. исследования на территории цитадели и городской части шахристана дали массу вещественных находок, в том числе клад драгоценностей и хорошо сохранившуюся архитектуру (Тереножкин, 1950. С. 81–82). Во время раскопок выяснилось, что большую часть городища уничтожил пожар. В помещение № 1 была найдена обгоревшая древесина. При разборке завала на одном из объектов обнаружены в сгоревшем состоянии куски настенной росписи (Беленицкий, 1950. С. 101).

В 1948 г. в результате археологических раскопок на объектах I и II были открыты крупные образцы настенной живописи, очень важные по своему содержанию. Росписи были выполнены минеральными красками по сухой лессовой штукатурке или (чаще всего) по белому грунту. Штукатурка наносилась в несколько слоев поверх стен из сырца или пахсы (битой глины), затем на ней формировался гипсовый грунт, потом выводились контуры, которые заполнялись краской (как зачастую и пространство между ними). Можно увидеть подмалевки, выполненные красной краской, не совпадающей с окончательным рисунком. Были обнаружены два сооружения, которые представляли собой храмы домусульманской культуры (Беленицкий, 1953. С. 21–22).

В этом же году другая группа сотрудников экспедиции занималась изучением зороастрийского некрополя, который находится к югу от шахристана и сохранился до наших дней. В результате этих работ было вскрыто шесть наусов, которые оказались небольшими постройками, сложенными из сырцового кирпича и пахсы, высотой не менее 2 м. Наусы имели по трем сторонам суфы, которые предназначались для оссуариев (специальное хранилище костей умерших людей) (Якубовский, 1950. С. 55; Гинзбург 1953. С. 162–163).

По всей видимости, последний правитель Пенджикента жил в цитадели (кухандезе), которая находится в восточной части шахристана. Изучением кухандеза в 1947–1948 гг. руководил А.И. Тереножкин. В работах участвовали Б.Я. Ставиский, А.М. Беленицкий, М.М. Дьяконов, Н.Н. Забелина, А.А. Боровков, Л.Ю. Гене и С.Б. Певзнер. В результате были открыты многоэтажные башни и обнаружено много находок, в том числе монеты.

Во время раскопок 1947–1948 гг. на городище Пенджикента было найдено больше 30 целых монет и несколько фрагментов. Некоторые из них были очень плохой сохранности и не поддавались точному опре-

делению. Также обнаружены монеты согдийских ишхидов, на которых года их выпусков не помещались, что затрудняет их датировку. Большинство монет зафиксировано в цитадели. Поэтому основные силы экспедиции были направлены на изучение этого участка. Исследованием монет Пенджикента занималась О.И. Смирнова (Смирнова, 1950б. С. 224–225).

Имеющиеся сведения позволяют сделать вывод, что первый этап изучения раннесредневекового Пенджикента позволил обосновать дальнейшие перспективы его исследований, так как городище являлось одним из богатейших (в материальном и архитектурном плане) населенным пунктом в Согде.

Список литературы

- Беленицкий А.М., 1950. Раскопки здания № 1 на шахристане Пянджикента // Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции ИИМК АН СССР, Тадж. филиала АН СССР и Гос. Эрмитажа. Т. I. 1946–1947 гг. (МИА № 15) / под ред. А.Ю. Якубовского. М.; Л. С. 100–109.
- Беленицкий А.М., 1953. Раскопки согдийских храмов в 1948–1950 гг. // Труды Таджикской археологической экспедиции ИИМК АН СССР, ИИАЭ АН Тадж.ССР и ГЭ. Т. II. 1948–1950 гг. (МИА № 37) / под общей ред. А.Ю. Якубовского М.; Л. С. 21–59.
- Гинзбург В.В., 1953. Материалы к краниологии Согда // Труды Таджикской археологической экспедиции ИИМК АН СССР, ИИАЭ АН Тадж.ССР и Гос. Эрмитажа. Т. II. 1948–1950 гг. (МИА № 37) / под общей ред. А.Ю. Якубовского М.; Л. С. 157–167.
- Распопова В.И., 1993. Раннесредневековый согдийский город (по материалам Пенджикента): Дис. ... д-ра ист. наук в форме научного доклада. СПб.
- Смирнова О.И., 1950а. Археологические разведки в бассейне Зарафшана в 1947 г. // Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции ИИМК АН СССР, Тадж. филиала АН СССР и Гос. Эрмитажа. Т. I. 1946–1947 гг. (МИА № 15) / под ред. А.Ю. Якубовского. М.; Л. С. 67–81.
- Смирнова О.И., 1950б. Монеты из раскопок древнего Пянджикента (1947 г.) // Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции ИИМК АН СССР, Тадж. филиала АН СССР и Гос. Эрмитажа. Т. I. 1946–1947 гг. (МИА № 15) / под ред. А.Ю. Якубовского. М.; Л. С. 224–232.
- Тереножкин А.И., 1950. Раскопки в кухендизе Пянджикента // Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции ИИМК АН СССР, Тадж. филиала АН СССР и Гос. Эрмитажа. Т. I. 1946–1947 гг. (МИА № 15) / под ред. А.Ю. Якубовского. М.; Л. С. 81–94.
- Якубовский А.Ю., 1950. Итоги работ Согдийско-таджикской археологической экспедиции в 1946–1947 гг. // Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции ИИМК АН СССР, Тадж. филиала АН СССР и Гос. Эрмитажа. Т. I. 1946–1947 гг. (МИА, № 15) / под ред. А.Ю. Якубовского. М.; Л. С. 13–56.

Список авторов

Агафонов Дмитрий Геннадьевич, н. с., Автономное учреждение «Центр охраны культурного наследия», Ханты-Мансийск, agafdima@yandex.ru

Александренкова Мария Григорьевна, аспирант, Институт археологии РАН, Москва, m.alxnva@gmail.com

Алексейцева Валентина Владимировна, студент, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, v.alekseitseva@gsu.ru

Алишер кызы Салтанат, м. н. с., Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, saltanat.alisher.kyzy@gmail.com

Аминов Фируз Шарифович, м. н. с., Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, firuzaminov@gmail.com

Андреева Ольга Викторовна, лаборант, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, olgayer@mail.ru

Арсенова Наталья Евгеньевна, главный хранитель Археологического музея, Воронежский государственный университет, Воронеж, arsyul@yandex.ru

Бажин Максим Игоревич, м. н. с., Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, maxim.bazhin@bk.ru.

Базаров Борис Бекмуратович, докторант, Национальный центр археологии Академии наук республики Узбекистан, Ташкент, Республика Узбекистан, boris.bazarov.bekmuratovich@mail.ru

Балагурова Александра Вячеславовна, студент, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, balagurova.av@students.dvfu.ru

Балашов Александр Александрович, м. н. с., Курский государственный университет, НИИ археологии юго-востока Руси, Курск, 2012balashov@gmail.com

Белицкая Анастасия Леонидовна, м. н. с., Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми Научного центра Уральского отделения РАН, Сыктывкар, belitskaia522@yandex.ru

Белова Алина Вячеславовна, старший лаборант, Научный архив Института истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, alinabelovateooodo.com@yandex.ru

Болонин Илья Артёмович, студент, Новгородский государственный университет, Великий Новгород, ilya.bolonin@yandex.ru

Болотникова Мария Вячеславовна, студент, Национальный исследовательский университет «Высшая Школа Экономики», Москва, bolothikova@ya.ru

Букачёва Анастасия Олеговна, сотрудник, Историко-культурный заповедник «Аркаим», Челябинск, anastasia_26@list.ru

Бурьгин Максим Александрович, студент, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, burigin.maxim@yandex.ru

Валавин Николай Алексеевич, студент, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, nikolai.valavin@yandex.ru

Валеева Валентина Александровна, аспирант, Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, Казань, valushka.valeeva@mail.ru

Викулова Наталья Олеговна, м. н. с., Институт археологии РАН, Москва, natasha_vikulova@mail.ru

Вильданова Елена Владимировна, аспирант, Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, vildanovaelena@inbox.ru

Володин Семён Алексеевич, м. н. с., Институт археологии РАН, Москва, volodinsaimon@gmail.com

Галкин Тимур Олегович, к. и. н., в. н. с., Музей-заповедник Зарайский кремль, Зарайск, timurgalkin@gmail.com

Гончаров Серафим Анатольевич, студент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, goncharov.serafim@yandex.ru

Горлов Константин Вячеславович, н. с., Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, konstantinv.gorlov2018@yandex.ru

Городцова Юлия Николаевна, аспирант, Воронежский государственный университет, Воронеж, yuliya.gorodtsova@yandex.ru

Горшков Александр Дмитриевич, аспирант, Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Республика Беларусь, ales.harshkou.arch@gmail.com

Гусева Дарья Владимировна, студент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, darya.guse@mail.ru

Давыдов Роман Вячеславович, аспирант, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, ruer-vigo@mail.ru

Давыдова Татьяна Сергеевна, н. с., Муниципальное казенное учреждение культуры Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал», Нижний Тагил, tatianadavydova95@yandex.ru

Девяткина Екатерина Николаевна, зав. отделом охраны объектов культурного наследия, Автономное учреждение Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Центр охраны культурного наследия», Ханты-Мансийск, ninedev@mail.ru

Демаков Денис Александрович, аспирант, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, demakov-denis@mail.ru

Денисенко Валерия Леонтьевна, аспирант, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, valerialeontyevna@yandex.ru

Деревнина Алёна Сергеевна, студент, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, a.derevnina@g.nsu.ru

Дога Наталья Сергеевна, аспирант, Самарский социально-педагогический университет, Самара, natalidoga@yandex.com

Дрёмова Полина Сергеевна, лаборант, Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, pdremova8@gmail.com

Евсюков Сергей Владимирович, н. с., Анапский археологический музей-филиал ГБУК Краснодарского края «Краснодарский Государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына»; Краснодарский государственный институт культуры, Анапа, г. Краснодар, evsykov.ari@gmail.com

Ежова Елизавета Викторовна, студент, Башкирский государственный университет, Уфа, lizaveta.1912@yandex.ru

Жунисханов Айдын Сенгалиевич, докторант, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Республика Казахстан, aidyn.zhuniskhanov@nu.edu.kz

Зиганшина Анна Алексеевна, лаборант, Центр палеоискусства Института археологии РАН, Москва, ziganshina.anna.1961@gmail.com

Золотарев Дмитрий Павлович, аспирант, Иркутский государственный университет, НИЦ «Байкальский регион», Иркутск, dmitryzolotarev2012@yandex.ru

Иванов Ярослав Дмитриевич, студент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, yadivanov66@gmail.com

Игнатьев Юрий Иванович, студент, Самарский социально-педагогический университет, Самара, ignatev.yura.97@mail.ru

Ишегулов Айгиз Динарович, студент, Институт истории и государственного управления БашГУ, Уфа, ishegulov.a96@gmail.com

Каплан Полина Юрьевна, н. с., Институт археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, Казань, kapolinal5@gmail.com

Каширская Наталья Николаевна, к. б. н., с. н. с., ФГБУН Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения Российской академии наук, Пущино, nkashirskaya81@gmail.com

Керик Анна Дмитриевна, студент, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, a-kerik@mail.ru

Киреев Павел Сергеевич, н. с., Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник, Рязань, pazzlef@gmail.com

Кириченко Дмитрий Александрович, к. и. н., доц., в. н. с., Институт археологии, этнографии и антропологии Национальной академии наук Азербайджана, Баку, Азербайджан, dmakirichenko@mail.ru

Киселёва Алевтина Михайловна, м. н. с., Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург, aliakiseleva@mail.ru

Клемешова Марина Евгеньевна, м. н. с., Институт археологии РАН, Москва, marinaklem@mail.ru

Клименко Павел Геннадьевич, главный специалист, ГБУ «Волгоградский областной научно-производственный центр по охране памятников истории и культуры», Волгоград, serbia_1914@mail.ru

Козлов Дмитрий Александрович, аспирант, НИИГН при Правительстве Республики Мордовия, Саранск, demetriy87@gmail.com

Корнева Татьяна Владимировна, м. н. с., Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, kortania22@gmail.com

Кудашов Александр Сергеевич, аспирант, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, aleksandr.kudashov@gmail.com

Кузнецов Вадим Евгеньевич, студент, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, vadim_kuznetsov2000@mail.ru

Кузьмина Юлия Владимировна, м. н. с, студент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Музей Москвы, Москва, juliakuzminovamos@gmail.com

Кулаков Сергей Александрович, д. и. н., в. н. с., Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, kazvolg@yandex.ru

Кулькова Марианна Алексеевна, к. г.-м. н., доцент, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, kulkova@mail.ru

Куприянова Мария Дмитриевна, студент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, st072078@student.spbu.ru

Кухарева Екатерина Александровна, м. н. с., Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск, Республика Беларусь, kukharava.katsiaryna@gmail.com

Лада Антон Русланович, м. н. с., Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, antonesco1997@gmail.com

Ларенок Оксана Павловна, стажер-исследователь, аспирант, Институт истории и международных отношений Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, ksanalare@mail.ru

Ларенок Павел Анатольевич, член-корреспондент Германского института археологии, с. н. с., ООО «Южархеология», Ростов-на-Дону, ksenialarenok@gmail.com

Лебединцев Александр Иванович, к. и. н., в. н. с., Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт ДВО РАН, Магадан, lebedintsev@neisri.ru

Литвинова Мария Константиновна, студент, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, st067789@student.spbu.ru

Лурье Вера Михайловна, м. н. с., Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, verqa@list.ru

Любимов Никита Андреевич, студент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, m.lubimov01@yandex.ru

Мадреймов Берик Джалгасбаевич, докторант, Каракалпакский государственный университет им. Бераха, Нукус, Республика Узбекистан, bmadreymov@inbox.ru

Маковская Виктория Александровна, н. с., аспирант, Белорусский государственный музей народной архитектуры и быта; Белорусский государственный университет, Минск, makouskayav@gmail.com

Марченко Дарья Валерьевна, м. н. с., Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, dasha-smychagina@yandex.ru

Михиенко Валерия Алексеевна, м. н. с., Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, volnavvv@mail.ru

Моряхина Кристина Викторовна, к. и. н., доцент, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь, kmoqaxina@mail.ru

Му Цзиньшань, аспирант, Алтайский государственный университет, Барнаул, mujinshan@mail.ru

Мурзина Софья Робертовна, и. о. м. н. с., Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, murzinasr@gmail.com

Наджафов Шамиль Надир оглу, к. и. н., доцент, в. н. с., Институт археологии, этнографии и антропологии Национальной академии наук Азербайджана, Баку, Азербайджан, shamil_necsefov@mail.ru

Некраш Алина Анатольевна, студент, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, a.nekrash@g.nsu.ru

Новожилова Елена Николаевна, аспирант, Алтайский государственный университет, Барнаул, beskupin@yandex.ru

Окишев Данил Евгеньевич, студент, Удмуртский государственный университет, Ижевск, Okishevmarkovka@gmail.com

Пантелеева Татьяна Юрьевна, студент, Самарский социально-педагогический университет, Самара, panteleeva.tatyana.99@mail.ru

Паршуту Викентий Александрович, студент, Национальный исследовательский университет «Высшая Школа Экономики», Санкт-Петербург, vparshuto@mail.ru

Половников Иван Сергеевич, студент, Томский государственный университет, Томск, liz.kal1999@mail.ru

Пономаренко Анна Сергеевна, ведущий библиотекарь, Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, shkiperova.anyuta@yandex.ru

Попов Александр Сергеевич, аспирант, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, asya.samara@gmail.com

Потапова Анастасия Владимировна, м. н. с., ФГБУН Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения Российской академии наук, Пушкино, anastassiiia4272@gmail.com

Пугачева Екатерина Владимировна, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН, Санкт-Петербург, pugacheva.kari@yandex.ru

Пулотов Абдурахмон Гиёсиддинович, главный хранитель фонда, аспирант, Национальный музей древностей Таджикистан, Душанбе, Таджикистан, abdurahm.pulotov@mail.huji.ac.il

Ринейская Татьяна Сергеевна, лаборант, Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, mori.rin@mail.ru

Романова Людмила Васильевна, инженер кафедры истории и археологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, uoxaren@list.ru

Рыбин Евгений Павладьевич, д. и. н., с. н. с., Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Новосибирск, губер@yandex.ru

Рябчевский Николай Геннадьевич, м. н. с., Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, Брянск, NikkiGun@yandex.ru

Садриев Наиль Равилевич, м. н. с., Музей археологии Республики Татарстан, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН Республики Татарстан, Казань, nail.sad@mail.ru

Селецкий Максим Владимирович, м. н. с., Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Новосибирск, archmax95@gmail.com

Сироштан Иван Иванович, Институт археологии РАН, Москва, vansir91@mail.ru

Скулкин Дмитрий Растиславович, м. н. с., Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева, Йошкар-Ола, ponchik95d@gmail.com

Смердова Валерия Андреевна, студент, Удмуртский государственный университет, Ижевск, legasmerdova@mail.ru

Сомов Анатолий Владимирович, аспирант, лаборант, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, somov.anatoly@gmail.com

Стрельцов Михаил Александрович, м. н. с., Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, michaill1996@mail.ru

Стяжкина Ольга Викторовна, преподаватель, Алтайский государственный университет, Барнаул, styazhkina_olga91@mail.ru

Сычева Ольга Владимировна, м. н. с., Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, olusycheva@gmail.com

Тарасевич Виктория Николаевна, н. с., Национальный исторический музей Республики Беларусь, Минск, Республика Беларусь, tarasevichvika475@gmail.com

Толстых Дарья Сергеевна, м. н. с., аспирант, Институт археологии РАН, ГБУК ВО «Государственный археологический музей-заповедник «Костенки», Воронеж, г. Москва, tolstyh1796@mail.ru

Требелева Галина Викторовна, к. и. н., н. с., Институт археологии РАН, Москва, trgv@mail.ru

Третьяков Евгений Алексеевич, м. н. с., Тюменский государственный университет, Тюмень, gog-tom@mail.ru

Трубникова Варвара Борисовна, м. н. с., Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, barbarera@gmail.com

Туганова Дания Салаватовна, чертежник, Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, daniy.tuganova@mail.ru

Уланов Илья Викторович, м. н. с. Иркутский государственный университет, Иркутск, ussr-ilya@yandex.ru

Уланова Александра Владимировна, лаборант-исследователь, Иркутский государственный университет, Иркутск, verensk1987@gmail.com

Федан Павел Владимирович, н. с., Музей археологии Республики Татарстан, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН Республики Татарстан, Казань, pavel.fedan@mail.ru

Федорченко Александр Юрьевич, н. с., Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Новосибирск, winteralex2008@gmail.com

Ферапонтов Антон Ильич, студент, Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, ferapontov00@inbox.ru

Харитонов Роман Михайлович, инженер-исследователь, аспирант, Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, tengeri_ashina@list.ru

Хаценович Арина Михайловна, к. и. н., с. н. с., Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Новосибирск

Черных Анастасия Александровна, студент, Удмуртский государственный университет, Ижевск, anasteisha2028@mail.ru

Шибанова Дарья Алексеевна, студент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, d.shibanova@yandex.ru

Элмуродов Лутфулло Хайруллоевич, студент, Алтайский государственный университет, Барнаул, infolutfullo@gmail.com

Юрков Владлен Глебович, лаборант, Институт археологии РАН, Москва, vladlen.yurkov.v@mail.ru

Яковлева Евфимия Алексеевна, старший лаборант, студент, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, yakovleva-evfimiya@mail.ru

Яковлева Екатерина Сергеевна, м. н. с., Археологическая лаборатория Курганского государственного университета, Курган, lugsamildanah@yandex.ru

Список сокращений

- АГУ – Алтайский государственный университет
АН БССР – Академия наук Белорусской Советской Социалистической Республики
АН СССР – Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БашГУ – Башкирский государственный университет
БГПУ – Башкирский государственный педагогический университет
ВААЭ – Вестник археологии, антропологии и этнографии
ВГУ – Воронежский государственный университет
ВО – Воронежская область
ВОНПЦ – Волгоградский областной научно-производственный центр
ГБУ – Государственное бюджетное учреждение
ГБУК – Государственное бюджетное учреждение культуры
ГИМ – Государственный исторический музей
ГИС – Геоинформационные системы
ЗабГУ – Забайкальский государственный университет
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
ИГУ – Иркутский государственный университет
ИИАК – Известия Императорской Археологической комиссии
ИИГУ – Институт истории и государственного управления
ИМКУ – История материальной культуры Узбекистана
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИЭИ УФИЦ РАН – Институт этнологических исследований Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук
КГКП – Коммунальное государственное казенное предприятие
КГПИ – Куйбышевский государственный педагогический институт
Коми НЦ УрО РАН – Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук
КРС – крупный рогатый скот
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КФАН УзбССР – Каракалпакский филиал Академии наук Узбекской Советской Социалистической Республики
ЛОИА АН – Ленинградское отделение Института археологии Академии наук
МАБ – Материалы по археологии Беларуси
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МарНИИЯЛИ – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории

МАЭ ПГГПУ – Музей археологии и этнографии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета
МАЭ РАН – Музей археологии и этнографии Российской академии наук
МАЭ СГУ – Музей археологии и этнографии Саратовского государственного университета
МБУК – Муниципальное бюджетное учреждение культуры
МГПУ – Мордовский государственный педагогический университет
МГУ – Московский государственный университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МК РСФСР – Министерство культуры Российской Советской Федеративной Социалистической Республики
МПАЭ – Материалы Пенджикентской археологической экспедиции
МРС – мелкий рогатый скот
НА ИА РАН – Научный архив Института археологии Российской академии наук
НАН – Национальная академия наук
НАНА – Национальная академия наук Азербайджана
НГУ – Новосибирский государственный университет
НИИГН – Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
НИИЯЛИЭ – Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и этнографии
НИР – научно-исследовательские работы
НИЦИА – научно-исследовательский центр истории и археологии
НовГУ – Новгородский государственный университет
ОКН – объект культурного наследия
ПГГПУ – Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
ПГНИУ – Пермский государственный национальный исследовательский университет
РА – Российская археология
РАН – Российская академия наук
РГПУ – Российский государственный педагогический университет
РМ – Республика Мордовия
РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований
СА – Советская Археология
СГПУ – Самарский государственный педагогический университет
СГСГУ – Самарский государственный социально-педагогический университет
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
ТГУ – Томский государственный университет
Тр. ХАЭЭ – Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
УИВ – Уральский исторический вестник
ФГБОУ ВПО «ЛГПУ» – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Липецкий государственный университет»

ФНИ ГАН – Фундаментальные научные исследования государственных академий наук

ЦИК СССР – Центральный исполнительный комитет Союза Советских Социалистических Республик

ЦНА НАН – Центральный научный архив Национальной академии наук

Технический редактор С. Л. Соловьев
Корректор А. О. Поликарпова

Подписано в печать 10.12.2021 г.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 21.88.
Тираж 300 экз. Заказ № .

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Невская Типография»
195030, Санкт-Петербург, ул. Коммуны, д. 67 лит. БМ.
Тел. +7(812) 380-79-50
E-mail: spbcolor@mail.ru